

ЛѢВЫЙ ФЛАНГЪ КАЗКАЗСКОЙ ЛИНІИ ВЪ 1848 ГОДУ.

I.

Лѣвый флангъ казказской линіи. Составныя его части: терская и сунженская линіи и кумыкское владѣніе. Самое выдающееся событіе на лѣвомъ флангѣ казказской линіи въ 1848-мъ году. Когда и какъ начали готовиться къ нему. Составъ чеченскаго отряда въ зимнюю экспедицію 1847—48-го года. Лагерь на Гойтѣ. Первый періодъ зимней экспедиціи. Опять на Гойтѣ. Второй періодъ зимней экспедиціи 1847—48-го г. Сабдулла ссорится съ курпичами. Торжественная клятва найба. Удачная диверсія. Сабдулла вымещаетъ свое разочарованіе на кабардинцахъ. Табельный день на берегахъ Гойты. Истребленіе лѣсовъ между Гойтою и Урусъ-Мартаномъ. Князь Барятинскій въ аулѣ Багочарой. Движеніе полковника Форстена вверхъ по правому берегу Гойты. Конецъ втораго періода. Военныя происшествія на лѣвомъ флангѣ казказской линіи въ концѣ 1847-го года.

Вся система кордоновъ, укрѣпленій, постовъ и блокаузовъ, обращенныхъ къ большой и малой Чечнѣ, составляла въ предпослѣдній періодъ войны, т. е. въ сороковыхъ годахъ, лѣвый флангъ казказской линіи. Началомъ послѣдняго періода, началомъ конца можно считать отчаянную рекогносцировку князя Барятинскаго въ зимнюю экспедицію 1852-го года, рекогносцировку, приподнявшую завѣсу, за которой такъ долго скрывались отъ насъ таинственныя трущобы большой Чечни.

Въ составъ лѣваго фланга казказской линіи входили: терская и сунженская линіи и кумыкское владѣніе. Терская линія начинается отъ Екатеринограда, отъ того мѣста, гдѣ рѣка Терекъ, дѣлая крутой поворотъ съ юга на во-

стокъ, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Малку. Воды этихъ двухъ рѣкъ, даже и послѣ окончательнаго сліянія, продолжаютъ сохранять на нѣкоторомъ протяженіи каждая свой цвѣтъ: одна голубоватый, другая желтоватый. Терская линія, составляя сѣверную границу лѣваго фланга кавказской линіи, оканчивается устьемъ рѣки, слѣдовательно упирается восточнымъ краемъ въ Каспійское море.

Въ Екатериноградѣ, крайнемъ западномъ пунктѣ терской линіи, бывшемъ когда-то столицей линейнаго казачьяго войска, до сихъ поръ еще сохранилась воздвигнутая въ честь основательницы его, Императрицы Екатерины II, триумфальная арка, обратившаяся въ недвижимую собственность летучихъ мышей, подобно развалинамъ прирейнскихъ замковъ.

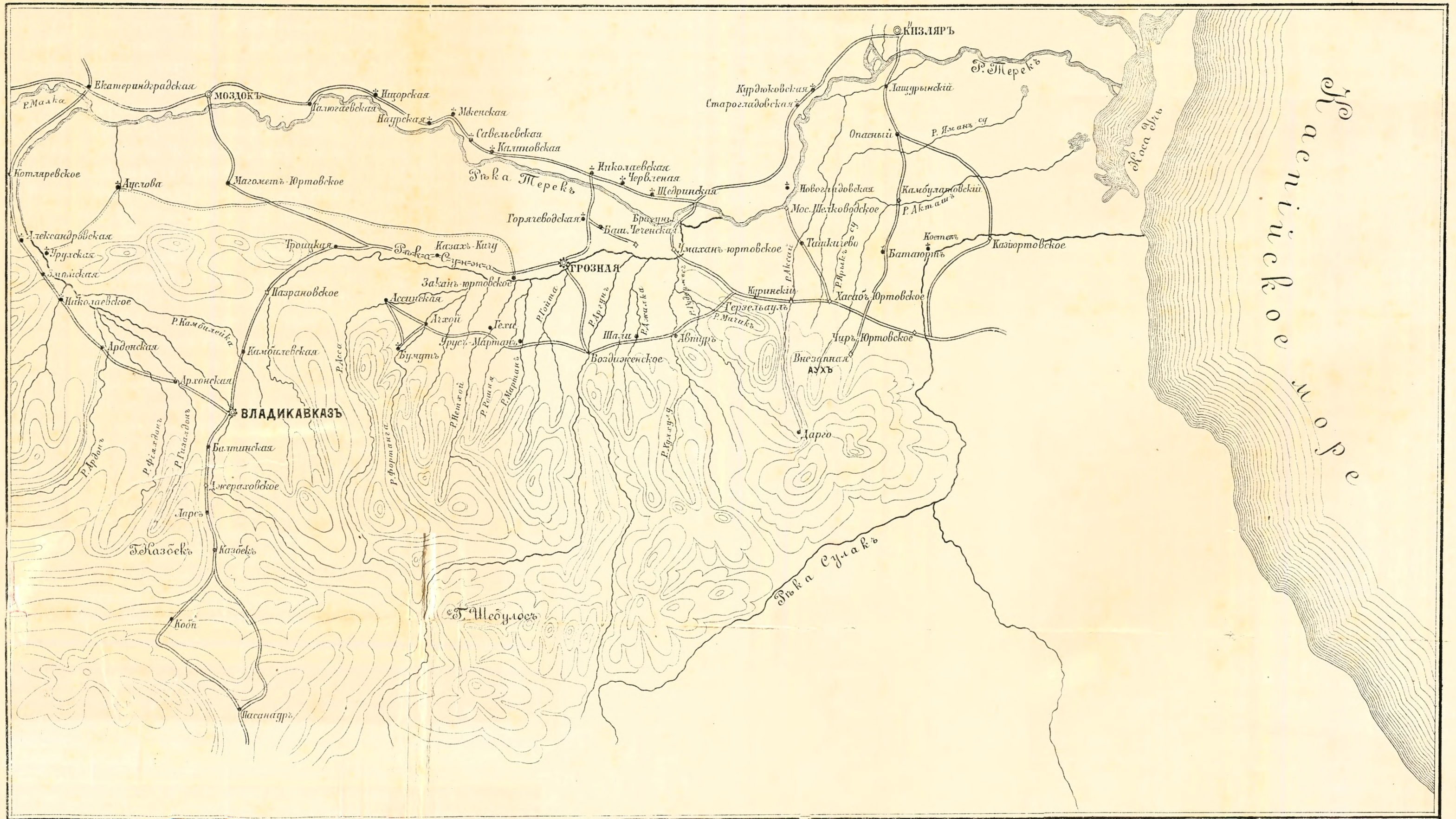
Къ востоку отъ Екатеринограда тянутся длинной вереницей по всему лѣвому берегу Терека до самаго Кизляра богатая станицы моздокскаго, гребенскаго и кизлярскаго казачьихъ полковъ, съ двумя городами: Моздокъ на западѣ, съ двадцати-двухтысячнымъ населеніемъ, состоящимъ изъ армянъ, осетинъ крещеныхъ и некрещеныхъ, русскихъ и ногайцевъ, и Кизляромъ на востокѣ, славящимся своими виноградными садами, превосходными винами и злокачественными лихорадками, производящими такія опустошенія въ рядахъ его населенія, какъ будто оно каждое лѣто принимаетъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между станицами, на близкомъ другъ отъ друга разстояніи, въ небольшихъ турлучныхъ оградахъ, содержатся казачьи посты; на вышкахъ, надъ каждымъ постомъ, устройствомъ своимъ напоминающихъ не то скворечницу, не то голубятню, стоятъ часовые, глаза которыхъ почти не отрываются отъ Терека. Ночью посты высылаютъ отъ себя къ самому берегу рѣки, преимущественно къ бродамъ, а иногда и на противоположный берегъ, залогомъ или секретомъ, въ которыхъ человекъ своею неподвижностью уподобляется кошкѣ, стерегущей мышъ.

ЛѢВЫЙ ФЛАНГЪ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ.

с. Пасишабъ

въ англійскомъ дюймѣ 20 верстъ

20 40 60 80

На правомъ берегу Терека заслуживаютъ упоминанія: противъ Червленной станицы Новый-Юртъ, аулъ, основанный кабардинскими выходцами болѣе ста лѣтъ тому назадъ, съ населеніемъ смѣшаннымъ, состоящимъ изъ кабардинцевъ, чеченцевъ и кумыковъ; противъ Щедринской станицы—Брагуны, на лѣвомъ берегу Сунжи, тамъ, гдѣ эта рѣка очень близко подходитъ къ Тереку, образуя съ нимъ острый уголъ; наконецъ, Амир-аджи-юртъ—между Щедринской и Шелковой; здѣсь черезъ Терекъ перекинутъ мостъ съ тетъ-де-пономъ впереди. Другой мостъ черезъ Терекъ, николаевскій, подлѣ станицы того же имени, западнѣе Червленной, находится на прямомъ сообщеніи терской линіи съ Чечней.

Терская линія замыкаетъ собою фронтъ лѣваго фланга кавказской линіи. Ее можно сравнить съ третьей шеренгой стариннаго строя.

Сунжа на сѣверѣ лѣваго фланга кавказской линіи составляетъ вторую оборонительную линію, обращенную фронтомъ къ большой и малой Чечнѣ: къ большой отъ устья Гудермеса до праваго берега Гойты, къ малой—отъ лѣваго берега Гойты до Казахъ-Кичу. Основаніе сунженской линіи положено на другой годъ возстанія Чечни, въ 1841-мъ; къ 1848-му году на ней было четыре крѣпости:

Умаханъ-юртъ, съ двумя аулами: Умаханъ и Аласханъ-юртами, которые начали заселяться съ 1841-го года. Сама крѣпость—крайній восточный стратегическій пунктъ сунженской линіи, построена въ 1837-мъ, году при впаденіи Гудермеса въ Сунжу. Къ сѣверо-сѣверо-востоку отъ Умаханъ-юрта находится старый большой аулъ Брагуны, съ знаменитымъ брагунскимъ лѣсомъ, основанный болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ крымскими переселенцами татарами. Терекъ и Сунжа такъ близко сходятся въ этомъ мѣстѣ, что между Брагунами на Сунжѣ и станицей Щедринской на Терекѣ разстоянія менѣе двухъ верстъ. Близостью Сунжи и брагу-

скаго лѣса объясняются частыя тревоги на щедринскомъ кордонѣ.

Крѣпость Грозная, съ тремя аулами: Янги, Кули и Сорочанъ-юртами и четвертымъ Старосунженскимъ, въ пяти или шести верстахъ ниже ея, построена Ермоловымъ въ 1818-мъ году на противъ восточной оконечности сунженскаго хребта, къ западу отъ нея и въ семи верстахъ отъ ханкальскаго ущелья къ югу.

Въ Умаханъ-юртѣ черезъ Сунжу переправляются на паромѣ; въ Грозной черезъ нее перекинутъ мостъ.

Заканъ-юртѣ—противъ устья Ассы и Казахъ-Кичу, верстахъ въ сорока къ западу отъ Умаханъ-юрта, существуетъ съ 1841-го года.

Разстояніе между Терекомъ и Сунжею, сначала до того значительное, что рѣки эти могутъ быть приняты за совершенно самостоятельныя, быстро затѣмъ начинаетъ уменьшаться—отъ Николаевской станицы съ одной стороны, отъ Старосунженскаго аула съ другой; Терекъ поворачиваетъ къ юго-востоку, Сунжа къ сѣверо-востоку; отъ Щедринской станицы, точно чувствуя приближеніе Сунжи, Терекъ прямо идетъ къ ней на встрѣчу, а Сунжа, въ двухъ съ половиною или въ трехъ верстахъ къ востоку отъ аула Брагуны, всѣ воды, собранныя ею въ большой и малой Чечнѣ, сдаетъ Тереку, который несетъ ихъ по принадлежности къ Каспійскому морю, куда впадаетъ нѣсколькими рукавами.

Пространство между Терекомъ и Сунжею, нѣкогда заселенное чеченцами, съ того мѣста, гдѣ эти рѣки вступаютъ въ районъ лѣваго фланга кавказской линіи, представляетъ поверхность гористую, изрѣзанную оврагами, отчасти покрытую лѣсами, но безводную. Здѣсь проходятъ два почти параллельныхъ хребта: одинъ, извѣстный подъ именемъ кабардинскихъ горъ, между рѣками Урұхомъ и Ардономъ принимаетъ названіе сунженскаго хребта у лѣваго берега Сунжи, которую онъ провожаетъ до Грозной; здѣсь онъ обрывается

почти отвѣснымъ мысомъ; другой, сѣвернѣе перваго, южнѣе праваго берега Терека, терскій или надтеречный, заходитъ въ узкое пространство между обѣими рѣками, поворачиваетъ на югъ, на встрѣчу качкалыковскому хребту, но, уступая дорогу Сунжѣ, вѣдуть останавливается.

Между сунженскимъ и надтеречнымъ хребтами проходитъ широкая долина Алханъ-Чуртъ, замѣчательная своимъ плодородіемъ; не смотря на то, что здѣсь нѣтъ воды, она покрыта на всемъ своемъ стоверстномъ протяженіи богатыми луговыми пространствами и пахатными мѣстами. По мѣрѣ приближенія къ Грозной, долина эта постепенно расширяется и переходитъ въ волнистую равнину, по которой бѣжитъ Нефтянка, единственный, сколько нибудь замѣчательный лѣвый притокъ Сунжи. За то, съ правой стороны эта послѣдняя принимаетъ въ себя всѣ рѣки, оплодотворяющія большую и малую Чечню, и между ними самое видное мѣсто занимаетъ Аргунъ, не только по своему протяженію и обилію водъ, но и въ историческомъ отношеніи, такъ какъ у верховьевъ этой рѣки преданіе помѣстило колыбель чеченскаго народа. На половинѣ разстоянія между устьемъ Аргуна и его ущельемъ сохранились слѣды аула Чеченъ; именемъ этого аула, сначала казаки, а за ними и вся Россія, окрестили цѣлый народъ. И такъ, у истока Аргуна—колыбель, а недалеко отъ его устья—купель чеченскаго народа.

До возстанія Чечни, не смотря на то, что пространство между Терекомъ и Сунжею заселено было чеченцами, сообщенія между Грозной и Владикавказомъ были настолько безопасны, что экипажи, слѣдовавшіе по дорогѣ вдоль Сунжи, почти не нуждались въ прикрытіи. Послѣ возстанія, баталіона съ двумя орудіями едва было достаточно для конвоирования транспортовъ и оказій.

Въ кавказской войнѣ, гдѣ крупныя событія перемежались мелкими хищническими набѣгами и непрерывными тревогами,

переправы черезъ рѣки играли очень видную роль. На Терекѣ ихъ было шесть: противъ Моздока, противъ станицъ: Ищорской, Наурской, Николаевской, Щедринской и противъ Амиръ-аджи-юрта. Здѣсь, въ этихъ шести пунктахъ, привычные горцы безопасно могли переправляться вплавь на своихъ привычныхъ лошадяхъ; но, чѣмъ меньше опасности представлялось для нихъ со стороны природы, тѣмъ большей опасности подвергались они со стороны человѣка. Оставались еще броды; но постоянныхъ бродовъ въ горныхъ потокахъ не только Кавказа, но и всякой другой альпійской страны, никогда почти не бываетъ: быстрымъ теченіемъ воды переносятся съ мѣста на мѣсто большія массы ила, песку и камней, и дно рѣки постоянно мѣняется. Что касается до Сунжи, то глинистый грунтъ ея крутыхъ береговъ и быстрое теченіе дѣлаютъ переправы черезъ нее не только затруднительными, но и опасными во всякое время года, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Дороги, по которымъ двигались наши войска отъ одного пункта лѣваго фланга до другаго, ничѣмъ не отличались отъ всякой другой, обыкновенной, т. е. не шоссированной дороги: грязныя въ мокрую погоду, пыльныя въ сухую. Несравненно большій интересъ представило бы описаніе дорогъ, по которымъ пробирались къ намъ и уходили отъ насъ хищники, еслибы такое описаніе могло быть сдѣлано. Къ несчастью, еще не родился тотъ топографъ, который бы взялся наносить ихъ на планы. Хищники появлялись иногда въ такихъ мѣстахъ, куда легче, кажется, пробраться между небой и землей, нежели по поверхности земли, и въ такихъ случаяхъ замыслы ихъ удавались; но по слѣдамъ своимъ они не всегда могли возвращаться, стѣсняемые добычей, и попадались нашимъ разъѣздамъ или секретамъ. Бывали примѣры, что они отважно выбирали для своихъ набѣговъ большія дороги мимо людныхъ селеній и даже крѣпостей, и обыкновенные часы дня; —

ихъ пропускали, принимая за мирныхъ жителей. Такіе смѣлые фарсы были во вкусѣ Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы. Последний, кадій тилитлинскій, старшина нѣсколькихъ обществъ, жившихъ по правому берегу аварскаго Койсу, человѣкъ ученый, всѣми уважаемый, былъ тайнымъ врагомъ гяуровъ и только въ 1840-мъ году, по призыву имама, сбросилъ съ себя маску и открыто вступилъ въ ряды его клеветовъ и горячихъ приверженцевъ. По своему уму, познаніямъ и предпріимчивости, онъ былъ драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ для Шамиля.

Третьей передовой линіи противъ малой Чечни, можно сказать, не существовало до назначенія князя Воронцова главнокомандующимъ. За годъ до его прибытія, въ 1844-мъ году, противъ аргунскаго ущелья заложена была крѣпость Воздвиженская; при немъ, въ 1847-мъ году, на рѣкѣ Фортанѣ, правомъ притокѣ Ассы, возведено было Ачхоевское укрѣпленіе. Но между Аргуномъ и Фортангой разстояніе не менѣе, если не болѣе сорока верстъ, а такое разстояніе только въ геометріи могло назваться линіей, какъ и всякое разстояніе между двумя точками; въ смыслѣ же стратегическомъ, для того, чтобы она имѣла право на это названіе и соотвѣтствовала своему прямому назначенію — наблюдать и охранять, нужна была по крайней мѣрѣ еще одна, третья точка. Вотъ эту-то точку и намѣтилъ старый, опытный сардаръ на берегахъ Урусъ-Мартана, отстоящаго отъ Аргуна на пятнадцать и отъ Фортанги на двадцать шесть или семь верстъ. Выборъ этого пункта, почти въ два раза ближайшаго къ Аргуну, нежели къ Фортанѣ, оправдывается сколько топографическими условіями мѣстности, столько же и положеніемъ Воздвиженской на прямомъ сообщеніи съ линіей, откуда доставлялись боевые и продовольственные запасы для дѣйствующихъ отрядовъ. Мѣстность между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ, будучи покрыта сплошными вѣковыми лѣсами, представляла гораздо больше опасностей для нашихъ ко-

лоннѣ, нежели по ту сторону Урусъ-Мартана, т. е. къ западу отъ этой рѣки, гдѣ лѣса чередовались съ широкими полянами и прогалинами. Окрестности Урусъ-Мартана, включая сюда и верховья сосѣдней съ ней Гехи, имѣли гораздо болѣе плотное населеніе, нежели окрестности рѣкъ, ближайшихъ къ истинному центру проектируемой линіи. Наконецъ, въ самыя суровыя зимы вода въ Урусъ-Мартанѣ не вымерзала, чего нельзя сказать о рѣкахъ, имѣвшихъ болѣе центральное положеніе. И вотъ почему кн. Воронцовъ избралъ Урусъ-Мартанъ для заложенія на ней третьей крѣпости, которою должна была завершиться чеченская передовая линія. Между Арчуномъ и Фортангою, съ востока на западъ, отъ Воздвиженской къ Ачхою, пересѣкая всѣ рѣки малой Чечни, обгущія съ юга на сѣверъ, проходитъ дорога, извѣстная у чеченцевъ подъ именемъ большой русской дороги.

Кромѣ пространствъ, лежащихъ между терскою и сунженскою линіями и между этой послѣдней и большой русской дорогой, въ составъ лѣваго фланга кавказской линіи входила обширная область, такъ называемое кумыкское владѣніе. Предѣломъ этой области на сѣверѣ служить Терекъ до впаденія своего нѣсколькими рукавами въ море; на востокѣ граница идетъ сначала вдоль устьяннаго болотами и озерами Аграханскаго залива, затѣмъ пустыннымъ берегомъ Каспія, идущимъ здѣсь почти въ вертикальномъ направленіи по отношенію къ экватору до устья Сулака. Граница эта, какъ она ни безлюдна, какъ ни печальна и негостепріимна, украшена историческимъ воспоминаніемъ: на югѣ длинной косы полуострова Учъ, замыкающей Аграханскій заливъ со стороны открытаго моря, въ 1772-мъ году стоялъ укрѣпленный лагерь Петра Великаго, во время знаменитаго похода его къ Дербенту. Отъ устья Сулака, вверхъ по теченію этой рѣки, съ востока на западъ, проходитъ южная граница кумыккаго владѣнія: отъ аула Костека, вмѣстѣ съ рѣкой, она поворачиваетъ на

югъ, почти совпадая съ меридіаномъ, южнѣе переправы черезъ Сулакъ разстается съ этой рѣкой и поворачиваетъ на западъ мимо сѣверныхъ предѣловъ Салатавіи, мимо отроговъ и ущелій гористаго Ауха до покрытаго лѣсомъ качкалык-скаго хребта—крайняго сѣвернаго отрога андійскихъ горъ, отдѣляющаго кумыкскую плоскость отъ большой Чечни. Здѣсь южная граница постепенно принимаетъ сѣверо-западное направление и у сѣверной оконечности хребта переходитъ въ западную границу, идущую вдоль Гудермеса, низовья Сунжи, по правому берегу Терека, мимо Амиръ-аджи-юрта, станицъ: Шелковой, Новогладовской, Старогладовской, Курдюковской до окончательнаго поворота рѣки къ морю, откуда, т. е. отъ поворота, начинается сѣверная граница. Къ сѣверо-западу отъ Кази-юрта, охраняющаго переправу черезъ Сулакъ, т. е. почти отъ половины разстоянія между устьемъ этой рѣки и ауломъ Костекъ, на Кизляръ идетъ дорога, соединяющая двѣ главныя водныя артеріи этой окраины—Сулакъ и Терекъ. Дорога эта тѣмъ замѣчательна, что она дѣлитъ кумыкское владѣніе на двѣ части—юго-западную и сѣверо-восточную, которыя рѣзко отличаются одна отъ другой: на первой изъ нихъ, кумыкской плоскости, сидятъ аулы мирныхъ кумыковъ; по второй разбросаны кочевья ногайцевъ. Черезъ кумыкскую плоскость къ ногайскимъ кочевьямъ направляются рѣки, которыя всѣ берутъ начало въ горахъ Ауха и смежной съ нимъ Ичкеріи. Изъ нихъ Акташъ на востокъ, составляющій пограничную черту Салатавіи—последней территоріи лезгинъ на западѣ, и Ауха, которымъ начинается Чечня со стороны Дагестана. Акташъ бѣжитъ сначала въ крутыхъ, скалистыхъ берегахъ, съ шумомъ проносится черезъ знаменитый корагачинскій лѣсъ, вступивъ на плоскость, течетъ параллельно Сулаку. подобно ему поворачиваетъ къ морю, но, не доходя до него, пропадаетъ въ болотѣ.

Западнѣе Акташа выходитъ изъ Ауха Ярыксу; въ го-

рахъ и по кумыкской плоскости до Хасавъ-Юрта течетъ въ высокихъ и крутыхъ берегахъ, отъ Хасавъ-Юрта по ровной и открытой мѣстности; также направляется къ морю и также, не доходя до него, теряется въ болотахъ.

За Ярыксу слѣдуетъ Ямансу. Въ высокихъ, почти отвѣсныхъ берегахъ несетъ она свои свѣтлыя воды по каменистому ложу со многими порогами къ Аксаю, но вмѣсто Аксая встрѣчаетъ болота, которыми и поглощаются ея прозрачныя струи.

Послѣдняя на западѣ рѣка, Аксай, начинается у сѣвернаго склона андійскаго хребта тремя истоками, которые, сливаясь въ одно русло ниже Дарго, образуютъ самостоятельную рѣку. Аксай выходитъ изъ Ичкеріи, захватываетъ Аухъ, течетъ съ юга на сѣверъ подобно предыдущимъ рѣкамъ, около Тапшъ-Кичу поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, пересекаетъ кизлярско-кази-юртовскій трактъ у Магоматова моста и дѣлитъ ногайскія степи на двѣ половины: на сѣверную, въ которой кочуютъ аксаевскіе ногайцы, и южную, занятую кочевьями костековскихъ ногайцевъ. Аксай цѣлою вереницею болотъ и озеръ направляется къ Каспійскому морю, очень близко подходитъ къ нему, но до него не доходитъ. Ни одной изъ рѣкъ кумыкской плоскости не суждено видѣть море; всѣ онѣ буйно и гордо начинаютъ, смиряются въ среднемъ теченіи и вовсе перестаютъ быть рѣками къ низовьямъ.

И вотъ почему восточная граница кумыкскаго владѣнія такъ печальна, такъ непривлекательна и безлюдна: болота, трясины, топкіе луга, обрывки рѣкъ, ручьи безъ начала и конца, болотистыя озера, и между ними камыши, высокіе, сплошные, безконечные камыши, а надъ всѣмъ этимъ, подобно ключьямъ разорваннаго вѣтромъ тумана, міриады мошекъ.

Горе тому, кто въ знойный лѣтній день, прельстившись предательскимъ видомъ подобнаго ручья, задумаетъ погрузиться въ его прозрачныя струи: ноги его не достанутъ дна, ко-

торое казалось такъ близко, онъ весь уйдетъ въ неизвѣданную глубину, и никогда трупъ его не всплыветъ на поверхность.

Ногайскія степи охранялись длинною цѣпью казачьихъ постовъ, разставленныхъ по всему тракту отъ Кизляра до Кази-юрта. Три главныхъ поста: Камбулатовскій, Магоматовъ мостъ и Лашуринскій служили этапами оказіямъ, поддерживавшимъ сообщенія между Сулакомъ и Терекомъ, между Дагестаномъ и линіей.

Оборона кумыкской плоскости вѣрена была двумъ линіямъ крѣпостей: передовой, на южной оконечности которой, противъ Салатавіи и Ауха, на Акташѣ, стояла Внезапная; на сѣверѣ—Умаханъ-юртъ, при впаденіи Гудермеса въ Сунжу; къ юго-востоку отъ него—Куринское (Ойсунгуръ)—на качкалыковскомъ хребтѣ; эти двѣ послѣднія наблюдали за большой Чечней. Къ востоку отъ Куринскаго, на Аксаѣ, противъ Ичкеріи и Ауха—историческій Герзель-ауль, съ именемъ котораго связаны воспоминанія о самыхъ выдающихся военныхъ событіяхъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. С скромные размѣры его далеко не соотвѣтствуютъ громкой извѣстности. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ собою маленькаго, тихаго, затеряннаго въ толпѣ человѣка, имя котораго гремитъ на всѣхъ окраинахъ цивилизованнаго міра.

Вторую боевую оборонительную линію составляли также четыре крѣпости: на правомъ флангѣ—Амиръ-аджи-юртъ, у переправы черезъ Терекъ, на лѣвомъ—Хасавъ-юртъ, штабъ-квартира кабардинскаго егерскаго полка, на Ярыксу; между ними: Ташъ-Кичу на Аксаѣ и Баташъ-юртъ на Ямансу.

Влѣво отъ дороги, идущей отъ плывучаго моста на Сулакѣ къ Хасавъ-юрту, стояла чипчаковская башня; дорогу изъ Внезапной въ Хасавъ-юртъ пересѣкала знаменитая въ лѣтописяхъ военныхъ происшествій „воровская балка“.

Между аулами кумыкской плоскости, чаще другихъ под-

вергавшимися хищническимъ нападеніямъ горцевъ, едва ли не первое мѣсто занимаетъ Индрэ-ауль на Акташѣ, подлѣ Внезапной, переименованный русскими въ Андрееву деревню (индрэ—порусски молотильный токъ); за нимъ слѣдуютъ: Умаханъ-юртъ и Аласханъ-юртъ на Сунжѣ, Баташъ-юртъ и Османъ-юртъ на Ямансу, Темиръ-ауль и Костекъ на лѣвомъ берегу Сулака, Байрамъ-ауль по дорогѣ отъ Хасавъ-юрта къ аулу Костекъ.

Цѣлью кавказской войны было покореніе края. Самою важною ступенью на пути къ достиженію этой цѣли всегда считалось заложеніе крѣпости. Это—шагъ солидный, капитальный и безповоротный. Разъ, что мы ступили впередъ, избрали пунктъ и укрѣпили его—онъ нашъ на вѣчныя времена. Если мы подвинулись впередъ, то конечно не съ тѣмъ, чтобы рано или поздно опять отодвинуться назадъ; напротивъ, съ тѣмъ, чтобы подвигаться все дальше и дальше. Бываютъ предпріятія, въ которыхъ нельзя останавливаться и страшно отступать; къ числу такихъ предпріятій принадлежитъ и кавказская война. Набѣги и рекогносцировки были только подготовительными и вспомогательными операціями; капитальною всегда было заложеніе крѣпости. Вотъ почему, какимъ бы обиліемъ и разнообразіемъ военныхъ событій не отличался 1848-й годъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, особенную рельефность придаетъ ему и дѣлаетъ его одною изъ перво-классныхъ станцій на пути покоренія Кавказа появленіе новой русской крѣпости въ малой Чечнѣ. Безъ этой крѣпости на берегахъ Урусъ-Мартана, чеченская передовая линія была бы слишкомъ растянута и бѣдна обсерваціонными пунктами, такъ какъ ни въ Ачхоѣ, ни въ Воздвиженской никогда нельзя было знать, что дѣлается на плоскости малой Чечни. Экспедиціи, предпринимаемой съ цѣлью заложенія крѣпости, должна неминуемо предшествовать другая, подготовительная, на такой закрытой и пересѣченной мѣстности, какою пред-

ставлялись ближнія и дальнія окрестности рѣки Урусъ-Мартана. Прежде нежели строить крѣпость, нужно обнажить и расчистить мѣстность вокругъ намѣченнаго пункта, нужно обезпечить ему сообщенія съ сосѣдними крѣпостями, слѣдовательно прорубить въ лѣсахъ широкія просѣки, по меньшей мѣрѣ на пушечный выстрѣлъ по обѣ стороны дороги, и на такомъ же разстояніи противъ всѣхъ фасовъ проектируемаго укрѣпленія; тогда только оно будетъ имѣть возможность дѣйствовать и наблюдать во всѣ стороны, не подвергаясь ежеминутнымъ тревогамъ и опасности быть застигнутымъ врасплохъ нечаяннымъ нападеніемъ.

Задача подобныхъ дополнительныхъ или подготовительныхъ экспедицій, съ возможно меньшими потерями и неудобствами, могла быть осуществляема только въ зимніе мѣсяцы, когда лѣса стоятъ обнаженные, переправы черезъ рѣки не представляютъ никакихъ затрудненій, воздухъ чистъ и прозраченъ, и здоровье войскъ, при ровной, постоянной, хотя и низкой зимней температурѣ, не смотря на усиленные труды, подвергается гораздо меньше случайностямъ, нежели во всякое другое время года, подъ знойнымъ и переменчивымъ небомъ Кавказа. Зима на Кавказѣ, мягкая или суровая, снѣжная или безснѣжная, за весьма немногими исключеніями, начинается во второй половинѣ или въ концѣ ноября, когда послѣдніе листья съ деревьевъ опадаютъ и послѣдніе туманы расходятся. Около этого же времени раздаются обыкновенно первые выстрѣлы зимнихъ экспедицій, прекращающихся съ наступленіемъ оттепелей.

И такъ, по отношенію къ военнымъ дѣйствіямъ, новый годъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи начинался не 1-го января, а мѣсяцемъ, иногда и двумя ранѣе, и зимнія экспедиціи, подобно академическому году, носили всегда названіе двухъ годовъ; такъ, военныя дѣйствія чеченскаго отряда, предшествовавшія возведенію крѣпости на Урусъ-Мартанѣ и

происходившія въ концѣ 1847-го и въ началѣ 1848-го года, будутъ извѣстны въ исторіи кавказской войны подъ именемъ зимней экспедиціи 1847—48-го года.

Она началась рано, эта экспедиція. По распоряженію начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генераль-лейтенанта Фрейтага, къ 16-му ноябрю въ крѣпость Грозную стянуты были войска, которыя должны были войти въ составъ чеченскаго отряда: изъ владикавказскаго военнаго округа прибыли пять баталіоновъ пѣхоты съ четырьмя орудіями, съ кумыкской плоскости одинъ баталіонъ съ восемью орудіями и двѣсти пятьдесятъ казаковъ. Къ этимъ войскамъ присоединены были еще двѣ роты егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка (т. е. куринскаго), сто казаковъ донскаго № 39-го полка и два орудія подвижной гарнизонной артиллеріи № 2-го роты.

Въ 9 часовъ утра, 17-го ноября, отрядъ выступилъ изъ Грозной въ крѣпость Воздвиженскую. Въ ноябрѣ мѣсяцъ сумерки наступаютъ рано. Прежде нежели колонна успѣла прибыть на мѣсто, сдѣлалось совершенно темно; пользуясь этимъ, къ арріергарду подъѣхала небольшая партія чеченцевъ и залпомъ изъ нѣсколькихъ ружей ранила одного рядоваго тенгинскаго пѣхотнаго полка. До Воздвиженской оставалось въ то время не болѣе трехъ верстъ.

Жители большой и малой Чечни, слѣдившіе за передвиженіями нашихъ войскъ и догадывавшіеся о приготовленіяхъ къ зимней экспедиціи, наученные горькимъ опытомъ пропыхъ лѣтъ, заранѣе начали перевозить свое имущество и запасы въ трудно доступныя мѣста.

Войска, прибывшія изъ Грозной, усилены были въ крѣпости Воздвиженской шестью ротами куринскаго егерскаго князя Воронцова полка, двумя орудіями донской № 3-го батареи и ста казаками донскаго № 39-го полка.

Въ 10 часовъ утра, 18-го ноября, отслуженъ былъ мо-

лебенъ, и отрядъ въ слѣдующемъ составѣ выступилъ изъ крѣпости Воздвиженской:

2-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны тенгинскаго пѣхотнаго полка, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны навагинскаго пѣхотнаго полка, 2-й баталіонъ кабардинскаго егерскаго князя Чернышева полка, двѣ роты 1-го и двѣ роты 5-го баталіоновъ того же полка, донскаго казачьяго № 39-го полка двѣсти человѣкъ, моздокскаго и гребенскаго казачьихъ полковъ 250 человѣкъ, чеченской милиціи шестьдесятъ восемь всадниковъ, взводъ донской № 3-го батареи, дивизіонъ линейной казачьей № 15-го батареи, дивизіонъ батарейной № 3-го батареи 20-й артилерійской бригады, дивизіонъ легкой № 4-го батареи 20-й артилерійской бригады, взводъ подвижной гарнизонной артилеріи № 2-го роты, мортирная батарея изъ четырехъ мѣдныхъ мортиръ, пѣшая команда съ боевыми ракетами. Всего, въ составѣ чеченскаго отряда, подъ командой начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Фрейтата, было: пѣхоты 9-ть баталіоновъ, кавалеріи, включая чеченскую милицію, 518-ть человѣкъ, артилеріи 16-ть орудій, четыре мѣдныхъ мортиры, пѣшая команда съ боевыми ракетами.

При отрядѣ слѣдовало, для поднятія запаснаго артилерійскаго парка, инженернаго инструмента, сухарей и овса, сто тридцать повозокъ коннаго транспорта лѣваго фланга.

Когда отрядъ вступилъ на гойтенскую просѣку, на самой Гойтѣ показались незначительныя партіи пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ, которыя тотчасъ же скрылись въ лѣсъ. Черезъ Гойту безпрепятственно наведены были два подвижныхъ моста, послѣ чего, также безъ сопротивленія со стороны непріятели, занята была Черная поляна—такъ называлось пространство въ шесть верстъ длины по обѣ стороны большой русской дороги, отъ Гойты до Урусъ-Мартана—и войска расположились лагеремъ по обѣ стороны рѣки (Гойты). Ко-

мандиръ егерскаго князя Воронцова полка, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, посланъ былъ съ тремя баталіонами пѣхоты, всей кавалеріей, при шести конныхъ орудіяхъ, къ сторонѣ Чонгурой-юрта на фуражировку, для обезпеченія сѣномъ лошадей чеченскаго отряда. Партія конныхъ чеченцевъ, послѣ незначительной перестрѣлки съ фуражирами, скрылась въ лѣсу. Въ этотъ день мы потеряли ранеными двухъ казаковъ и одного всадника милиціи. Одна лошадь моздокскаго казачьяго полка убита.

Гойтенская просѣка, вырубленная еще въ 1845-мъ году, въ два года успѣла покрыться значительными зарослями; особенно та часть ея, которая прилегаетъ къ Черной полянѣ, а также пространство между рукавами Гойты, поросли густымъ лознякомъ и ольхою, поднимавшимися отъ земли почти на двѣ сажени. Чеченцы каждый годъ наводняли эту мѣстность собственно для этой цѣли.

19-го ноября начальникъ лѣваго фланга поручилъ полковнику барону Вревскому, съ шестью ротами пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, заняться очисткою просѣки отъ всѣхъ этихъ зарослей.

Въ то же время командиръ кабардинскаго егерскаго князя Чернышева полка, флигель-адъютантъ полковникъ князь Барятинскій, съ четырьмя баталіонами пѣхоты, при шести легкихъ орудіяхъ, и всею кавалеріею, направлень былъ къ Джарганъ-юрту истребить огнемъ этотъ аулъ, а запасъ сѣна доставить въ лагерь.

Аулъ Джарганъ-юртъ весь состоитъ изъ хуторовъ, которые отъ опушки лѣса Черной поляны тянутся на нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ Урусъ-Мартану и соединяются съ бывшими аддынскими хуторами.

Приблизившись къ Джарганъ-юрту, князь Барятинскій, съ двумя ротами 2-го баталіона князя Чернышева полка, одной 2-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полка и одной

ротой 4-го баталіона тенгинскаго пѣхотнаго полка, быстро двинулся впередъ, овладѣлъ версты на двѣ смежными хуторами, а остальнымъ войскамъ приказалъ слѣдовать за собою и огнемъ истреблять все запасы хлѣба и имущество жителей, которые успѣли скрыться въ лѣсъ. Кавалерія между тѣмъ обсакала хутора со всехъ сторонъ, и часть ея, спѣшившись, подъ командой ротмистра Іедлинскаго, заняла оврагъ.

Наибъ Сабдулла, съ значительною партіею пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ, сильно преслѣдовалъ нашу колонну при отступленіи, но, благодаря распорядительности колоннаго начальника и стойкости 2-го баталіона князя Чернышева, 4-го баталіона тенгинскаго пѣхотнаго и 2-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полковъ, отрядъ князя Барятинскаго вернулся въ лагерь безъ большаго урона, съ успѣхомъ выполнивъ возложенное на него порученіе. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ ограничилась однимъ убитымъ, двадцатью пятью ранеными и одиннадцатью контужеными *).

Гойтенская просѣка на такомъ большомъ пространствѣ и такъ густо заросла молодымъ лѣсомъ, что за одинъ день, 9-го ноября, не могла быть расчищена, а потому 20-го числа генеральнаго штаба полковникъ Форстенъ, съ колонной въ значительно усиленномъ составѣ, изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, при шести орудіяхъ, съ одною тысячею ста топорами, отправленъ былъ продолжать начатое барономъ Вревскимъ; непріятель не тревожилъ этой колонны.

21-го ноября 2-й баталіонъ егерскаго князя Воронцова полка, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, сопровождалъ въ крѣпость Воздвиженскую боль-

*) Сверхъ того, семь лошадей убиты и двѣнадцать ранены. Въ числѣ контуженыхъ было два офицера грузинскаго гренадерскаго полка: штабсъ-капитанъ князь Шаликовъ и подпоручикъ Микеладзе.

ныхъ и раненыхъ. Въ семь часовъ утра баталіонъ выступилъ изъ лагеря и въ пять пополудни вернулся, никого не встрѣтивъ.

Въ тотъ же день полковникъ баронъ Вревскій получилъ приказаніе — съ двумя баталіонами навагинскаго пѣхотнаго полка, вторымъ и четвертымъ, однимъ баталіономъ тенгинскаго — четвертымъ, своднымъ баталіономъ князя Воронцова полка, четырьмя сотнями донскихъ и линейныхъ казаковъ, взводомъ линейной казачьей № 15-го батареи и взводомъ подвижной гарнизонной артилеріи, двинуться къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ, къ той части, которая расположена между рѣками Гойтой и Урусъ-Марганомъ.

Въ пяти верстахъ отъ лагеря, въ перелѣскѣ, ближайшемъ къ Черной полянѣ, колонна полковника барона Вревскаго была встрѣчена небольшими партіями чеченцевъ, которые, послѣ незначительной перестрѣлки, перешли въ другой перелѣсокъ, примыкающій къ хуторамъ. Чтобы овладѣть этой новой позиціей и ближайшими хуторами, баронъ Вревскій двинулъ впередъ четвертый баталіонъ навагинскаго полка, съ четырьмя конными орудіями. Чеченцы упорно держались въ занятой ими позиціи и выбиты были изъ нея только послѣ усиленнаго дѣйствія артилеріи и совокупной атаки всѣхъ баталіоновъ въ штыки. Войска овладѣли хуторами и начали производить фуражировку, продолжавшуюся около четырехъ часовъ. Бой во все это время не прекращался. Чеченцы нѣсколько разъ пытались бросаться въ шашки на наши боевыя цѣпи, въ особенности на 1-ю егерскую роту князя Воронцова полка и на 6-ю мушкетерскую навагинскаго пѣхотнаго, но ихъ встрѣчали штыками и опрокидывали въ глубь лѣса.

По окончаніи фуражировки, сопровождавшейся истребленіемъ хуторовъ, прежде нежели предпринять обратное движеніе въ лагерь, баронъ Вревскій снова атаковалъ непріятеля авангардомъ и отгѣснилъ его далеко въ лѣсъ; чеченцы, потер-

пѣвшіе значительный уронъ, слабо преслѣдовали колонну при отступленіи *).

Около полудня наибъ Дуба, изъ легкаго орудія, скрытаго въ лѣсу, за верхними рукавами Гойты, на разстояніи 500 саженой, открылъ по лагерю огонь, но послѣ третьяго выстрѣла принужденъ былъ замолчать дѣйствіемъ нашихъ восьми легкихъ и двухъ батарейныхъ орудій, заставившихъ его меткими выстрѣлами своими сняться съ нозиціи. Однимъ изъ непріятельскихъ снарядовъ у насъ ранена транспортная лошадь.

Вечеромъ начальникъ лѣваго фланга получилъ отъ вѣрныхъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что орудіе наиба Дубы подбито и три человѣка артилерійской прислуги убиты.

Съ джаргантъ-юртовскихъ хуторовъ дано знать, что колонна барона Вревскаго имѣла противъ себя четырехъ наибовъ: Сабдуллу, Анзорова, Ахмата и Гяхо; чеченцы потеряли семь человѣкъ убитыми и около шестидесяти ранеными.

Между тѣмъ, въ отрядѣ ощущался недостатокъ въ сѣнѣ; заготовленное на поляхъ, частью истреблено самими чеченцами, частью свезено въ глубь лѣсовъ, а такъ какъ погода стояла прекрасная, то добываніе фуража въ лѣсахъ, занятыхъ непріателемъ, не иначе могло производиться, какъ съ значительною потерей въ людяхъ. Въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ, приходилось прибѣгать къ запасамъ закупленнаго у частныхъ лицъ сѣна въ крѣпости Воздвиженской, хотя, по незначительности ихъ, они должны были оставаться неприкосновенными впредь до совершеннаго истощенія ре-

*) Съ нашей стороны убиты въ этотъ день въ колоннѣ барона Вревскаго: егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка подпоручикъ Анастасьевъ и нижнихъ чиновъ девять; ранено сорокъ шесть, въ томъ числѣ навагинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Шенелевъ и подпоручикъ Есиповъ—оба тяжело; егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка прапорщикъ Пистолькорсъ тяжело; контужено двадцать семь нижнихъ чиновъ, а также теглиискаго пѣхотнаго полка майоръ Кемпфертъ и капитанъ Соймоновъ и донской № 3-го батареи хорунжій Тихоновъ.

сурсовъ, предоставляемыхъ намъ фуражировками. Для начальника лѣваго фланга забота о сбереженіи людей ввѣреннаго ему отряда стояла выше всякихъ другихъ соображеній, и, не смотря на то, что экспедиція, можно сказать, еще только начиналась и могла затянуться до начала марта, онъ нашелся вынужденнымъ командировать 22-го ноября въ крѣпость Воздвиженскую за сѣномъ изъ неприкосновеннаго склада князя Воронцова полка подполковника Кишинскаго. Съ колонной, выступившей изъ лагеря подъ командой этого штабъ-офицера и состоявшей изъ шести ротъ того же князя Воронцова полка и трехъ легкихъ орудій, отправлены были больные и раненные чеченскаго отряда и всѣ подъемныя лошади. Туда и обратно колонна прошла безъ выстрѣла.

Такъ какъ часть гойтенской просѣки—пространство между рукавами Гойты, не была расчищена, то генеральнаго штаба подполковнику Броневскому предписано было занять это пространство тремя баталіонами пѣхоты, при шести орудіяхъ. Къ вечеру и здѣсь не оставалось зарослей. Около полудня непріятель началъ собираться въ лѣсу значительными партіями ниже ахшалато-гойтенскаго кладбища, но прикрытія не тревожилъ. Часа въ три пополудни наибъ Сабдулла (онъ же Саиддулла) сдѣлалъ нѣсколько навѣсныхъ выстрѣловъ изъ горнаго орудія, скрытаго въ лѣсу, но снаряды его не долетали до колонны.

Чтобы окончательно очистить гойтенскую просѣку отъ зарослей и вмѣстѣ съ тѣмъ заготовить лѣсъ для предполагаемой башни на Гойтѣ, генеральнаго штаба подполковникъ Индреніусъ получилъ приказаніе—23-го ноября выступить съ четырьмя баталіонами пѣхоты, при шести орудіяхъ и тысячею ста рабочихъ съ топорами; онъ долженъ былъ также уширить просѣку къ сторонѣ Черныхъ горъ. Въ то же время до двухсотъ человѣкъ рабочихъ, съ мотыгами и лопатами, сравнивали съ землей чеченскіе окопы по берегу Гойты. Непріятель въ

этотъ день не препятствовалъ работамъ; за то, около двухъ часовъ пополудни, Сабдулла, со стороны раззореннаго аула Чонгурой-юрта, открылъ по лагерю огонь изъ орудія, спрятаннаго въ лѣсу; но батареи въ нѣсколько минутъ заставили его увезти орудіе, не причинившее намъ, впрочемъ, никакого вреда.

На другой день, 24-го ноября, колонна въ томъ же численномъ составѣ, какъ и наканунѣ, и съ тѣмъ же числомъ рабочихъ (1100 топоровъ), подъ командой подполковника Кишинскаго, продолжала работы по уширенію гойтенской просѣки къ сторонѣ Черныхъ горъ, а двѣсти человѣкъ рабочихъ, съ мотыгами и лопатами, продолжали скапывать окопы на Гойтѣ. Такъ же, какъ и наканунѣ, и по лагерю непріятель сдѣлать нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, и такъ же, какъ и наканунѣ, снаряды его пропадали даромъ. Только при отступленіи колонны, возвращавшейся съ рубки лѣса, нѣсколько человѣкъ чеченцевъ завязали съ арріергардомъ перестрѣлку, причемъ съ нашей стороны два человѣка ранены: одинъ карабинеръ и одинъ егеръ, и одинъ карабинеръ контуженъ— всѣ трое егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка.

25-го ноября тысяча сто человѣкъ рабочихъ, съ топорами, подъ прикрытіемъ колонны изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, подъ командой подполковника Майделя, рубили лѣсъ къ сторонѣ верхней Гойты и истребили одинъ хуторъ, находившійся въ лѣсу. Чеченцы стрѣляли по прикрытію изъ орудія, съ разстоянія болѣе семисотъ саженей, но снаряды ихъ не долетали до цѣпей.

На другой день, 26-го, четыре баталіона, при четырехъ орудіяхъ, подъ командой кавказскаго сапернаго баталіона подполковника Эгтера, продолжали вырубку лѣса по Гойтѣ къ сторонѣ Черныхъ горъ. При занятіи лѣса нашей колонной, нѣсколько человѣкъ чеченцевъ залпомъ изъ ружей ранили

егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка прапорщика Неелова и одного егеря.

Въ часть пополудни непріятель открылъ по лагерю канонаду со стороны раззореннаго аула Чонгурой-юрта, изъ двухъ орудій, скрытыхъ за завалами въ онушкѣ лѣса, съ разстоянія семисотъ саженой. Наши два батареинныя орудія отвѣчали на непріятельскій огонь меткими выстрѣлами. Въ то же время полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, по приказанію начальника чеченскаго отряда, генераль-лейтенанта Фрейтага, съ двумя баталіонами пѣхоты: вторымъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева и вторымъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полковъ и всю кавалерію, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, быстро двинулся изъ лагеря по Черной полянѣ къ сторонѣ непріятельской батареи.

Едва войска показались на большой русской дорогѣ, непріятель бѣжалъ съ двумя орудіями въ лѣсъ, по направленію къ нижнему Мартану. Полковникъ Аминовъ, съ кавалерією, преслѣдовалъ конную партію, а второй баталіонъ кабардинцевъ (князя Чернышева полка) направленъ въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ стояли толпы пѣшихъ горцевъ, прикрывавшія батарею. Болѣе двухъ верстъ казаки преслѣдовали непріятельскую кавалерію. Подполковникъ Майдель, съ кабардинцами, въ примѣрномъ порядкѣ вступилъ въ лѣсъ, овладѣлъ хуторомъ Чонгурой-юртъ и опрокинулъ непріятельскую пѣхоту, которая не выдержала сильнаго натиска егерей, бросила завалы и скрылась въ глубь лѣса.

Колонна барона Меллера-Закомельскаго потеряла въ этомъ дѣлѣ одного убитаго, двухъ раненыхъ и двухъ контуженныхъ нижнихъ чиновъ, двухъ лошадей убитыми и семь ранеными.

Потеря непріятели осталась неизвѣстной.

Для окончательной вырубки лѣса вверхъ по Гойтѣ, къ сторонѣ Черныхъ горъ, на такомъ разстояніи, чтобы проэкти-

руемая башня на Гойтѣ не подвергалась пушечнымъ выстрѣламъ непріятеля, 27-го ноября отправлена была партія рабочихъ въ тысячѣ сто человѣкъ, съ прикрытіемъ изъ четырехъ баталіоновъ, при шести легкихъ орудіяхъ, подъ командой флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго. Когда колонна вступала въ лѣсъ, по ней сдѣланъ былъ залпъ изъ нѣсколькихъ ружей, при чемъ ранены одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ егеръ. Послѣ пробитія вечерней зари, со стороны джарганъ-юртовскихъ хуторовъ сдѣланы были два безвредныхъ пушечныхъ выстрѣла.

Наконецъ, гойтенская просѣка была расчищена и къ сторонѣ Черныхъ горъ расширена. Оставалось еще заняться вырубкой лѣса внизъ по лѣвому берегу Гойты, по направленію къ чонгурой-юртовскимъ хуторамъ. Выполненіе этой задачи, назначенное на 28-е ноября, поручено было генеральнаго штаба полковнику Форстену, которому, въ прикрытіе все тѣхъ же тысячи ста человѣкъ рабочихъ съ топорами, назначена была колонна въ составѣ трехъ баталіоновъ пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ. Въ тотъ же день въ крѣпость Воздвиженскую послана была другая колонна изъ шести ротъ, при четырехъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Кишинскаго за подъемными лошадьми. Эта послѣдняя прошла въ оба пути безъ выстрѣла, тогда какъ колонна полковника Форстена, около полудня, имѣла незначительную перестрѣлку съ непріателемъ, намѣревавшимся занять лѣсъ, въ которомъ производилась рубка, но потерпѣвшимъ неудачу, благодаря разумнымъ распоряженіямъ колоннаго начальника. Перестрѣлка не обошлась для насъ безъ потерь: ранено два нижнихъ чина и контужены одинъ оберъ-офицеръ *) и нижній чинъ. Неимѣніе въ лагерѣ запасовъ фуража и провіанта заставило начальника лѣваго фланга приостановить на нѣкоторое время военныя

*) Грузинскаго гренадерскаго полка подпоручикъ Николадзе.

дѣйствія въ Чечнѣ и дать войскамъ кратковременный отдыхъ: 29-го ноября отрядъ снялся съ позиціи на рѣкѣ Гойтѣ и раздѣлился на двѣ части: одна направилась въ крѣпость Воздвиженскую, другая, подъ личнымъ начальствомъ генерал-лейтенанта Фрейтага, выступила въ Грозную.

Когда отрядъ поровнялся съ гойтенскимъ кладбищемъ (Ахшапатъ), непріятель проводилъ его изъ-за лѣваго рукава Гойты четырьмя пушечными выстрѣлами, не сдѣлавшими никому никакого вреда и завершившими собою первый періодъ зимней экспедиціи 1847—1848-го года. Не смотря на энергическое сопротивленіе неустрашимыхъ чеченцевъ, при двукратномъ раззореніи джарганъ-юртовскихъ хуторовъ, войска чеченскаго отряда лишились въ эти двѣнадцать дней, съ 17-го по 29-е ноября, убитыми только одного оберъ-офицера и тринадцати нижнихъ чиновъ; ранеными четырехъ оберъ-офицеровъ и восьмидесяти двухъ нижнихъ чиновъ и контужеными одного штабъ-офицера, пяти оберъ-офицеровъ и тридцати девяти нижнихъ чиновъ. Всего же вышло изъ строя убитыми, ранеными и контужеными сто сорокъ пять человѣкъ.

Послѣ трехдневнаго перерыва, военныя дѣйствія въ малой Чечнѣ возобновились. Часть отряда, квартировавшая въ Грозной, 3-го декабря, въ восемь часовъ утра, выступила на Гойту подъ командой начальника лѣваго фланга генерал-лейтенанта Фрейтага. Въ тотъ же день, и также на Гойту, съ другою частью отряда выступить изъ крѣпости Воздвиженской полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Непріятель, слѣдившій за движеніемъ войскъ, не сдѣлалъ по нимъ ни одного выстрѣла, ограничившись наблюденіемъ.

Колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго, употреблявшая на переходъ отъ Воздвиженской до Гойты не болѣе трехъ часовъ, около часу пополудни была уже на правомъ берегу этой рѣки, и въ то время, какъ черезъ нее перекидывались мосты, состоявшая при ней чеченская милиція

захватила на Черной полянѣ стадо барановъ, болѣе ста пятидесяти головъ.

4-го декабря, въ восемь часовъ утра, начальникомъ лѣваго фланга генералъ-лейтенантомъ Фрейтагомъ, подѣ его личнымъ начальствомъ, предпринята была рекогносцировка внизъ по лѣвому берегу рукава Гойты; при этомъ имѣлось въ виду уничтожить аулъ Геленъ-Гойту. Отрядъ выступилъ изъ лагеря въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ 2-й баталіонъ кабарлинскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка и при немъ шесть легкихъ орудій; правая цѣпь—2-й баталіонъ куринскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка; лѣвая цѣпь—сводный баталіонъ куринскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка; въ арріергардѣ—3-й и 4-й баталіоны тенгинскаго пѣхотнаго полка и при нихъ два легкихъ орудія; въ центрѣ колонны шла вся кавалерія.

Колонна проникла въ глубину лѣса по полянѣ, расчищенной самими чеченцами для посѣвовъ.

Командовавшій авангардомъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Барятинскій быстро двинулся къ хуторамъ Ахипатъ и Геленъ-Гойты и занялъ ихъ на протяженіи болѣе двухъ верстъ. Ни женщинъ, ни дѣтей, ни рогатаго скота и никакого имущества нигдѣ не было видно; оставался не свеженнымъ небольшой запасъ сѣна, котораго едва достаточно было, чтобы навьючить имъ казачьихъ лошадей.

Чтобы истребить хутора на всемъ занятомъ нашими войсками пространствѣ и не растягивать отряда, авангарду приказано было остановиться. Между тѣмъ, лѣвая цѣпь, которой командовалъ подполковникъ Кишинскій, пробираясь лѣсомъ, наткнулась на собственный хуторъ наиба Сабдулы. Такъ какъ съ занятіемъ этого хутора войска были бы слишкомъ растянуты, то лѣвая цѣпь немедленно была отозвана назадъ, и хуторъ наиба остался нетронутымъ.

Едва лѣвая цѣпь предприняла обратное движеніе, чтобы приблизиться къ колоннѣ, отъ которой она отдѣлилась на довольно опасное разстояніе, Сабдулла, успѣвшій по тревогѣ собрать нѣсколько сотъ человѣкъ пѣшихъ чеченцевъ, началъ употреблять всѣ усилія, чтобы отрѣзать лѣвую цѣпь отъ авангарда. Густой лѣсъ и устроенные въ немъ изъ бревенъ завалы, за которыми сидѣли чеченцы, были благопріятными для его маневра условіями. Мѣстность позволяла чеченцамъ незамѣченными подползать къ нашимъ цѣпямъ на пистолетный выстрѣлъ. Командиръ 1-й егерской роты генераль-адъютанта князя Воронцова полка (лѣвая цѣпь, сводный баталіонъ) поручикъ Галыгинъ, замѣтивъ, что непріятель намѣревается прорваться черезъ цѣпь, бросился съ резервомъ впередъ, выбилъ чеченцевъ изъ заваловъ, опрокинулъ ихъ въ глубь лѣса и при этомъ своеручно убилъ двухъ человѣкъ, но и самъ тяжело былъ раненъ. Черезъ нѣсколько минутъ отважный наибъ возобновилъ покушеніе, но и на этотъ разъ противъ 3-й егерской роты того же князя Воронцова полка; и опять потерпѣлъ неудачу: командиръ роты штабсъ-капитанъ Ганскау, принявъ чеченцевъ въ пытки, отразилъ нападеніе и далеко оттѣснилъ непріятеля въ лѣсъ, но и онъ былъ раненъ такъ же, какъ и его товарищъ Галыгинъ. Рота его поддержана была 9-ю ротою тенгинскаго пѣхотнаго полка и двумя орудіями линейной казачьей № 15-го батареи; въ то же самое время на усиленіе лѣвой цѣпи флигель-адъютантомъ полковникомъ княземъ Барятинскимъ изъ авангарда направлена была 6-я егерская рота князя Чернышева полка.

Въ третій разъ Сабдулла сдѣлалъ попытку прорваться въ томъ же мѣстѣ, но сильный ружейный и картечный огонь заставили его отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній. Когда пламя охватило сакли непріятельскихъ хуторовъ, истребленіе которыхъ въ окрестностяхъ большой русской дороги и будущей крѣпости входило въ программу военныхъ дѣйствій че-

ченскаго отряда, войска начали отступать. Чеченцы провожали колонну незначительной перестрѣлкой. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны было убито семь, ранены: одинъ оберъ-офицеръ и сорокъ нижнихъ чиновъ и контужено восемнадцать. Сверхъ того, одна лошадь убита и пять ранено. Непріятель потерялъ четырехъ убитыми и до двадцати пяти ранеными.

Съ разсвѣтомъ, 5-го декабря, колонна изъ шести ротъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, при четырехъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Кишинскаго, выступила изъ лагеря въ крѣпость Воздвиженскую за сѣномъ. Съ этою же колонною отправлены раненые нижше чины и подъемныя лошади. Къ вечеру колонна возвратилась въ лагерь, никого не встрѣтивъ. Въ восемь часовъ утра полковникъ баронъ Вревскій выступилъ изъ лагеря на рекогносцировку всей мѣстности отъ лѣваго берега Гойты до праваго Урусъ-Мартана и внизъ по правому берегу этой послѣдней до лѣса, примыкающаго къ Черной полянѣ. Колонна состояла изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ легкихъ орудій и всей кавалеріи. По пути она должна была отыскивать запасы сѣна, заготовленнаго чеченцами. Небольшія партіи непріятельскихъ всадниковъ, наблюдавшія за движеніемъ колонны, были разсѣяны пушечными выстрѣлами. Сѣна нигдѣ не оказалось. Чеченцы заблаговременно свезли его въ недоступные лѣса и тамъ разбросали небольшими копнами, такъ что фуражировки сдѣлались невозможны, и стросвыхъ лошадей приходилось продовольствовать покупнымъ сѣномъ, доставляемымъ изъ Грозной и Воздвиженской. Хуторъ Сабдуллы уцѣлѣлъ, но не надолго: участь его была рѣшена 6-го декабря. Наибъ клялся, что не отдастъ его дешево русскимъ, будетъ защищать его до послѣдней капли крови; тѣмъ не менѣе, семейство свое и все имуществу вывезъ оттуда; оставались только кое-какія заготовленія. Такъ какъ доступъ къ хутору Сабдуллы чрезъ

вычайно затруднителенъ, потому что онъ окруженъ лѣсомъ, заваленнымъ вѣковыми чинарами, и дорога къ нему, узкая, извилистая, проходитъ черезъ лѣсныя чащи, то начальникъ лѣваго фланга, чтобы отвлечь силы непріятеля въ противоположную сторону и облегчить войскамъ овладѣніе хуторомъ, направилъ полковника барона Вревскаго, съ баталіономъ грузинскаго гренадерскаго полка (вторымъ), своднымъ баталіономъ навагинскаго пѣхотнаго полка, при четырехъ легкихъ орудіяхъ и со всею кавалеріею, къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ. Диверсія удалась вполне: вниманіе наиба, дѣйствительно, отвлечено было въ ту сторону. Колонна барона Вревскаго выступила съ Гойты въ семь съ половиною часовъ утра. Едва она показалась на большой русской дорогѣ, Сабдулла началъ собирать чеченцевъ и послѣшилъ къ ней навстрѣчу.

Самъ начальникъ отряда, генераль-лейтенантъ Фрейтагъ, выступилъ изъ лагеря къ хутору Сабдуллы въ восемь часовъ утра. Въ колоннѣ его было только три баталіона, при четырехъ легкихъ орудіяхъ: 3-й и 4-й тенгинскаго пѣхотнаго полка и 2-й баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, который шелъ въ головѣ колонны.

Движеніе генерала Фрейтага было замѣчено непріятельскими пикетами, которые тотчасъ же поскакали дать знать своему наibu; но прежде нежели Сабдулла успѣлъ возвратиться къ своему хутору, этотъ послѣдній былъ уже въ рукахъ нашихъ егерей, которые заняли его безъ выстрѣла. Тамъ найдены были запасы кукурузы, проса, пшеницы, сѣна, два мѣшка съ порохомъ, артилерійскіе снаряды и одинъ значекъ.

Князю Барятинскому отдано было приказаніе сжечь хуторъ и, что не могло быть истреблено огнемъ—разобрать и разметать. На все это потребовалось около часа времени. Уничтоженіе хутора сопровождалось незначительною перестрѣлкою. Не трудно было предвидѣть, что всѣ усилія Саб-

дуллы направлены будутъ къ тому, чтобы оправдать свои слова и нанести намъ возможно большій вредъ.

Полковникъ князь Барятинскій, истребивъ совершенно хуторъ какъ ему было приказано, началъ отступать съ большимъ хладнокровіемъ, принявъ всѣ мѣры къ отраженію натиска непріятеля. Успѣху отступленія, произведеннаго какъ на маневрахъ, черезъ эту едва проходимую трупобу, не мало содѣйствовали, начиная отъ подполковника Майделя до послѣднаго рядоваго, всѣ чины 2-го баталіона князя Чернышева полка, которые, какъ и всегда, вели себя примѣрно. Одинъ разъ только Сабдулла бросился на егерей, но за то съ ожесточеніемъ, весьма понятнымъ послѣ той клятвы, которую онъ торжественно произнесъ передъ всѣми; егеря повернулись къ нему фронтомъ и штыками отразили его отчаянный натискъ. Шесть непріятельскихъ тѣлъ были трофеемъ кабардинцевъ въ этой схваткѣ. Дальнѣйшія свои дѣйствія озадаченный наибъ ограничилъ ружейнымъ огнемъ. Черезъ геленгойтенскую поляну войска направились въ лагерь въ отличномъ порядкѣ, продолжая вести не особенно сильную перестрѣлку съ непріателемъ. Потеря наша, при истребленіи хутора Сабдуллы и отступленіи колонны черезъ лѣсъ, состояла изъ тридцати одного раненаго и восьми контуженыхъ нижнихъ чиновъ. Убито двѣ лошади. Непріятель потерялъ одиннадцать убитыми и двадцать ранеными. Въ лагерь, по прибытіи колонны, былъ отслуженъ молебенъ по случаю тезоименитства Государя Императора, и, не смотря на десятиградусный морозъ, на берегахъ Гойты до поздней ночи раздавались пѣсни.

Колонна барона Вревскаго, посланная для отвлеченія Сабдуллы, подходя къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ, встрѣтила непріятеля, съ которымъ завязала перестрѣлку. Сабдулла, извѣщенный пикетами о нападеніи на его хуторъ, отсталъ отъ колонны барона Вревскаго и бросился спасать свое пещелище. Полковникъ баронъ Вревскій приступилъ къ истре-

бленію хуторовъ; перестрѣлка продолжалась, но съ удаленіемъ наибо она значительно ослабѣла. Догадавшись по выстрѣламъ съ той стороны, гдѣ находился хуторъ Сабдуллы, что отрядъ генерала Фрейтага началъ обратное движеніе, баронъ Вревскій двинулся впередъ, чтобы раздѣлить силы непріятеля, который частью началъ собираться около него, возвратившись отъ хутора Сабдуллы, и полагая, что колонна Вревскаго отступить по той же дорогѣ, по которой слѣдовала къ Джарганъ-юрту, спѣшилъ занять кладбище, остававшееся въ тылу нашихъ войскъ. Баронъ Вревскій обманулъ ихъ ожиданіе: изъ хуторовъ онъ двинулся по другому направленію, такъ что кладбище осталось далеко въ сторонѣ. Благодаря этому благоразумному распоряженію, колонна его отступила почти безъ урона и за весь день потеряла четырехъ раненыхъ и трехъ контуженыхъ нижнихъ чиновъ. Убита одна и ранено четыре лошади.

7-го декабря тысяча сто человѣкъ рабочихъ съ топорами, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, ста казаковъ и четырехъ орудій истребляли лѣсъ по дорогѣ къ Урусь-Мартану. Колоннымъ начальникомъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Форстенъ. Во весь день никто не показывался и не было слышно ни одного выстрѣла. Вечеромъ лазутчиками доставлено въ лагерь свѣдѣніе, что въ хуторѣ Касырь-юртѣ находится много рогатаго скота. Туда, незадолго до разсвѣта, 8-го декабря, отправлена была колонна въ составѣ пяти баталіоновъ: 2-го грузинскаго гренадерскаго полка, 3-го тентинскаго и 4-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2-го и своднаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка и всей кавалеріи, при шести легкихъ орудіяхъ, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго.

Колонна выступила въ пять часовъ утра; не доходя мартанскихъ хуторовъ, передъ разсвѣтомъ, была открыта непріате-

лемъ и должна была ограничиться поискомъ въ ближайшихъ хуторахъ.

Въ хуторѣ Беной баронъ Меллеръ-Закомельскій захватилъ около пятнадцати штукъ рогатаго скота, и оставивъ для истребленія этого хутора генеральнаго штаба подполковника Броневскаго, съ тремя баталіонами пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, самъ, съ двумя баталіонами князя Воронцова полка, при двухъ орудіяхъ, двинулся для истребленія мартанскихъ хуторовъ. Казаки, между тѣмъ, навьючивали найденное въ хуторахъ сѣно. Когда пламя охватило занятые нашими войсками хутора, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій притянулъ къ себѣ колонну подполковника Броневскаго и началъ обратное движеніе, имѣя въ арріергардѣ 4-й баталіонъ навагинскаго пѣхотнаго полка и сводный князя Воронцова полка, при четырехъ орудіяхъ; въ правой цѣпи 2-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, въ лѣвой 3-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка и, наконецъ, въ авангардѣ 2-й баталіонъ князя Воронцова полка и при немъ два орудія. Середину колонны занимала кавалерія. Всѣ усилія непріятеля направлены были къ тому, чтобы разстроить лѣвую цѣпь, въ которой завязалась сильная перестрѣлка. Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій подкрѣпилъ эту цѣпь двумя ротами, которыя взяты были имъ изъ арріергарда. Когда колонна вступила на Черную поляну, изъ лѣса показались значительныя партіи конныхъ чеченцевъ. Казакамъ приказано было сбросить выюки и атаковать непріятельскую кавалерію. Этой атакой прекратился бой; чеченцы скрылись въ глубь лѣсовъ.

Это движеніе къ Касырь-юрту, разстроенное бдительностью непріятеля, стоило намъ одного убитымъ, девяти ранеными и четырнадцать контужеными нижнихъ чиновъ *),

*) При раззореніи геленгойтенскихъ хуторовъ и хутора Ахшанатъ 4-го декабря, хутора Сабдуллы и демонстраціи къ джарганъ-юртонскимъ хуторамъ 6-го и при истребленіи Беной-юрта и нѣкоторыхъ мартанскихъ хуторовъ 8-го декабря,

трехъ лошадей убитыми и пяти ранеными. Непріятель потерялъ одного убитого и четырехъ раненыхъ.

9 и 10-го декабря изъ лагеря посылались колонны для истребленія лѣсовъ по дорогѣ къ раззоренному аулу Урусъ-Мартану. Непріятель показывался, наблюдалъ за движеніемъ войскъ, но ничего противъ нихъ не предпринималъ. 11-го декабря, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ пѣхоты съ четырьмя орудіями, партія рабочихъ съ топорами, все въ томъ же числѣ, т. е. тысяча сто человѣкъ, продолжала ту же работу. Показавшюся со стороны Урусъ-Мартана неприятельской кавалерію, колонный начальникъ подполковникъ Броневскій разсѣялъ пушечными выстрѣлами.

Для конвоированія раненыхъ и больныхъ въ крѣпость Воздвиженскую, съ разсвѣтомъ была отправлена колонна подъ командой егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка маіора Ушакова, которому приказано было—изъ крѣпости Воздвиженской доставить транспортъ съ сѣномъ. При обратномъ слѣдованіи колонны, между гребенскими казаками и неприятельскими пикетами завязалась перестрѣлка, въ которой убитъ одинъ казакъ.

12-го декабря, три баталіона пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, и сотня казаковъ прикрывали рабочихъ съ топорами, подъ командой генеральнаго штаба подполковника Индреніуса, которому поручено было продолжать истребленіе лѣса по лѣвую сторону большой русской дороги къ Урусъ-Мартану. Партія пѣшихъ чеченцевъ, занявши балку, которая перерѣзываетъ лѣсъ, намѣрена была воспрепятствовать работамъ,

въ чеченскомъ отрядѣ выбыло пѣзъ строя раненыхъ и контуженыхъ восемь оберъ-офицеровъ: тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Боголюбовъ, Фирсовъ и Шепелевъ; егерскаго генераль-адъютанта кн. Чернышева полка подпоручикъ Рыдинъ и прапорщикъ Концевичъ; егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка штабсъ-капитанъ Ганскау и поручикъ Галыгинъ и линейной казачьей № 15-го батареи штабсъ-капитанъ Дыдымовъ.

но дѣльными распоряженіями колоннаго начальника — намѣреніе непріятеля было разстроено.

13-го декабря колонна, подѣ начальствомъ кавказскаго сапернаго баталіона подполковника Эгтера, продолжала истреблять лѣсъ по дорогѣ къ Урусъ-Мартану. Въ незначительной перестрѣлкѣ, которую непріятель завязалъ съ прикрытіемъ, съ нашей стороны ранены: одинъ оберъ-офицеръ и три нижнихъ чина.

Лазутчики доставили начальнику лѣваго фланга свѣдѣнія, что жившіе между рѣками Урусъ-Мартаномъ и Гойтой чеченцы отправили свои семейства частью за Аргунъ, частью за р. Шалажи. Только въ одномъ аулѣ Багочарой осталось нѣсколько семействъ, потому что мѣсто это считалось недоступнымъ для русскихъ войскъ. Еще въ 1846-мъ году, при истребленіи алдынскихъ хуторовъ, когда всѣ чеченцы разбѣжались въ разныя стороны, только жители Багочароя продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ, и къ нимъ переселились даже жители нѣкоторыхъ другихъ ауловъ, потому что аулъ этотъ, по своему положенію, дѣйствительно одинъ изъ самымъ трудно доступныхъ на всей плоскости малой Чечни. Хотя уничтоженіе этого аула не могло обойтись безъ большихъ потерь въ людяхъ, но, въ видахъ обезпеченія будущей крѣпости отъ частныхъ тревогъ, а колоннъ и оказій, при передвиженіи ихъ, отъ засады и нечаянныхъ нападеній, необходимо было по возможности очистить пространство между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ отъ заселенныхъ хуторовъ и ауловъ.

Для истребленія аула Багочарой 14-го декабря посланъ былъ полковникъ флигель-адъютантъ князь Барятинскій. Колонна его состояла изъ всей кавалеріи, 2-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полка, 3-го баталіона тенгинскаго и 4-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка и своднаго баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова

полка, взвода донской № 3-го батареи, взводовъ линейной казачьей № 15-го батареи, легкой № 4-го батареи 20-й артиллерійской бригады и подвижной гарнизонной артилеріи, всего восемь легкихъ орудій.

Полковникъ князь Барятинскій выступилъ изъ лагеря въ четыре часа пополудни. Не доходя четырехъ верстъ до обреченнаго раззоренію аула, онъ былъ открытъ непріятельскимъ пикетомъ, который тотчасъ же подалъ сигналъ къ тревогѣ, подхваченный въ одно мгновеніе всѣми остальными пикетами, разставленными въ окрестныхъ лѣсахъ. Не смотря на быстроту, съ которой пройдено было войсками пространство, отдѣляющее берега Гойты отъ Багочароя, полковникъ князь Барятинскій не засталъ въ аулѣ ни семействъ, ни рогатаго скота; онъ нашелъ только большіе запасы хлѣба и свѣжеиспеченные чуреки—несомнѣнное доказательство, что въ аулѣ жили; имущество же движимое: котлы, тазы, ковры и другіе предметы, составляющіе богатство жителей, свезены были въ горы еще въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ періодами зимней экспедиціи.

Почти часъ продолжалось истребленіе аула Багочарой, послѣ чего князь Барятинскій началъ отступать. Со всѣхъ сторонъ нахлынули чеченцы на его колонну. Болѣе версты приходилось отряду пробираться лѣсомъ, по дорогѣ до того узкой, что дѣйствовать можно было только изъ одного срудія. Пользуясь этимъ, чеченцы сильно тѣснили нашъ арріергардъ, но подполковникъ Майдель, съ храбрыми кабардинцами, и подполковникъ Кишинскій, съ не менѣе храбрыми куридцами, мужественно отстаивали каждый шагъ. Славно дрались чеченцы, очертя голову бросались въ пашки на арріергардную цѣпь, но вовремя подоспѣвавшіе резервы сдерживали ихъ порывы. Не видя успѣха съ этой стороны, непріятель пытался атаковать одновременно правую и лѣвую цѣпи, но и здѣсь пылкую отвагу его останавливала невозмутимая стойкость грузинскихъ грена-

дерь и 3-го баталіона тенгинцевъ, встрѣчавшихъ его стальною щетиною штыковъ. Когда колонна, по выходѣ изъ лѣса, начала вытягиваться на джаргантъ-юртовскую поляну, полковникъ князь Барятинскій выстроилъ въ рядъ шесть орудій и обдалъ картечью чеченцевъ, выбѣжавшихъ вслѣдъ за колонной на поляну. Послѣ этого смертоноснаго залпа, чеченцы не возобновляли натиска, но перестрѣлка, хотя не очень сильная, не прекращалась все время, пока колонна проходила черезъ джаргантъ-юртовскіе хутора.

Въ этомъ славномъ для обѣихъ сторонъ дѣлѣ мы потеряли семь человекъ убитыми, семьдесятъ двухъ ранеными и шестнадцать контужеными нижнихъ чиновъ, восемь лошадей убитыми и семь ранеными. Свѣдѣній о потерѣ непріятеля не было. Вверхъ по правой сторонѣ Гойты, верстахъ въ пяти отъ лагеря, углубившись нѣсколько въ лѣсъ, держались еще хутора, въ которыхъ, по словамъ лазутчиковъ, продолжали проживать семейства. Генеральнаго штаба полковникъ Форстенъ 15-го декабря получилъ приказаніе истребить эти хутора, для чего ему назначена была колонна изъ ста тридцати человекъ моздокскаго казачьяго полка, семидесяти человекъ гребенскаго, 3-го и 4-го баталіоновъ тенгинскаго, 2-го и 4-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, взвода линейной казачьей № 15-го батареи, взвода донской № 3-го батареи и взвода батареиной № 3-го батареи 20-й артиллерійской бригады. Полковникъ Форстенъ выступилъ изъ лагеря въ пять часовъ утра. Не смотря на то, что, при ночныхъ движеніяхъ, войска соблюдаютъ возможную тишину, но при морозѣ въ 15-ть градусовъ скрипъ артиллерійскихъ колесъ по замерзшему снѣгу не могъ не быть услышанъ чуткими къ малѣйшему звуку въ ночной тиши чеченскими пикетами, здѣсь, какъ и вездѣ, внимательно слѣдившими за всѣмъ, что происходитъ въ отрядѣ. Колонна Форстена была открыта. Къ ху-

торамъ ведутъ двѣ дороги: одна прямая, черезъ лѣсъ, другая обходная, пролегаетъ по расчищеннымъ полянамъ, огибая лѣсъ со стороны Гойты. Зная, что первая изъ нихъ завалена срубленными деревьями, полковникъ Форстенъ хотѣлъ сначала избрать послѣднюю, но такъ какъ движеніе отряда было открыто пикетами и скрываться долѣе было совершенно бесполезно, то онъ рѣшился идти прямо черезъ лѣсъ, чтобы этимъ, по крайней мѣрѣ, выиграть время. Но такъ какъ здѣсь не было никакой возможности провезти орудія, тѣмъ болѣе, что и пѣхота съ трудомъ могла прокладывать себѣ дорогу, онъ съ кавалеріей обскакалъ лѣсъ по обходной дорогѣ и всей колоннѣ велѣлъ слѣдовать по тому же направленію. Прежде нежели войска успѣли занять аулъ, жители разбѣжались. Въ хуторахъ найдены всѣ признаки недавняго пребыванія чловека—котлы на огнѣ, хлѣбъ и прочая.

Аулъ былъ истребленъ. При обратномъ движеніи, чеченцы, по обыкновенію, со всѣхъ сторонъ оцѣпили колонну, но 4-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка, перейдя въ наступленіе, штыками отбросилъ непріятеля, оставившаго пять тѣлъ въ нашихъ рукахъ. Чеченцы послѣ этого не осмѣливались уже возобновлять нападеніе, но сильнымъ ружейнымъ огнемъ провожали отступавшую колонну. Когда войска вышли на открытую мѣстность, впереди показались значки наибовъ Атабая и Муртазали, спѣшившихъ на тревогу; партіи ихъ были разсѣяны нѣсколькими картечными выстрѣлами. Сабдулла и Ахмать опоздали: они тогда только прискакали на тревогу, когда войска были уже въ лагерѣ.

Чеченцы отстаивали, какъ могли, свои пепелища; раззореніе самыхъ незначительныхъ хуторовъ не обходилось безъ потерь. Даже и теперь, когда помощь явилась слишкомъ поздно къ жителямъ, въ колоннѣ полковника Форстена было два убитыхъ, двадцать пять раненыхъ и двадцать пять контуженыхъ нижнихъ чиновъ, двѣ лошади убитыхъ и девять

раненыхъ. Непріятель потерялъ семь человѣкъ убитыми и около двадцати ранеными.

Колонна, подъ командой егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка подполковника Майделя продолжала, 16-го декабря, истреблять лѣса все въ томъ же направленіи, по лѣвую сторону дороги къ раззоренному аулу Урусъ-Мартану. 17-го декабря двѣ колонны выступили изъ лагеря почти одновременно: одна для рубки лѣса въ той же мѣстности, другая сопровождала въ крѣпость Воздвиженскую больныхъ и раненыхъ и возвратилась въ лагерь того же дня вечеромъ съ транспортомъ сухарей, фуража и сѣна. Первой изъ нихъ пришлось пушечными выстрѣлами разстроить намѣреніе чеченцевъ воспрепятствовать работамъ; вторая совершила свое путешествіе въ оба конца безъ всякихъ встрѣтъ и приключеній.

Со второй половины декабря морозы въ Чечнѣ постепенно усиливаются; 17-го числа, утромъ и вечеромъ, при густомъ туманѣ, ртуть въ термометрѣ Реомюра стояла на двадцати градусахъ ниже нуля. Еще дня на четыре оставалось работы по расчисткѣ просѣки между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ. Колонны, высланныя въ ту сторону съ 18-го по 21-е декабря включительно, не встрѣчали противодѣйствія со стороны непріятеля; за то, сильные морозы вредили успешному ходу работъ. Только 20-го числа сдѣланы были по колоннѣ, возвращавшейся въ лагерь, три орудійныхъ выстрѣла, не причинившіе, впрочемъ, никакого вреда.

23-го декабря предполагалось уже всѣмъ отрядомъ выступить изъ Чечни и развести войска по квартирамъ на отдыхъ, какъ вдругъ получило извѣстіе, что наибы Ахматъ и Гяхо намѣреваются съ конными партіями двинуться къ низовьямъ Сунжи. Въ полночь генераль Фрейтагъ, со всею кавалеріею, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, и вторымъ батальономъ князя Чернышева полка, выступилъ изъ лагеря на

Гойтѣ въ крѣпость Грозную, откуда кавалерію, подѣ командой полковника Форстена, направилъ прямою дорогою на Умаханъ-Юртъ, чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе. Въ Чертугаѣ полковникъ Форстенъ узналъ, что наибы уже возвратились съ поиска на сунженской линіи, и потому двинулся съ кавалеріей обратно въ Грозную. Имѣли ли наибы успѣхъ на Сунжѣ, или потерпѣли неудачу—ни въ Грозной, ни въ отрядѣ пока не было извѣстно.

Къ роспуску войскъ на отдыхъ теперь препятствій не представлялось. Полковникъ баронъ Вревскій получилъ предписаніе отъ начальника лѣваго фланга выступить изъ лагеря на Гойтѣ въ семь часовъ утра двумя колоннами, изъ которыхъ одну направить на Воздвиженскую, другую на Грозную. Безъ выстрѣла снялся отрядъ съ лагеря на Гойтѣ, и ни одинъ чеченецъ не показывался при его выступленіи. Нелегка была трехнедѣльная экспедиція втораго періода: морозы переходили иногда за двадцать градусовъ; войска нуждались въ отдыхѣ; имъ нужно было исправить и освѣжить одежду, въ особенности обувь, пригорѣвшую и потрескавшуюся подлѣ костровъ, у которыхъ ютились солдаты въ свободное отъ службы время. Сверхъ того, нѣкоторыя части войскъ, болѣе другихъ пострадавшія во время военныхъ дѣйствій послѣдняго періода, приходилось замѣнить свѣжими, другія пополнить. Вотъ почему, начальникъ лѣваго фланга линейныхъ казаковъ распустилъ по домамъ, третій и четвертый баталіоны тенгинскаго, первый, второй и четвертый навагинскаго пѣхотныхъ полковъ и взводъ легкой № 4-го батареи направить на квартиры въ станицы верхне-сунженской линіи.

Въ послѣднія три недѣли отъ возобновленія военныхъ дѣйствій до роспуска отряда мы потеряли: убитыми семнадцать человѣкъ, ранеными сто восемьдесятъ пять и контужеными восемьдесятъ пять, всего двѣсти восемьдесятъ семь человѣкъ. Въ это число слѣдуетъ включить, кромѣ поименован-

ныхъ уже прежде офицеровъ, десять другихъ раненыхъ и контуженыхъ 13-го, 14-го и 15-го чиселъ декабря мѣсяца, при движеніи колонны подполковника Эггера къ Урусъ-Мартану для истребленія лѣса, при набѣгѣ князя Барятинскаго на аулъ Багочарой, при раззореніи полковникомъ Форстеномъ хуторовъ по правую сторону Гойты *).

Главной боевой силы—штыковъ—со дня открытія военныхъ дѣйствій по день ихъ прекращенія убавилось на 1455, т. е., считая по 800-тъ человекъ въ баталіонѣ, изъ строя выбыло почти два баталіона изъ девяти въ продолженіе пяти недѣль. Если мы исключимъ изъ валовой цифры 1455 около четырехсотъ человекъ, пострадавшихъ въ бояхъ отъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, останется тысяча слишкомъ человекъ, выбывшихъ изъ отряда за болѣзнь, и это, несмотря на отеческую заботливость, съ которою отрядные начальники, почти всѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, относились къ вопросу о благосостояніи и здоровьи нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ имъ войскъ.

Одновременно съ дѣйствіями главнаго чеченскаго отряда, происходили частныя нападенія непріятеля и на прочихъ пунктахъ линіи, а именно:

18-го ноября, въ самый день выступленія отряда въ малую Чечню, въ тылу колонны, слѣдовавшей изъ крѣпости Воздвиженской къ ханкальскому ущелью, показалась довольно сильная непріятельская партія со стороны Аргуна. Хотя картечными выстрѣлами изъ орудія, бывшаго въ арріергардѣ, она была разсѣяна, но въ перестрѣлкѣ, которую она завязала съ колонной, съ нашей стороны два егеря были кон-

*) Раненые: гренадерскаго полка поручикъ Кноррингъ и прапорщикъ Семеновъ, денгинскаго подпоручикъ Селезневъ, навагинскаго подпоручикъ Серебряковъ, князя Чернышева прапорщикъ Концевичъ, артилеріи прапорщикъ Ватковскій; контуженные: гренадерскаго полка поручикъ Строжевскій, денгинскаго майоръ Кемпфертъ, князя Чернышева полка подпоручикъ Рыдницъ, князя Воронцова полка прапорщикъ Евреиновъ.

тужены. 22-го декабря, въ первомъ часу пополудни, партія конныхъ чеченцевъ, болѣе пятисотъ человекъ, вѣроятно та самая, о которой дано было знать начальнику лѣваго фланга наканунѣ роспуска отряда, переправилась по льду на лѣвый берегъ Терека близъ поста Монастырскаго и поскакала въ степь, чтобы захватить пасшійся тамъ табунъ лошадей или стадо рогатаго скота. Около того же поста въ это самое время двадцать пять казаковъ занимались рыбною ловлею. Замѣтивъ вовремя партію, они открыли по ней ружейный огонь. Поднялась тревога. Съ ближайшихъ резервныхъ постовъ и станицъ стали собираться казаки. Горцы, понявъ, какой опасности они подвергаются при отступленіи, отказались отъ поиска въ степи и бросились обратно переправляться за Терекъ. Казаки преслѣдовали ихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись въ лѣсахъ сунженскаго хребта. Въ перестрѣлкѣ съ непріателемъ контуженъ сотникъ Титкинъ и раненъ одинъ казакъ—оба гребенскаго казачьяго полка. Наканунѣ, т. е. 21-го декабря, на Сунжѣ, въ томъ же родѣ была сдѣлана попытка, но только съ нашей стороны: воинскій начальникъ укрѣпленія Заканъ-юрта, полковникъ Шулицъ, предложилъ жителямъ аула, поселившася близъ укрѣпленія, отправиться на поиски на правый берегъ Сунжи. Нѣсколько всадниковъ, подъ командой узденя Бачи Саралиева, переправились на правый берегъ рѣки и, воспользовавшись оплошностью своихъ немирныхъ сосѣдей, захватили у нихъ безъ выстрѣла пятьсотъ штукъ барановъ.

Для другаго отдѣла лѣваго фланга кавказской линіи, для кумыкскаго владѣнія, этотъ промежутокъ времени отмѣченъ нѣсколькими болѣе крупными военными происшествіями: командующему войсками этого владѣнія генералъ-маіору Витовскому разрѣшено было Фрейтагомъ, пользуясь отсутствіемъ зааргунскихъ чеченцевъ, отбывшихъ въ малую Чечню, произвести нѣсколько поисковъ по ту сторону качкалыковскаго хреб-

та. Вслѣдствіе этого, въ ночь съ 27-го на 28-е ноября генераль-маіоръ Витовскій, съ шестью ротами егерскаго князя Чернышева полка, при двухъ орудіяхъ легкой № 5-го батареи 20-й артилерійской бригады, и семью сотнями донскихъ казаковъ №№ 20-го и 40-го полковъ, двинулся изъ укрѣпленія Куринскаго за качкалыковскій хребетъ къ аулу Наимъ-Берды. Истребивъ этотъ аулъ и находившіеся въ немъ запасы хлѣба и сѣна, генераль Витовскій отступилъ къ Куринскому укрѣпленію. При обратномъ движеніи колонны, чеченцы завязали съ ней довольно сильную перестрѣлку, въ которой съ нашей стороны одинъ казакъ убитъ и двое ранены; егерскаго полка контуженъ прапорщикъ Длатовскій и раненъ одинъ унтеръ-офицеръ. Въ ночь съ 28-го на 29-е ноября, присоединивъ къ своему маленькому отряду одну роту линейнаго № 12-го баталіона и одно орудіе линейной казачьей № 15-го батареи, генераль Витовскій выступилъ изъ укрѣпленія Куринскаго черезъ Кошкельды къ аулу Аллерой. Собравшіеся по тревогѣ чеченцы встрѣтили колонну ружейнымъ огнемъ, но они прекратили перестрѣлку и скрылись въ лѣсу послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ нашей артилеріи. Въ этомъ набѣгѣ убитъ одинъ унтеръ-офицеръ егерскаго полка и того же полка три егеря ранены и два контужены. Аулъ Аллерой и наблюдательный непріятельскій постъ на качкалыковскомъ хребтѣ истреблены огнемъ. Въ третьемъ набѣгѣ, въ ночь на 30-е ноября, уничтоженъ отрядомъ генерала Витовскаго аулъ Шавдонъ-Шари, безъ потери съ нашей стороны.

Къ концу стараго 1847-го года на всемъ протяженіи кумыкскаго владѣнія наступило затишье, непрерываемое ни однимъ выстрѣломъ, кромѣ тѣхъ, которыми всю ночь 31-го декабря привѣтствовали быстро приближавшійся новый 1848-й годъ.

II.

Третій періодъ зимней экспедиціи. Лагерь на Урусъ-Мартанѣ. Истребленіе лѣсовъ между этой рѣкой и Рошней, между Рошней и Гехой. Перерывъ военныхъ дѣйствій. Набѣгъ полковника барона Вревскаго въ ночь съ 25-го на 26-е января. Четвертый періодъ зимней экспедиціи. Новый операціонный базисъ. Лагерь на р. Шалажи. Истребленіе лѣсовъ вверхъ и внизъ по р. Валерику. Расчистка гехинской просѣки. Мѣсто для будущаго укрѣпленія готово. Начало оттепелей. Ротпускъ отряда. О тревогахъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Основаніе для дѣленія перечня военныхъ происшествій. Съ 1-го января по 9-е марта 1848-го года. Весна 1848-го года. Тревоги. Вторженіе въ ауховскія владѣнія 24-го іюня и послѣдствія его, Опять мѣсяцъ тревогъ. Что увидѣла Чипчаковская башня 26-го іюля на дорогѣ отъ Сулака къ Хасавъ-Юрту.

Тысяча восемьсотъ сорокъ седьмой годъ сдать своему преемнику дѣло о продолженіи и окончаніи работъ по истребленію лѣсовъ къ западу отъ Урусъ-Мартана. Къ востоку отъ этой рѣки, т. е. къ сторонѣ крѣпости Воздвиженской, все было уже окончено, и войска свободно могли двигаться по большой русской дорогѣ, такъ какъ по обѣ стороны дороги лѣса вырублены были какъ-разъ на такое разстояніе, чтобы непріятельскіе снаряды безпрепятственно не могли доноситься до нашихъ колоннъ, и батареи, устраиваемыя на бабахъ по опушкамъ лѣсовъ, не могли прикрываться вѣковыми деревьями и завалами.

Военныя дѣйствія въ малой Чечнѣ возобновились 10-го января; театромъ имъ служило въ этотъ третій періодъ зимней экспедиціи пространство между Урусъ-Мартаномъ и ея лѣвымъ притокомъ Рошней и между этой послѣдней и рѣкою Гехи. Отрядъ выступилъ изъ Грозной, своего обыкновеннаго сборнаго пункта, 8-го января въ 9-ть часовъ утра, подъ командой начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Фрейтага. Составъ его былъ прежній, кромѣ кавалеріи, въ которой произведены слѣдующія сокращенія:

донскаго № 39-го полка, вмѣсто прежнихъ двухсотъ казаковъ прибыло только двадцать; чеченской милиціи, вмѣсто прежнихъ шестидесяти восьми, явилось только сорокъ шесть человекъ; гребенскіе казаки не принимали участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Изъ артилерійскихъ частей не вошли въ составъ отряда въ день его выступленія только четыре орудія линейной казачьей № 15-го батареи, которыя, за глубокимъ снѣгомъ на линіи, не могли своевременно прибыть въ Грозную; дивизіонъ только 13-го января присоединился къ отряду.

Въ девять часовъ утра 9-го января, войска выступили изъ крѣпости Воздвиженской, куда прибыли наканунѣ въ четыре часа пополудни, и черезъ гойтенскую просѣку направились къ раззоренному аулу Урусъ-Мартану. Для рубки лѣса по лѣвую сторону дороги между Урусъ-Мартаномъ и Рошней, 10-го января выслана была колонна, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты при трехъ орудіяхъ. Протестъ чеченцевъ выразился въ слабой перестрѣлкѣ, въ которой съ нашей стороны ранены три нижнихъ чина. Нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы чеченцы разсѣялись и больше не тревожили колонны. При истребленіи лѣса въ томъ же направленіи, колонной, подъ командой флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго, 11-го января, непріятель завязалъ съ прикрытіемъ незначительную перестрѣлку, въ которой съ нашей стороны четыре нижнихъ чина ранены и два контужены.

Истребленіе лѣса продолжалось 12-го января колонной подъ командой полковника барона Вревскаго. Наибъ Анзоровъ около перваго часа дня сдѣлалъ по прикрытію нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія, скрытаго въ лѣсной чащѣ, но снаряды его далеко не долетали до нашихъ цѣпей. Въ три часа пополудни наибъ Сабдулла возобновилъ канонаду по лагерю. Орудіе его стояло на позиціи на правомъ берегу Урусъ-Мар-

тана, въ балкѣ, выше лагеря. Ему отвѣчали выстрѣлами изъ восьми орудій: четырехъ мортирной батареи и четырехъ батарейныхъ. Онъ не ожидалъ такой шумной встрѣчи и бѣжалъ съ своимъ орудіемъ вверхъ по Урусъ-Мартану. Въ девять часовъ утра изъ лагеря выступили до переправы черезъ Гойту шесть ротъ пѣхоты для конвоированія ста повозокъ коннаго транспорта, для усиленія двумя ротами князя Воронцова полка, первою и третьею, гарнизона крѣпости Воздвиженской, который долженъ былъ въ скоромъ времени приступить къ постройкѣ моста черезъ Аргунъ противъ крѣпости, такъ что изъ колонны, высланной на Гойту, въ лагерь должны были возвратиться только четыре роты. Безъ выстрѣла прошли онѣ разстояніе между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ. Никогда прежде не двигались войска такими незначительными частями по этой дорогѣ.

13-го января три баталіона пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Броневскаго, прикрывали рабочихъ, продолжавшихъ истреблять лѣса по лѣвую сторону дороги къ Рошнѣ. Передъ полуднемъ, на Гойту была выслана колонна для принятія слѣдовавшихъ изъ Воздвиженской на Урусъ-Мартанъ транспорта съ сухарями и запоздавашаго дивизіона линейной казачьей № 15-го батареи. Наибъ Дуба провожалъ ее артилерійскими выстрѣлами, когда она съ Гойты возвращалась въ лагерь. Но ни ему, ни Анзорову, стрѣлявшему изъ орудія по войскамъ, прикрывавшимъ въ этотъ день рубку лѣса, не удалось нанести вреда своими снарядами. На слѣдующій день, 14-го, истребленіе лѣсовъ продолжалось; колонной, прикрывавшей рабочихъ, командовалъ подполковникъ Махинъ. Чеченцы не препятствовали работамъ.

Морозы все время стояли на пятнадцати градусахъ, но на здоровье войскъ, благодаря, можетъ быть, ихъ постоянству, замѣтнаго вліянія не оказывали. 15-го января они по-

высились еще на пять градусовъ; холодъ былъ слишкомъ ощутителенъ даже для привычнаго русскаго человѣка, но не помѣшалъ однако чеченцамъ, во время работъ по истребленію лѣса, подѣ начальствомъ полковника Аминова, подползать къ прикрытію и вступать съ нимъ въ перестрѣлку. Съ нашей стороны раненъ одинъ нижній чинъ. Наибъ Анзоровъ по тому же прикрытію сдѣлалъ нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, къ счастью безвредныхъ. 16-го января рубка лѣса производилась вблизи оврага, изъ котораго чеченцамъ удобно было вести съ нашими цѣпями перестрѣлку, чѣмъ они и воспользовались, не смотря на двадцатиградусный морозъ. Съ нашей стороны ранено двое и контужено трое нижнихъ чиновъ.

Чтобы окончить вырубку лѣса между рѣками Урусъ-Мартаномъ и Рошной съ южной стороны большой русской дороги на одну версту, послана была колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, при восьми орудіяхъ, подѣ командой флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго, которому приказано было очистить отъ лѣса оврагъ, перерѣзывающій дорогу. Въ этомъ оврагѣ постоянно скрывались чеченцы, и пользуясь выгодами, предоставляемыми имъ этою мѣстностью, тревожили наши прикрытія ружейнымъ огнемъ. Оврагъ уже былъ занятъ чеченцами, когда колонна приблизилась къ нему. Князь Барятинскій картечью принудилъ ихъ очистить его, занялъ войсками лѣсъ, которымъ онъ былъ покрытъ, и приказалъ рубить его. Около половины дня человѣкъ до тридцати чеченцевъ, прикрываясь вѣковыми деревьями, часа два поддерживали съ цѣпями перестрѣлку. Въ этотъ день мы потеряли ранеными: егерскаго князя Чернышева полка прапорщика Гернгросса—тяжело, и трехъ нижнихъ чиновъ, и контужеными четырехъ нижнихъ чиновъ.

Работы по истребленію лѣса на лѣвомъ берегу Рошни оставалось еще дня на три; чтобы покончить съ нею, отъ

отряда откомандирована была, подъ начальствомъ полковника барона Вревскаго, колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, при восьми орудіяхъ, которая съ 18-го по 20-е января рубила по обѣ стороны русской дороги; 21-го же числа лѣсъ уничтожался по правую сторону дороги къ Рошнѣ. Въ тотъ же день шесть ротъ пѣхоты и четыре орудія ходили на Гойту для принятія транспорта съ сухимъ фуражемъ, слѣдовавшимъ съ колонной изъ Воздвиженской. Въ оврагѣ между Урусъ-Мартаномъ и Гойтой, наибъ Дуба, съ однимъ орудіемъ, подстерегалъ возвращенія этихъ шести ротъ въ лагерь, и когда онѣ приблизились къ нему на разстояніе пушечнаго выстрѣла, открылъ по нимъ огонь изъ своего орудія; но командовавшій колонной майоръ Лукомскій сосредоточеннымъ огнемъ артилеріи заставилъ замолчать непріятельское орудіе послѣ четвертаго выстрѣла. Роты вернулись въ лагерь безъ потерь. Передъ закатомъ солнца, человекъ тридцать конныхъ чеченцевъ бросились на пикетъ, выставленный отъ 1-го баталіона егерскаго князя Чернышева полка, вѣроятно съ намѣреніемъ отрѣзать его отъ лагеря, но, встрѣченные ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, отступили съ потерю нѣсколькихъ человекъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ одно тѣло. Вечеромъ лазутчики дали знать начальнику лѣваго фланга, что наибы Ахматъ и Гяхо возвратились съ своими партіями за Аргунь.

Обнажая постепенно мѣстность къ западу отъ Урусъ-Мартана, мы въ то же время облегчали себѣ доступъ къ непріятельскимъ ауламъ и хуторамъ, притаившимся въ трупцабахъ темныхъ, едва проходимыхъ лѣсовъ. На этомъ основаніи жители береговъ Рошни стали выселяться мало по малу и подаваться въ гойтенскіе лѣса, но такъ какъ вода въ рѣкѣ Гойтѣ вымерзла, то имъ поневолѣ пришлось пригонять свои стада на водопой къ Урусъ-Мартану, ниже нашего лагернаго расположенія, по близости джарганъ-юртовскихъ хуторовъ.

Получивъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что водопой начинается около половины дня и не прекращается до самаго вечера, начальникъ лѣваго фланга 22-го января предписалъ князю Барятинскому—съ 4-мъ баталіономъ тенгинскаго и 1-мъ егерскаго князя Чернышева полковъ, съ шестью орудіями и ста пятидесятью казаками моздокскаго полка, выступить изъ лагеря въ двѣнадцать часовъ и какъ можно быстрѣе двинуться къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ. Движенія этого, въ самый полдень, не было никакой возможности скрыть отъ непріятеля, который по тревогѣ началъ бы сбѣгаться со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, но начальникъ лѣваго фланга, замѣнивъ числительную силу отряда внезапностью его выступленія и быстротою движенія, надѣялся отхватить хоть часть рогатаго скота.

Отъ лагеря до Джарганъ-юрта шесть верстъ. Едва войска этого маленькаго летучаго отряда успѣли отойти версты двѣ отъ мѣста, какъ въ сторонѣ водопоя послышались сигнальные выстрѣлы: движеніе было открыто. Князь Барятинскій немедленно послалъ командовавшаго казаками ротмистра Іедлинскаго по направленію къ Джарганъ-юрту, приказавъ захватить, что попадется подъ руку, и продержаться съ добычею до прибытія пѣхоты. Ротмистру Іедлинскому удалось отбить семьдесятъ штукъ крупнаго рогатаго скота и взять въ плѣнъ одну женщину и трехъ раненыхъ казаками чеченцевъ. Тревога быстро распространилась по окрестностямъ; со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться чеченцы; казаки были окружены. Ротмистръ Іедлинскій, опасаясь за свою добычу, которой легко могъ лишиться, если начнетъ отступать, приказалъ казакамъ спѣшиться и залечь за случившійся тутъ заваль. Заслышавъ учащенную перестрѣлку, пѣхота, слѣдовавшая все время форсированнымъ маршемъ, бѣгомъ поспѣшила на выручку казаковъ. Чеченцамъ не удалось возвратить захваченную у нихъ добычу. Плѣнные чеченцы умерли отъ ранъ при обратномъ движеніи нашей колонны. Вся потеря съ нашей стороны въ

этомъ дѣлѣ пала на долю моздокскаго казачьяго полка, который лишился одного убитаго и шестерыхъ раненыхъ; убито двѣ и ранено восемь лошадей.

Не смотря на ежедневныя и усиленныя работы по истребленію лѣсовъ въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана, пришлось еще два дня, 22-го и 23-го января, посылать колонны для той же надобности къ сѣверной сторонѣ большой русской дороги. Непріятель не препятствовалъ работамъ и даже не показывался: мѣста, покинутыя жителями, повидимому перестали уже интересоваться ихъ. Но и къ 24-му января, послѣ послѣднихъ двухъ дней усиленной рубки лѣса, мѣстность къ сѣверу отъ большой русской дороги, къ сторонѣ Сунжи, еще не совершенно была открыта на пушечный выстрѣлъ; но такъ какъ лѣсъ, ее прикрывавшій, не будучи сплошнымъ, не могъ препятствовать военнымъ дѣйствіямъ, то начальникъ лѣваго фланга рѣшился прекратить дальнѣйшую вырубку лѣса между Урусъ-Мартаномъ и Рошней, потому что оставленный уничтожится самъ собою, когда войска будутъ стоять въ лѣтнюю экспедицію лагеремъ на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ; сюда очень удобно и безопасно будетъ посылать команды за дровами. Съ южной стороны дороги, хотя лѣса вырублены на цѣлую версту въ ширину просѣки, но большихъ деревьевъ, годныхъ для строеваго лѣса, не велѣно трогать, такъ какъ они могутъ быть употреблены въ дѣло при заложеніи крѣпости на Урусъ-Мартанѣ.

Ровно двѣ недѣли, неустанно, въ трескучіе морозы, трудились войска надъ выполненіемъ далеко не легкой задачи—густо поросшее вѣковыми лѣсами пространство въ шесть квадратныхъ верстъ превратить въ открытое поле. Нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ лѣсными гигантами отъ полутора до двухъ аршинъ и болѣе въ діаметрѣ; побѣда надъ такимъ колоссомъ требовала иногда, смотря по его породѣ, непрерывной работы нѣсколькихъ топоровъ въ продолженіе полныхъ семи рабочихъ часовъ. Эти патріархи кавказскихъ дебрей, съ густо

разросшимися вокругъ нихъ поколѣніями, попадались чуть ли не на каждыя десяти-двѣнадцати квадратныхъ саженьяхъ. Шумъ отъ ихъ паденія не заглушался даже ружейной перестрѣлкой; падая, они увлекали съ собою другія деревья; раздавался по лѣсу трескъ, оглушительный, протяжный, сопровождаемый криками „ура“, веселымъ смѣхомъ и остротами. Начальникъ отряда рѣшилъ сдѣлать небольшой перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы дать возможность солдату привести въ порядокъ одежду и обувь, и сколько нибудь отдохнуть. Для этой цѣли отрядъ двумя колоннами направлень былъ на временныя квартиры. Въ первой, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, находились: донскіе и линейные казаки, 2-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, 1-й баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, шесть ротъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, дивизіонъ линейной казачьей № 15-го батареи, взводъ донской № 3-го батареи, дивизіонъ батарейной № 3-го батареи 20-й артилерійской бригады, взводъ подвижной гарнизонной артилеріи; вторую колонну, подъ командой полковника барона Вревскаго, составляли: 3-й и 4-й баталіоны тенгинскаго пѣхотнаго полка, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны навагинскаго пѣхотнаго полка, дивизіонъ легкой № 4-го батареи 20-й артилерійской бригады. Войска снялись съ позиціи въ семь часовъ утра. Ни одинъ чеченецъ не показывался въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана. Колонна барона Меллера-Закомельскаго прошла въ крѣпость Воздвиженскую безъ выстрѣла.

Колонна полковника барона Вревскаго двинулась къ Атхою по большой русской дорогѣ. Когда она подходила къ Валерику, между нею и этой рѣчкой показалась конная партія чеченцевъ, около двухсотъ человѣкъ, имѣвшая, повидимому, намереніе замедлить переправу нашихъ войскъ. Баронъ Вревскій быстрымъ движеніемъ къ Валерику предупредилъ намереніе непріятеля. Завязалась перестрѣлка; первому баталіону

навагинскаго пѣхотнаго полка пришлось выдержать довольно сильный ружейный огонь.

Войска переправились съ потерей четырехъ нижнихъ чиновъ ранеными, одного штабъ-офицера (навагинскаго полка маіоръ Лукомскій) и трехъ нижнихъ чиновъ контужеными и двухъ лошадей убитыми. Между Валерикомъ и Ачхоемъ непріятель больше не показывался.

Зная, какъ безпечны бываютъ чеченцы передъ роспускомъ отрядовъ, генералъ Фрейтагъ предписалъ барону Вревскому—въ ночь съ 25-го на 26-е января сдѣлать набѣгъ, для чего заблаговременно просить начальника владикавказскаго военного округа генерала Нестерова предоставить въ распоряженіе барона Вревскаго возможно больше кавалеріи. Въ полночь колонна, въ составѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты: 4-го тенгинскаго и 1-го, 2-го и 3-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, при шести орудіяхъ, съ шестью сотнями линейныхъ казаковъ сунженскаго полка и двумя сборными сотнями донскаго № 19-го полка, выступила изъ Ачхоя по направленію къ густо населенной мѣстности, ауламъ: новый Гехинъ-Кажъ, старый Гехинъ-Кажъ, Тегень-юртъ, Берды-юртъ и нѣкоторые другимъ. Отъ опушки лѣса баронъ Вревскій отдѣлилъ всю кавалерію, подъ начальствомъ полковника Слѣпцова, для занятія обреченныхъ раззоренію ауловъ. Появленіе казаковъ, послѣ роспуска отряда, въ такое время, когда менѣе всего можно было ожидать тревоги, до такой степени озадачило чеченцевъ, что они сначала какъ бы не вѣрили своимъ глазамъ. Пользуясь ихъ замѣшательствомъ, полковникъ Слѣпцовъ, не теряя времени, быстро охватилъ аулы и, спѣшивъ большую часть казаковъ, приказалъ имъ занять сакли и опушку лѣса, окружавшаго чеченскія деревни. Чеченцы защищались отчаянно въ своихъ сакляхъ; многія изъ нихъ приходилось брать штурмомъ. По тревогѣ, изъ окрестныхъ деревень стали сбѣгаться чеченцы; въ цѣни завязалась жаркая перестрѣлка;

въ аулахъ шелъ рукопашный бой. Пѣхота нѣсколько замедлила прибытіемъ вслѣдствіе глубокаго снѣга и встрѣтившихся на пути препятствій, такъ какъ колонна слѣдовала не по дорогамъ, по которымъ движеніе ея легко могло быть открыто пикетами. Какъ только подошла пѣхота, баронъ Вревскій тотчасъ же смѣнилъ цѣль спѣшенныхъ казаковъ шестью ротами навагинскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями. Аулы, занятые казаками, были разорены и преданы огню. Кромѣ разнаго имущества, найденнаго въ сакляхъ, добычу отряда составляли плѣнные, въ числѣ пятнадцати человѣкъ обоого пола, двадцать лошадей, двѣсти головъ рогатаго скота и множество оружія. Колонна отступила. Это движеніе, столь же неожиданное для нашихъ войскъ, сколько и для чеченцевъ, стоило намъ трехъ офицеровъ убитыми, трехъ ранеными и двухъ контужеными *); семнадцати нижнихъ чиновъ убитыми, шестидесяти двухъ ранеными и семи контужеными; тридцать шесть лошадей убито и тридцать девять ранено.

Набѣгомъ барона Вревскаго завершились военныя дѣйствія третьяго періода зимней экспедиціи 1847—1848-го годовъ. Въ этотъ періодъ мы потеряли убитыми, ранеными и контужеными: штабъ и оберъ-офицеровъ двѣнадцать, нижнихъ чиновъ сто двадцать шесть; всего же выбыло изъ строя съ 10-го по 26-е января сто тридцать восемь человѣкъ. Изъ этого числа семьдесятъ девять, т. е. больше половины, приходится на послѣдній набѣгъ.

Вырубкою лѣсовъ въ окрестностяхъ Рошни задача чеченскаго отряда въ зимнюю экспедицію 1847—48-го годовъ

*) Убитыми: донскаго № 19-го полка есаула Саринова и сотника Ткачева и сунженскаго линейнаго казачьяго № 1-го полка сотника Суровецкаго; ранеными: тенгинскаго полка поручика Левандовскаго, навагинскаго штабсъ-капитана Ленскаго и донскаго № 19-го хорунжаго Цыплакова; контужеными: тенгинскаго полка прапорщика Ушакова и сунженскаго сотника Баскакова.

не была исчерпана. Правда, отъ крѣпости Воздвиженской до рѣки Гехи, на протяженіи двадцати двухъ верстъ, большая русская дорога, пролежавшая прежде между зарослями, лѣсами и перелѣсками, была теперь открыта со всѣхъ сторонъ, и войска свободно могли двигаться по ней, если не совершенно безпрепятственно, какъ въ мирной странѣ, то, во всякомъ случаѣ, не подвергаясь нечаяннымъ нападеніямъ изъ-за скрытыхъ засадъ; но оставалось еще такое или почти такое же разстояніе, т. е. около двадцати двухъ верстъ отъ рѣки Гехи до Ачхоевскаго укрѣпленія, крайняго западнаго пункта будущей чеченской передовой линіи, крайнимъ восточнымъ пунктомъ которой была Воздвиженская. Теперь, въ этотъ четвертый періодъ экспедиціи, для удобнѣйшаго доставленія въ отрядъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, при очисткѣ пространства между Гехою и Ачхоемъ, за основаніе предстоявшихъ военныхъ дѣйствій принято было Ачхоевское укрѣпленіе.

Наступали оттепели; слѣдовать черезъ Чечню съ большимъ обозомъ становилось затруднительно; войскамъ приходилось идти къ новому мѣсту лагернаго расположенія въ обходъ, вверхъ по Сунжѣ, правымъ ея берегомъ, почему начальникомъ лѣваго фланга предписано было полковнику барону Меллеру-Закомельскому—29-го января изъ Воздвиженской прибыть въ Грозную съ шестью ротами егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, при двухъ орудіяхъ донской № 3-го батареи. 30-го января всѣ наличныя войска чеченскаго отряда, за исключеніемъ колонны полковника барона Вревскаго, остававшейся въ Ачхоѣ, въ восемь часовъ утра выступили изъ Грозной къ Заканъ-Юрту и 31-го сдѣлали переходъ отъ Заканъ-Юрта до Казахъ-Кичу, гдѣ переночевали. 1-го февраля всѣ войска, принадлежавшія къ составу чеченскаго отряда *), соединились въ Ачхоѣ, откуда на слѣ-

*) За исключеніемъ мортирной батареи и одного орудія батарейной № 3-го батареи 20-й артилерійской бригады.

дующій день, въ восемь часовъ утра, двинулись къ рѣкѣ Шалажи, по берегамъ которой въ два часа пополудни расположились лагеремъ.

Медлить было некогда, потому что съ каждымъ днемъ становилось теплѣе: весна шла впередъ, не оборачиваясь, какъ это бываетъ въ мѣстностяхъ, отличающихся непостоянствомъ и спутанностью временъ года; а между тѣмъ и время для полевыхъ работъ еще не скоро должно было наступить; отъ морозовъ же, лишавшихъ бодрости нашихъ противниковъ, нельзя было ожидать содѣйствія успѣху нашихъ операций.

3-го февраля изъ лагеря высланы были двѣ колонны: одна для истребленія лѣса между рѣками Шалажи и Нетхоемъ, другая въ Ачхоевское укрѣпленіе за сѣномъ для продовольствія лошадей. Еще три дня—4-го, 5-го и 6-го производилась рубка лѣса все въ томъ же направленіи, между Шалажи и Нетхоемъ. Непріятель не показывался. Въ послѣдующіе же затѣмъ четыре дня, отъ 7-го до 10-го, лѣса истреблялись вверхъ и внизъ по Валерику; при этомъ уничтожались и хутора, попадавшіеся въ окрестностяхъ большой русской дороги. Сверхъ ожиданія, чеченцы не препятствовали работамъ, ограничиваясь самыми незначительными перестрѣлками, въ которыхъ раненъ одинъ нижній чинъ. Удобнѣе было бы, для успѣшной рубки лѣса по Валерику, расположить войска лагеремъ на самой рѣкѣ, но такъ какъ въ ней въ настоящее время не было воды, то войска по-неволѣ должны были оставаться на Шалажи, въ трехъ верстахъ отъ Валерика. Къ 14-му февраля, весь лѣсъ внизъ по Валерику, насколько того требовала безопасность большой русской дороги, былъ вырубленъ; гехинская просѣка, успѣвшая, подобно гойтенской, покрыться зарослями, была расчищена. 15-го февраля войска расположились лагеремъ на Гехи, 16-го и 17-го занимались истребленіемъ

лѣса вверхъ по этой рѣкѣ, 18-го на разсвѣтѣ снялись съ позиціи.

Задача, возложенная на чеченскій отрядъ, была окончена. Большая русская дорога отъ крѣпости Воздвиженской до укрѣпленія Ачхоевскаго была очищена отъ лѣсовъ; теперь она имѣла гораздо больше сходства съ большой дорогой, нежели прежде. Начальникъ лѣваго фланга прекратилъ военныя дѣйствія въ малой Чечнѣ, и днемъ окончательнаго роспуска отряда назначено было 18-е февраля. Войска съ береговъ Гехи выступили двумя колоннами: тѣ, которыя принадлежали къ владикавказскому военному округу, двинулись черезъ Ачхой на сунженскую линію, а войска лѣваго фланга черезъ Воздвиженскую направились въ Грозную. Эти послѣднія не окончательно распростились съ чеченцами. Стоявшая нѣсколько дней сряду ясная и теплая погода распустила снѣгъ по ущельямъ Черныхъ горъ, рѣки тронулись, наполнились водой, которая поднялась выше обыкновеннаго уровня, и переправы сдѣлались затруднительны. Согретые весеннимъ солнцемъ, чеченцы высыпали изъ своихъ ущѣлѣвшихъ труповъ провожать нашу колонну до Гойты; на каждой изъ трехъ рѣкъ, начиная отъ Рошни, они завязывали съ ней перестрѣлку, гарцуя по вновь растищеннымъ полянамъ, забѣгая впередъ, поджидая войска на переправахъ. Эти проводы не обошлись безъ потерь для нашего отряда; ранены: одинъ оберъ-офицеръ, подпоручикъ Навроцкій, и семь нижнихъ чиновъ; контужены: прапорщикъ Джаджановъ и восемь нижнихъ чиновъ. И такъ, два оберъ-офицера и пятнадцать нижнихъ чиновъ составляютъ весь уронъ четвертаго періода зимней экспедиціи. Всего же вышло изъ строя въ зимнюю экспедицію 1847—48-го годовъ убитыми, ранеными и контужеными триста человекъ.

Три мѣсяца неутомимаго, добросовѣстнаго труда тысячи ста рабочихъ рукъ, подъ прикрытіемъ шести тысячъ (сред-

нимъ числомъ) человекъ, принадлежащихъ къ разнаго рода оружію, потребовалось для того, чтобъ уровнять путь отряду, которому предстояло лѣтомъ 1848-го года поставить крѣпость на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ, не первоклассную крѣпость, не твердыню, но укрѣпленный обсерваціонный и оборонительный пунктъ для какихъ нибудь четырехъ, много шести ротъ.

Съ половины ноября до второй половины февраля военныя дѣйствія нашего отряда въ малой Чечнѣ имѣютъ характеръ безусловно наступательный: войска заняли извѣстное пространство непріятельской территоріи, измѣнили его топографическія условія, дали странѣ совершенно другую фізіономію, перевернули вверхъ дномъ ея экономическія основы; когда все было кончено, и край сдѣлался неузнаваемъ, они разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ и захолустьямъ. Но періодъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій не исключалъ возможности возникновенія на разныхъ пунктахъ кавказской линіи эпизодовъ никогда не прекращавшейся оборонительной войны. Напротивъ, ни одинъ воинскій начальникъ никогда не могъ съ увѣренностью сказать, что гарнизонъ ввѣреннаго ему поста проведетъ день и ночь такого-то числа и мѣсяца въ мирныхъ трудахъ и мирномъ снѣ, никѣмъ и ничѣмъ не потревоженный, и всегда, во всякій часъ дня и ночи, вездѣ, на всѣхъ пунктахъ, всѣ могли ожидать чего нибудь.

Такъ какъ горцы, для своихъ вторженій въ наши предѣлы, руководствовались условіями, о которыхъ намъ ничего не было извѣстно, и никогда не оказывали особеннаго предпочтенія той или другой мѣстности, появляясь иногда то въ самой опасной для себя, то въ такой, гдѣ ничтожные результаты, на которые они могли рассчитывать, не представляли никакихъ разумныхъ основаній для нападенія, то за основаніе дѣленія исторіи военныхъ происшествій удобнѣе всего

принять времена года, хотя и оно не можетъ назваться рациональнымъ. Благопріятныя и неблагопріятныя условія то совпадаютъ, то расходятся, такъ что и это дѣленіе по временамъ года не можетъ служить масштабомъ для правильныхъ выводовъ и коментарій, но оно, но крайней мѣрѣ, не произвольное и представляетъ менѣе запутанности.

Январь мѣсяцъ прошелъ спокойно, но въ февралѣ мѣсяцѣ изъ четырехъ столкновеній съ непріятельскими партіями заслуживаетъ вниманія слѣдующее: 23-го февраля, изъ крѣпости Воздвиженской въ лѣсъ за дровами посланъ былъ 3-й баталіонъ князя Воронцова полка въ полномъ составѣ, при двухъ орудіяхъ, съ двадцатью пятью казаками донскаго № 39-го полка. Наиобъ Дуба по тревогѣ собралъ партію чеченцевъ, болѣе трехсотъ человѣкъ, и какъ только колонна начала отступать отъ лѣса, сдѣлалъ по ней залпъ и готовился броситься въ пашки на арріергардную цѣпь, но, встрѣченный сильнымъ ружейнымъ огнемъ, мгновенно скрылся въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ, раздѣливши свою партію на три части, одновременно атаковалъ арріергардную и обѣ боковыя цѣпи. Но и эта попытка Дубы окончилась неудачей: по приказанію колоннаго начальника подполковника Костырки, резервы встрѣтили атакующихъ штыками. Чеченцы, не рѣшаясь вступить въ рукопашный бой съ опытными и храбрыми егерями, бѣжали, преслѣдуемые огнемъ. Въ этомъ дѣлѣ контуженъ егерскаго князя Воронцова полка поручикъ Греченевскій, шестнадцать егерей ранены и одинъ убитъ. Первые числа марта мѣсяца, за исключеніемъ мелкихъ тревогъ и прорыва хищническихъ партій, не представляли также ничего выдающагося.

Такъ кончилась зима 1848-го года на лѣвомъ флангѣ, и начиная съ 10-го января по 9-е марта, въ предѣлахъ его всего выбыло изъ фронта, включая сюда войска владикавказскаго военнаго округа, принимавшія участіе въ военныхъ дѣй-

ствіяхъ чеченскаго отряда: штабъ и оберъ-офицеровъ убитыхъ—3, раненыхъ и контуженыхъ—7; нижнихъ чиновъ убитыхъ—21, раненыхъ и контуженыхъ—151. Въ предѣлахъ же лѣваго фланга кавказской линіи изъ мирныхъ жителей трое убито, одиннадцать ранено.

Весна началась тревогой, имѣвшей для жителей кумыкской плоскости менѣе счастливый исходъ: 9-го марта, между Внезапной и Хасавъ-юртомъ, конная партія хищниковъ около сорока человѣкъ напала на пять человѣкъ кумыковъ и двухъ армянъ, ограбила ихъ, убила одного армянина, ранила одного кумыка и съ добычей скрылась въ горы. Спустя три дня, нѣсколько семействъ бывшихъ алдынскихъ хуторовъ *), желая выселиться въ наши владѣнія, въ аулы, расположенные близъ крѣпости Грозной, обратились къ начальнику лѣваго фланга прикрыть частью войскъ ихъ имущество во время переселенія. Начальникъ лѣваго фланга приказалъ выслать колонну изъ крѣпости Грозной къ аулу старые Алды для рубки дровъ. Конная партія наиба Сабдуллы сильно преслѣдовала переселенцевъ, но ружейнымъ и картечнымъ огнемъ нашей колонны была разсѣяна. Имущество переселенцевъ благополучно доставлено на мѣсто. Съ нашей стороны въ перестрѣлкѣ съ непріателемъ одинъ рядовой раненъ и одинъ контуженъ.

Двѣнадцать дней было тихо и на линіяхъ, и въ кумыкскомъ владѣніи. Чѣмъ объяснить подобный перерывъ: половодьемъ или весенними полевыми работами? Половодье для большихъ рѣкъ, которыхъ верховья находятся у главнаго хребта, наступаетъ поздно; полевая работа въ горахъ начинается около этого времени. 14-го марта тревоги возобновляются: въ этотъ самый день, значительная партія конныхъ чеченцевъ спустилась съ качкалыковского хребта близъ быв-

*) Алды къ юго-западу отъ Грозной, при устьѣ Гойты, роліна знаменитаго шейха Мансура.

шаго Горячеводскаго укрѣпленія (Истису). Командующій подвижнымъ резервомъ въ укрѣпленіи Куринскомъ подполковникъ Майдель, съ тремя ротами пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, и тремя сотнями казаковъ, двинулся навстрѣчу партіи. Чеченцы, замѣтивъ движеніе войскъ, направлявшихся въ ихъ сторону, стали поворачивать назадъ къ качкалыковскому хребту, но прежде нежели успѣли подняться на него, подвижной резервъ настигъ ихъ и началъ поражать огнемъ артилеріи и боевыхъ ракетъ. Партія разсѣялась; чеченцы потеряли нѣсколько человекъ убитыми и ранеными; съ нашей стороны контуженъ одинъ егеръ князя Чернышева полка. Мелкія нападенія горцевъ на наши отдѣльныя команды продолжались; нерѣдко платились жизнью и имуществомъ и мирные горцы.

Между ними, преимущественно кумыками и горами другихъ наименованій, были жители дѣйствительно мирные, преданные русскимъ и дорожившіе своимъ положеніемъ мирныхъ жителей. Въ горахъ ихъ ненавидѣли, считая измѣнниками, и при всякомъ удобномъ случаѣ дорого заставляли ихъ платить за измѣну. Это была первая категорія мирныхъ жителей, самая малочисленная. Въ глазахъ правовѣрныхъ они были великими грѣшниками, проливавшими кровь своихъ единовѣрцевъ въ рядахъ гяуровъ, подъ ихъ нечистыми знаменами. Ко второй категоріи принадлежало большинство—люди сомнительной преданности: мирные, когда того требовалъ интересъ и ихъ личная безопасность, немирные, когда счастье улыбалось имаму при его вторженіяхъ въ наши предѣлы; людямъ этой категоріи сходило все съ рукъ: русскіе не ставили имъ измѣны въ вину на томъ основаніи, что они были увлечены силою обстоятельствъ, наконецъ еще и потому, что они составляли громадное большинство. Попадались и между ними люди, истинно преданные русскимъ, но свою преданность, изъ робости, изъ опасенія мести, они таили про себя. Третью категорію, къ счастью немногочисленную, составляли люди,

пропитанные до мозга костей ненавистью къ русскимъ. Они выселялись въ наши предѣлы для того, чтобы ближе наблюдать за нами, слѣдить за всѣми нашими дѣйствіями, сообщать наши планы и намѣренія, давать знать обо всѣхъ нашихъ затрудненіяхъ, промахахъ, о малѣйшей опасности. Мы далеко не знали такъ хорошо набобовъ Шамиля, какъ Шамиль зналъ нашихъ генераловъ и выдающихся боевыми качествами начальниковъ частей; всѣ эти свѣдѣнія собирались и передавались по принадлежности жителями послѣдней, самой опасной категоріи. Коварство и лицемеріе ихъ можно бы назвать изящными, еслибы гнусное и изящное могли быть совмѣстимы. Іезуитъ, съ своей напускной набожностью, заставляющею васъ быть насторожѣ, покажется школьникомъ въ сравненіи съ этими настоящими професорами двуличности. Нельзя не отдать справедливости большей части нашихъ отрядныхъ и колонныхъ начальниковъ: они одинаково не довѣряли людямъ всѣхъ трехъ названныхъ выше категорій; они знали, что имѣютъ дѣло съ сынами востока; осторожность съ ними — самая мудрая политика. Осторожность — мать безопасности, говоритъ арабская, т. е. восточная же пословица.

Тревоги продолжались въ апрѣлѣ и въ маѣ мѣсяцахъ. Отымѣтимъ изъ числа ихъ особенно выдающіеся: 29-го апрѣля, въ два часа пополудни, командующій войсками въ крѣпости Воздвиженской, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, съ первымъ баталіономъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, при одномъ орудіи донской казачьей № 3-го батареи, и сотнею казаковъ донскаго № 39-го полка, переправившись по мосту на правый берегъ Аргуна, отбилъ у непріятеля двадцать три штуки рогатаго скота и четырехста барановъ. Когда онъ отступалъ съ добычею, чеченцы сильно преслѣдовали его колонну, въ особенности арріергардную цѣпь, на которую нѣсколько разъ бросались въ шашки, но всякій разъ съ урономъ были опрокидываемы. Кромѣ добычи, захваченной ба-

рономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, въ нашихъ рукахъ осталось три непріятельскихъ тѣла. Потеря наша состояла въ трехъ контуженыхъ и пяти раненыхъ егеряхъ и одной раненой казачьей лошади. 2-го мая, въ четыре часа пополудни, три чеченскихъ наиба: Талпикъ, Сабдулла и Дуба, съ партіею конныхъ чеченцевъ болѣе семисотъ человѣкъ, бросились со стороны аргунскаго ущелья на пасшійся вблизи крѣпости Воздвиженской скотъ, принадлежавшій жителямъ аула Чахкери. Выскочившіе на тревогу чахкеринцы сильнымъ ружейнымъ огнемъ остановили покушеніе непріятеля и такимъ образомъ не дали ему воспользоваться добычей; мало того, надѣясь на скорую помощь нашихъ войскъ, рѣшились атаковать его. Сборище чеченцевъ раздѣлилось на двѣ партіи: одна приняла направленіе къ гойтенской просѣлкѣ, другая бѣжала по лѣвому берегу Аргуна къ ущелью. Войска, выбѣжавшія изъ крѣпости, также раздѣлившись на двѣ колонны, начали преслѣдовать обѣ бѣгущія партіи. Чахкеринцы, увлекшись преслѣдованіемъ, были окружены чеченцами, которые дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія съ праваго берега Аргуна, но подоспѣвшія на выручку войска сбили непріятельское орудіе и картечнымъ огнемъ разсѣяли партіи. Смѣлая выходка чахкеринцевъ стоила имъ только трехъ раненыхъ. Войска безъ урона возвратились въ крѣпость. 12-го мая, въ часъ пополудни, изъ крѣпости Грозной посланъ былъ курьеръ на линію. До рѣки Нефтянки, по распоряженію начальника лѣваго фланга, его конвоировали сорокъ человѣкъ казаковъ донскаго № 39-го полка. Исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, казаки возвращались въ Грозную и уже отъѣхали версты двѣ отъ Нефтянки, какъ со стороны Сунжаки показалась партія конныхъ чеченцевъ, болѣе четырехсотъ человѣкъ, предводительствуемая наибами: Сабдуллою, Талпикомъ и Дубой. Чеченцы, замѣтивъ горсть донскихъ казаковъ и считая ихъ своею вѣрною добычею, понеслись на

нихъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзать ихъ отъ Грозной и въ нѣсколько минутъ истребить. Офицеръ, командовавшій казаками, хорунжій Погожевъ, видя несущагося къ его командѣ непріателя, по крайней мѣрѣ въ десять разъ сильнѣйшаго, приказалъ казакамъ спѣшиться и построиться въ кружокъ. Когда чеченцы съ обнаженными пашками приблизились на пистолетный выстрѣлъ, казаки встрѣтили ихъ такимъ дружнымъ ружейнымъ огнемъ, что тѣ пріостановились. Тогда Талгикъ, окруживъ донцовъ со всѣхъ сторонъ, открылъ по нимъ сильнѣйшій огонь и нѣсколько разъ бросался въ пашки, но разорвать тѣсно сомкнутый кружокъ ему все-таки не удалось: казаки не теряли присутствія духа, и хладнокровно, безъ малѣйшей суетливости, продолжали держать непріателя непрерывавшимся ни на минуту ружейнымъ огнемъ на извѣстномъ разстояніи. Болѣе получаса всѣ усилія чеченцевъ разстроить и затѣмъ уничтожить эту горсть казаковъ оставались безплодными. Перестрѣлка между тѣмъ услышана была въ Грозной. Вызванные по тревогѣ войска уже показались на дорогѣ къ мѣсту схватки. Чеченцы, замѣтивъ пыль, быстро приближавшуюся къ нимъ со стороны Грозной, сдѣлали послѣднее усиліе: вся масса ихъ съ угрожающими жестами и гикомъ хлынула на казаковъ. Положеніе этихъ послѣднихъ было критическое: еслибы они дрогнули при этомъ рѣшительномъ натискѣ, участь ихъ была бы рѣшена. Но голосъ хорунжаго Погожева и неустрашимаго урядника Назарова, кричавшихъ: „не робѣй братцы, наши близко!“ одушевилъ молодыхъ казаковъ—и они выдержали нападеніе. Черезъ нѣсколько мгновеній дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ разсѣялся; горсть казаковъ, до этой минуты заслоняемая густыми массами непріателя, теперь была вся на виду; чеченцы бѣжали къ Нефтянкѣ, гдѣ ихъ ожидала партія пѣшихъ. Войска наши, преслѣдуя обѣ партіи, разсѣяли ихъ картечнымъ огнемъ. Казакамъ донскаго № 39-го полка въ первый разъ пришлось имѣть дѣло

съ непріятелемъ въ десять разъ сильнѣйшимъ, и они съ честью вышли изъ испытанія, не смотря на то, что между ними не мало было раненыхъ. Потеря ихъ простиралась до четырнадцати раненыхъ и трехъ контуженыхъ: семнадцать изъ сорока выбыло изъ строя. Уронъ въ лошадяхъ также чувствителенъ: семь убито, двадцать двѣ ранены.

Въ концѣ весны, со второй половины мая, на плоскости, какъ вдоль береговъ Терека и Сунжи, такъ равно и въ кумыкскомъ владѣніи, вездѣ начинаются покосы; жители уже не могутъ сильными прикрытіями оберегать свои пасущіяся стада и табуны, охрана которыхъ ввѣряется нѣсколькимъ пастухамъ, иногда двумъ или тремъ, большею частью людямъ бѣднымъ, плохо вооруженнымъ—чѣмъ и объясняются крупные размѣры хищническихъ покушеній непріятеля, въ которыхъ принимаютъ участіе даже наибы. Если мы взглянемъ на вопросъ съ физической точки, то и въ ней найдемъ оправданіе воинственнаго настроенія нашихъ непокорныхъ сосѣдей: весной все оживаетъ въ природѣ; человѣкъ также чувствуетъ себя бодрѣе, предприимчивѣе; опасности улыбаются ему, потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ настойчиво требуетъ удовлетворенія.

Весна 1848-го года была самымъ лучшимъ временемъ года для лѣваго фланга по отношенію къ понесеннымъ имъ утратамъ, въ особенности, если принять во вниманіе смѣлыя вторженія непріятеля въ его предѣлы сильными партіями, доходившими иногда до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. За три весеннихъ мѣсяца, съ 9-го марта по 12-е іюня, потери его выражаются въ слѣдующихъ скромныхъ цифрахъ: изъ оберъ-офицеровъ только одинъ раненъ; нижнихъ чиновъ убито четыре, ранено 27-мъ, контужено 12-тъ, взято въ плѣнъ два. Жители мирныхъ ауловъ, которые, въ бдительности и энергическомъ сопротивленіи непріятелю, старались не отставать отъ нашихъ войскъ, потеряли за истек-

ше три мѣсяца убитыми пять, ранеными пятнадцать и плѣнными шесть.

Наступило обильное военными эпизодами лѣто 1848-го года. Послѣдній его мѣсяць отмѣченъ былъ событіемъ, которое составляетъ эпоху въ исторіи покоренія Чечни *).

14-го іюня, партія конныхъ чеченцевъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ наибовъ, поднявшись изъ оврага подлѣ селенія Брагуны, быстро направилась къ Старому юрту и въ одно мгновеніе окружила аулъ, намѣреваясь, повидимому, ворваться въ него, такъ какъ большая часть жителей находилась въ это время на покосѣ. Оставшіеся отъ полевыхъ работъ староюртовцы, какъ ни незначительно было ихъ число, ободренные старшимъ княземъ своимъ Муртазали Бековичемъ Черкасскимъ, бросились къ воротамъ, заняли канаву, которою обнесень аулъ, и открыли по непріятелю сильный ружейный огонь. Озадаченный этимъ неожиданнымъ отпоромъ, поддержаннымъ выстрѣлами крѣпостной артилеріи, непріятель принужденъ былъ съ урономъ отступитъ отъ аула. Горцы успѣли захватить въ степи до восьмисотъ головъ рогатаго скота и девять лошадей. Староюртовцы хотя и преслѣдовали непріятеля, но, по малочисленности своей, не могли отбить назадъ свой скотъ. Два часа продолжалась перестрѣлка. Изъ

*) Авторъ этихъ записокъ былъ свидѣтелемъ этого событія, имѣлъ возможность прослѣдить его отъ начала до конца, во всѣхъ его деталяхъ и перипетіяхъ. За цифры, выставляемыя въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ начальниковъ частей, авторъ, конечно, не отвѣчаетъ, но находитъ умѣстнымъ привести здѣсь анекдотъ, не забытый и теперь еще ветеранами лѣваго фланга, который сразу поставитъ читателя на извѣстную точку зрѣнія:

Воинскій начальникъ одного укрѣпленія доноситъ генералъ-лейтенанту Нестерову, что высланная имъ на фуражировку рота такого-то числа была атакована партіей въ двѣ тысячи человѣкъ, но, благодаря распорядительности, и пр. и пр. Нестеровъ зналъ уже объ этомъ происшествіи отъ своихъ вѣрныхъ лазутчиковъ; зналъ, что въ партіи было всего триста человѣкъ. Прочитавъ донесеніе, онъ написалъ на немъ своей рукой: „у страха глаза велики“.

мирныхъ жителей девять человѣкъ ранено. Непріятель бросилъ десять тѣлъ на мѣстѣ и одну лошадь съ сѣдломъ. Потеря его въ этомъ набѣгѣ должна быть значительна, судя по меткости выстрѣловъ, которыми старались вредить нападающимъ староюртовцы. Въ партіи было до четырехъ тысячъ человѣкъ, какъ говорится въ донесеніи чеченскаго пристава штабсъ-капитана Доможирова *).

14-го іюня, около четырехъ часовъ пополудни, 1-го сунженскаго линейнаго казачьяго полка сотникъ Ситниковъ, взявъ съ собою неслужащаго казака Ассинской станицы Кононова, отправился съ сѣнокоса, за полторы версты, купаться на рѣку Ассу, противъ бывшаго аула Шеналокъ. Выкупавшись и одѣвшись, онъ сталъ уже садиться на лошадь съ тѣмъ, чтобы вернуться на покосъ, какъ въ это время замѣтилъ притаившихся въ кустахъ неподалеку отъ мѣста купанья шесть человѣкъ всадниковъ, въ которыхъ нетрудно было признать хищниковъ. Не думая о послѣдствіяхъ, сотникъ Ситниковъ приложился изъ бывшаго при немъ ружья и сдѣлалъ выстрѣлъ; одинъ изъ хищниковъ былъ убитъ. Товарищи убитаго на выстрѣлъ Ситникова отвѣтили залпомъ изъ пяти ружей, и тремя пулями въ грудь положили его на мѣстѣ и бросились къ нему

*) Свѣдѣнія о числительномъ состояніи могущихъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ чеченцевъ доставлялись постоянно лазутчиками и проверялись показаніями вліятельныхъ лицъ, разновременно выселявшихся въ наши предѣлы. По этимъ свѣдѣніямъ, никогда рѣзко не противорѣчившимъ одно другому, вся Чечня, большая и малая, могла выставить въ поле не болѣе 2800 человѣкъ и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ 2860, но въ такихъ случаяхъ приходилось снимать всѣ наблюдательные посты и пикеты. Недостающее до 4 т. число 1140 могло быть вызвано изъ ближайшихъ обществъ Дагестана, но для этого нужно было присутствіе самаго Шамиля или одного изъ его довѣренныхъ лицъ, а времени потребно было отъ 8 до 10 дней. Наконецъ, какимъ образомъ, о появленіи скопища въ четыре тысячи кавалеріи, если оно спустилось съ Качкаевскаго хребта, ничего не знали ни въ Куринскомъ, ни въ Истису, ни въ Умаханъ-юртѣ, ни даже въ Брагунахъ? Если же оно вышло прямо изъ ущелій Салатави или Ауха, оно должно было пройти мимо цѣлой линіи нашихъ укрѣпленій, мимо цѣлаго ряда мирныхъ ауловъ.

съ намѣреніемъ обобратъ его; но казакъ Кононовъ, заслонивъ собою тѣло убитаго офицера, долго, съ самоотверженіемъ и отчаяннымъ мужествомъ, отстаивалъ его. Между тѣмъ, одиночный выстрѣлъ Ситникова и отвѣтный залпъ хищниковъ подняли тревогу на покоеѣ. По дорогѣ къ мѣсту происшествія показались находившіеся въ прикрытіи покосовъ казаки, подъ начальствомъ сотника Старицкаго. Хищникамъ не удалось сломить геройское мужество казака Коконова и ограбить тѣло убитаго офицера; они бѣжали къ сторонѣ Черныхъ горъ, какъ только увидѣли казаковъ. Сотникъ Старицкій преслѣдовалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись у него изъ вида, въ дремучихъ лѣсахъ, къ югу отъ большой русской дороги.

До 24-го числа включительно, за исключеніемъ одиночныхъ нападеній, ничего особеннаго не произошло, но на разсвѣтъ 24-го іюня случилось одно изъ тѣхъ происшествій, которыя надолго остаются въ памяти народа и наводятъ ужасъ на далекія окрестности. Происшествіе это было вторженіе русскихъ въ предѣлы Ауха, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, набѣгъ, предпринятый временно командовавшимъ войсками въ кумыкскомъ владѣніи генеральнаго штаба полковникомъ Вережкинымъ. Набѣгъ этотъ могъ служить полезною диверсіею нашему отряду, стоявшему въ то время подъ Гергебилемъ; онъ могъ отвлечь нѣкоторую часть скопищъ Шамиля отъ дагестанскаго отряда; наконецъ, онъ могъ также косвеннымъ образомъ имѣть вліяніе на успѣхъ нашего оружія въ малой Чечнѣ, лишивъ жителей густо населенной мѣстности возможности принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нашего отряда, въ случаѣ, еслибы состоялось предполагавшееся въ томъ году заложеніе крѣпости на берегахъ Урусъ-Мартана. Ауховцы, послѣ этого набѣга, имѣли законное основаніе не являться по призыву Шамиля въ малую Чечню: свои интересы для нихъ были дороже интересовъ малой Чечни; они должны были оставаться на своихъ мѣстахъ

для того, чтобы быть въ постоянной готовности защищать свои родныя пепелища въ случаѣ повторенія тѣхъ ужасовъ, которыхъ имъ довелось быть свидѣтелями.

Планъ набѣга былъ составленъ самимъ полковникомъ Веревкинымъ, и отрядомъ подъ его личнымъ начальствомъ приведенъ въ исполненіе. Веревкинъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ совершенно самостоятельно, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, хорошо ему извѣстными. Для нападенія выбранъ былъ Ахметъ-тала—аулъ, расположенный на правомъ берегу Аксая, верстахъ въ восемнадцати отъ укрѣпленія Герзель-аула. Это самый населенный изъ всѣхъ ауловъ по ущельямъ ауховскаго владѣнія, выходящимъ на кумыкскую плоскость: въ немъ насчитывалось не менѣе, а, можетъ быть, и болѣе ста дворовъ. Это одна изъ причинъ, почему выборъ командующаго войсками палъ на него. Предполагалось, задуманнымъ вторженіемъ нанести непріятелю по возможности чувствительный ударъ, отъ котораго онъ не скоро могъ бы оправиться. Раззореніемъ какого нибудь незначительнаго хутора, въблизи нашихъ укрѣпленій, въ мѣстности болѣе или менѣе доступной, цѣль была бы достигнута только вполонину, а, можетъ быть, и вовсе не была бы достигнута. Нужно было, напротивъ, показать безпокойному сосѣду, что, не смотря на довольно значительный сборъ нашихъ войскъ въ Дагестанѣ, подъ стѣнами Гергебиля, не смотря на то, что предстоитъ новый сборъ отряда въ малой Чечнѣ, боевыя силы кумыкской плоскости отъ того нисколько не пострадали, и она не лишилась возможности дѣйствовать совершенно самостоятельно не только при оборонѣ, но даже и при наступленіяхъ.

Были еще и другія не менѣе уважительныя причины, почему роковой жребій палъ на Ахметъ-тала, а не на другой какой нибудь аулъ ауховскаго владѣнія: въ этой деревнѣ съ незапамятныхъ временъ постоянно находили себѣ убѣжище абреки изъ мирныхъ ауловъ кумыкской плоскости, спасавшіеся

въ горахъ отъ преслѣдованія русскаго правосудія. Эти абреки, въ благодарность за оказанное имъ въ непокорныхъ намъ обществахъ гостепріимство, служили проводниками вторгавшимся въ наши предѣлы хищническимъ партіямъ, иногда сами предводительствовали ими и причиняли не мало вреда жителямъ мирныхъ ауловъ, которыхъ обычаи, привычки и въ особенности матеріальныя средства имъ хорошо были извѣстны. Впрочемъ, этотъ мотивъ полковника Веревкина, по многимъ причинамъ, отзывается нѣкоторою натянутостью. Послѣдняя же, истинная, капитальная причина—почему Веревкинъ выбралъ Ахметъ-тала для своего набѣга: Ахметъ-тала ближе всѣхъ другихъ значительныхъ центровъ населенія ауховскаго владѣнія расположенъ къ центральному, историческому сборному пункту кумыкской плоскости, Герзель-аулу, пункту, куда удобнѣе всего было стянуть войска, не возбуждая подозрѣній непріятеля; изъ разныхъ мѣстъ вѣрообразнаго расположенія своего, части войскъ, выступивши съ вечера, могли почти одновременно прибыть къ Герзель-аулу, а оттуда, однимъ переходомъ, на разсвѣтѣ, достигнуть аула и совершенно врасплохъ напасть на него.

Приготовленія къ набѣгу дѣлались въ глубочайшей тайнѣ. Обыкновенно, даже войска узнавали, о набѣгѣ только въ моментъ выступленія. Они догадывались, но отъ догадки до увѣренности не всегда одинъ шагъ. Можно стянуть отрядъ къ извѣстному пункту и на другой день распустить: подобныхъ демонстрацій требовали иногда военныя обстоятельства, и ими достигались намѣченныя цѣли. Изъ мѣстныхъ жителей при командующимъ войсками въ кумыкскомъ владѣніи безотлучно находились только два человѣка, на скромность которыхъ онъ могъ бы вполне положиться; не смотря на то, когда пришло время, т. е. когда нельзя было не посвятить ихъ въ тайну, онъ старался подъ разными благовидными предлогами, не выказывая имъ открыто недовѣрія, держать ихъ

при себѣ и глазъ, такъ сказать, не спускать съ нихъ. Одинъ изъ нихъ, состоявшій въ чинѣ маіора, Иналъ Гебсковъ, давно заручившійся довѣріемъ администраторовъ края, извѣстный своею преданностью русскимъ, не разъ доказавшій ее на дѣлѣ; другой—Султанъ Муратъ, сынъ долгое время находившагося въ бѣгахъ кумыка, который незадолго передъ тѣмъ явился изъ Ахметъ-тала съ повинной. Только имъ, этимъ двумъ личностямъ изъ всего многочисленнаго штата своего, ввѣрилъ полковникъ Веревкинъ тайну замышляемаго имъ вторженія въ непріятельскую землю, такъ какъ они же должны были служить проводниками въ предстоящемъ набѣгѣ, но и имъ довѣрился онъ не ранѣе, какъ наканунѣ выступленія, и съ этой-то минуты и сталъ ихъ держать, такъ сказать, на привязи. Отъ лазутчиковъ же, доставлявшихъ ему самыя вѣрныя свѣдѣнія, ему также удалось скрыть свои настоящія намѣренія. Мало того, вывѣдавъ отъ нихъ все, что ему нужно было знать, онъ постарался ввести ихъ въ заблужденіе и направить ихъ подозрѣнія въ другую сторону.

23-го іюня, послѣ заката солнца, когда совсѣмъ стемнѣло, изъ разныхъ пунктовъ кумыкской плоскости, отстоящихъ почти на равныхъ разстояніяхъ отъ центральнаго ея пункта, слѣдующія части войскъ почти одновременно выступили и къ одиннадцати часамъ ночи прибыли въ Герзель-аулъ: тенгинскаго пѣхотнаго полка одинъ баталіонъ (изъ укрѣпленія Куринскаго), навагинскаго пѣхотнаго полка 3-я гренадерская, 8-я и 9-я мушкетерскія роты (три роты изъ лагеря на Карасу), егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка: 1-я карабинерная рота изъ укрѣпленія Ташъ-Кичу, 1-й егерской роты одинъ взводъ изъ Энгель-юрта, 2-й егерской роты одинъ взводъ изъ Баташъ-юрта, 2-й баталіонъ и стрѣлковая команда изъ крѣпости Хасавъ-юрта, кавказскаго линейнаго № 12-го баталіона, одна рота съ Герзель-аула, 3-го резервнаго сапернаго баталіона команда изъ лагеря на Карасу,

батарейной № 3-го батареи 20-й артиллерійской бригады три орудія—одно изъ Куринскаго, одно изъ Ташъ-Кичу, одно изъ Хасавъ-арта, конно-артиллерійской линейной казачьей № 15-го батареи одно орудіе въ Герзель-аулѣ, нижегородскаго драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка два эскадрона изъ Хасавъ-юрта, донскаго казачьяго № 20-го полка пять сотень—три изъ Куринскаго, одна изъ Хасавъ-юрта, одна въ Герзель-аулѣ, донскаго казачьяго № 40-го полка одна сотня изъ лагеря на Карасу; итого, пѣхоты четырнадцать ротъ и двѣ команды, кавалеріи два эскадрона и шесть сотень, артиллеріи четыре орудія. Изъ названныхъ частей войскъ только нѣкоторые, весьма немногія, выступили засвѣтло, подъ разными благовидными предлогами, въ родѣ напримѣръ оказіи.

Изъ Герзель-аула къ Ахметъ-тала ведутъ двѣ дороги: одна по правому, другая по лѣвому берегу Аксая. Первая изъ нихъ самими горами считалась непроходимой для нашихъ войскъ, а потому или вовсе не охранялась ими, или охранялась весьма слабо; на второй, напротивъ день и ночь содержались сильные наблюдательные караулы, обходить которые не представлялось никакой возможности. Полковникъ Веревкинъ избралъ тотъ путь, который считался непроходимымъ, съ тѣмъ, чтобы отступить уже по второму пути, т. е. по лѣвому берегу Аксая, тѣмъ болѣе, что, по показаніямъ лазутчиковъ, очень осторожно отобраннѣмъ отъ нихъ, въ эту ночь на правомъ берегу рѣки, не только карауловъ или залоговъ, не было выставлено даже пикетовъ по дорогѣ. Чтобы развлечь вниманіе и силы непріятеля и поставить его въ недоумѣніе, другая небольшая колонна, подъ командой подполковника Домбровскаго, должна была двинуться изъ Хасавъ-юрта вверхъ по Ямансу, для чего изъ Внезапной, подъ предлогомъ оказіи, вызваны были въ Хасавъ-юртъ еще двѣ роты. Этой колоннѣ предписано было: не углубляясь въ ущелье рѣки, открыть на разсвѣтѣ усиленную канонаду.

Отрядъ выступилъ изъ Герзель-аула ровно въ полночь. Въ головѣ колонны шли охотники изъ казаковъ. За ними слѣдовали драгуны, за послѣдними вся иррегулярная кавалерія, и, наконецъ, пѣхота. Войска, не смотря на трудности, которыя безпрестанно приходилось преодолевать въ пути, подвигались въ такой тишинѣ, что въ двухъ хуторахъ, расположенныхъ влѣво отъ дороги, на довольно близкомъ отъ нея разстояніи, ничего не подозрѣвали. Ночью отрядъ никого не встрѣтилъ, но на разсвѣтѣ стали попадаться люди, отправлявшіеся на полевые работы: всѣ они, согласно инструкціи колоннаго начальника, были схвачены. Къ аулу подошли, когда совсѣмъ разсвѣло. Драгуны ворвались въ него, а казаки оцѣпили его съ трехъ сторонъ. Въ то же самое время послышались орудійные выстрѣлы со стороны Ямансу: то была условленная демонстрація колонны подполковника Домбровскаго. Нападеніе на Ахметъ-тала произведено было такъ быстро и такъ неожиданно, что жители буквально были застигнуты врасплохъ. Изъ крайнихъ домовъ, стоявшихъ надъ отвѣсными берегами рѣки, нѣкоторые успѣли выбѣжать и броситься въ обрывъ; остальные заперлись въ сакляхъ и защищались поодиночкѣ.

Драгуны, казаки, а впоследствии и солдаты пѣхотныхъ частей войскъ, благодаря численному превосходству своему, проникали въ сакли мелкими партіями, и великая драма этого утра разбилась на множество частныхъ эпизодовъ; каждый изъ нихъ разыгрывался въ тиши и полумракѣ тѣснаго, замкнутого пространства, въ четырехъ стѣнахъ — эпизоды ужасные, сцены глухія, безвѣстныя, темныя, но кровавыя. Ауховцы составляютъ, какъ извѣстно, одно изъ подраздѣленій чеченскаго племени: тотъ же языкъ, то же происхожденіе, тѣ же обычаи и воинственный духъ тотъ же, а чеченцы, не дешево продающіе свою жизнь въ полѣ, дерутся съ изступленіемъ, когда угрожаютъ раззореніемъ и гибелью ихъ домашнему кро-

ву. И вотъ чѣмъ объясняются потери нашихъ отрядовъ въ набѣгахъ, всегда значительныя. Уронъ одного набѣга равняется иногда урону цѣлой экспедиціи.

Впослѣдствіи, князь Барятинскій, когда занималъ постъ начальника лѣваго фланга, въ набѣгахъ сталъ придерживаться другой системы: къ аулу точно также подходили ночью, скрытно, безъ шума, но врывались въ него не тотчасъ, какъ это дѣлалось прежде, а сначала открывали по немъ сильный артилерійскій огонь. Разбуженные канонадой, жители выбѣгали изъ своихъ домовъ, и бой, открытый, честный бой завязывался на улицахъ или за оградой аула. Женщины, дѣти, беспомощные старики не умерщвлялись безжалостно у своихъ очаговъ: ихъ забирали въ плѣнъ на глазахъ начальниковъ послѣ того, какъ аулъ переходилъ въ наши руки; если же въ нѣкоторыхъ сакляхъ продолжали еще защищаться, то ихъ разбивали артилерійскими снарядами или брали приступомъ, и это всегда сопровождалось меньшими потерями въ людяхъ, нежели прежнія вторженія по два и по три человѣка въ незнакомыя, полуосвѣщенныя, а иногда и совершенно темныя сакли. И нравственность солдата отъ того выигрывала *).

Около тысячи головъ рогатаго скота, крупнаго и мелкаго, досталось въ добычу отряда полковника Веревкина. Все, что можно было взять съ собою, выносилось и укладывалось въ мѣшки, на повозки, на выюки: одѣяла, подушки, ковры, оружіе, мѣдная посуда, домашняя птица. Большая часть аула, со всѣми находившимися въ немъ запасами, сдѣлалась добычею пламени прежде, нежели войска покинули его; остальная часть подверглась той же участи при отступленіи арріер-

*) При взятіи селенія Кутеши 15-го октября 1846-го года, одинъ драгунъ былъ убитъ больной старухой, которой присутствія въ темномъ углу сакли онъ не замѣтилъ. Въ то время, какъ онъ рылся въ ея сундукахъ, лицомъ къ свѣту, спиной къ ея постели, она сняла висѣвшую надъ ея изголовьемъ винтовку и выстрѣлила въ него почти въ упоръ. И это далеко не единственный примѣръ подобной смерти храбраго, хорошо вооруженнаго солдата.

гарда. Запылали дома, амбары, стога и скирды, даже плетни; сады также не были пощажены огнемъ. Весь аулъ представлялъ зрѣлище ста слишкомъ отдѣльныхъ, одновременныхъ пожаровъ. Четвертый баталіонъ навагинскаго пѣхотнаго полка, подъ командой маіора Кемпферта, вступившій въ аулъ съ двумя орудіями вслѣдъ за казаками, былъ немедленно посланъ на лѣвый берегъ Аксая, уже занятый толпами горцевъ, сбѣжавшихся изъ окрестныхъ хуторовъ. Маіоръ Кемпферъ перешелъ черезъ глубокій оврагъ, по которому протекаетъ Аксай, съ бою занялъ противоположный берегъ и разсѣялъ столпившихся на немъ горцевъ. Отступленіе отряда черезъ оврагъ съ праваго берега на лѣвый сопряжено было съ большими затрудненіями. Арріергардъ при отступленіи всегда выноситъ на своихъ плечахъ всю тяжесть боя, но въ арріергардѣ были кабардинцы, и ими командовалъ подполковникъ Майдель, офицеръ храбрый, распорядительный, хладнокровный. Нѣсколько разъ непріятель бросался на арріергардъ въ шашки, и всякій разъ кабардинцы останавливались, переходили въ наступленіе, опрокидывали штыками обезумѣвшія отъ ярости толпы ауховцевъ, и опять продолжали движеніе.

Для обратнаго слѣдованія отряда къ Герзель-аулу избрана была дорога по лѣвому берегу Аксая, какъ и предполагалось съ самаго начала. Дорога эта, считавшаяся жителями доступною для движенія русскихъ колоннъ, пересѣкалась шестью глубокими, поросшими густымъ лѣсомъ оврагами, а потому войска отряда размѣщены были нѣсколько иначе, нежели при наступленіи.

Въ авангардѣ шелъ сводный баталіонъ, подъ командой подполковника Ктитарева; начальство надъ правой цѣпью, въ которой находилось три роты навагинскаго пѣхотнаго полка, ввѣрено было полковнику Преображенскому; лѣвую цѣпь занималъ маіоръ Кемпфертъ съ баталіономъ тенгинскаго пѣхотнаго полка; честь замыкать колонну, составляя ея арріер-

гардѣ, въ такія трудныя минуты, по праву, принадлежала кабардинцамъ, какъ настоящимъ хозяевамъ кумыкской плоскости; этого требовалъ этикетъ и долгъ гостепріимства: провожая гостей, хозяинъ обыкновенно замыкаетъ шествіе. Кабардинцевъ было пять ротъ въ арріергардѣ, и ими командовалъ, какъ уже выше было сказано, подполковникъ Майдель. Кавалерія должна была двигаться впереди, но, чтобы обезпечить переходы ея черезъ овраги и дать драгунамъ возможность дѣйствовать согласно ихъ прямому назначенію, вся кавалерія оставалась на полянахъ до тѣхъ поръ, пока послѣднія пары правой и лѣвой цѣпей не вступятъ въ лѣсъ и не прикроютъ собою дороги, ведущей черезъ оврагъ: тогда драгуны, а за ними и вся остальная кавалерія, на рысяхъ проходятъ черезъ оврагъ, занимаютъ слѣдующую поляну, мгновенно спѣшиваются, разсыпаютъ стрѣлковъ и остаются на позиціи до тѣхъ поръ, пока весь отрядъ за ними не переправится черезъ оврагъ. Такимъ образомъ, самыя трудныя мѣста дороги—лѣсистыя овраги, пройдены были отрядомъ съ относительно малыми потерями. Непріятель пользовался всѣми затрудненіями, встрѣчавшимися на пути войскъ. При переходѣ черезъ овраги онъ прибѣгалъ къ самымъ коварнымъ маневрамъ своей горной тактики, чтобы замедлить движеніе нашихъ войскъ и нанести имъ возможно большій вредъ. На долю арріергарда и правой цѣпи выпадали очень критическіе моменты, но арріергардомъ и правой цѣпью командовали штабъ-офицеры, которыхъ ни на минуту не покидало ихъ обычное присутствіе духа и хладнокровіе, и они съ честью выходили изъ затруднительныхъ положеній. Восемь часовъ продолжался бой; только въ трехъ верстахъ отъ Герзель-аула онъ прекратился.

Набѣгъ на Ахметъ-тала, по своимъ результатамъ, долженъ быть отнесенъ къ категоріи самыхъ удачныхъ. Болѣе ста дворовъ истреблено огнемъ; отъ огромныхъ продоволь-

ственныхъ запасовъ остались груды пепла; весь скоть, принадлежащій аулу, сдѣлался добычей отряда, и, если принять во вниманіе время года, когда лѣса одѣты густою зеленью, ранній часъ утра, когда жители, за исключеніемъ немногихъ, не успѣли разойтись по полевымъ работамъ, то потеря нашихъ войскъ въ этомъ набѣгѣ можетъ назваться весьма умѣренною: двѣнадцать убитыхъ, сто пятнадцать раненыхъ и сорокъ пять контуженыхъ, въ числѣ коихъ раненый одинъ оберъ-офицеръ—навагинскаго полка подпоручикъ Кишинскій, и контуженные два оберъ-офицера (егерскаго князя Чернышева полка прапорщики Брянскій и Бурковскій). Такому незначительному урону не мало содѣйствовала диверсія подполковника Домбровскаго: привлеченные выстрѣлами на Ямансѣ, ауховцы не успѣли прибыть къ мѣсту настоящаго побоища, и отрядъ отступилъ къ Герзель-аулу прежде, нежели они могли сообразить, гдѣ драма и гдѣ комедія.

Въ одиннадцать часовъ утра, т. е. ровно черезъ двѣнадцать часовъ, войска прибыли опять, но на этотъ разъ уже не частями, къ тому же сборному пункту. На другой день, въ томъ же вѣрообразномъ направленіи, по расходящимся радіусами дорогамъ, они вернулись къ своимъ временнымъ и постояннымъ резиденціямъ.

По уходѣ отряда, уныніе и ужасъ овладѣли жителями ауховскаго владѣнія. Ахметъ-тальская катастрофа многихъ ауховцевъ заставила призадуматься. Одно за другимъ, стали перебираться уцѣлѣвшія отъ погрома семейства нѣкоторыхъ изъ нихъ въ наши предѣлы, предпочитая лишиться въ два-три года, при хищническихъ набѣгахъ своихъ же однородцевъ, пары быковъ или одной лошади, нежели терять разомъ все, въ одинъ часъ, при первомъ вторженіи русскаго отряда, послѣ котораго, какъ послѣ коня Атиллы, не скоро трава вырастетъ. Долго ли населеніе Ауха оставалось подъ удручающимъ впечатлѣніемъ трагическаго утра 24-го іюня? До 31-го

іюля, т. е. ровно пять недѣль, объ нихъ ничего не было слышно, точно всѣ они сошли со сцены съ тѣмъ, чтобы никогда на ней не показываться. Пять недѣль считается большимъ перерывомъ въ цѣпи военныхъ происшествій. Были покушенія изъ-за качкалыковского хребта, со стороны присяжныхъ хищниковъ большой Чечни, для которыхъ хищничество есть азартная игра; но Аухъ молчалъ; Аухъ замкнулся въ своемъ горѣ и не подавалъ признаковъ жизни, а по прошествіи пяти недѣль, когда, точно трауръ, установленный обычаями, кончился—опять въ предѣлахъ безмолвной, коварной кумыкской плоскости стали появляться его неисправимые искатели сильныхъ ощущеній, то мелкими, то крупными партіями, и не съ тѣмъ, чтобы свести счеты по ахметъ-тальскому долгу, а такъ, по привычкѣ, или вѣрнѣе, по страсти, какъ охотникъ, нѣсколько оправившись послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, снимаетъ ружье со стѣны, кличетъ свою собаку и отправляется въ лѣсъ—тоже по привычкѣ, по страсти.

Гроза, разразившаяся надъ Аухомъ, послужила урокомъ одному Ауху, и то не надолго; остальные непокорныя намъ общества продолжали тревожить своими набѣгами и самое кумыкское владѣніе, откуда вышла гроза, и укрѣпленія, и аулы остальныхъ отдѣловъ лѣваго фланга кавказской линіи. Изъ числа мелкихъ нападеній мы остановимся на самыхъ выдающихся.

26-го іюня партія чеченцевъ атаковала 4-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка, находившійся въ лѣсу на рубкѣ дровъ, близъ раззореннаго аула Наимъ-берды. По тревогѣ, войсковой старшина Баклановъ прибылъ изъ укрѣпленія Гуринскаго съ тремя сотнями донскаго № 20-го казачьяго полка и однимъ орудіемъ батарейной № 3-го батареи 20-й артиллерійской бригады. Чеченцы встрѣтили подкрѣпленіе картечью и ружейнымъ залпомъ, но вскорѣ должны были бѣжать и скрыться въ чащѣ лѣса. При этомъ войсковой старшина Ба-

клановъ и одинъ рядовой тенгинскаго пѣхотнаго ранены; одинъ рядовой того же полка пропалъ безъ вѣсти. 28-го іюня сильная партія горцевъ бросилась къ аулу Брагуны съ намѣреніемъ отбить принадлежащій аулу скотъ, но жители предупреждены были о нападеніи командующимъ нѣкоторыми частями войскъ по прикрытію мирныхъ ауловъ, расположенныхъ между Терекомъ и Сунжею, полковникомъ Сусловымъ, и потому были осторожны и держали скотъ въ аулѣ. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ мѣстѣ, партія потянулась къ Новому юрту, но здѣсь нашла роту егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, съ однимъ орудіемъ, присланную сюда изъ станицы Николаевской; тогда она направилась къ Сунжѣ и, встрѣтивъ на дорогѣ трехъ жителей Новаго юрта, одного убила, остальныхъ двухъ взяла въ плѣнъ. 4-го іюля человекъ до трехсотъ чеченцевъ, пробравшись по ханкальскому ущелью къ Сунжѣ, бросились къ мирнымъ ауламъ, расположеннымъ по лѣвому берегу рѣки, но, встрѣченные выбѣжавшими на тревогу жителями и войсками грозненскаго гарнизона, удалились поспѣшно въ лѣсъ безъ добычи.

12-го іюля командиръ кавказскаго линейнаго № 9-го баталіона подполковникъ Берсеневъ 2-й выступилъ изъ крѣпости Грозной на фуражировку, на правый берегъ Сунжи, по направленію къ раззореннымъ хуторамъ Тепли-Кичу (Тепли-Гечю) съ двумя ротами 4-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка и двумя ротами кавказскаго линейнаго № 19-го баталіона, при двухъ орудіяхъ и командой казаковъ донскаго № 39-го полка. Въ томъ мѣстѣ занимались уже заготовленіемъ сѣна чеченцы. Когда они увидѣли колонну, то бросили работу и завязали съ войсками перестрѣлку, продолжавшуюся до тѣхъ норъ, пока колонна не окончила фуражировку и не отступила къ Грозной. Съ нашей стороны въ этой перестрѣлкѣ ранено семь человекъ рядовыхъ. 22-го іюля, при слѣдованіи 3-го и 4-го баталіоновъ егерскаго генераль-адъю-

танта князя Чернышева полка отъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры къ Чирь-юрту, три офицера этого полка: штабсъ-капитанъ Занъ, подпоручикъ Соковникъ и прапорщикъ Коцуевичъ, находившіеся по болѣзни при обозѣ, никѣмъ не замѣченные, отлучились отъ колонны. Отсутствіе ихъ обнаружилось только по прибытіи войскъ на ночлегъ. Лазутчики дали знать, что всѣ трое взяты горцами въ плѣнъ.

26-го іюля, рано утромъ, съ Чипчаковской башни, построенной на возвышеніи, верстахъ въ семи отъ Сулака, замѣчена была партія всадниковъ, человѣкъ до двухсотъ пятидесяти, стройно двигавшаяся по дорогѣ отъ урочища Балтугай, на лѣвомъ берегу Сулака, къ Хасавъ-Юрту. Всадники эти шли по шести въ рядѣ. Всѣ они были одѣты совершенно одинаково, на лошадахъ почти одинаковаго роста и одинаковой масти—темно-гнѣдой. Всадники эти были драгуны—дивизіонъ нижегородскаго драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка, слѣдовавшій изъ своей штабъ-квартиры, Чирь-юрта, на лѣвый флангъ кавказской линіи, въ чеченскій отрядъ. Впереди дивизіона ѣхалъ командиръ его, майоръ Золотухинъ, блондинъ лѣтъ тридцати шести-семи, съ красивымъ благороднымъ профилемъ, высокимъ обнаженнымъ лбомъ, проложившимъ себѣ дорогу, благодаря отсутствію волосъ, до самаго темени. Виски также не особенно щедро надѣлены были волосами, но они были длинны, и, зачесывая ихъ наверхъ, ими можно было проводить границы между челомъ и теменемъ. Голубые глаза ѣхавшаго впереди начальника имѣли такое ласковое, добродушное выраженіе, что еслибы это былъ не дивизіонеръ, а падишахъ, имѣющій власть казнить людей безъ всякаго суда, по одному капризу, то и тогда люди подходили бы къ нему безъ малѣйшей робости. Всего этого, конечно, нельзя было видѣть съ Чипчаковской башни простыми глазами. За дивизіонеромъ ѣхалъ трубачъ, а по лѣвую его руку адъютантъ, прапорщикъ, т. е. еще не настоящій офи-

перъ, по лѣтамъ юноша и не настоящій человѣкъ, такъ какъ ему не было и двадцати одного года. Для этого послѣдняго, появленіе двухсотъ пятидесяти всадниковъ на дорогѣ отъ Сулака къ Хасавъ-Юрту имѣло такую важность, что онъ желалъ бы, чтобъ и читатель смотрѣлъ на это происшествіе 26-го іюля такими же точно глазами и вмѣстѣ съ нимъ перенесся воображеніемъ въ тотъ уголокъ міра, откуда вышли эти всадники...

III.

Чиръ-юртъ и его стратегическое значеніе. Выборъ штабъ-квартиры для нижегородскаго драгунскаго полка. Первое представленіе, данное драгунами въ Дагестанѣ. Появленіе ихъ на лѣвомъ флангѣ. Штабъ-квартира нижегородскаго полка въ лѣтніе мѣсяцы. Вѣсть о походѣ. Мотивъ, вызвавшій аудіенцію. За неожиданнымъ горемъ неожиданная радость. Круковскій. Двѣ дуэли. Великій человѣкъ въ Чиръ-юртѣ.

Дикая, печальная, пустынная мѣстность, составляющая юго-западную оконечность шамхальской равнины, тамъ, гдѣ эта послѣдняя съ одной стороны упирается въ правый берегъ Сулака, а съ другой замыкается отвѣсными предгоріями сѣвернаго Дагестана, носитъ очень странное названіе—Чиръ-юртъ, странное не столько для насъ, русскихъ, незнакомыхъ съ языкомъ, сколько для самихъ туземцевъ. Такъ какъ съ именемъ мѣстности нерѣдко бывають связаны историческія воспоминанія, иногда легенды, служачія довольно надежными проводниками къ археологическимъ изысканіямъ, то не бесполезно будетъ объяснить значеніе слова „Чиръ-юртъ“. Юртъ—селеніе, урочище, это знаетъ каждый; но слово „Чиръ“ на

туземномъ языкѣ, должно быть, совсѣмъ не существовало, потому что ни одинъ изъ туземцевъ не могъ его объяснить—хотя они никогда не отказываютъ въ свѣдѣніяхъ подобнаго рода, если только въ состояніи дать ихъ. Можетъ быть слово Чиръ слѣдовало искать въ словарѣ прежнихъ обитателей страны, но кто были эти прежніе обитатели, куда они дѣвались, и какъ давно покинули страну—неизвѣстно, такъ какъ во второмъ вѣкѣ магометанской эры, или въ восьмомъ нашего лѣтосчисленія, сюда явились аравитяне проповѣдывать ученіе корана и уже застали здѣсь кумыковъ. Добился же я разъясненія интереснаго слова особымъ путемъ.

На кумыкской плоскости, въ томъ мѣстѣ рѣки Аксая, гдѣ она пересѣкаетъ дорогу изъ Хасавъ-юрта на линію, стоитъ огромный и богатый аулъ Тапъ-Кичу, который можетъ называться Аѣинами восточнаго Кавказа: туда со всѣхъ его концовъ, какъ нѣкогда въ Гимры, какъ въ Самаркандъ въ центральной Азіи, стекаются правовѣрные, жаждущіе свѣта истины. Муллы при духовныхъ училищахъ, славящіеся своею ученостію, служатъ распространителями этого свѣта. Нѣкоторые изъ нихъ побывали въ Меккѣ и другихъ святыхъ мѣстахъ мусульманскаго міра; тамъ они встрѣчались съ представителями трехъ частей свѣта. Не вполне раздѣляя мнѣнія слѣпыхъ фанатиковъ, что кораномъ исчерпывается весь запасъ человѣческой мудрости, они стараются расширить его, убѣдившись на опытѣ, что въ знаніи заключается сила; они собираютъ свѣдѣнія о далекихъ странахъ, за предѣлами ихъ отчины, чему также не мало способствуютъ обширныя торговыя связи нѣкоторыхъ изъ наиболее предприимчивыхъ и вліятельныхъ торговыхъ фирмъ этого богатаго и многолюднаго селенія; они тщательно собираютъ и записываютъ мѣстные преданія, повѣрья, міровоззрѣнія и всѣ, передаваемыя изъ рода въ родъ произведенія устной литературы: сказки, былины, сатиры, пословицы и поговорки. Отъ нихъ-то, отъ

этихъ хранителей духовныхъ сокровищъ мусульманскаго міра восточнаго Кавказа, узналъ, наконецъ, что Чирь-юртъ по старинному туземному произношенію, давно уже оставленному, есть испорченное Царь-юртъ. На томъ самомъ мѣстѣ, которое носить это названіе, русскій Царь—такъ говорить преданіе—при отступленіи отъ Дербента былъ окруженъ полчищами полудикихъ горскихъ племенъ и даже нѣкоторое время отрѣзанъ отъ моря. Если отрядъ его не былъ весь поголовно истребленъ, и самъ онъ не былъ убитъ или взятъ въ плѣнъ, то обязанъ этимъ столько же стойкости и мужеству своихъ солдатъ, своей находчивости и присутствію духа, сколько милосердію аллаха: объятые суетвѣрнымъ страхомъ, внезапно омрачившимъ даже умы ихъ предводителей, горцы разступились передъ отважными пришельцами и пропустили ихъ къ морю. Все это говоритъ преданіе. Событіе, на которое оно указываетъ, относится къ 1722-мъ году. Но впервыхъ, тридцать тысячъ регулярнаго войска, бывшаго у Петра Великаго, не могутъ назваться горстью, а вовторыхъ, чтобы окружить такой отрядъ, нужно было по меньшей мѣрѣ сто тысячъ горцевъ, которымъ не откуда было взяться; наконецъ, о столкновеніяхъ съ горцами, по крайней мѣрѣ открытыхъ, насколько мнѣ извѣстно, ни въ исторіи, ни въ современныхъ лѣтописяхъ не упоминается. Но такъ какъ „нѣтъ дыма безъ пламени“, то можно думать, что это странное преданіе основано на событіи, случившемся три года спустя послѣ пребыванія Царя на берегахъ Каспія, когда шамхаль Адиль-Гирей, недовольный постройкою русской крѣпости (Святаго Креста) въ его владѣніяхъ, осаждалъ ее съ тридцатитысячною арміею. Какъ ни странно преданіе о пребываніи русскаго Царя въ прикаспійскомъ краѣ, но оно все-таки сохранилось у горцевъ, и пустынный уголокъ, который онъ осчастливилъ своимъ присутствіемъ, они назвали почетнымъ именемъ.

Сто двадцать слишкомъ лѣтъ пронло съ тѣхъ поръ. Судь-

ба опять вызвала къ жизни этотъ забытый исторіей уголокъ: въ немъ свиль себѣ гнѣздо одинъ изъ самыхъ старыхъ и заслуженныхъ полковъ созданной Великимъ Царемъ русской арміи. Нижегородскій драгунскій полкъ, сорокъ лѣтъ квартировавшій на одномъ мѣстѣ, въ долинѣ Алазани, переведенъ въ 1846-мъ году изъ благословенной Кахетіи въ безлюдный Чирь-юртъ. Выборъ такого пункта для единственнаго въ то время въ цѣлой кавказской арміи регулярнаго кавалерійскаго полка—задача далеко не легкая. Онъ долженъ былъ имѣть не одно стратегическое значеніе, но долженъ былъ совмѣщать въ себѣ также и всѣ условія экономическія и санитарныя. Луговые пространства подъ покосы, строевой лѣсъ для возведенія штабъ-квартиры, лѣсъ для топлива и выжиганія угля должны были находиться подъ рукой. Нужно было умѣть отыскать такой пунктъ, и его нашелъ человекъ, котораго главнокомандующій князь Воронцовъ высоко цѣнилъ, не смотря на его скромное положеніе въ свѣтѣ, скромный чинъ и имя. Человекъ этотъ былъ Круковский, по чину полковникъ, по происхожденію—сынъ бѣднаго польскаго дворянина. Извѣстный въ то время пока только одному намѣстнику, онъ по своимъ дарованіямъ стоялъ выше многихъ современныхъ дѣятелей, хотя и между ними были очень даровитые люди. Главнокомандующій избралъ Круковскаго командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка и піонеромъ для проложенія пути къ новымъ подвигамъ и отличіямъ ввѣренной ему части. Круковский самъ долженъ былъ пріискать штабъ-квартиру для своего полка; выборъ его палъ на Чирь-юртъ.

Пространство, занятое Чирь-юртомъ между правымъ берегомъ Сулака и передовымъ хребтомъ нагорнаго Дагестана, издали, со стороны моря, какъ будто замыкается тупымъ угломъ, но этотъ уголъ—одинъ изъ тѣхъ оптическихъ обмановъ, которые создаются перспективой; вблизи обманъ разсѣвается: между сторонами мнимаго угла открывается ши-

рокое пространство, такъ какъ горы на довольно значительномъ разстояніи отъ береговъ рѣки вдругъ останавливаются. Чирь-юртъ находится въ центрѣ сулакской линіи, прикрывающей владѣнія шамхаловъ Тарковскихъ, которыя, до водворенія на Сулакѣ драгунскаго полка, оставались совершенно беззащитными, доступными вторженіямъ непріятеля. Слово центръ не слѣдуетъ понимать здѣсь буквально: это стратегическій, отнюдь не математическій центръ. Прикрывая владѣнія шамхаловъ Тарковскихъ, нижегородскій драгунскій полкъ изъ своей новой штабъ-квартиры угрожалъ въ то же время ауховскимъ владѣніямъ и Салатавіи, а внезапнымъ появленіемъ своимъ на лѣвомъ берегу Сулака разстроивалъ наступательныя замыслы непріятеля на кумыкскую плоскость со стороны большой Чечни и смежныхъ съ нею непокорныхъ обществъ. Кромѣ того, дѣйствуя совершенно самостоятельно въ предѣлахъ своего обширнаго района, не составляя исключительной принадлежности ни одного изъ отрядовъ, полкъ, благодаря незначительнымъ разстояніямъ отъ нихъ въ три-четыре форсированныхъ перехода, могъ частями своими принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ нихъ, иногда даже одновременно и въ Чечнѣ, и въ Дагестанѣ, не отрываясь отъ своего прямаго назначенія—стеречь переправы на Сулакѣ.

Главнокомандующій, когда посѣтилъ въ первый разъ Чирь-юртъ, то ничего не сказалъ. Онъ ничего не могъ сказать; онъ только молча, при всѣхъ, обнялъ Круковского. Это было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Нижегородскій драгунскій полкъ, тотчасъ послѣ того, какъ поселился въ Дагестанѣ, успѣлъ заложить фундаментъ для своей будущей боевой дѣятельности, и въ кутешинскомъ дѣлѣ, 15-го октября 1846-го года, доказать всѣмъ новымъ сподвижникамъ своимъ дагестанскаго отряда, что рассказы о его военныхъ доблестяхъ нисколько не преувеличены. Слава ни-

жегородскаго драгунскаго полка, который никогда не любилъ отдыхать на лаврахъ, въ Дагестанѣ была упрочена. Только въ Чечнѣ ничего еще не знали объ этихъ новыхъ людяхъ. Кутеши были забыты, даже въ свое время тамъ никто не хотѣлъ вѣрить взятію конными укрѣпленнаго аула. Это считалось мѣомъ, риторической фигурой, вставленной въ реляцію для красоты слога, отнюдь не фактомъ, совершившимся на глазахъ многихъ тысячъ сильно заинтересованныхъ свидѣтелей.

Лѣтомъ 1848-го года и лѣвому флангу кавказской линіи представился случай познакомиться съ драгунами, которые не даютъ себѣ труда даже спѣшиться при штурмѣ укрѣпленій. На передовой чеченской линіи, въ самомъ сердцѣ малой Чечни, предполагалось заложеніе крѣпости на берегахъ Урусъ-Мартана; съ этою цѣлью къ двумъ сборнымъ пунктамъ—Грозной и Воздвиженской стягивались войска, изъ которыхъ долженъ былъ образоваться чеченскій отрядъ. По распоряженію главнокомандующаго, въ составъ отряда, для усиленія его кавалеріи, должны были войти и части нижегородскаго драгунскаго полка, расположеннаго въ Чирь-юртѣ, на правомъ берегу рѣки Сулака.

Если вѣрить устной хроникѣ того времени—а не вѣрить ей нѣтъ основанія: она подтвердилась показаніями многихъ, заслуживающихъ довѣрія лицъ—и такъ, если вѣрить хроникѣ, начальникъ лѣваго фланга энергически возсталъ противъ распоряженія намѣстника. Нашу иррегулярную кавалерію онъ считалъ незамѣнимой въ Чечнѣ; она вполне отвѣчала своему назначенію—дѣйствовать противъ непріятельской, также иррегулярной кавалеріи; ухода за собою никакого не требуетъ; лошади ея неразборчивы, выносливы, неутомимы; аванпостная и конвойная служба вся лежитъ на иррегулярной кавалеріи; драгуны къ ней неспособны, на своихъ статныхъ, красивыхъ, но тяжелыхъ лошадяхъ; они могутъ служить украшеніемъ отряда—въ чемъ этотъ послѣдній, конечно,

не нуждается, и своимъ присутствіемъ будутъ только стѣснять его операціи и т. д., все въ этомъ родѣ. Предубѣжденія начальника лѣваго фланга противъ драгунъ никто не зналъ. Своимъ протестомъ онъ какъ будто бы заранѣе умывалъ руки и слагалъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія прикомандированія къ его отряду этой бесполезной кавалеріи, но князь Воронцовъ на этотъ протестъ не обратилъ никакого вниманія.

Предубѣжденія начальника лѣваго фланга, были ли они искренни или нѣтъ, разсѣялись скорѣе, нежели могъ ожидать самъ предубѣжденный: едва прошло нѣсколько дней послѣ появленія драгунъ въ чеченскомъ отрядѣ, какъ они уже смѣнились настроеніемъ діаметрально противоположнымъ. Когда генераль Нестеровъ увидѣлъ, что аргументы его, которые онъ считалъ неотразимыми, не устояли противъ дѣйствительности, то сдался передъ очевидностью и открыто призналъ себя побѣжденнымъ. Это пораженіе не только не возстановило его противъ драгунъ, но оно сразу поставило въ ряду сторонниковъ и почитателей славы этого полка и пользы для отряда отъ прикомандированія къ нему частей его *).

Въ половинѣ августа, когда въ Грозной получились новыя донесенія командовавшаго чеченскимъ отрядомъ, на-

*) Подробности разговора начальника лѣваго фланга съ главнокомандующимъ по поводу прикомандированія драгунъ къ чеченскому отряду, которыя я слышалъ отъ многихъ лицъ, сообщены мнѣ впервые адъютантомъ начальника фланга Адамомъ Александровичемъ Романусомъ; ему же я обязанъ многими любопытными свѣдѣніями о частной жизни и характерѣ этого замѣчательнаго кавказскаго генерала; отъ него же я получилъ въ подарокъ пачку собственноручныхъ писемъ Слѣпцова къ нему. Романусъ въ довольно прозрачныхъ намекахъ далъ мнѣ понять, что въ вопросѣ о прикомандированіи драгунъ къ отряду генералъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ враждебныхъ драгунамъ инсинуацій, но откуда исходили эти инсинуаціи—осталось тайною для него. Только по холодности, обнаружившейся съ нѣкотораго времени въ отношеніяхъ начальника лѣваго фланга къ другому высокопоставленному лицу, Романусъ основывалъ свои догадки по этому поводу, но онъ не сообщалъ ихъ никому, не будучи увѣренъ въ ихъ непогрѣшимости.

чальникъ фланга за столомъ, при всѣхъ, произнесъ слова, которыми окончательно скрѣпилъ, такъ сказать, свое отреченіе отъ прежнихъ несправедливыхъ предубѣжденій противъ драгунъ.

— Драгуны, сказалъ онъ, начинаютъ вводить въ моду рукопашный бой; только казаки едва ли захотятъ подражать этой модѣ: они вообще старовѣры; я боюсь, что и въ этомъ останутся старовѣрами.

Драгуны, между тѣмъ, пребывали въ счастливомъ невѣдѣніи относительно того, что говорилось за и противъ нихъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля мѣсяца получено въ Чирь-юртѣ предписаніе начальника лѣваго фланга генерала Нестерова, въ которомъ сообщалось распоряженіе о прикомандированіи двухъ эскадроновъ къ войскамъ чеченскаго отряда на время предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ малой Чечнѣ. Предписаніе начиналось словами: „его сіятельству, г. главнокомандующему кавказскою арміею угодно было“ и т. д.

Въ лѣтніе мѣсяцы штабъ-квартиру нижегородскаго драгунскаго полка можно было принять издали за огромный караванъ, движущійся по глубокимъ пескамъ пустыни. Ничего нельзя было разглядѣть за густыми облаками песку и пыли, одно за другимъ непрерывно налетавшими на нее и окутывавшими ее почти сплошною, непроницаемою темно-бурою массою. Иногда только въ просвѣтахъ этихъ облаковъ появлялись тупыя, конусообразныя, темно-сѣрыя верхушки бунтовъ, напоминавшія горбы верблюдовъ, и этимъ еще болѣе увеличивалось сходство штабъ-квартиры съ движущимся по пескамъ пустыни караваномъ. Откуда брались эти неистощимые запасы песку и пыли? Гдѣ ихъ подхватывали бури Каспійскаго моря, чтобы засыпать ими бѣдную штабъ-квартиру изо дня въ день, въ продолженіе цѣлаго лѣта. Какъ стратегическій пунктъ, Чирь-юртъ занималъ едва ли не самое видное мѣсто

на всемъ Кавказѣ. Въ экономическомъ отношеніи онъ уступалъ, можетъ быть, тремъ или четыремъ штабъ-квартирамъ, въ родѣ Манглиса, Бѣлаго Ключа; въ санитарномъ же отношеніи рѣдкій населенный пунктъ въ цѣломъ краѣ былъ оставленъ болѣе благопріятными условіями: ни болотъ по близости, ни озеръ и рѣчекъ, пересыхающихъ въ извѣстное время года, ни овраговъ съ стоячею въ нихъ водою, ничего такого въ окрестностяхъ, что могло бы вредно вліять на здоровье; и вотъ почему лихорадки были у насъ явленіемъ исключительнымъ, заносимымъ болѣею частью съ оказіями изъ Кизляра, Хасавъ-Юрта, Озени и Дагестана. Эпидеміи въ Чиръ-юртѣ никогда не засиживались; онѣ или очень скоро прекращались, или еще скорѣе переносились въ другія мѣстности. Даже холера въ сорокъ седьмомъ году, не падившая на своемъ пути ни штабъ-квартиръ, ни станицъ, ни ауловъ, заглядывавшая даже въ одиноко стоящіе блокаузы, пронеслась надъ центромъ сулакской линіи едва слышно, выхватила жертвъ гораздо меньше, нежели сколько уносить ихъ лихорадка въ одинъ годъ въ другой мѣстности, и отправилась дальше, искать болѣе гостепріимной почвы для своихъ мрачныхъ оргій. Пыль, которая никогда не задерживалась, вѣчно смѣнялась новыми притоками, пыль свободной пустыни, не зараженная міазмами населенныхъ мѣстъ, подобно городской пыли, проносилась совершенно безвредно надъ нами, не трогая ни нашихъ глазъ, ни нашихъ легкихъ, такъ что въ Чиръ-юртѣ мы были здоровы. Каспійское море было вентиляторомъ, дѣйствовавшимъ безостановочно въ самое опасное для здоровья время года.

Что же касается до комфорта въ этомъ захолустѣ, носившемъ такое громкое имя, то едва ли съ нимъ могли бы примириться самые невзыскательные, самые обездоленные народы обоихъ полушарій. Что могло быть возмущительнѣе этихъ безостановочно дувшихъ вѣтровъ, начинавшихъ свое монотон-

ное завываніе въ десять часовъ утра и стихавшихъ только къ шести часамъ вечера, регулярно каждый день, отъ начала мая до конца лѣта. Трава сохнетъ и выгорааетъ еще въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда во всемъ крещеномъ мірѣ дѣлаются приготовленія къ торжественной встрѣчѣ цвѣтущаго душистаго мая; зелень прячется въ глубокіе овраги вмѣстѣ съ пунцовыми чашечками полеваго мака и пушистыми головками одуванчика. Все принимаетъ унылый, безжизненный видъ. Даже прибрежные кусты блекнуть и вянуть, не смотря на близость воды; между ними быстро, какъ молніи, перебѣгаютъ зеленныя ящерицы. На оголенной вѣтрами и солнцемъ степи можно встрѣтить, какъ единственныхъ представителей мѣстной фауны, черныхъ полевыхъ сверчковъ, своими тоскливыми нотами вторящихъ тоскливой пѣснѣ вѣтра, да тощихъ сѣренькихъ кузнечиковъ, суетливо чего отыскивающихъ на этой обожженной растрескавшейся почвѣ. Вотъ и вся жизнь вокругъ Чирь-юрта.

Вмѣстѣ съ нами, въ нашихъ кельяхъ спасались отъ вѣтра и пыли цѣлые рои мухъ, которымъ не подъ силу было бороться съ такими стремительными воздушными токами, и свое благородное назначеніе—не давать человѣку покоя—онѣ, отъ нечего дѣлать, выполняли такъ добросовѣстно, что доводили его до изступленія. Попробуйте выплывать изъ своего полуосвѣщеннаго, занесеннаго пылью логовища, чтобъ отдохнуть отъ ихъ назойливости и подышать пропитаннымъ пылью воздухомъ, васъ такъ загримируетъ въ одно мгновеніе, что вы потомъ и сами себя не узнаете въ зеркалѣ. А ночью, когда такъ хорошо забыться сномъ, послѣ томительныхъ часовъ удушливаго зноя, пыли и мухъ, ваше спокойствіе подвергается новымъ испытаніямъ: изъ своихъ невидимыхъ засадъ выползаютъ страшныя, какъ кошмаръ, огромныя паукообразныя чудовища, на высокихъ ногахъ, съ длинными и толстыми, какъ ноги, усами: это фаланги; раздаются звуки, тихіе,

но отчетливые, точно кто булавкой царапаетъ отдѣлившіеся отъ стѣны шпалеры, и вась бросаетъ въ холодный потъ: эти звуки производятъ фаланги треніемъ своихъ роговыхъ челюстей одна о другую.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней и часовъ, когда изъ нашихъ запыленныхъ оконъ намъ ничего не было видно, кромѣ темнотой атмосферы, заслонявшей и небо, и солнце, и даже сосѣднія строенія, по штабъ-квартирѣ, съ быстротою гальваническаго тока пронеслась вѣсть о выступленіи драгунъ въ походъ. Все разомъ встрепенулось, какъ въ сказкѣ о спящей царевнѣ. Только электричество, да подобныя вѣсти могутъ дѣлать такіа чудеса надъ полуживыми существами, начавшими уже смотрѣть на свое временное оцѣпенѣніе какъ на нормальное состояніе. Мгновенно стряхнулъ съ себя апатію сонный Чиръ-юргъ. Забыто было все: и бури, и песокъ, и мухи. На площади, окруженной маленькими сѣренькими домиками, показались неясныя очертанія человѣческихъ фигуръ; въ сумерки легче было бы разглядѣть лица, нежели въ этомъ мутномъ хаосѣ шестой стихіи. Фигуры бѣгали, сталкивались, сходились и расходились, и всѣ прикрывали глаза рукою; нѣкоторыя подхватывали налету срываемыя вѣтромъ фуражки; другія, пригнувшись къ землѣ, бѣжали за ними, пока онѣ, кувыркаясь, подобно перекасти поле, вмѣстѣ съ клубами песку и пыли, катились по площади въ обрывъ.

„Весь полкъ идетъ въ походъ. На смѣну нижегородскаго драгунскаго полка, на время его отсутствія, на сулакскую линію выступаютъ два донскихъ казачьихъ полка“.

Вотъ что переходило изъ устъ въ уста въ этотъ день до самаго вечера. Всѣ идутъ въ походъ, но далеко не всѣ были готовы къ выступленію: у того не было выючной лошади, у другаго выючнаго сѣдла, у третьяго бурки или башлыка; были и такіе, у которыхъ ничего не было. Приходилось доставать недостающіе предметы не другъ у друга, какъ это

бывало прежде, когда не всё выступали въ походъ, нѣтъ, нужно было искать на сторонѣ, въ мирныхъ аулахъ.

Не могъ не поддаться общему увлеченію и я, ничего еще въ жизни не видѣвшій, кромѣ Чирь-юрта и дороги къ нему изъ Петербурга. Еще и потому не долженъ былъ я относиться равнодушно къ одуряющей вѣсти о походѣ, что у меня не было даже боеваго коня, маленькой, туземной лошадки, о которой я давно мечталъ, лошадки крѣпкой на ногахъ, поворотливой, выносливой, такой лошадки, которую бы нельзя было удивить ни холодомъ, ни зноемъ, ни голодомъ, ни жаждой и никакими лишеніями и невзгодами. До вечера продолжался пароксизмъ походной лихорадки, и всё были въ ненормальномъ, возбужденномъ состояніи. Къ вечеру тревога улеглась мало по малу; кстати и буря на морѣ къ шести часамъ, по обыкновенію, стихла. Вечеромъ вѣсть о походѣ хотя и подтвердилась, но оказалась слишкомъ преувеличенною. Не только всему полку, но даже и половинѣ его не предстояло никакихъ передвиженій: выступали въ походъ только два эскадрона, которые требовались на лѣвый флангъ кавказской линіи для усиленія чеченскаго отряда. Эскадронамъ велась очередь, а на очереди были первый и второй, т. е. весь 1-й дивизионъ. „Только два эскадрона?“ слышались со всѣхъ сторонъ восклицанія разочарованныхъ. И воображеніе, быстро развернувшее свои крылья утромъ, такъ же быстро свернуло ихъ вечеромъ. И въ маленькихъ, сѣренькихъ домикахъ, полуосвѣщенныхъ запыленными окнами, снова укрылись человѣческія существа, неясныя очертанія которыхъ носились по площади въ самые тяжкіе часы зноя и пыли, вызванныя къ жизни фальшивой тревогой.

Только два эскадрона выступали въ походъ: первый и второй. Я былъ во второмъ и слѣдовательно принадлежалъ къ числу тѣхъ не многихъ смертныхъ, счастію которыхъ, и не безъ основанія, завидовали всё остальные смертные на-

шего полусоннаго захолустья. Мы уходили далеко отъ этихъ мухъ, зноя и пыли, въ другой, совершенно незнакомый намъ край, который не могъ быть повтореніемъ Чирь-юрта, потому что другой Чирь-юртъ невозможенъ. Два дня продолжались мои сборы; за эти два дня я наглотался столько пыли, что ее достало бы на все остальное лѣто, принимая по извѣстной дозѣ въ день; за то, къ вечеру втораго дня я былъ совершенно готовъ, оснащень съ головы до ногъ, а на третій—я и теперь еще, какъ тогда, не могу придти въ себя отъ наплыва самыхъ разнообразныхъ чувствъ при воспоминаніи о третьемъ днѣ—на третій, приказомъ по полку, я.... переведень былъ въ 7-й эскадронъ!! Навѣрное никогда ничье воображеніе не падало съ такой высоты и не ушибалось такъ больно, какъ мое. Когда мнѣ сказали объ этомъ, первымъ моимъ ощущеніемъ было оцѣпенѣніе; за оцѣпенѣніемъ слѣдовало недоумѣніе—первый признакъ возвращенія къ жизни послѣ окаменѣлаго состоянія; недоумѣніе смѣнилось удивленіемъ, и тогда, еслибы меня постигло совершенное горе—къ кому бы я обратился? Къ полковому командиру и ни къ кому болѣе: не смотря на то, что онъ былъ одинокъ, онъ все понималъ и во всемъ принималъ участіе. Почему бы мнѣ не обратиться къ нему теперь, когда горе шло прямо отъ него? Я рѣшился идти къ нему.

Полковой командиръ принялъ меня стоя. По службѣ Круковскій даже нижнихъ чиновъ принималъ стоя, тогда какъ преемникъ его, въ растегнутомъ сверху донизу сюртукѣ, въ голубомъ шелковомъ архалухѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ, пропускалъ мимо себя эскадроны церемоніальнымъ маршемъ, и на салютъ офицеровъ отвѣчалъ иногда густыми клубами табачнаго дыма, за которыми не всегда можно было видѣть его лицо: совершенно въ восточномъ вкусѣ. Тѣмъ же восточнымъ вкусомъ отличались и всѣ его дѣянія домаиней и общественной жизни. Слова, сказанныя мнѣ въ этотъ день

полковникомъ Круковскимъ, такъ хорошо сохранились въ моей памяти, какъ будто они сказаны были не годы, а мѣсяцы тому назадъ.

— Вы, вѣроятно, по поводу вашего перевода? Вашъ переводъ вызванъ необходимостью, такъ какъ вы будете состоять при дивизионерѣ въ должности походнаго адъютанта; объ этомъ просилъ меня самъ дивизионеръ; стало быть, въ первомъ дивизионѣ вы будете постороннимъ офицеромъ, прикомандированнымъ только на время похода, а у васъ будетъ одинъ начальникъ—вашъ дивизионеръ. Еслибы я васъ оставилъ во 2-мъ эскадронѣ или даже перевелъ въ 1-й, вы бы имѣли двухъ начальниковъ вмѣсто одного, а это не совсѣмъ удобно, а въ ваши лѣта и не безопасно. Теперь вы въ 7-мъ эскадронѣ: вашъ эскадронный командиръ остается при штабъ-квартирѣ, а вы съ чужимъ дивизиономъ отправляетесь въ походъ. Такъ будетъ лучше“.

Полагая, что онъ кончилъ, я сдѣлалъ торопливый поклонъ и собирался уходить. Ни одного слова не нашлось у меня, чтобы выразить ту глубокую признательность, которая всего меня переполняла въ эту минуту и готова была вылиться черезъ край. Круковскій остановилъ меня.

— Я васъ долженъ предупредить, сказалъ онъ мнѣ, что настоящій вашъ дивизионеръ, Дмитрій Матвѣевичъ Золотухинъ, прекрасный человекъ; онъ помнитъ васъ ребенкомъ, когда въ Россіи командовалъ эскадрономъ и стоялъ въ имѣніи вашего отца; онъ принимаетъ въ васъ большое участіе. Я бы желалъ, чтобы вы, помимо всякихъ постороннихъ вліяній, сообразовались во всемъ съ его, и только съ его правилами. Дальше я не буду распространяться; я боюсь, и такъ много сказалъ; если вы меня поняли, тѣмъ лучше; если же не поняли, то поймете современемъ и даже, можетъ быть, очень скоро.

Нѣтъ, я его понялъ; онъ это видѣлъ по моимъ гла-

замѣ: я очень боялся, что на нихъ навернутся слезы. Взглядъ у него былъ угрюмый, какъ и всегда, а голосъ задушевный. Онъ, повидимому, остался доволенъ, въ знакъ чего протянулъ мнѣ на прощанье свою широкую, мохнатую руку.

Я земли не слышалъ подъ собой, когда отъ полковаго командира, черезъ площадь, возвращался въ свою темную, пыльную обитель. Мнѣ пришлось идти теперь навстрѣчу вѣтру, крупный песокъ билъ меня по лицу, но я едва обращалъ вниманіе на него. Быть адъютантомъ значило имѣть доступъ во всѣ свѣтилица, ревниво охраняемая отъ нескромныхъ взоровъ обыкновенныхъ смертныхъ, стоять близко къ источнику, откуда исходили всѣ распоряженія и приказанія, куда доставлялись свѣдѣнія о намѣреніяхъ непріятеля, донесенія о происшествіяхъ на нашихъ линіяхъ и отдѣльныхъ постахъ; короче, быть адъютантомъ—значило слышать и видѣть гораздо больше того, что видишь и слышишь, стоя во фронтѣ. Радость моя была такъ велика, что не смотря на то, что и фаланги на этотъ разъ не беспокоили меня, я только къ утру забылся короткимъ лихорадочнымъ сномъ.

Будетъ ли когда нибудь біографическій очеркъ Круковского помѣщенъ на страницахъ одного изъ сборниковъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей? Думаю, что никогда не будетъ, хотя былъ бы очень радъ, еслибы кто нибудь взялъ на себя доказать противное. Самъ Круковский никогда не говорилъ о себѣ, изъ скромности; другіе никогда не говорили о немъ—изъ зависти. Въ галлерейхъ, сборникахъ и пантеонахъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей нерѣдко встрѣчаются имена и портреты лицъ, замѣчательныхъ только тѣмъ, что никогда въ жизни не сдѣлавши ничего замѣчательнаго, они очутились въ списокъ дѣйствительно замѣчательныхъ людей. Круковский не былъ такимъ. Онъ былъ кавказскій дѣятель, но въ жизни его былъ одинъ моментъ, который выдвигаетъ его изъ ряда исключительно кавказскихъ дѣятелей, и котораго одного до-

статочно, чтобы сдѣлать имя его безсмертнымъ и популярнымъ. Это тотъ моментъ, когда въ 1850-мъ году онъ хватаетъ за узду лошадь одного всадника, увлекшагося преслѣдованіемъ непріятеля, поворачиваетъ ее назадъ и тѣмъ спасаетъ жизнь всаднику. Всадника этого звали Александромъ Вторымъ; Онъ былъ въ то время Наслѣдникомъ русскаго Престола, а впослѣдствіи перешелъ въ исторію подѣ великимъ, величайшимъ изъ всѣхъ именъ Царя-Освободителя. Замѣчательно, что этотъ моментъ не былъ подхваченъ никѣмъ.

Прахъ Круковского уже много лѣтъ, подѣ скромнымъ памятникомъ, покоится въ церковной оградѣ одной изъ станицъ *) линейнаго казачьяго войска, котораго въ послѣднее время онъ былъ наказнымъ атаманомъ; прямыхъ наслѣдниковъ послѣ себя онъ не оставилъ, а потому никто не вправѣ заподозрить автора въ пристрастіи къ памяти этого замѣчательнаго человѣка: никто не скажетъ, что авторъ ожидаетъ отъ него или его близкихъ великой и богатой милости. Когда послѣдній изъ современниковъ Круковского сойдетъ со сцены, на землѣ не останется ни одного человѣка, который бы могъ составить себѣ даже приблизительное понятіе о его наружности. Этотъ пробѣлъ по крайней мѣрѣ я постараюсь пополнить настолько, насколько перо можетъ замѣнить въ этомъ случаѣ фотографію или кисть художника. Фотографія только по слухамъ была извѣстна въ то время у насъ на Кавказѣ; великое открытіе Шарля Ньепса, одно изъ самыхъ популярныхъ открытій послѣднихъ трехъ вѣковъ, какъ ни быстро облетѣло оно весь цивилизованный міръ, не успѣло еще проникнуть въ нашу гремѣвшую войной окраину, и черты лица Круковского остались пока потерянными для свѣта.

Въ 1848-мъ году Круковскому на видъ можно было дать не болѣе тридцати восьми лѣтъ, хотя въ дѣйствительности

*) Екатериноградской.

ему могло быть около сорока трехъ или четырехъ. Онъ былъ выше средняго роста, широкоплечъ, хорошо сложенъ, держалъ себя нѣсколько сутуловато. Черные волосы его всегда были острижены подъ гребенку. Онъ встрѣтилъ какъ-то разъ на площади, въ своей штабъ-квартирѣ, двухъ вольноопредѣляющихся, съ длинными, предлинными, какъ у провинціальныхъ актеровъ, волосами. Вольноопредѣляющіеся только на канунѣ прибыли съ оказіей въ Чиръ-юртъ и полковаго командира въ лицо не знали. Круковский очень вѣжливо раскланялся съ ними, предложилъ имъ проводить ихъ къ парикмахеру, отвелъ ихъ на гауптвахту, приказалъ при себѣ остричь ихъ на барабанѣ, подъ гребенку, и когда операція была кончена, отпустилъ и при этомъ посовѣтовалъ имъ беречь свое здоровье и одѣваться сообразно съ климатическими условіями, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ въ халатѣ, а у другаго на ногахъ надѣты были вышитыя туфли. Невысокій, но широкій лобъ Круковского, нѣсколько выдавшійся, былъ нѣжнаго, почти молочнаго цвѣта. Густой красный загаръ во всякое время года покрывалъ все остальное лицо, точно онъ только что вышелъ изъ русской бани. Подъ черными, правильно очерченными бровями свѣтились выразительные, темносѣрые глаза, глядѣвшіе угрюмо, изподлобья. Широкій внизу, слегка вздернутый носъ придавалъ его лицу оттѣнокъ веселаго ухарства, странно противорѣчившаго угрюмому выраженію его глазъ. Щеки и подбородокъ его всегда были гладко выбриты, а длинные, шелковистые черные усы, слегка волнистые, доходили почти до половины груди; я никогда не видалъ такихъ прекрасныхъ усовъ. Круковский носилъ длиннополый сюртукъ, вершка на три ниже колѣнъ, съ глубокими карманами напередѣ; фуражку надѣвалъ нѣсколько на затылокъ и не снималъ ея у себя въ комнатѣ, если не было никого изъ постороннихъ, т. е. не принадлежащихъ полку. Безъ шапки и толстой суковатой палки, желтой, полированной, нигуда не вы-

ходить. Полковой лазаретъ посѣщалъ два раза въ день аккуратно и, кромѣ того, заходилъ туда всякій разъ, какъ только приводили трудно-больнаго, о чемъ ему тотчасъ же давали знать. Въ конскій лазаретъ, находившійся въ пяти верстахъ отъ штабъ-квартиры, подлѣ аула Султанъ-Янги-юрта, онъ навѣдывался черезъ день, и всегда пѣшкомъ, и всегда одинъ. Одинъ разъ онъ не засталъ тамъ часоваго, который, оставивъ ружье на крѣпостномъ валу, куда-то отлучился. Круковский взялъ ружье и ходилъ съ нимъ на часахъ до тѣхъ поръ, пока не вернулся настоящій часовой. Драгуны почему-то называли Круковского дѣдушкой, тогда какъ это странное прозвище не оправдывалось ни его лѣтами, ни его молодежавою наружностью.

Круковский очень любилъ купаться. Но ночью онъ никогда не раздѣвался, считая это непозволительною роскошью въ его положеніи начальника линіи. Днемъ, послѣ обѣда, онъ позволялъ себѣ эту роскошь часа на два, не больше. День и ночь очередной конь его стоялъ засѣдланнй; за то, едва раздадутся первые звуки тревоги, прежде нежели хоть одну лошадь успѣютъ вывести изъ конюшни дежурнаго эскадрона, онъ уже на конѣ; его живописная фигура уже выступаетъ изъ темнаго фона ночи, какъ привидѣніе въ старинныхъ нормандскихъ балладахъ.

Былъ ли Круковский хорошъ собой? Конечно нѣтъ. Но на него нельзя было вдоволь насмотрѣться; скажу болѣе: отъ него трудно было оторваться; онъ былъ картиненъ, особенно на конѣ, на своемъ бѣломъ боевомъ конѣ *), носившимъ его по всеѣмъ главнымъ рѣкамъ Кавказа и сложившимъ кости въ одинъ день и часъ и на одномъ полѣ честно съ своимъ доблестнымъ хозяиномъ.

Круковский говорилъ мало, но слушалъ со вниманіемъ,

*) Подаренномъ генераломъ Гурко.

придерживаясь мудраго изрѣченія: „кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, тотъ пожинаетъ“. Онъ смѣялся рѣдко; въ смѣхѣ его было что-то принужденное, неискреннее. Мнѣ всегда казалось, что у него есть затаенное горе, которое наложило неизгладимую печать на всю его остальную жизнь. Съ людьми ограниченными онъ обходился мягко, съ отеческой снисходительностью. „Это наши младшіе братья“, говорилъ онъ, „мы должны смотрѣть на нихъ, какъ смотримъ на калѣкъ—съ участіемъ, отнюдь не съ пренебреженіемъ. Фаты оказывали замѣтное вліяніе на его расположеніе духа; въ ихъ присутствіи онъ терялъ самообладаніе, становился раздражителенъ, безпокоенъ; они были для него почти тѣмъ же, чѣмъ бываютъ для нѣкоторыхъ нервныхъ людей мыши, лягушки, тараканы. Въ этомъ случаѣ онъ напоминалъ многихъ великихъ людей и въ томъ числѣ Суворова, который отъ фатовъ отплеывался.

— Поставьте, говорилъ Круковский, Гумбольдта рядомъ со идиотомъ, вы сейчасъ скажете, что одинъ изъ нихъ старшій братъ, совершеннолѣтній, другой младшій, малолѣтній. Поставьте рядомъ Гумбольдта и фата, вы скажете, что первый изъ нихъ человекъ, а второй... вы затруднитесь сказать—кто такой второй? Какое мѣсто отвести ему въ царствѣ животныхъ? Обезьяна, конечно, стоитъ выше; она въпервыхъ, не имѣетъ претензій на званіе разумнаго существа, вовторыхъ, она доставляетъ удовольствіе, она смѣшитъ, и наконецъ, она до самоотверженія любитъ своихъ дѣтей, слѣдовательно у нея есть чувства. Фатъ тогда только и хорошъ, когда избавляетъ васъ отъ своего присутствія.

Кто бы могъ подумать, глядя на суровую, угрюмую наружность Круковского, что въ его мужественной груди бьется великое нѣжное сердце, что не было такого горя, конечно непритворнаго, котораго бы онъ не понималъ, которому бы не сочувствовалъ; за то, сентиментальность, притворную нѣжность казнилъ ядовитыми насмѣшками. Одна дама, жена на-

шего полковаго квартирмистра, какъ мы узнали впослѣдствіи, едва не расплакалась, когда при ней убили таракана. „Зачѣмъ вы это сдѣлали?“ воскликнула она. „Можетъ быть, у него есть дѣти“. А когда ея мужъ, за какой-то неумышленный промахъ наказалъ своего повара ста ударами розогъ, эта дама опять едва не расплакалась. „О, еслибъ я была мужчиной“, сказала она, „онъ бы двумя стами не отдѣлался у меня“. Этотъ анекдотъ разсказанъ былъ самимъ Круковскимъ съ такими интонаціями, которыхъ авторъ, при всемъ желаніи своемъ, не въ состояніи передать перомъ, далеко не такимъ послушнымъ орудіемъ, какъ это воображаютъ тѣ, кому никогда не приходилось испытать его силу и гибкость.

Честь Круковскій ставилъ очень высоко, не смотря на растяжимость этого понятія. Пусть каждый народъ имѣетъ свои понятія о чести—это, по его мнѣнію, ничего не значило; но пусть каждый уважаетъ ее, чтобы онъ тамъ ни разумѣлъ подъ словомъ честь. У разбойниковъ даже есть своя честь, и они строго преслѣдуютъ нарушителей ея. Дуэль онъ оправдывалъ, но Маргынова, убившаго на дуэли Лермонтова, считалъ государственнымъ преступникомъ. Лермонтовъ не былъ частнымъ человѣкомъ; онъ принадлежалъ Россіи, человѣчеству, современникамъ и потомству, и ни вызывать его на дуэль, ни принимать отъ него вызова никто не имѣлъ права. Скорѣе саповника какого нибудь, разсуждалъ онъ, можно назвать частнымъ человѣкомъ: объ немъ говорятъ, и то немногіе, пока онъ занимаетъ своей постъ; черезъ два-три года, много черезъ пять лѣтъ, и самое имя его забываютъ. Имя Лермонтова и черезъ двѣсти лѣтъ будутъ помнить и произносить съ уваженіемъ.

При Круковскомъ въ полку было двѣ дуэли; объ имѣли трагическій исходъ—смерть одного изъ противниковъ. Первую дуэль онъ скрылъ. Главнокомандующій зналъ объ ней, но не показывалъ и вида, что знаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ

князь Воронцовъ съ неподражаемымъ добродушіемъ позволялъ обманывать себя. Вторую дуэль показалось опаснымъ скрывать. Виновные въ ней: оставшійся въ живыхъ противникъ и оба секунданта преданы были суду и впредь до окончанія дѣла содержались въ крѣпости. Намѣстникъ кавказскій, по несчастью, расходился съ командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка во взглядахъ на дуэль, и подсудимыхъ ожидала суровая кара. Такъ всѣ и думали. Но каково же было удивленіе и самихъ подсудимыхъ, и всей кавказской арміи, когда имъ вмѣнили арестъ въ наказаніе и... больше ничего. Радость наша равнялась нашему недоумѣнію. Больше всѣхъ радовался Круковский. „Понять не могу, что сдѣлалось съ нашимъ намѣстникомъ“, говорилъ онъ.

Съ намѣстникомъ вотъ что сдѣлалось: онъ получилъ изъ Чиръ-юрта письмо, въ которомъ говорилось о боевыхъ заслугахъ подсудимыхъ, о ихъ примѣрномъ поведеніи, высокой нравственности и прекрасномъ образованіи, о незамѣнимой потерѣ для полка въ лицѣ подсудимыхъ, если съ ними поступлено будетъ по всей строгости законовъ, или даже если они будутъ исключены изъ списковъ полка при менѣ суровыхъ условіяхъ. Тотъ, кто написалъ это письмо, просилъ намѣстника, въ награду за всѣ его прежнія заслуги, въ награду за тѣ, которыя онъ еще надѣется оказать въ будущемъ, даровать молодымъ офицерамъ полное прощеніе, вмѣнивъ имъ арестъ въ наказаніе. Письмо это подписано тѣмъ самымъ лицомъ, которое, раздѣляя общее удивленіе, не знало, что сдѣлалось съ нашимъ намѣстникомъ. Главнокомандующій, прочитавъ письмо, былъ тронутъ энергическимъ заступничествомъ Круковского, заступничествомъ, въ оправданіе котораго приводились интересы полка и службы, тогда какъ ни полкъ, ни служба ничего не теряли въ лицѣ подсудимыхъ; князь Воронцовъ зналъ это очень хорошо.

— Нельзя отказать этому человѣку, сказалъ онъ, указы-

вая на лежавшее передъ нимъ письмо; нельзя отказать потому, что онъ никогда ни о чемъ не просить; еще менѣе я бы рѣшился отказать ему потому, что онъ у насъ одинъ Баярдъ въ цѣлой кавказской арміи.

Эскизъ будетъ не полонъ, если умолчать о личныхъ отношеніяхъ двухъ изъ трехъ подсудимыхъ къ полковому командиру. Одинъ изъ нихъ, непризнанный поэтъ, писалъ пасквилы противъ Круковского, которые имѣлъ самонадѣянность величать сатирами; другой доставлялъ матеріалы для пасквилей, переписывалъ ихъ и употреблялъ все свое стараніе, чтобы они расходились въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ. О третьемъ подсудимомъ ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что онъ былъ неисправимый игрокъ; изъ-за игры произошла ссора, окончившаяся дуэлью; онъ же былъ и оставшимся въ живыхъ противникомъ; знаменитый сатирикъ и его секретарь были секундантами. Произведенія, весьма сомнительнаго достоинства, доморощенного Ювенала доходили по адресу; Круковский читалъ ихъ и, какъ мы видѣли, отвѣчалъ на нихъ великодушіемъ.

Главнoкомандующій не иначе называлъ Круковского, какъ Баярдомъ, рыцаремъ безъ страха и упрека. Нужно быть дѣйствительно рыцаремъ безъ страха, чтобы съ восьмидесятью казаками выступить противъ четырехъ тысячъ отборной непріятельской кавалеріи, осмѣлиться вступить съ нею въ неравный бой, разстроить, обратить въ постыдное бѣгство и преслѣдовать ее, какъ это сдѣлалъ Круковский, когда четырехтысячная партія закубанскихъ горцевъ угрожала нападеніемъ беззащитному Пятигорску.

Дѣйствительно нужно быть идеально-безкорыстнымъ и чистымъ отъ всякаго нареканія, чтобы перевести регулярный кавалерійскій полкъ за семьсотъ верстъ, черезъ горы, водворить его на новомъ мѣстѣ, такомъ мѣстѣ, какъ Чиръ-юртъ, представить его въ блестящемъ видѣ, почти въ полномъ со-

ставѣ, въ первый же прїѣздъ главнокомандующаго, при этомъ сберечь здоровье людей и лошадей и отказаться отъ подъемныхъ денегъ на томъ основаніи, что полкъ при его предмѣстникѣ былъ такъ хорошъ въ хозяйственномъ отношеніи и обладалъ такими средствами, что могъ бы обойтись ими и при болѣе значительномъ передвиженіи.

Командуя одиннадцати-эскадроннымъ полкомъ, Круковский жилъ среди монастырской обстановки, отказывалъ себѣ во многомъ, не могъ даже обзавестись своей библіотекой и телескопомъ, о которыхъ мечталъ всю жизнь, и завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ двадцать пять тысячъ, Высочайше пожалованныхъ ему уже впослѣдствіи, въ видѣ награды, по особому представленію намѣстника кавказскаго. За то, при немъ полкъ процвѣталъ; это былъ, при тогдашнемъ живописномъ костюмѣ, нарядный гвардейскій кавалерійскій полкъ: люди были здоровы и щегольски одѣты, лошади сыты и веселы. Подвижная кордонная служба отправлялась день и ночь не прерываясь: днемъ высылались разъѣзды къ міатлинской переправѣ, когда эскадронъ, когда два; ночью сновали мелкіе разъѣзды между Чирь-юртомъ и Султанъ-Янги-юртомъ. Не успѣваетъ вступить въ штабъ-квартиру одинъ разъѣздъ, какъ уже на смѣну ему выступаетъ другой. Искатели *regretium mobile* нашли бы его, въ командованіе полкомъ Круковскимъ, на сулакской линіи. И тихо было на всемъ сорокаверстномъ протяженіи шамхальской равнины отъ Чирь-юрта до Каспійскаго моря: стада паслись безъ прикрытія, подъ наблюденіемъ мальчугановъ, жители выходили на полевые работы безъ оружія, въ бешметахъ, при однихъ кинжалахъ. Ни о какихъ хищническихъ партіяхъ и абрекахъ слышно не было. Каждое утро въ домъ полковаго командира являлся татаринъ, всегда одинъ и тотъ же, Биръ-Магома. Обязанность его была не легкая: онъ долженъ былъ каждый день осматривать броды на Сулакѣ и обо всѣхъ замѣченныхъ имъ на переправахъ

подозрительныхъ слѣдахъ немедленно доносить начальнику сулакской линіи. Биръ-Магомъ нельзя было назвать ни лазутчикомъ, ни проводникомъ: это былъ просто „искатель слѣдовъ“. Лазутчиковъ долженъ былъ содержать одинъ изъ владѣтельныхъ кумыкскихъ князей, имѣвшій постоянное мѣсто-пребываніе въ Султанъ-Янги-юртѣ; отъ него начальникъ сулакской линіи получалъ свѣдѣнія о намѣреніяхъ, сборахъ и приготовленіяхъ непріятеля; но свѣдѣніямъ, доставляемымъ ему этимъ путемъ, онъ вѣрилъ только вполовину и всю надежду по охраненію вѣреннаго ему района возлагалъ на свою бдительность и желѣзное здоровье и на всегдашнюю готовность полка къ выступленію. При немъ и саранча, непремѣнно каждый годъ появлявшаяся въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая со стороны Каспійскаго моря, иногда по два и по три дня застилавшая небо, затмѣвавшая солнце, и та не смѣла садиться на поля владѣній шамхала Тарковского; тотчасъ же принимались энергическія мѣры: высылались трубачи, барабанщики, пѣсенники, жители мирныхъ ауловъ выбѣгали толпами—и крикомъ, гамомъ, стрѣльбой изъ ружей провожали ее за Сулакъ, на кумыкскую плоскость, куда немедленно отправлялись нарочные съ извѣстіемъ о появленіи этого страшнаго бича народнаго хозяйства.

Все измѣнилось съ того дня, когда нижегородскій драгунскій полкъ перешелъ въ другія руки. Какъ много значить одинъ человѣкъ, честный, энергическій, неутомимый, считавшій непозволительною роскошью раздѣваться на ночь! Сулакской линіи нельзя было узнать: разъѣзды прекратились, на тревогу стали выѣзжать шагомъ, не для преслѣдованія непріятеля, а для очищенія совѣсти. По дорогамъ черезъ шамхальскія владѣнія по всѣмъ направленіямъ начали разгуливать абреки; въ лѣсахъ, камышахъ и ущельяхъ находили себѣ убоѣжище, въ ожиданіи добычи, партіи хищниковъ. Непріятель, сначала робко, осторожно, мелкими бандами въ пять-

шесть человекъ, и притомъ черезъ мѣтлинскую переправу, которая менѣе на виду у полка, пробирался на нашу сторону какъ бы для развѣдокъ, чтобы удостовѣриться—точно ли на Сулакѣ наступили новые порядки, и когда въ дѣйствительности этого отраднаго для него факта не оставалось больше сомнѣнія, началъ становиться смѣлѣе и смѣлѣе, и наконецъ, скопищами въ нѣсколько сотъ человекъ сталъ врываться въ наши предѣлы черезъ открытыя переправы, къ сѣверу отъ Чирь-юрта, между этимъ послѣднимъ пунктомъ и Казіюртомъ. Два раза даже были сдѣланы попытки оставить полкъ безъ лошадей, но нижегородскій драгунскій полкъ не могъ снести этого оскорбленія даже и при новомъ полковомъ командирѣ: старый духъ пробудился въ немъ, и онъ вострепнулся, какъ ужаленный левъ, и вышелъ навстрѣчу наглаго противника, добрый и неустрашимый какъ въ старые годы, когда передъ фронтомъ его носился призракъ стройнаго всадника, съ краснымъ лицомъ и длинными черными усами, съ фуражкой, опрокинутой на затылокъ, на бѣломъ боевомъ конѣ. Первая попытка непріятеля не удалась вовсе и имѣла для него роковую развязку: шестьдесятъ семь тѣлъ брошены были на правомъ берегу Сулака, кругомъ драгунскаго водопоя; множество раненыхъ, убитыхъ и утонувшихъ въ рѣкѣ лишился онъ при обратной переправѣ черезъ Сулакъ *). Вторая попытка, безпримѣрная по своей дерзости въ лѣтописяхъ нижегородскаго драгунскаго полка, удалась только отчасти: ночью, черезъ проломъ стѣны въ одной конюшнѣ, выведены были лошади почти цѣлаго эскадрона; часть изъ нихъ была отбита назадъ, остальные уведены въ горы. Тревога была поднята одною молодою лошадыю, испугавшеюся внезапнаго появленія въ ея стойлѣ человека въ папахѣ и буркѣ и начавшею бить задними ногами въ перегородку.

*) Дѣло на водопой 1-го января 1852-го года.

Круковский всегда говорилъ правду: это также одна изъ причинъ, почему главнокомандующій называлъ его Баярдомъ. Если неудобно было говорить правду, такъ какъ она отличается довольно страннымъ свойствомъ колоть глаза, то Круковский ничего не говорилъ: рѣчь серебро, молчаніе золото. Если нужно было солгать для спасенія чести, имущества или карьеры ближняго, какъ напримѣръ въ донесеніи о первой дуэли, то Круковский лгалъ, но такъ неловко, что самая ложь его была въ то же время и признаніемъ во лжи. Одинъ изъ приближенныхъ намѣстника, зная положительную неспособность и даже неумѣнье нашего Баярда говорить ложь, обратился къ нему съ коварнымъ вопросомъ: дѣйствительно ли Яковлевъ (офицеръ, убитый на первой дуэли) убитъ хищниками?

— Да, онъ дѣйствительно убитъ хищниками, отвѣчалъ Круковский; онъ содержалъ свою старуху мать; когда убили ея сына, она лишилась средствъ къ жизни, у нея ихъ похитилъ убившій ея сына; его-то я и называю хищникомъ.

— Знаете ли вы, продолжалъ онъ конфиденціальнымъ тономъ, что въ донесеніи своемъ о смерти Яковлева я очернилъ самого себя, какъ начальника сулакской линіи: въ моемъ районѣ никогда не показывались хищники, а я доношу, что они убили офицера моего полка.

Вѣрность этого замѣчанія такъ озадачила приближеннаго намѣстника, что онъ тотчасъ же передалъ весь свой разговоръ съ Круковскимъ маститому вождю. Князь улыбнулся и одобрительно закивалъ головой.

Одинъ разъ, въ своей семьѣ, т. е. въ кругу офицеровъ нашего полка, въ присутствіи полковаго командира, зашелъ разговоръ объ этой несчастной дуэли.

— Желать бы я знать, заговорилъ Круковский, кому бы я сдѣлалъ пользу, еслибы донесъ, что Яковлевъ убитъ на поединкѣ? Мнѣ кажется, никому; за то, троихъ сдѣлалъ бы несчастными. Случай очень прискорбный — я не отрицаю, но

на меня находятъ иногда минуты, когда мнѣ представляется, будто я самъ его убилъ. Я готовъ назначить премію тому, кто придумаетъ новый способъ рѣшать дѣла чести.

Три года спустя послѣ того, какъ Круковский сдалъ полкъ, когда и его самого уже не стало, мы совершенно случайно узнали, что онъ все время высылалъ матери убитаго содержаніе.

Одинъ разъ въ жизни Круковский позволилъ себѣ настоящую ложь, но то была ложь, такъ сказать, посмертная: завѣщаніе его начинается словами: „я никому не долженъ и мнѣ никто не долженъ“. Онъ, дѣйствительно, никому не былъ долженъ, но ему многіе остались должны. Не знаю—простили ли ему наслѣдники эту великодушную ложь, но должники навѣрное простили.

На лицѣ этого человѣка, обыкновенно молчаливаго, необщительнаго, угрюмаго, появлялось иногда выраженіе беззаботнаго добродушія, которое очень шло къ нему и показывало, что онъ и былъ такимъ когда-то прежде, до таинственнаго перелома въ его жизни, о которомъ ходили темныя догадки, но положительнаго никто ничего не зналъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ одной сцены, основаніемъ которой послужило недоразумѣніе, сцены, подготовленной самимъ Круковскимъ. Нужно было видѣть искреннее добродушіе и неподдѣльную веселость, съ какими онъ все время слѣдилъ за ходомъ разыгрывавшейся на нашихъ глазахъ комедіи! Это былъ чудный солнечный день послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ туманнаго пасмурнаго неба.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ комедіи былъ докторъ Р., одинъ изъ нашихъ полковыхъ медиковъ. Фигурой своей докторъ Р. напоминалъ Эзопа въ нѣсколько большихъ размѣрахъ. Это былъ маленькій, горбатый человѣкъ, не карликъ, но со всѣми достоинствами и недостатками карликовъ. Остроумный, веселый, страстный охотникъ спорить, докторъ

Р. спорилъ обо всемъ, даже о такихъ предметахъ, о которыхъ могъ имѣть только самыя смутныя понятія. Онъ спорилъ не для того, чтобы убѣдить, не для того, чтобы почерпнуть въ спорѣ полезныя свѣдѣнія, онъ спорилъ изъ любви къ искусству. Ему нравился самый процессъ спора, такъ что, если его разбивали на одномъ пунктѣ, онъ тотчасъ же переходилъ къ другому, изъ опасенія, чтобы споръ не прекратился. Давно собирался Круковскій проучить его и только ждалъ благопріятнаго случая. Случай представился, наконецъ; онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы имъ не воспользоваться: докторъ Р. былъ приглашенъ въ Балтутай, урочище, отстоявшее версты на двѣ съ половиной отъ нашей штабъ-квартиры, къ одному трудно больному офицеру. Въ его отсутствіе, изъ Кизляра въ Чиръ-юртъ пришла экстренная оказія, и съ нею, проѣздомъ въ дагестанскій отрядъ, прибылъ и остановился въ домѣ полковаго командира знаменитый Пироговъ. Докторъ Р. возвратился изъ Балтутая, отъ своего паціента, въ Чиръ-юртъ, не встрѣтивъ никого по дорогѣ, кто бы могъ предупредить его о пріѣздѣ Пирогова; въ штабъ-квартирѣ онъ также не встрѣтилъ ни души. Между тѣмъ колоколь, стоявшій подъ навѣсомъ, впереди караульной платформы, пробилъ два часа, а такъ какъ докторъ Р. постоянно обѣдалъ у полковаго командира, то и проѣхалъ прямо къ его дому. Онъ засталъ все общество въ столовой, въ тотъ самый моментъ, когда агремѣли стулья и всѣ сидѣли за столъ. Ему пришлось сидѣть какъ разъ напротивъ Пирогова, котораго онъ едва удостоилъ разсѣяннымъ взглядомъ, какъ челоѣка посторонняго, служившаго ему несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ Чиръ-юртъ, въ его отсутствіе, пришла какаѣ-то оказія, но откуда и зачѣмъ пришла оказія, и кто была эта новая личность, прибывшая съ нею и сидѣвшая за столомъ напротивъ его—до этого ему мало было дѣла.

Въ началѣ обѣда, Круковскій, лицо котораго сіяло лукавымъ добродушіемъ, обратился къ доктору Р. съ распроса-

ми о состояніи здоровья его новаго пациента. Докторъ описывалъ довольно подробно положеніе больного, въ заключеніе назвалъ и самую болѣзнь. Пироговъ, не проронившій ни одного слова изъ его объясненія, позволилъ себѣ въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ замѣтить, что симптомами, совершенно тождественными съ тѣми, которые описываетъ докторъ Р., сопровождаются и нѣкоторыя другія болѣзни, и что выводить по нимъ слишкомъ поспѣшное заключеніе не всегда бываетъ безопасно для больного. Докторъ Р. не удостоилъ даже отвѣтомъ на замѣчаніе Пирогова и ограничился презрительной гримасой и пожатіемъ плечъ, какъ будто хотѣлъ сказать: этотъ ту-да же, съ своими замѣчаніями. Круковский начиналъ кусать губы; улыбка свѣтлѣе прежняго озарила его лицо. Пироговъ, не обращая вниманія на мимику своего противника, продолжалъ развивать высказанную имъ мысль. Докторъ Р. не выдержалъ; духъ противорѣчія тѣмъ съ большею энергіею заговорилъ въ немъ, что почва, на которой должно было происходить состязаніе, была слишкомъ хорошо ему знакома. Онъ началъ забрасывать своего незнакомаго противника доводами, одинъ другаго полновѣснѣе; онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе. Пироговъ, съ вѣжливымъ вниманіемъ, склонивъ слегка голову на бокъ, выслушивалъ каждое объясненіе доктора Р. и противъ его доводовъ, вѣроятно парадоксальныхъ, приводилъ свои, равнымъ, спокойнымъ тономъ, какъ человѣкъ, увѣренный въ непогрѣшимости своей теоріи. Задѣтый за живое сдержанностью своего антагониста, докторъ Р. началъ горячиться. Одинъ изъ сидѣвшихъ напротивъ офицеровъ знаками хотѣлъ остановить его. Докторъ Р., объясняя эти знаки по своему, принимая ихъ за поощреніе—не поддаваться, заспорилъ сильнѣе прежняго. Онъ началъ стучать черенкомъ вилки по столу, поднимая вверхъ салфетку, протягивался черезъ столъ, опрокинулъ стаканъ и, въ концѣ концовъ, увлекъ и самаго Пирогова, который также воодушевился и съ жа-

ромъ сталъ отстаивать свои убѣжденія. Обѣдъ кончился. Круковский отозвалъ доктора Р. въ другую комнату.

— Знаете ли вы, спросилъ онъ его, съ кѣмъ вы спорили весь обѣдъ?

— А почему я знаю! я вижу, что онъ человѣкъ неглупый, даже въ медицинѣ кое-что смыслить; но вѣдь кое-что, согласитесь, не дастъ ему права слишкомъ много о себѣ думать и вступать въ полемику съ настоящимъ медикомъ, докторомъ медицины—понимаете ли вы, докторомъ медицины?

— Ну, а если я вамъ скажу, кто этотъ неглупый человѣкъ, дадите ли вы мнѣ слово больше не спорить съ нимъ?

— Пожалуй, я не буду больше съ нимъ спорить, если онъ, въ свою очередь, будетъ говорить о чемъ угодно постороннемъ, только не о медицинѣ.

— Я вамъ скажу, такъ и быть, кто этотъ дерзкій незнакомецъ, осмѣлившійся спорить о медицинѣ съ докторомъ Р. Только вы его не обижайте: онъ мой гость, и я даже вамъ не позволю дѣлать ему непріятности въ моемъ домѣ.

Наступила пауза. Круковский смотрѣлъ на доктора Р. все съ той же лукавой улыбкой. На лицѣ доктора выражалось недоумѣніе. Круковский заговорилъ:

— Человѣкъ, который сидѣлъ напротивъ васъ за столомъ, человѣкъ, въ котораго вы хотѣли пустить салфеткой, никто иной какъ Пироговъ. Понимаете ли вы, самъ знаменитый Пироговъ.

Маленькій докторъ Р. сдѣлался какъ будто еще меньше при этомъ открытіи, точно бревно упало ему на голову.

— Что жъ вы со мной сдѣлали? зачѣмъ же вы меня не предупредили? съ упрекомъ, въ минорномъ тонѣ, заговорилъ онъ. Я человѣкъ семейный, куда я теперь дѣнусь?

— Видите ли, отвѣчалъ ему съ улыбкой Круковский, я хотѣлъ посмотрѣть—есть ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ бы вы не рѣшились вступить въ споръ; теперь

я убѣдился, что нѣтъ такого человѣка; значить, васъ могила исправить.

Докторъ Р. былъ горбать; острога Круковского заставила его улыбнуться; онъ повеселѣлъ, пріободрился; въ головѣ его въ одно мгновеніе составился планъ, и онъ вернулся въ гостиную приводить его въ исполненіе. Докторъ Р. направился къ Пирогову; между нимъ и знаменитымъ мужемъ произошло объясненіе, изъ котораго Пироговъ узналъ, что онъ — солнце науки, что имя его гремитъ во всѣхъ частяхъ свѣта, отъ одного полюса до другаго, а докторъ Р., къ великому удивленію своему, узналъ, что великій ученый давно не проводилъ время такъ пріятно, благодаря единственно тому счастливому обстоятельству, что собесѣдникъ его не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Докторъ Р. узналъ также, что его полковой командиръ очень дорожитъ имъ и отзывается объ немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. На другой день, при встрѣчѣ съ докторомъ Р., Круковскій сказалъ ему:

— Теперь вы будете рассказывать, что не дали спуску даже самому Пирогову. Въмѣсто того, чтобы исправить, я, кажется, еще хуже испортилъ васъ.

Всякій разъ, когда вызываешь тѣни прошлаго, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаешься на только-что описанной сценѣ. Въ ней видѣнъ Круковскій въ его настоящемъ свѣтѣ: веселый, добродушный, остроумный — словомъ, такой, какимъ онъ былъ вѣроятно давно, можетъ быть, въ ранній періодъ жизни, прежде нежели его благородному сердцу нанесена была глубокая, никогда незакрывающаяся рана. Тяжелъ и серьезенъ долженъ быть ударъ для того, чтобы сломить такую мощную натуру.

Въ Круковскомъ были всѣ задатки великаго государственнаго дѣятеля: глубокій, трезвый умъ, высокое понятіе о долгѣ, энергія, гуманность, неподкупность, обширныя познанія и вѣра въ прогрессъ, какъ въ органическую потребность от-

дѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Въ его судьбу вмѣшалась безвременная смерть, можетъ быть, потому, что онъ явился слишкомъ рано на землѣ съ своею неподкупностью, и задатки такъ и остались задатками безъ приложенія. Человѣчество потеряло въ немъ одного изъ лучшихъ представителей своихъ, исторія лишилась одного изъ лучшихъ украшеній и многихъ утѣшительныхъ страницъ. Зналъ ли Круковскій настоящую себя цѣну? Я часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ и никогда не находилъ на него отвѣта. Одно Круковскій зналъ, въ одномъ онъ былъ глубоко убѣжденъ, и не только словами, но и всѣми поступками своими высказывалъ это убѣжденіе: онъ зналъ, что какъ бы далеко человѣкъ ни искалъ счастья, онъ скорѣе всего найдетъ его въ своемъ сердцѣ, и потому старался держать этотъ уголокъ какъ можно чище, какъ мѣсто отдохновенія отъ бурь и непогодъ житейскаго моря.

К.

(Продолженіе будетъ).

ЛѢВЫЙ ФЛАНГЪ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ ВЪ 1848 ГОДУ.

(Продолженіе *).

IV.

Выступленіе на лѣвый флангъ кавказской линіи. Первая станція. Будущій фельдмаршалъ. Деньги. Неразлучный спутникъ дивизіонера. Выступленіе на вторую станцію. Жизнь въ Баташъ-Юртѣ. Прапорщикъ оказался генераломъ. Умаханъ-Юртъ. Встрѣча съ эксцентрикомъ. Сцена въ пріемной залѣ. Новый Юртъ. Пронсшествіе на Нефтянкѣ. Крѣпость Грозная.

Никто не назоветъ кавказскую зиму суровымъ временемъ года: здѣсь она мягкая и продолжается всего какихъ нибудь два или три мѣсяца, перемежаясь теплыми весенними днями; она не превращаетъ деревьевъ въ люстры, не куетъ прочныхъ мостовъ черезъ рѣки, по которымъ могли бы ходить локомотивы, не наводитъ тоски по вечерамъ вѣчнымъ завываніемъ въ трубѣ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Кавказа природа накинеть на себя дня на два, на три пушистое нѣжное покрывало и опять его сбрасываетъ. Тяжелымъ временемъ года на Кавказѣ можетъ назваться одинъ только іюль. Солнце—источникъ жизни во всякое другое время, въ іюлѣ мѣсяцѣ становится источникомъ страданій, а для неосторожныхъ, безпечныхъ или неопытныхъ оно превращается даже

*) См. „Кавказскій Сборникъ“ т. IX.

въ орудіе смерти, очень часто мгновенной. Отъ дѣйствія лучей его, раскаляющихъ атмосферу до 45° Р. въ тѣни, укрываются почти всѣ животныя. При составленіи маршрутовъ на Кавказѣ для войскъ, которымъ въ лѣтніе мѣсяцы предстояли передвиженія, климатическимъ условіямъ края отдавалось предпочтеніе передъ всѣми другими соображеніями, если только стратегическія не одерживали верхъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ.

Первый дивизіонъ нижегородскаго драгунскаго полка получилъ свой маршрутъ за нѣсколько дней до выступленія въ походъ. Вечеромъ того незабвеннаго для меня дня, когда я узналъ о своемъ новомъ положеніи въ дивизіонѣ, командиръ его майоръ Золотухинъ увѣдомилъ меня коротенькой запиской, что, по распоряженію командира полка (онъ не написалъ, что по его настоянію), я назначаюсь къ нему адъютантомъ на время экспедиціи; что шнуровыя книги, арматурныя, именныя и всякія другіе списки и всѣ принадлежности походной канцеляріи я получу завтра отъ полковаго адъютанта и полковаго квартирмейстера, а денежныя суммы онъ передастъ мнѣ лично въ день выступленія изъ штабъ-квартиры. Днемъ выступленія назначено 26-е іюля.

Рано утромъ 26-го іюля, прежде нежели заря успѣла загрунтовать востокъ пурпуромъ и золотомъ, задолго до того часа, когда наша штабъ-квартира начинала принимать издали унылый видъ каравана, пробирающагося по глубокимъ пескамъ пустыни, мы простились съ Чиръ-Юртомъ—иные навсегда, другіе не надолго. На разсвѣтѣ взорамъ нашимъ представилась панорама, вполне вознаграждавшая насъ за однообразіе безбрежныхъ прикаспійскихъ равнинъ. На первомъ планѣ—сулакское ущелье, темное въ самый яркій полдень и совершенно черное и таинственное въ тѣ чудныя минуты утренняго раздумья?

когда день не знаетъ—вступить ли ему сейчасъ же въ свои права, или еще немножко помедлить, какъ медлитъ человѣкъ подняться съ постели въ первыя минуты пробужденія. На самомъ верху, надъ ущельемъ, по обѣ его стороны, при первыхъ лучахъ утренней зари, одно за другимъ, начинали выглядывать изъ мрака окружающихъ лѣсовъ, въ которыхъ точно застряли послѣднія ночныя тѣни, низенькія бѣлыя строенія, казавшіяся на такомъ разстояніи крошечными дѣтскими игрушками, разбросанными съ вечера и еще неприбранными. Вправо и влево отъ ущелья горы, сначала темнофіолетовыя, покрытыя лѣсомъ, за ними безлѣсныя, съ темною зеленью и кустарникомъ въ оврагахъ, между ребрами, и такъ поднимавшіяся амфитеатромъ до послѣдняго уступа—андійскихъ высотъ, совершенно обнаженныхъ, но величественныхъ, замыкавшихъ панораму въ видѣ ограды, за которою воображеніе создавало новый, невѣдомый міръ.

По пловучему мосту, защищенному башнею съ одного берега и укрѣпленіемъ съ другаго, мы переправились на лѣвый берегъ Сулака, которымъ начиналась кумыкская плоскость и лѣвый флангъ кавказской линіи. Первою нашею станціею былъ Хасавъ-Юртъ. Мы шли къ нему прямой дорогой, гораздо менѣе опасной, нежели дорога на Внезапную. Для баталіона или даже для двухъ ротъ, дорога, по которой мы шли, была неопасна; для команды въ тридцать-сорокъ человѣкъ она была такъ же опасна, какъ и всякая другая, пролегающая по уединеннымъ мѣстностямъ Кавказа. Мы шли со всѣми воинскими предосторожностями. Чипчаковская башня, стоявшая въ сторонѣ, смотрѣла такъ подозрительно кругомъ себя, что и насъ заразила подозрительностью. Часамъ къ десяти утра мы прибыли въ Хасавъ-Юртъ, какъ-разъ въ такую пору, когда и люди, и животныя начинаютъ рас-

ходиться по своимъ тѣнистымъ убѣжищамъ, ища защиты отъ іюльскаго солнца, и въ природѣ водворяется почти мертвая тишина.

Хасавъ-Юртъ—сучное мѣсто, болѣе унылое нежели Чиръ-Юртъ, и притомъ нездоровое. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, достаточно было взглянуть на кладбище: оно было слишкомъ велико для поселенія, существовавшего здѣсь всего два года; еще нѣсколько лѣтъ—и число его мирныхъ обитателей превысило бы, пожалуй, число жителей самаго Хасавъ-Юрта. Кумыки нѣсколько разъ пытались селиться на этомъ мѣстѣ, и всякій разъ разбѣгались. Шамиль, говорятъ, запретилъ даже своимъ набамъ тревожить войска, строившія укрѣпленіе. „Пусть строятся“, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ: „это они могилу себѣ роютъ“.

Хасавъ-Юртъ—укрѣпленная штабъ-квартира кабардинскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, лучшаго боеваго полка въ цѣлой кавказской арміи. Жизнь въ Хасавъ-Юртѣ непривлекательная, затворническая; кругомъ—высокая земляная насыпь, обнесенная колючкою крѣпостная ограда; внутри ограды весь вапъ міръ. Васъ угнетаетъ скука, потребность простора; но выходъ изъ этого положенія невозможенъ. Каждый шагъ за крѣпостную ограду можетъ стоить вамъ жизни или свободы, и васъ не пропустятъ за крѣпость, хотя бы вы задохались въ ней отъ неволи. Кругомъ тихо, безлюдно, души живой не видать на далекое пространство. Но этому кажущемуся спокойствію такъ же можно довѣриться, какъ зеленѣющей поверхности глубокой трясины. Положимъ, вамъ удалось обмануть бдительность часоваго, и вы очутились за крѣпостной оградой, удаляетесь отъ крѣпости и въ душѣ начинаете подсмѣиваться надъ всѣми предосторожностями. Вдругъ, останавли-

ваются внезапно, какъ будто наступили на край бездонной пропасти: впереди взвился дымокъ—и пуля свернула валу фуражку. Поднимается тревога. На томъ мѣстѣ, съ котораго взвился дымокъ, никого нѣтъ, и кругомъ никого нѣтъ; та же тишина, то же безлюдье.

Въ отношеніи безопасности Чиръ-Юртъ былъ обставленъ несравненно лучшими условіями: тамъ, по крайней мѣрѣ, мы были свободны; садишься на коня, когда вздумается, кромѣ ночнаго времени, и ѣдешь—куда глаза глядятъ. Между Чиръ-Юртомъ и непріятелемъ—рѣка, переправы черезъ которую зорко охранялись разѣздами, ночью непрерывными отъ зари до зари, днемъ—при малѣйшемъ къ тому поводѣ. Въ Хасавъ-Юртѣ даже стада паслись подъ прикрытіемъ вооруженныхъ командъ, и то въ виду крѣпости, не далѣе пушечнаго выстрѣла отъ нея, и только въ ясную погоду. Во время густыхъ тумановъ, крѣпости, въ родѣ Хасавъ-Юрта, находились какъ бы въ осадномъ положеніи: въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно; это была та же ночь, только бѣлая. Ночью, при повсемѣстной тишинѣ, звуки гораздо явственнѣе доносятся до слуха, нежели при дневномъ шумѣ, и оттого днемъ, въ туманъ, опаснѣе, нежели въ ясную, звѣздную или лунную ночь.

Въ Хасавъ-Юртѣ насъ ожидалъ самый радушный пріемъ. Всѣ заботы о продовольствіи дивизіона были съ него сняты; офицеры наши были разобраны офицерами кабардинскаго полка, вышедшими на встрѣчу; въ воротахъ штабъ-квартиры насъ ожидалъ полковой адъютантъ, котораго полковой командиръ прислалъ передать намъ, что ему очень пріятно было бы видѣть насъ у себя за обѣдомъ. Такого же точно приглашенія къ обѣду удостоились и наши драгуны, только не отъ полковаго командира, а отъ роты кабардинскаго полка, располо-

женныхъ въ штабъ-квартирѣ. Не успѣли они разбить коновязи, какъ къ нимъ уже явились депутаціи, съ фельдфебелями во главѣ, просить ихъ „откушать кабардинскаго хлѣба-соли“. Хлѣбъ-соль сопровождалась, по обыкновенію, обильными возліяніями, о чемъ свидѣтельствовали восторженные „ура“, пронесившіяся надъ безлюдными улицами Хасавъ-Юрта. Въ первый разъ встрѣчались представители двухъ полковъ, жившихъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, на разстояніи одного перехода другъ отъ друга. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 3-й дивизіонъ нижегородскаго драгунскаго полка вызванъ былъ въ Хасавъ-Юртъ, но кабардинцы были въ то время въ разбродѣ: одни на покосахъ, другіе мелкими частями стояли по укрѣпленіямъ, два баталіона находились въ дагестанскомъ отрядѣ; штабъ-квартиру ихъ временно занимали постороннія войска и свои небольшія команды.

Эти труженики, не понимавшіе своего высокаго самоотреченія, двадцать пять лѣтъ безропотно, съ покорностью достойныхъ сыновъ святой Руси, выносившіе на своихъ плечахъ всѣ тягости и трудности нескончаемой войны, никогда не увѣренные въ завтрашнемъ днѣ, не могли не уважать и не цѣнить другъ друга, и потому невинныя ихъ пиршества всегда отличались нѣкоторой сдержанностью. То были старые кавказскіе солдаты; теперь ихъ нѣтъ; старый кавказскій солдатъ умеръ; кто его не видалъ, тотъ никогда и не увидитъ. Война на Кавказѣ кончилась; срокъ двадцатипятилѣтней службы сдѣлался достояніемъ отжившаго прошлаго, и типъ, созданный этими двумя условіями, никогда уже не повторится.

Моему дивизіонеру и мнѣ, съ походною канцеляріею, отведено было одно помѣщеніе: маленькій домикъ съ обширнымъ дворомъ и крошечнымъ палисадникомъ, въ которомъ, съ поникшими отъ засухи вѣтвями, торча-

ли двѣ чахлыя акаціи. Не доѣзжая полверсты до штабъ-квартиры, маіоръ Золотухинъ усккалъ впередъ, въ сопровожденіи своего постоянного и неотлучнаго трубача, и я его долго не видѣлъ. Наконецъ, они явились въ то время, когда я успѣлъ вдоволь надуматься о разныхъ разностяхъ, и дивизіонеръ мнѣ объявилъ, что ѣздить являться къ полковому командиру.

— Теперь ваша очередь побывать у него, добавилъ онъ. Дѣло такое, что его не нужно откладывать въ долгій ящикъ. Забирайте съ собой всю нашу казну—и съ Богомъ!

Казна наша была не велика: всего, съ небольшимъ двѣ тысячи рублей; но въ томъ видѣ, въ какомъ мы приняли ее отъ полка, она была для насъ совершенно бесполезна: вся она заключалась въ кредитныхъ билетахъ; жителямъ же мирныхъ ауловъ, у которыхъ мы закупали всякое продовольствіе, нужна была звонкая монета. Когда съ ними расплачивались билетами, они не принимали ихъ и только улыбались. Полковой командиръ принялъ въ насъ участіе: не успѣлъ Золотухинъ намекнуть ему на наше затрудненіе, какъ онъ сейчасъ же вызвался помочь нашему горю.

Въ новомъ сюртукѣ, покрытомъ, безчисленнымъ множествомъ мелкихъ складокъ и морщинъ отъ безпорядочной укладки, безъ эполетъ, съ азіятской пашкой черезъ плечо, съ толстой пачкой ассигнацій въ чистомъ носовомъ платкѣ, направился я по пустыннымъ улицамъ Хасавъ-Юрта къ дому полковаго командира. Этотъ домъ одноэтажный, съ длиннымъ, ослѣпительно-бѣлымъ фасадомъ и голубой крышей, выступалъ настоящимъ дворцомъ изъ безконечно-длинной перспективы сѣренскихъ, низенькихъ мазанокъ, мимо которыхъ я проходилъ. Въ передней, гдѣ меня сразу такъ и обдало прохладой,

стояли на вытяжку ординарецъ и вѣстовой. На нихъ была лѣтняя форма; но сами они и ихъ одежда казались только-что выкатанными на машинномъ станкѣ: все было безукоризненно, гладко и составляло вопіющій контрастъ съ моимъ скомканнымъ сюртукомъ. По докладу ординарца, я робко вступилъ въ прохладную, просторную комнату, стѣны которой обиты были голубыми обоями, а мебель обтянута голубымъ, съ бѣлыми разводами, бараканомъ. Съ потолка, бѣлаго какъ алебастръ, висѣла массивная люстра, хрустальные привѣски которой играли огоньками драгоценныхъ камней.

На диванѣ, направо отъ входа, сидѣлъ штабъ-офицеръ, въ сюртукѣ, застѣгнутомъ на всѣ пуговицы, не смотря на іюль мѣсяцъ, въ эксельбантахъ, доказывавшихъ его флигель-адъютантское званіе, и съ офицерскимъ георгиевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Это былъ полковой командиръ. Когда онъ всталъ и выступилъ ко мнѣ навстрѣчу, я увидѣлъ передъ собою фигуру молодого человѣка, съ темнорусыми, короткими, слегка вьющимися отъ природы волосами, темноглубыми улыбающимися глазами, правильными, пропорціональными и необыкновенно привлекательными чертами матово-бѣлаго, нѣжнаго лица; усы у него были короткіе, нѣсколько свѣтлѣе волосъ на головѣ, не прикрывавшіе въ ширину даже всей верхней губы, а въ длину оканчивавшіеся вмѣстѣ съ нею. Этотъ молодой человѣкъ представлялъ собою образецъ красоты, граціи, благородства. Не знаю, какое впечатлѣніе производилъ на другихъ командиръ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, но меня онъ положительно обворожилъ изысканностью своихъ манеръ, привѣтливостью въ обращеніи и отсутствіемъ напыщенности. Это былъ князь Барятинскій, вся жизнь котораго была любимой народной сказкой, перешедшей въ дѣйствитель-

ность. Родился онъ съ золотой ложкой у рта. Думалъ ли я тогда, что черезъ десять лѣтъ онъ превратитъ въ груды развалинъ твердыню послѣдняго имама восточнаго Кавказа, что передъ нимъ преклонитъ свою голову и у ногъ его сложитъ свою свободу, власть и оружіе гордый и геніальный повелитель всѣхъ горскихъ мусульманскихъ народовъ? Думалъ ли я, что этотъ молодой человекъ, къ которому я пришелъ съ такимъ прозаическимъ дѣломъ, черезъ десять лѣтъ сдѣлается достояніемъ исторіи, станетъ на ту высоту, на которой стоялъ только по рожденію, и заставить говорить о себѣ чуть не весь міръ? Еслибы что нибудь подобное пришло мнѣ на мысль, я бы засмѣялся: война на Кавказѣ была въ такомъ фазисѣ, что о человѣкѣ, которому суждено было окончить ее, можно было только сказать, что онъ еще не родился.

— Вы, вѣроятно, адъютантъ драгунскаго дивизіона? обратился ко мнѣ князь Барятинскій. Я уже отдалъ приказаніе кому слѣдуетъ, и полагаю, затрудненій никакихъ не встрѣтится.

Онъ пригласилъ меня сѣсть. Хорошо, что не на подчиненныхъ лежитъ обязанность занимать начальниковъ, а наоборотъ,—иначе аудіенція наша состояла бы изъ одного очень некраснорѣчиваго молчанія. Идя къ полковому командиру, я приготовилъ много отвѣтовъ на нѣкоторые стереотипные вопросы, которые считалъ неизбѣжными, но ни одинъ изъ нихъ не былъ предложенъ. Было сдѣлано нѣсколько банальныхъ вопросовъ совершенно безучастнымъ тономъ, и на нихъ получены были отвѣты, отличавшіеся безцвѣтностью и безсвязностью, доказывавшими, что подчиненный растерялся въ присутствіи начальника и тѣмъ польстилъ его самопоклоненію. Только два вопроса заслуживаютъ того, чтобы я удѣлилъ

имъ мѣсто въ моихъ правдивыхъ мемуарахъ. Одинъ, лично интересовавшій князя Барятинскаго—о составѣ общества офицеровъ въ нижегородскомъ драгунскомъ полку, другой—касавшійся моей собственной особы. Нужно замѣтить, что кабардинскій полкъ, во время командованія имъ князя Барятинскаго, по составу общества офицеровъ, не имѣлъ равнаго себѣ въ цѣлой кавказской арміи. Много громкихъ, аристократическихъ именъ сошлось въ этомъ полку: кажется, всѣ Гагарины и Голицыны, способные носить оружіе, были призваны подъ его знамена.

— Какъ вы нашли общество офицеровъ въ вашемъ полку? спросилъ князь.

— У насъ есть человѣкъ двадцать съ прекраснымъ образованіемъ и хорошихъ фамилій; остальные ничѣмъ не отличаются отъ офицеровъ другихъ армейскихъ полковъ. Есть между послѣдними и бурбоны, человѣкъ семь или восемь.

Князь улыбнулся.

— Ну, а себя къ какой категоріи вы причисляете?

— Я, - ваше сіятельство, прапорщикъ, а прапорщикъ, какъ вамъ извѣстно, не офицеръ.

Магнатъ взглянулъ на меня въ недоумѣніи; наши взгляды встрѣтились—удивленный съ его стороны, испуганный съ моей. Наступила довольно продолжительная пауза. Наконецъ, князь сжалился надъ моимъ смущеніемъ и съ обворожительной улыбкой, мгновенно прорѣзавшей тучу, пожелалъ мнѣ „отъ души“ вернуться изъ похода „настоящимъ офицеромъ“. Выразительной интонаціей онъ подчеркнулъ два послѣднія слова. Я принялъ это пожеланіе за сигналъ къ отступленію, отвѣсилъ глубокій поклонъ будущему фельдмаршалу и вышелъ. Въ дверяхъ передней командиръ полка при-

казалъ вѣстовому проводить меня къ полковому казначею.

У казначея мнѣ пришлось просидѣть довольно долго. Въ полковомъ ящикѣ, какъ и въ нашей злополучной походной кассѣ, ничего нельзя было найти, кромѣ красивыхъ разноцвѣтныхъ бумажекъ; у евреевъ, въ рукахъ которыхъ была вся торговля кумыкской плоскости, за исключеніемъ Новаго Аксая (Ташъ-Кичу), звонкой монеты также не оказалось,—чему, конечно, никто, начиная съ казначея, не вѣрилъ. Посылали за маркитантомъ, за полковымъ портнымъ, за подрядчикомъ; кредитныхъ билетовъ вездѣ много, звонкой монеты ни у кого. Я начиналъ уже терпѣніе и надежду выйти съ честью изъ затрудненія. Но вотъ, въ дверяхъ показываются двѣ фигуры: одна—послѣдняго изъ командированныхъ на поиски казначейскаго писаря, другая—буксируемаго имъ отставнаго унтеръ-офицера, съ двумя холщевыми мѣшочками въ рукахъ. Унтеръ-офицеръ этотъ разбогатѣлъ внезапно, въ одну ночь, во время даргинской экспедиціи, откуда возвратился Крезомъ, женился на вдовѣ и сталъ торговать кислыми щами и хлѣбными напитками. Онъ занимался также выдачею въ ссуду денегъ, подъ вѣрныя обезпеченія, и никогда не бралъ болѣе ста пятидесяти процентовъ. Казначей замѣтно просіялъ при видѣ холщевыхъ мѣшочковъ. Нельзя было и не просіять, потому что не онъ далъ слово нашему дивизионеру, а его начальникъ, и не за себя далъ слово, а за него, за своего казначея. Спасительные мѣшочки были развязаны. Въ одномъ изъ нихъ оказалось триста полуимперіаловъ, въ другомъ—серебряные рубли трехъ различныхъ эпохъ. Въ результатъ всѣ остались довольны исходомъ нумизматической экспедиціи этого утра, не исключая самого обладателя мѣшочковъ, инте-

ресы котораго, въ формѣ внушительнаго вороха росписокъ, были всецѣло въ рукахъ казначея.

Солнце перешло за полдень и жгло нестерпимѣе прежняго, но я шелъ бодро; писарь едва поспѣвалъ за мною. Это былъ тотъ самый писарь, который такъ счастливо окончилъ кампанію. Когда дивизіонеръ выслушалъ подробное донесеніе обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, онъ опустилъ въ руку писаря десять серебряныхъ представителей трехъ различныхъ эпохъ.

Когда колючій денежный вопросъ былъ улаженъ— время пошло незамѣтно. Дмитрій Матвѣевичъ заговорилъ о добромъ старомъ времени, когда онъ служилъ въ Россіи, описывалъ свои походы, коснулся позднѣйшей эпохи, когда онъ стоялъ съ эскадрономъ въ нашемъ родовомъ имѣніи, и т. д. Мы такъ увлеклись оба, что когда полковой колоколъ ударилъ два раза, то не повѣрили ему и продолжали нашъ разговоръ. Золотухинъ, между прочимъ, мнѣ передавалъ, что когда князь Барятинскій спросилъ у него: „что у васъ подѣлываютъ въ Чирь-Юртѣ“?—онъ отвѣчалъ: „не могу вамъ сказать, ваше сіятельство: когда мы выступили изъ Чирь-Юрта, тамъ всѣ еще спали“.—Барятинскому, по словамъ Дмитрія Матвѣевича, большого труда стоило удержаться отъ смѣха; онъ, должно быть, больно закусилъ себѣ губу, а все-таки удержался.

Мы едва передвигали ноги отъ жары, когда пробрались къ бѣлому дому съ голубой крышей. Въ три четверти третьяго мы собрались въ той самой прохладной и просторной пріемной комнатѣ, гдѣ происходили аудіенціи, моя и моего дивизіонера, а ровно въ три часа перешли въ столовую, еще болѣе просторную и прохладную, и размѣстились за длиннымъ, скругленнымъ по краямъ столомъ.

Я помнилъ Хасавъ-Юртъ два года тому назадъ. Тотъ же земляной валъ, обнесенный колючкою, составлялъ его ограду; но внутри ограды было въ то время нѣсколько землянокъ съ отверстіями въ крышахъ для пропуска дыма и свѣта; нѣсколько шалашей изъ кукурузной соломѣ; навѣсъ, подъ которымъ стояли орудія, прикрытыя черными брезентами; три или четыре турлучныхъ домика и, наконецъ, выстроенныя въ двѣ линіи палатки. Все это съ особенною отчетливостію представлялось мнѣ теперь, когда я сидѣлъ за длиннымъ столомъ, роскошно сервированнымъ, въ обществѣ юныхъ представителей лучшихъ нашихъ аристократическихъ фамилій, въ обширной столовой съ высокими стрѣльчатыми окнами, тяжелыми шелковыми занавѣсами на нихъ, съ кистями и бронзовыми багетами, съ бронзовыми бра по стѣнамъ, обитымъ матовыми бѣлыми шпалерами и золотыми бордюрами, и я спрашивалъ себя: это ли былъ сонъ, а видѣнное мною два года тому назадъ—дѣйствительность? или то былъ сонъ, а это дѣйствительность?—Невольно приходило на мысль: кѣмъ воздвигнуты въ два года этотъ дворецъ и постройки: казармы, цейхгаузы, склады, помѣщенія для канцелярій, мастерскія, гауптвахта, длинныя вереницы маленькихъ сѣренскихъ домиковъ? Отвѣтъ былъ коротокъ и ясенъ: все тѣми же золотыми солдатскими руками, которыя во время набѣговъ возводили редуты и блокгаузы; все тѣми же постоянными участниками экспедицій, переходившими рѣки въ бродъ выше пояса, проводившими ночи напролетъ въ секретяхъ, заготовлявшими дрова и сѣно, разводившими огороды, прикрывавшими стада, и т. д., и т. д., и находившими еще возможность пѣть, смѣяться, даже веселиться. Въ Хасавъ-Юртѣ въ 1846-мъ году не было другихъ строительныхъ матеріаловъ, кромѣ навоза, кукурузной соло-

мы и хвороста, а въ 1848-мъ мы сидѣли въ роскошномъ помѣщеніи, гдѣ изысканныя блюда разносились лакеями во фракахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Я сидѣлъ на дальнемъ концѣ стола, между такими же не настоящими офицерами. Мы не могли принимать участія въ разговорѣ солидной половины общества, которому тонъ и направленіе давалъ самъ амфитріонъ; у насъ шла своя бесѣда, бойкая, веселая. Вдругъ, точно кто тяжелымъ жезломъ ударилъ по столу: воцарилось гробовое молчаніе; всѣ окаменѣли. Даже прилично одѣтые лакеи, съ блюдами на вытянутыхъ ладоняхъ, какъ будто приросли къ землѣ. Еслибы граната упала въ хрустальную вазу съ цвѣтами, возвышавшуюся надъ серединой стола, она не произвела бы такого магическаго дѣйствія. Эпизодъ, вызвавшій такъ внезапно эту сцену всеобщаго оцѣпенѣнія, почти ужаса, самъ по себѣ былъ такъ незначителенъ, что я бы прошелъ его молчаніемъ, еслибы онъ, въ числѣ другихъ подобныхъ ему мелкихъ эпизодовъ, не содѣйствовалъ освѣщенію личности человѣка, который принадлежитъ теперь исторіи, который былъ впослѣдствіи намѣстникомъ, фельдмаршаломъ, другомъ Императора, и для характеристики котораго дорога каждая крупинка.

У князя Барятинскаго, кромѣ насъ, драгунскихъ офицеровъ, обѣдали всегда офицеры своего, т. е. кабардинскаго полка—конечно, только свободные отъ службы, для которыхъ этотъ обѣдъ былъ обязателенъ. По поводу разсѣянности или неловкости одного изъ прислуживавшихъ за столомъ лакеевъ, разговоръ коснулся этикета, условныхъ приличій, обычаевъ и предрасудковъ у различныхъ народовъ земнаго шара,—тема богатая, неисотщимаемая, открывавшая широкое поле для обмѣна мыслей, анекдотовъ, остротъ и дѣльныхъ практическихъ замѣ-

чаній. Князь Барятинскій высказалъ, между прочимъ, мысль, что сколько бы ни порицали Джона Буля за его холодную сдержанность, чопорность и необщительность его нельзя не уважать именно потому, что онъ самъ себя уважаетъ. Онъ никогда не позволитъ себѣ забыться даже въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу, если только онъ истинный джентльменъ. Является онъ, напримѣръ, къ обѣду: на немъ безукоризненно чистый воротничекъ и такіе же рукавички; подбородокъ его всегда лоснится, потому что за часъ или за два до обѣда онъ непременно побрѣется, хотя бы брился наканунѣ вечеромъ. При послѣднихъ словахъ, случайно или съ намѣреніемъ, князь Барятинскій взглянулъ на своего полковаго адъютанта, подбородокъ котораго не лоснился. Это былъ молодой человѣкъ, скромный, молчаливый, изящный и симпатичный. Замѣтивъ брошенный на него взглядъ полковаго командира, адъютантъ вспыхнулъ, вырвалъ изъ петлицы салфетку, бросилъ ее вмѣстѣ съ ножомъ и вилкой на столъ, выскочилъ изъ за стола, точно ужаленный, и быстрыми шагами направился къ выходу. Вотъ тутъ-то и водворилась та тишина, которую я, безъ преувеличенія, назвалъ гробовою. Она длилась секунды, но намъ эти секунды показались минутами. Все замерло, можно было слышать полетъ мухъ. Князь Барятинскій остолбенѣлъ. Даже онъ, никогда не терявшій самообладанія, на этотъ разъ потерялъ его. Онъ еще не совсѣмъ пришелъ въ себя, когда заговорилъ:

— Куда вы? Ради Бога, успокойтесь!

Молодой человѣкъ остановился. Онъ былъ блѣденъ.

— Ваше сіятельство, заговорилъ онъ взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ, въ которомъ слышались слезы. Даю вамъ слово, я не заслужилъ замѣчанія; я сегодня цѣлое утро, какъ вамъ самимъ извѣстно....

— Да я и не думалъ дѣлать вамъ замѣчаніе. Повѣрьте мнѣ, что еслибы вы и вызвали меня на замѣчаніе, я бы сдѣлалъ его вамъ одинъ на одинъ, а никакъ не при всѣхъ и не при постороннихъ, и ужъ конечно не за столомъ.

— Но, ваше сіятельство, вы взглянули на меня, когда заговорили объ англи.... объ англи.... я.... дѣйствительно.... не успѣлъ сегодня побриться.... вы взглянули.... я и подумалъ....

— Садитесь и не думайте ни о чемъ подобномъ. Взглянулъ я на васъ совершенно случайно, какъ бы могъ взглянуть и на всякаго другаго. Неужели, еслибы я наступилъ вамъ на ногу гдѣ нибудь, положимъ, хоть въ церкви, вы и тогда бы подумали, что я сдѣлалъ это съ умысломъ?

Передъ такимъ здравымъ аргументомъ бѣдному адъютанту ничего болѣе не оставалось, какъ положить оружіе. Онъ поклонился и молча занялъ свое прежнее мѣсто за столомъ.

Было ли то дѣйствительно недоразумѣніе? Трудно сказать, очень трудно: душа человѣка — глубокая, темная пучина. „Въ нее не влѣзешь“, говоритъ русская пословица. Не было ли у князя Барятинскаго намѣренія бросить камышекъ въ огородъ подчиненнаго такъ незамѣтно, чтобы, кромѣ самого подчиненнаго, никто не обратилъ вниманія? Я нѣсколько разъ украдкой взглядывалъ на блѣдное лицо адъютанта: на немъ блуждала тѣнь — не то огорченія, не то безпокойства. Мнѣ все казалось, что онъ оставался при своемъ первоначальномъ убѣжденіи, т. е. что полковой командиръ не случайно взглянулъ на него, когда заговорилъ о лоснящихся подбородкахъ кровныхъ джентльменовъ. Разговоръ, между тѣмъ, на всѣхъ пунктахъ обѣденнаго стола возобновился. Князь

Барятинскій, чтобы показать, что онъ не придаетъ никакого значенія насильно ворвавшемуся въ мирную бесѣду бурному эпизоду, продолжалъ развивать прерванную мысль съ того самого мѣста, на которомъ она была прервана, какъ будто доказать ее помѣшалъ ему кашель или что нибудь въ этомъ родѣ. Въ четыре часа обѣдъ кончился; всѣ стали расходиться по домамъ. Я думалъ, что адъютанта оставить для конфиденціальной головомойки; нѣтъ, онъ откланялся наравнѣ съ другими, и наравнѣ съ другими, въ отвѣтъ на свой почтительный поклонъ, удостоился привѣтливой улыбки. Въ половинѣ осьмаго мы опять должны были собраться въ домъ полковаго командира къ вечернему чаю; я говорю: должны были, потому что приглашеніе сдѣлано было въ такой формѣ, что не явиться было бы непростительно. Улицы Хасавъ-Юрта все еще были безмолвны и безлюдны, когда мы возвращались отъ обѣда домой. Безмолвіе ихъ нарушалось повременамъ давно знакомымъ намъ диссонансомъ человѣческихъ голосовъ, доносившимся изъ казармъ: то были вокальныя упражненія новыхъ друзей, кабардинцевъ и нижегородцевъ, продолжавшихъ еще пировать и объясняться въ чувствахъ глубокой преданности, но уже хриплыми голосами. Эта невинная вакханалія продолжалась только до пробитія вечерней зари. Съ этого момента, во всѣхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ наступаетъ тишина, прерываемая окликарами часовыхъ и лаемъ собакъ.

Еслибы можно было показать непосвященному, хоть въ туманныхъ картинахъ, что дѣлалось на всѣхъ развѣтвленіяхъ кавказской линіи, ближайшихъ къ непріятелю, въ таинственный часъ, наступающій послѣ пробитія вечерней зари, онъ бы подумалъ, что въ эту ночь ожидается одновременное нападеніе на всѣ рѣшительно пунк-

ты, занимаемые нашими войсками. Онъ увидѣлъ бы, какъ вездѣ усиливаются посты, выставляются ночные караулы, отводятся мѣста для резервовъ, располагаются секреты, высылаются обходы; онъ бы увидѣлъ, что въ то время, какъ одна часть гарнизона располагается на ночлегъ, другая готовится охранять ее соопъ. И онъ бы, конечно, не ошибся въ своемъ предположеніи: вездѣ, на всѣхъ передовыхъ пунктахъ кавказской линіи ожидается нападеніе, и оно неминуемо послѣдуетъ, если не принять мѣръ къ его отраженію. Только всегдашнею готовностью встрѣтить опасность есть возможность предупредить ее. Бывали примѣры безнаказанно проходившихъ оплошностей, но такъ рѣдко, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на слишкомъ счастливыя исключенія.

Вечеромъ у полковаго командира общество офицеровъ разбрелось по разнымъ комнатамъ: одни направились къ ломбернымъ столамъ, другіе окружили билліардъ; двое углубились въ шахматную игру; нѣсколько человѣкъ занялись разсматриваніемъ альбомовъ и кипсековъ, перелистываніемъ журналовъ. Князь Барятинскій былъ особенно любезенъ; обращеніе его было просто и отличалось тою изящною непринужденностью, которую можетъ дать только воспитаніе и сознаніе своего независимаго положенія. Онъ рассказывалъ намъ анекдоты изъ своей прошлой жизни, боевой и великосвѣтской. Два изъ нихъ невольно напрашиваются на перо, такъ какъ отмѣчаютъ собою новыя черты въ характерѣ этого замѣчательнаго человѣка. Одинъ изъ нихъ относится къ тому времени, когда князь Барятинскій ѣхалъ принимать полкъ. На одной станціи восногрузинской дороги, Ларсѣ, ему очень долго пришлось ждать лошадей. День былъ холодный; въ комнатѣ для

проѣзжающихъ топилась печка, издавая трескъ, такъ пріятно дѣйствующій на слухъ продрогшаго путешественника. Барятинскій сталъ къ ней спиной, началъ грѣться и при этомъ такъ высоко поднялъ полы своего сюртука, какъ не позволилъ бы себѣ этого сдѣлать въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Въ станціонную комнату вошла дама. Онъ настолько былъ погруженъ въ свои мысли, что едва обратилъ вниманіе на ея приходъ. Она что-то проговорила вполголоса,—онъ и ея слова оставилъ безъ вниманія. Тогда она, окинувъ его смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ, назвала невѣжей. Тутъ только онъ взглянулъ на нее, опомнился, проворно опустилъ полы своего сюртука и пробормоталъ извиненіе. Въ свою очередь, дама пропустила мимо ушей его извиненіе и повелительнымъ тономъ потребовала отъ него подорожную. Не желая доводить дѣло до огласки, Барятинскій повторилъ свое извиненіе, но его не слушали и продолжали требовать подорожную. Дѣлать было нечего, пришлось покориться. Застигнутый врасплохъ и не давая себѣ отчета—кто эта особа, имѣетъ ли она право на ту роль, въ которой явилась передъ нимъ, Барятинскій приказалъ своему человѣку достать изъ сумки подорожную и вручить ее дамѣ. Пока она пробѣгала глазами подорожную, Барятинскій слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и тутъ только замѣтилъ, что она, впервыхъ, не въ дорожномъ костюмѣ, а ввторыхъ, молода, стройна и очень хороша собою. Развернуть подорожную, взглянуть на фамилію проѣзжающаго и возвратить документъ было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Барятинскій думалъ, что роли сейчасъ перемѣнятся, но не такъ было на самомъ дѣлѣ: дама саркастически улыбнулась, покачала своей головой и, хотя безъ раздраженія, но прочитала ему цѣлую нотацію о приличіи и вѣжли-

ности. Наконецъ, князь Барятинскій пришелъ въ себя и началъ задавать себѣ разные вопросы, чтобы сколько нибудь ориентироваться въ своемъ неловкомъ положеніи, т. е. онъ тогда взглянулъ на компасъ, когда уже заблудился. Одно время ему пришло въ голову—не съ сумасшедшей ли онъ имѣетъ дѣло? Дама, между тѣмъ, послѣ своей внушительной филиппики, удалилась, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ ея ухода и лошади были готовы. „Кто эта дама“? спросилъ князь Барятинскій у станціоннаго писаря, собираясь садиться въ экипажъ. „Барабанщица“, отвѣтилъ писарь, лицо котораго выражало послѣднюю степень удивленія. „Барабанщица“! повторилъ князь Барятинскій, удивленный отвѣтомъ столько же, сколько писарь былъ удивленъ вопросомъ. „Барабанщица“! не переставалъ твердить онъ до слѣдующей станціи. Впослѣдствіи онъ узналъ, что это за барабанщица: ей за стаканъ кофе платили по двадцати пяти, по пятидесяти, даже по сто рублей;—такъ искусно она его приготавливала! Онъ узналъ также, что Ларсъ—единственная станція въ цѣлой Россіи, гдѣ бѣднымъ отдають предпочтеніе передъ богатыми: первымъ лошадей дають сейчасъ же, безъ малѣйшаго задержанія, вторымъ отказываютъ въ нихъ подъ разными благовидными предлогами до тѣхъ поръ, пока они не удостоиваются лицеизрѣть горную нимфу—барабанщицу, и тогда уже, сами не будучи въ силахъ оторваться, приискиваютъ благовидные предлоги, чтобы подольше остаться на станціи и даже, если можно, переночевать. У барабанщицы, кромѣ капитала, который могъ бы составить счастье нѣсколькихъ семействъ, было много цѣнныхъ подарковъ—фермуаровъ, браслетъ, кольцо и т. д., не менѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ оперныхъ пѣвицъ, заручившихся всемірною извѣстностью.

Въ другомъ описанномъ имъ въ тотъ вечеръ слу-

чаѣ, который самъ онъ называлъ несостоявшимся путешествіемъ на тотъ свѣтъ, онъ не задумался выставить себя въ смѣшномъ видѣ; онъ даже говорилъ, какой великолѣпный сюжетъ для каррикатуры представлялъ онъ изъ себя, и какъ онъ жалѣлъ, что не было въ то время подъ рукою художника. Онъ былъ тяжело раненъ пулей въ грудь и думалъ, что не переживетъ этой раны; такъ всѣ думали, и докторъ былъ того же мнѣнія. Когда наступилъ кризисъ, и онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то пригласилъ къ себѣ одного изъ товарищей и продиктовалъ ему свою послѣднюю волю, подъ которой подписалось нѣсколько свидѣтелей; ему же онъ далъ нѣсколько порученій довольно интимнаго свойства къ своимъ близкимъ роднымъ; затѣмъ, онъ просилъ собрать всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ и даже тѣхъ, съ кѣмъ онъ давно избѣгалъ встрѣчи, и кому пересталъ кланяться. Началась трогательная сцена прощанія; онъ говорилъ ласково и откровенно со всѣми, но съ особенною нѣжностью обращался къ тѣмъ, противъ кого чувствовалъ себя виноватымъ; высказалъ все, что у него было на душѣ, чего не рѣшился бы высказать ни въ какое другое время; словомъ, держалъ себя какъ человѣкъ, который заканчиваетъ всѣ земные счеты и не хочетъ оставлять ничего недосказаннымъ. Картина была умилительная. Простившись навѣки съ друзьями и знакомыми, и заручившись прощеніемъ враговъ, съ которыми онъ окончательно примирился, онъ потребовалъ къ себѣ доктора, благодарилъ его за всѣ его попеченія, и въ особенности за то, что онъ не скрылъ отъ него его настоящаго положенія и тѣмъ далъ ему возможность приготовиться къ торжественному часу, какъ христіанину и какъ человѣку. Послѣ этого свиданія онъ почувствовалъ себя такимъ слабымъ, изнеможеннымъ, что не могъ уже говорить, ед-

ва прошепталъ прощальное привѣтствіе и закрылъ глаза. Всѣ думали, что онъ заснулъ навсегда, постояли еще нѣсколько минутъ, проговорили вполголоса: „прощай, Барятинскій!“ а кто-то сказалъ: „скверную штуку сыграла судьба съ тобой“—и медленно разошлись по домамъ. Онъ крѣпко спалъ всю ночь. На другой день утромъ онъ все еще былъ на этомъ свѣтѣ; на третій день та же исторія; но онъ чувствовалъ, себя бодрѣе и опять увидѣлся съ друзьями, врагами и знакомыми, съ которыми уже распрощался, а черезъ мѣсяцъ былъ уже совершенно здоровъ—къ великому соблазну науки и ея представителей. Такимъ образомъ, путешествіе на тотъ свѣтъ не состоялось, и вѣчная разлука разстроилась.

— Вы себя представить не можете—заклучилъ онъ свой рассказъ—какъ мнѣ неловко было потомъ встрѣчаться съ нѣкоторыми личностями, которымъ я накануне мнимой смерти признался во всемъ, и съ которыми такъ трогательно прощался. Если я не умеръ отъ раны, я удивляюсь, какъ могъ я не умереть отъ стыда.

Много интереснаго слышали мы отъ Барятинскаго о его пребываніи за границей. Онъ высказывалъ довольно смѣлыя и оригинальныя сужденія о характерахъ и значеніи современныхъ политическихъ дѣятелей, русскихъ и иностранныхъ. Къ наукѣ онъ относился съ уваженіемъ и ставилъ ее гораздо выше политики; взглядъ же его на литературу нельзя назвать ни просвѣщеннымъ, ни современнымъ: о литературѣ и литераторахъ у него были не свои самостоятельныя мнѣнія, но заимствованныя изъ того круга, къ которому онъ принадлежалъ, а между тѣмъ онъ много читалъ, имѣлъ прекрасную память и въ разговорѣ нерѣдко ссылался на мнѣнія того или другаго автора. Вечеръ прошелъ такъ незамѣтно, что еслибы онъ длился еще столько же

времени, онъ бы не показался намъ длиннымъ. Пробила полночь, распахнулись двери ярко освѣщенной столовой— и мы отправились ужинать. Этотъ ужинъ по обилію блюдъ не уступалъ обѣду. Но, какъ и за обѣдомъ, отсутствіе другаго пола бросалось въ глаза, какъ оно бросается въ глаза въ знаменитой картинѣ Иванова „явленіе Христа народу“. За ужиномъ не было адъютанта, но онъ являлся въ началѣ вечера за приказаніями, былъ принять очень ласково, сыгралъ двѣ партіи на билліардѣ и скрылся; тучи успѣли сбѣжать съ его лица, изъ чего слѣдовало заключить, что между имъ и его начальникомъ нормальныя отношенія восстановлены. Мы простились съ нашимъ гостепріимнымъ амфитріономъ, поблагодарили его за вниманіе и радушіе. „Какъ рано думаете выступить завтра“? спросилъ онъ дивизіонера. — „Такъ рано, какъ только позволятъ мѣстныя условія, ваше сіятельство“, отвѣчалъ Дмитрій Матвѣевичъ. „Въ такомъ случаѣ вамъ трудно будетъ знать, что подѣлываютъ у насъ въ Хасавъ-Юртѣ, потому что всѣ будутъ еще спать, когда вашъ дивизіонъ выступитъ“.—произнесъ онъ съ лукавой, но обворожительной улыбкой.— „Я отвѣчу, если только сдѣлаютъ этотъ вопросъ, что въ настоящую минуту не знаю, что тамъ подѣлываютъ, но что наканунѣ мы провели время очень пріятно въ домѣ полковаго командира“. Дмитрій Матвѣевичъ вышелъ съ честью изъ испытанія. „А вамъ—обратился ко мнѣ князь Барятинскій—желаю вернуться изъ экспедиціи настоящимъ офицеромъ“. Всѣ разсмѣялись, потому что знали, что я прапорщикъ, и въ словахъ Барятинскаго видѣли намекъ на извѣстную всѣмъ пословицу, но никто, кромѣ дивизіонера, не зналъ, почему эти слова обращены были именно ко мнѣ, тогда какъ здѣсь были и другіе прапорщики. Сцену разставанья князь Барятин-

скій заключилъ сожалѣніемъ, что не можетъ доставить намъ развлеченіе въ родѣ ночной прогулки къ одному изъ ближайшихъ непріятельскихъ ауловъ, но онъ постарается устроить что нибудь въ этомъ родѣ, когда мы вернемся изъ отряда.

При первыхъ звукахъ генераль-марша, дивизіонъ былъ на ногахъ. Мы очень скоро потеряли Хасавъ-Юртъ изъ вида, такъ какъ относительно уровня прилегающихъ къ нему мѣстностей онъ расположенъ на низменности и служить какъ бы, сточной ямой во время таянія снѣговъ и проливныхъ дождей—чѣмъ, можетъ быть, и обуславливается его нездоровый климатъ. Въ послѣднее время санитарныя условія его нѣсколько измѣнились къ лучшему; къ оздоровленію его были приняты энергическія мѣры, увѣнчавшіяся, насколько это зависѣло отъ воли человека, довольно удовлетворительными результатами.

Мы подвигались осторожно: впереди шелъ авангардъ, влѣво отъ дороги выслана была цѣпь фланкеровъ. Мы проходили по землѣ, легко доступной вторженіямъ непріятеля, такъ какъ между нимъ и кумыкскимъ владѣніемъ не существовало никакихъ естественныхъ преградъ: ни рѣкъ, ни горныхъ кряжей; напротивъ, намъ приходилось пересѣкать горные потоки, верховья которыхъ густо заселены враждебными намъ племенами, тогда какъ въ среднемъ и нижнемъ ихъ теченіи стояли мирные аулы и крѣпости, охраняемыя частями кабардинскаго егерскаго полка и линейныхъ баталіоновъ: Герзель-ауль, Хасавъ-Юртъ, Баташъ-Юртъ, Ташъ-Кичу.

Заря занялась, но ее не привѣтствовали, какъ это вездѣ бываетъ, птички веселымъ щебетаньемъ; да ихъ и не было видно на той унылой, печальной и совершенно оголенной полосѣ кумыкской плоскости, по которой пролегла наша дорога. Только лошади стряхнули съ себя

сонное раздумье, и дали знать о наступлении нового дня короткимъ, сдержаннымъ ржаніемъ; драгуны сняли фуражки и, обративъ свои загорѣлыя лица къ востоку, набожно перекрестились. Налѣво, не смотря на ранній часъ утра, когда воздухъ бываетъ прозраченъ, дымились синеватой мглой лѣса и горы; направо, впереди и позади — плоская, необозримая, наводящая тоску равнина. На этомъ скучномъ переходѣ почти все мы ѣхали одной общей кавалькадой, между авангардомъ и головнымъ эскадрономъ; мы сообщали другъ другу новости и дѣлились впечатлѣніями, вынесенными нами изъ только-что покинутого Хасавъ-Юрта.

Мы миновали Баташъ-Юртъ, небольшой аулъ на Яманъ-су, населенный кумыками. Направо отъ аула, то есть къ востоку отъ него, простиралось сжатое поле, изрѣзанное канавами. На этомъ полѣ мы устроили скачку съ препятствіями. Въ Баташъ-Юртѣ стояла рота кабардинскаго полка. Ротный командиръ, онъ же комендантъ крѣпости — жилъ въ землянкѣ, куда нужно было спускаться по четыремъ ступенькамъ. Землянка очень просторная, освѣщалась двумя крошечными отверстіями, со вставленными въ нихъ стеклами, и вся завѣшана коврами. Часа за два до заката солнца мы прибыли въ огромный аулъ Ташъ-Кичу, расположенный на Аксаѣ. Здѣсь мы должны были переночевать. Я уже не въ первый разъ былъ въ этомъ аулѣ; два года тому назадъ, проѣздомъ изъ Россіи въ полкъ, я провелъ въ немъ цѣлыя сутки. Здѣсь, въ этомъ самомъ аулѣ, былъ мой первый дебютъ на поприщѣ тѣхъ недоразумѣній, которыя навѣрно встрѣчаются въ жизни каждаго человѣка: на линіи я познакомился съ однимъ офицеромъ кабардинскаго полка, командированнымъ за корреспонденціей. Офицеръ этотъ, человѣкъ очень уже не молодой, полякъ, побывавшій въ Сибири за

участіе въ возстаніи и оттуда переведенный на Кавказъ, далъ мнѣ порученіе въ Ташъ-Кичу къ своему товарищу, также поляку, прапорщику З. Порученіе состояло въ небольшой посылкѣ, которую я долженъ былъ передать непременно лично. По прибытіи въ Ташъ-Кичу я тотчасъ же отправился исполнить порученіе. Отъ квартиры, которая была отведена мнѣ, прапорщикъ З. жилъ очень недалеко; хозяинъ, не выходя за ворота, рукой указалъ мнѣ на его домъ, но я, должно быть, невѣрно оцѣнилъ направленіе его руки и однимъ домомъ ошибся. Меня принялъ человѣкъ невысокаго роста, румяный, сѣдой, ласковый, добродушный. Я назвалъ свою фамилію; онъ пригласилъ меня сѣсть; дверь въ сосѣднюю комнату была отворена, и тамъ молодая женщина качала въ люлькѣ ребенка. Комната, въ которой меня приняли, была меблирована очень просто. Мнѣ предложено было закутить; я отказался, но сказалъ, что съ удовольствіемъ выпилъ бы стаканъ воды. Сѣдой, румяный господинъ, одѣтый въ черный шелковый архалухъ, самъ подалъ мнѣ стаканъ воды на чайномъ блюдечкѣ; я поблагодарилъ его и спросилъ: „не обезпокою ли даму, если закурю папироску?—„О, сдѣлайте милость, курите; я вѣдь самъ курю съ утра до вечера“—и онъ зажегъ и подержалъ для меня спичку. Говорить было о чемъ: я распрашивалъ его о Кавказѣ, о предстоявшихъ мнѣ на пути задержкахъ и затрудненіяхъ; онъ отвѣчалъ на всѣ мои вопросы охотно и далъ мнѣ нѣсколько полезныхъ наставленій, которыя потомъ пригодились; сказалъ между прочимъ, что хорошо знакомъ съ полковымъ командиромъ. Такъ какъ меня забыли предупредить, что прапорщикъ З. семейный человѣкъ, то я даже и не пересѣлся съ дороги, въ чемъ конечно извинился. Наговорившись обо всемъ, что могло интересовать каждого

изъ насъ, я сказалъ: „а у меня къ вамъ есть порученіе,“ и подаль румяному сѣдому господину посылку. Онъ принялъ отъ меня посылку, взглянулъ на адресъ и съ улыбкой, возвращая ее, проговорилъ: „это не мнѣ, это прапорщику З.; онъ живетъ вотъ тутъ, рядомъ, направо“. Я извинился, что побеспокоилъ его, приписалъ ошибку своей разсѣянности, раскланялся, подаль ему руку, еще разъ извинился и вышелъ. Онъ проводилъ меня до наружныхъ дверей и, провожая, сказалъ, что моя ошибка доставила ему случай познакомиться со мной, и что онъ надѣется очень скоро увидѣться со мной и еще короче познакомиться. Мы увидѣлись черезъ мѣсяцъ: онъ приѣхалъ въ Чиръ-Юртъ инспектировать нашъ полкъ. Это былъ генералъ Витовскій, нашъ бригадный командиръ. Въ Чиръ-Юртѣ генералъ обошелся со мною очень ласково, при всѣхъ подаль мнѣ руку, сказалъ, что моя ошибка доставила ему въ его уединенной жизни развлеченіе, котораго онъ давно былъ лишенъ, и просилъ не забывать его, когда я буду проѣздомъ черезъ Ташъ-Кичу. Я и не забывалъ его, и никогда не могъ забыть, но онъ самъ поторопился сойти со сцены. Разсказанный же выше случай моего знакомства и свиданія съ нимъ весьма рельефно характеризуетъ какъ эту почтенную личность, такъ равно бывшее кавказское время и отношенія другъ къ другу военно-служащихъ, безъ разбора чиновъ и званій.

Ташъ-Кичу богатый и многолюдный аулъ; онъ велъ торговлю съ жителями нагорныхъ округовъ Салатавіи, Андіи и сѣвернаго Дагестана. Одна изъ его мечетей считалась святынею; даже горцы непокорныхъ намъ обществъ тайкомъ пробирались къ ней на поклоненіе. Тамошнее духовное училище (медресе) пользовалось извѣстностью между правовѣрными, какъ разсадникъ высшаго духовнаго образованія; это тоже, что Бухара для мусульманъ

центральной Азіи. Сюда присылали кадїи своихъ повѣренныхъ для разрѣшенія недоразумѣній по спорнымъ вопросамъ шарїата или адата. Въ Ташъ-Кичу мы не встрѣтили никакихъ затрудненій въ пріобрѣтеніи продовольствія для нашихъ людей и лошадей, благодаря рублямъ и полуимперіаламъ стараго хасавъ-юртовскаго ростовщика. Дорога между Баташъ-Юртомъ и Ташъ-Кичу считалась очень опасною; оказіи по ней конвоировались обыкновенно двумя ротами съ однимъ орудіемъ, но и это прикрытіе не всегда оказывалось надежнымъ. Трубаچی заиграли генераль-маршъ, когда совсѣмъ уже разсвѣло. Лагерь былъ давно убранъ, лошади осѣдланы; оставалось зарядить ружья—въ первый разъ послѣ выступленія нашего изъ штабъ-квартиры. Когда все было готово, бодрые и свѣжіе, съ пѣсенниками впереди, съ пикетами по сторонамъ, мы выступили изъ Ташъ-Кичу. Толпа мальчишекъ провожала насъ такъ далеко, какъ только позволяла мѣстность.

Опять передъ нами широкая, безлюдная степь; впереди, направо, окутанный мглой, виднѣлся безмолвный свидѣтель многихъ кровавыхъ сценъ, брагунскій лѣсъ; еще далѣе впереди, уходя краями въ туманную даль, тянулась волнообразная линія качкалыковскаго хребта; немного ближе, между подножіемъ его и плоскостью, то клубилось, то расплывалось облако пара, выходившаго изъ горячаго ключа Истису. Картина была передъ глазами, но, благодаря мглѣ, неизбѣжной въ знойные лѣтніе мѣсяцы, она какъ будто казалась тусклою; за то, въ прозрачную осень всѣ эти картины были словно только-что вышедшими изъ мастерской художника. Ауль остался далеко за нами; мѣсто его обозначалось еще нѣкоторое время минаретами, но они становились все короче и короче, точно все глубже уходили въ землю, и

наконецъ скрылись. Пѣсенники разошлись по своимъ мѣстамъ. Переходъ былъ утомителенъ. Никого не встрѣтили мы по дорогѣ; только два раза заяцъ перебѣжалъ черезъ нее—что считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, да стадо оленей, появившееся, Богъ вѣсть, откуда, впереди, въ сторонѣ отъ дороги, простояло совершенно неподвижно по крайней мѣрѣ секундъ десять и потомъ вдругъ понеслось влѣво и скрылось по направленію къ качкалыковскому хребту. Повѣяло чуть замѣтной прохладой: мы стали подходить къ берегамъ Сунжи. Нѣтъ ни одной рѣки на всемъ Кавказѣ, которая имѣла бы такое прихотливое теченіе, какъ Сунжа. Она дѣлаетъ только два большихъ колѣна: при выходѣ изъ горъ *) идетъ съ юга на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ къ востоку и недалеко отъ впаденія въ Терекъ дѣлаетъ новый поворотъ къ сѣверу. Такимъ образомъ она состоитъ изъ трехъ главныхъ линій, но каждая изъ этихъ линій дѣлаетъ безчисленное множество мелкихъ поворотовъ; рѣка безпрестанно бросается то вправо, то влѣво, описывая при этомъ узкія и довольно длинныя дуги, такъ что вся состоитъ изъ непрерывнаго ряда чрезвычайно красивыхъ змѣевидныхъ извилинъ и не выпрямляется даже передъ впаденіемъ въ Терекъ. Мы приближались къ тому мѣсту Сунжи, гдѣ она дѣлаетъ второй окончательный поворотъ на сѣверъ. На лѣвомъ берегу рѣки, около поворота, стоитъ крѣпость Умаханъ-Юртъ и Аласханъ-Юртъ. Крѣпость существовала съ 1837 года. Если есть на свѣтѣ мѣста, куда воронъ костей не заносилъ, то Умаханъ-Юртъ принадлежитъ къ числу такихъ мѣстъ. А между тѣмъ, и здѣсь жили люди, и едва ли знали, что такое скука; жили жизнью, полною тревогъ, ожиданій и

*) Изъ горы Богучаръ, западнѣе Черныхъ горъ.

опасеній; недѣли не проходило, чтобы чеченцы разъ или два не напомнили о своемъ близкомъ сосѣдствѣ или крѣпости, или ауламъ.

Въ Умаханъ-Юртѣ насъ ожидала колонна подѣ начальствомъ полковника Веревкина, которая вмѣстѣ съ нами должна была присоединиться къ чеченскому отряду. Дивизионеръ отправилъ меня на тотъ берегъ Сунжи, чтобы доложить колонному начальнику о прибытіи драгунъ и получить отъ него необходимыя приказанія. Я переправился на небольшомъ паромѣ, вступилъ на берегъ и тотчасъ же увидѣлъ полковника Веревкина. Онъ стоялъ недалеко отъ причала, въ сюртукѣ нараспашку, съ заложенными назадъ руками, и глазами, устремленными на воду. Онъ былъ средняго роста, съ одутловатымъ лицомъ, сохранившимъ довольно замѣтные слѣды оспы и выражавшимъ не то утомленіе, не то скуку, а можетъ быть, и разочарованіе. Улыбка, искривившая его ротъ, нисколько не противорѣчила этому выраженію; эта улыбка, казалось, говорила: и жизнь довольно пошлый фарсъ, и смерть не имѣетъ ничего привлекательнаго, а середины никакой нѣтъ, — чортъ знаетъ, что такое! Онъ слѣдилъ за мутными волнами рѣки, беспорядочными рядами бѣшено катившимися все въ одну сторону; можетъ быть, и мысль его, вмѣстѣ съ волнами, неслась въ ту же сторону, на сѣверъ, сначала къ Тереку, отъ Терека къ Каспію, оттуда по Волгѣ въ сердце Россіи. Можетъ быть, и у него были чувства кромѣ тѣхъ, которыя приписывались ему „гласомъ народа“. Ему отказывали въ гуманности: читая его реляціи, приходишь именно къ такому заключенію. А этотъ гласъ народа вытекалъ изъ фактовъ подобныхъ тому, какой занесенъ самимъ Веревкинымъ въ донесеніи его къ начальнику лѣваго фланга отъ 28-го іюня 1848 года № 1489. Изъ этого донесенія видно, что

при набѣгѣ на аулъ Ахметъ-Тала онъ приказалъ умерщвлять безоружныхъ жителей, беззаботно отправлявшихся на полевые работы, „по невозможности захватить ихъ въ плѣнъ“. Конечно, это не совпадало съ кроткимъ обращеніемъ стараго кавказскаго солдата послѣ боя съ своими врагами: умерщвленіе безоружныхъ и плѣнныхъ, въ глазахъ его, не оправдывалось никакими соображеніями, — и отсюда исходило то мнѣніе о Веревкинѣ, которое сложилось въ „гласъ народа“.

Колонный начальникъ не замѣтилъ моего приближенія; я остановился, и взявъ подъ козырекъ, осмѣлился прервать нить его размышлений почтительнымъ докладомъ о прибытіи драгунскаго дивизіона, ожидающаго на правомъ берегу Сунжи его дальнѣйшихъ приказаній. Онъ даже не взглянулъ на меня. Отъ воды не такъ-то легко оторваться, когда засмотришься на нее; я много разъ испыталъ это на себѣ. „Приказаній никакихъ не будетъ; переправляйтесь“. При этомъ отвѣтѣ, который, за шумомъ рѣки, я едва могъ слышать, ни въ выраженіи его лица, ни въ позѣ, въ которой я его засталъ, не произошло никакой переменѣ. „Прикажете на паромѣ переправляться?“ — „Что еще выдумали? Ночевать хотите здѣсь? А прикрывать кто васъ будетъ? Вылавъ переправляться!“ И былъ уполномоченъ отстаивать интересы дивизіона. „Въ такомъ случаѣ, полковникъ — позволилъ я себѣ замѣтить — намъ придется обождать часа два, чтобы не запалить лошадей; день жаркій, лошади въ мылѣ“. — „Прежде всего, извольте взять подъ козырекъ“. Онъ возвысилъ голову при этомъ совершенно лишнемъ напоминаніи: я все время не отнималъ руки отъ козырка и издали можно было подумать, что я принимаю присягу. Но я промолчалъ, а онъ, не отрываясь, смотрѣлъ все на воду, какъ будто въ водѣ сидѣлъ оракулъ, который диктовалъ ему

отвѣтъ. Я продолжалъ стоять неподвижно. „А кто васъ будетъ прикрывать, пока вы два часа будете стоять на томъ берегу“? Этотъ вопросъ онъ сдѣлалъ прежнимъ апатичнымъ тономъ. За то, я вышелъ изъ почтительнаго тона, задѣтый за живое оскорбительными для чести оружія словами, которыя въ другой разъ слышалъ отъ него. „Мы не нуждаемся въ прикрытіи“, отвѣтилъ я коротко. Наконецъ-то онъ оторвался отъ воды. Быстро повернувшись ко мнѣ, онъ проговорилъ съ саркастической улыбкой: „вамъ-таки удалось разсмѣшить меня, а это рѣдко кому удается“. При этомъ онъ измѣрилъ меня съ головы до ногъ своими воспаленными глазами и тутъ только увидѣлъ, съ какимъ почтеннымъ мужемъ имѣеть дѣло. На этотъ разъ онъ непринужденно засмѣялся, махнулъ рукой, повторилъ, но уже нѣсколько смягченнымъ голосомъ: „пусть переправляются“— и продолжалъ смѣяться, пока я быстрыми шагами направлялся къ парому.

Я описалъ дивизионеру всю сцену свиданія моего съ колоннымъ начальникомъ; слова, жесты, интонацію — ничего не пропустилъ; даже, въ видѣ приправы, отъ себя добавилъ кое-что. Немедленно созванъ былъ совѣтъ, и на немъ рѣшено было промѣшкать еще съ полчаса, чтобы дать лошадямъ вздохнуть и хоть сколько нибудь поостыть. Переправа совершилась благополучно. Переправляясь вплавь черезъ рѣки, особенно черезъ быстрые горные потоки, далеко относящіе въ сторону всадника, должно стараться не смотрѣть на воду, чтобы не закружилась голова; не должно ни торопить лошадь, ни управлять ею; лучше всего положиться на инстинктъ животнаго, не стѣсняя свободы его движеній. Въ такомъ родѣ даны были наставленія нижнимъ чинамъ. Двое изъ нихъ потеряли однако голову и все время, ухватившись

за поводья и за гриву, кричали: „помогите“! Они кричали даже и тогда, когда лошади ихъ, выбравшись изъ глубины, ступали по твердому дну рѣки. За такое несомнѣнное доказательство отсутствія духа и неустрашимости, эскадронные командиры заставили ихъ всю слѣдующую станцію идти пѣшкомъ. Дивизіонеръ одобрилъ это распоряженіе. „Драгуны не боятся, когда ихъ посылаютъ въ огонь; они не должны бояться и воды“, разсуждалъ онъ. Драгуны, по его понятіямъ, должны стоять выше человѣческихъ слабостей. Колоннаго начальника уже не было на берегу, когда мы переправились; дивизіонеръ нашелъ его въ крѣпости, въ лачугѣ воинскаго начальника. Веревкинъ описалъ наше свиданіе съ меньшими прикрасами, чѣмъ я описывалъ его; онъ жаловался на мою дерзкую назойливость и подозрѣвалъ, что у меня тутъ не совсѣмъ въ порядкѣ,—онъ указалъ на свой лобъ; онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что я столкну его въ воду. И такъ, дивизіонеру пришлось услышать два совершенно различныхъ описанія одного и того же факта.

Имя Веревкина не разъ будетъ встрѣчаться на страницахъ исторіи кавказской войны. Это былъ человѣкъ умный, талантливый, неустрашимый; солдаты его уважали, но не сочувствовали нѣкоторымъ его распоряженіямъ, напоминавшимъ времена Ермолова, когда на горцевъ смотрѣли не какъ на воюющую сторону, а какъ на личныхъ враговъ, которыхъ даже въ несчастіи не щадили; когда гуманная поговорка популярнаго генералиссимуса „лежачаго не бьютъ“ была забыта, какъ будто послѣ Суворова мы должны были уйдти назадъ, а не впередъ, ожесточить, а не смягчить наши нравы. Солдаты уважали Веревкина за его распорядительность, хладнокровіе и осторожность, благодаря которымъ поте-

ри въ его колоннахъ всегда были незначительны. „Убитыхъ сегодня будетъ самая малость“, говорили солдаты, когда на позицію съ колонной выступалъ Веревкинъ. Что у Веревкина была голова—это всѣ знали; но было ли у него сердце—на этотъ счетъ мнѣнія расходились. Отъ людей, близко знавшихъ его, я много слышалъ о его благородствѣ и великодушїи; съ жителями ауловъ, застигнутыми врасплохъ во время набѣговъ, онъ обращался то гуманно, то слишкомъ сурово. Въ одномъ случаѣ онъ отдаетъ приказаніе умерщвлять холоднымъ оружіемъ безоружныхъ, чтобы они не могли прежде времени поднять тревогу въ аулѣ, въ другомъ—угрожаетъ полевымъ уголовнымъ судомъ офицеру, допустившему безчеловѣчное обращеніе съ плѣнными. Онъ былъ болѣзненно раздражителенъ, въ минуты гнѣва не въ мѣру взыскателенъ и даже несправедливъ; въ другія минуты снисходительность его доходила до слабости, иногда непростительной, чтобы не сказать предосудительной. Въ одного штабъ-офицера, который самъ зналъ, что долженъ идти подъ судъ за неповиновеніе въ критическую минуту боя, онъ бросилъ самымъ оскорбительнымъ для военнаго челоѣка эпитетомъ—и только. Зная неровности его характера, многіе боялись его; но больше всего боялись его языка: онъ говорилъ желчно и ѣдко осмѣивалъ все недюжинное, все сколько нибудь выдающееся. Эта прискорбная черта ложится тѣнью почти на всѣ характеры нашихъ доблестныхъ кавказскихъ генераловъ; исторія, можетъ быть, не остановится надъ ней, но въ характеристикѣ челоѣка она рѣзче бросается въ глаза, нежели физическіе недостатки. По уму, военнымъ дарованїямъ, обширнымъ свѣдѣнїямъ и неустрашимости, Веревкину принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ нашемъ богатомъ громкими именами пантеонѣ; неустрашимости его будутъ

посвящены такія страницы въ исторіи кавказской войны, которымъ потомство не повѣритъ, когда прочтетъ ихъ. Но не одни военные подвиги и дарованія дѣлали имя его популярнымъ на Кавказѣ; онъ былъ извѣстенъ также какъ эксцентрикъ. Нѣкоторыя изъ его выходокъ отличаются такою оригинальностью, такъ рельефно выдѣляютъ эту сторону его характера, что не привести хотя бы одной изъ нихъ—значило бы неполнѣ закончить его портретъ.

За отсутствіемъ командующаго войсками въ кумыкскомъ владѣніи, на этотъ постъ былъ назначенъ Веревкинъ. Вступивъ въ должность, онъ утромъ занялъ отведенное для него помѣщеніе, а вечеромъ ожидалъ къ себѣ адъютанта, чтобы на первыхъ же порахъ сколько нибудь ознакомиться съ ходомъ дѣлъ. Длинная зала служила ему и приѣмной для посѣтителей. Въ одномъ углу ея, ближайшемъ къ выходу, стоялъ маленькій столикъ, накрытый салфеткой; на немъ—большая плетеная фляжка съ русскимъ національнымъ напиткомъ, надлежащимъ образомъ очищеннымъ; возлѣ—крышка отъ той же фляжки, исправляющая должность чарки; тутъ же—тарелка съ полубѣлымъ хлѣбомъ и другая съ солеными огурцами, наръзанными кружками. Новый командующій войсками, съ заложенными назадъ руками, ходилъ по залѣ, во всю длину ея, изъ одного угла въ другой. Отъ времени до времени онъ останавливался у накрытаго столика, выпивалъ чарку очищенной и опять продолжалъ ходить. Вечерняя заря пробита; является адъютантъ, нѣкто капитанъ К. Не смѣя тревожить своего начальника, погруженнаго въ думы, онъ остается у двери, въ ожиданіи, когда командующему войсками угодно будетъ обратить на него вниманіе; но командующій войсками продолжаетъ ходить по

залѣ, только черезъ извѣстные промежутки оставливается передъ своей походной фляжкой, извлекаетъ изъ нея сколько ему нужно очищенной влаги и возобновляетъ свою автоматическую, какъ качаніе маятника, прогулку. Адъютантъ стоитъ и ждетъ. Такъ проходитъ минутъ двадцать. Тишина длинной залы нарушается только шумомъ шаговъ начальника, мѣрныхъ, неторопливыхъ. Подчиненный, съ своей стороны, позволяетъ себѣ только дышать; онъ и это считаетъ уже не совсѣмъ почтительнымъ, но покоряется какъ неизбежному злу. Проходитъ еще минутъ десять. Въ четвертый разъ, въ его присутствіи, Веревкинъ навѣдывается къ завѣтной фляжкѣ. Тогда, повинуясь вдохновенію, въ которомъ онъ не даетъ себѣ отчета, адъютантъ, какъ только начальникъ поворачивается къ нему спиной, осторожными, неслышными шагами подкрадывается къ тому же столику, приподнимаетъ одной рукой фляжку, другою берется за чарку, наливаетъ и для себя сколько душа въ состояніи принять, выпиваетъ залпомъ, почтительно ставитъ чарку на мѣсто, беретъ одинъ кружокъ соленого огурца большимъ и указательнымъ пальцами и съ этимъ скромнымъ трофеемъ возвращается къ своему посту ожидать, когда начальнику угодно будетъ обратить вниманіе. Проходитъ еще нѣсколько минутъ. Ровными, неторопливыми шагами подходитъ къ столику начальникъ; послѣ него неслышными, осторожными шагами крадется туда же подчиненный; за подчиненнымъ слѣдуетъ очередь начальника, за этимъ послѣднимъ очередь подчиненнаго. Промежутки наполняются автоматической прогулкой съ одной стороны, почтительнымъ ожиданіемъ съ другой; глубокое молчаніе религиозно соблюдается обѣими сторонами. Наступаетъ критическая минута: фляжка оказывается несостоятельною;

на днѣ ея не остается ни капли. Открытіе это дѣлаетъ самъ начальникъ. „Подать вторую часть“! командуетъ онъ громкимъ, внятнымъ голосомъ, и эхо длинной залы повторяетъ его команду. Является казакъ, принимаетъ со стола пустую фляжку и черезъ минуту возвращается и ставитъ ее на прежнее мѣсто наполненную доверху. Вторая часть, по занимательности своего содержания, не уступаетъ первой: начальникъ и его подчиненный, попрежнему, не говоря другъ другу ни слова, не обращая повидимому вниманія одинъ на другаго, чарка за чаркой, порѣшили ее скорѣе нежели первую. Тогда только Веревкинъ даетъ, наконецъ, понять своему адъютанту, что о его присутствіи въ залѣ ему кое-что извѣстно. Онъ подходитъ къ нему, кладетъ ему руку на плечо и говоритъ: „а знаете что, К? Вы славный малый! Не выпьемъ ли мы съ вами портера“? И онъ приказываетъ подать портеръ.

Всѣ распоряженія Веревкина отличались такою глубокою обдуманностью, планы его военныхъ дѣйствій такою художественною отдѣлкой, что слагать вину на слабости въ тотъ или другой моментъ служебной дѣятельности этого доблестнаго кавказскаго генерала было бы неумѣстнымъ и неблагодарнымъ. Онъ былъ неподражаемо хорошъ на своемъ посту; остается только сожалѣть, что онъ слишкомъ рано оставилъ его.

Наша маленькая колонна, состоявшая изъ шести ротъ пѣхоты и двухъ эскадроновъ драгунъ, при двухъ полевыхъ орудіяхъ, еще засвѣтло прибыла на ночлегъ къ аулу Новый Юртъ, расположенному на правомъ берегу Терека, какъ-разъ напротивъ станицы Червленной, раскинувшейся, съ своими виноградными садами, на противоположномъ берегу рѣки. Новый Юртъ существуетъ уже болѣе ста лѣтъ, не смотря на свое названіе „новый“;

онъ основанъ выходцами изъ Кабарды, но въ 1848 году едва ли какой нибудь другой аулъ, кромѣ Старого Юрта, представлялъ изъ себя такую пеструю смѣсь „племенъ, нарѣчій, состояній“. Здѣсь можно было встрѣтить представителей всѣхъ возможныхъ мусульманскихъ обществъ, покорныхъ и непокорныхъ, воинственныхъ и миролюбивыхъ. Здѣсь укрывались люди, преслѣдуемые родовой местию или навлекшіе на себя въ горахъ справедливый гнѣвъ своего повелителя за измѣну и другія преступленія, уличенные лазутчики, проводники, абреки — можетъ быть, наши ссыльные, бѣжавшіе изъ Сибири — почему знать? можетъ быть, наши дезертиры или плѣнные, давно принявшіе исламъ, вступившіе въ бракъ съ мусульманками и переродившіеся до неузнаваемости. Въ Новомъ Юртѣ, въ то время, къ которому относятся описываемыя мною событія и походы нашего дивизіона, мы были буквально озадачены одною особенностью, которой не встрѣчали ни на одной изъ пройденныхъ нами станцій, ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ ауловъ Кавказа и Закавказья. Эта особенность состояла въ томъ, что жители не принимали отъ насъ никакихъ денегъ, кромѣ пяти-алтынныхъ и серебряныхъ трехрублевиговъ (75 к.) съ польскими надписями. На этомъ основаніи, въ нашей маленькой колоніи, среди незнакомыхъ съ исторіей заселенія аула, тотчасъ же возникло предположеніе, что большую часть его жителей составляютъ польскіе эмигранты; но еслибы это дѣйствительно было такъ, то развѣ они стали бы выдавать свое происхожденіе такимъ предпочтеніемъ польскимъ монетамъ? Я видѣлъ жителей Нового Юрта: они толпились у воротъ, когда на другой день утромъ мы снимались съ ночлега; въ нихъ нельзя признать даже отдаленныхъ потомковъ какихъ бы то ни было европейскихъ эмигрантовъ; типы ихъ

очень разнохарактерны, но все это типы азіятскіе и, право, ни одного поляка.

Послѣ ночи, проведенной въ безмятежномъ снѣ, на правахъ праведниковъ, за оградой аула, подъ открытымъ небомъ, охраняемые часовыми и убаюкиваемые кваньемъ лягушекъ, то хоровымъ, то одиночнымъ, мы продолжали нашъ путь къ западу. Эта четвертая станція отчасти вознаградила насъ за однообразіе трехъ первыхъ; тамъ мы видѣли только неясныя очертанія горъ, и то издали, въ голубоватой дымкѣ; здѣсь же намъ пришлось переправляться черезъ одинъ изъ отроговъ главныхъ кавказскихъ горъ, староюртовскій хребетъ, называемый у чеченцевъ Дурухинъ-Кортъ. Вправо отъ дороги, въ верстѣ съ небольшимъ, мы увидѣли огромный аулъ Старый Юртъ. Онъ основанъ нѣсколько ранѣе Новаго-Юрта и по крайней мѣрѣ въ шесть разъ больше его; по народонаселенію и по числу мечетей это тотъ же городъ. Жители его, кабардинскіе выходцы, долгое время назывались давлетъ-гиреевцами, по имени своего князя Давлетъ-Гирси. Старый Юртъ—давній притонъ всѣхъ поддонковъ и отверженцевъ здѣшняго мусульманскаго міра. Нравственная и политическая неблагонадежность его населенія вошла въ пословицу. Сюда не иначе дозволялось ходить нижнимъ чинамъ, какъ небольшими командами. Вода въ рѣчкѣ Мельчихѣ, на которой стоитъ Старый Юртъ, горячая; даже при впаденіи въ Терекъ она имѣетъ довольно высокую температуру. У подножія Дурухинъ-Кортъ стоитъ Горячеводское укрѣпленіе, прикрывающее жалкую бальнеологическую станцію. Это мѣсто очень опасное: по оврагамъ, которыми изрѣзанъ хребетъ, незамѣтно пробирались мелкія партіи чеченцевъ и своими хищническими набѣгами тревожили Горячеводскъ и Старый Юртъ. По

дорогѣ, извивающеюся широкой свѣтлой лентой мимо темныхъ овраговъ, кустарниковъ и лѣса, мы добрались до гребня горы. Мы теперь стояли на высотѣ птичьяго полета: пространство отъ подошвы хребта до Грозной, большая и малая Чечня, Терекъ и вся окрестность лежали у нашихъ ногъ такъ далеко, какъ только могъ видѣть глазъ. Это была карта страны въ натуральномъ масштабѣ. По равнинѣ, между Дурухинъ-Кортъ и кр. Грозной, бѣжала Нефтянка—единственный притокъ Сунжи съ лѣвой стороны. Вся эта мѣстность изрыта оврагами; они служатъ продолженіемъ овраговъ староюртовскаго хребта; сначала глубокіе, они, по мѣрѣ приближенія къ Грозной, становятся все мельче и мельче и наконецъ сливаются съ равниной. Въ этихъ мѣстахъ иногда въ значительныхъ партіяхъ появлялся нечръитель. Такъ, 12-го мая, два съ половиной мѣсяца тому назадъ, сорокъ человѣкъ донскихъ казаковъ, конвоировавшихъ курьера до рѣки Нефтянки, на обратномъ пути въ Грозную внезапно окружены были чеченцами, число которыхъ простиралось до четырехсотъ. Не трудно угадать, какая участь ожидала казаковъ, еслибы изъ Грозной не показались войска, спѣшившія на помощь атакованнымъ. Изъ сорока человѣкъ казаковъ восемнадцать были ранены и контужены.

Крѣпость Грозная и всѣ четыре аула, пріютившіеся подъ ея стѣнами, расположены на лѣвомъ берегу Сунжи, отчего крѣпость издали казалась довольно значительнымъ городомъ, скорѣе мусульманскимъ, нежели христіанскимъ, благодаря минаретамъ и пирамидальнымъ тополямъ, придающимъ ей довольно живописный видъ. Имѣла ли она когда нибудь то стратегическое значеніе, на которое указываетъ ея названіе, если только была легко обходима даже такими значительными партіями, какъ та, которая

12-го мая окружила казаковъ около Нефтянки? Грозная, со дня основанія своего, т. е. съ 1818 года, постоянно служила сборнымъ пунктомъ для отрядовъ, направляемыхъ въ большую или малую Чечню. Кто не бывалъ въ старые годы въ Грозной, тому трудно составить себѣ понятіе о ея жизни. Это была смѣсь контрастовъ, послѣ которой, при возвращеніи къ нормальной жизни, въ душѣ оставалось такое впечатлѣніе, какъ будто нѣсколько ночей сряду просидѣлъ у изголовья трудно больного и прислушивался къ его горячешному бреду. Здѣсь жизнь не могла придерживаться заранѣе составленной программы; на каждомъ шагѣ ее ожидали отступленія. Невидимые факторы подготавливали каждому вполне неожиданныя и внезапныя событія, которыя разстраивали всѣ предположенія въ тотъ моментъ, когда начиналось приведеніе ихъ въ исполненіе. Но этимъ никто не смущался, потому что къ такимъ явленіямъ скоро привыкали. Изъ переходовъ отъ одного впечатлѣнія къ другому слагался весь день, вся жизнь въ Грозной. Главною причиною этому, препятствовавшею человѣку сосредоточиться на чемъ бы то ни было или отдаться какому бы то ни было дѣлу, было внѣшнее положеніе Грозной, неувѣренность каждого, что онъ переживетъ завтрашній день, а слѣдовательно и побужденіе жить изъ часа въ часъ и скорѣе—если не насладиться жизнью—потому что и наслаждаться было не особенно чѣмъ, то по крайней мѣрѣ упиться ею, забыться въ ней.

V.

Выступление изъ кр. Грозной. Лагерь при кр. Воздвиженской. Набѣ Тал-
гикъ. Первая встрѣча съ будущимъ героемъ Ардагана. Затруднительное поло-
женіе. Ночь при кр. Воздвиженской. Утро 1-го августа. Кавалькада. На
Гойтѣ. Первые выстрѣлы. Вступление на Урусъ-Мартанъ. Фуражировка. Не-
доразумѣніе и его послѣдствія. Очеркъ театра военныхъ дѣйствій чеченскаго
отряда.

Крѣпость Грозная была административнымъ цен-
тромъ лѣваго фланга кавказской линіи и резиденціею
командующаго войсками. Сюда поступали донесенія о
военныхъ происшествіяхъ отъ всѣхъ воинскихъ началь-
никовъ укрѣпленій, со всѣхъ кордоновъ, отдѣльных
постовъ и приставствъ. Изъ всѣхъ этихъ донесеній, да-
же самыхъ мелочныхъ, какъ наиримѣръ о неудавшемъ
покушеніи или о пропажѣ одной пары быковъ, со-
ставлялся каждую недѣлю особый журналъ, который,
при такъ называемомъ семидневномъ рапортѣ, представ-
лялся военному министру и главнокомандующему. Въ
Грозной наша маленькая колонна увеличилась еще од-
нимъ баталіономъ пѣхоты, однимъ орудіемъ и двумя
сотнями казаковъ, такъ что 30-го іюля мы переправи-
лись черезъ мостъ на правый берегъ Сужи въ составѣ
двухъ баталіоновъ пѣхоты, трехъ полевыхъ орудій,
двухъ сотенъ иррегулярной и двухъ эскадроновъ регу-
лярной кавалеріи.

Въ семи верстахъ отъ Грозной, по пути къ крѣпости
(нынѣшней слободѣ) Воздвиженской находятся двѣ го-
ры, образующія, по имени одной изъ нихъ, знаменитое
ханкальское ущелье. Горы эти не принадлежатъ ни къ
какой системѣ, стоятъ одиноко, на безлѣсной плоскости,
а сами покрыты лѣсомъ. Между Аргуномъ—первой

рѣкой большой Чечни съ запада, и Гойтой—первой рѣкой малой Чечни съ востока, онѣ составляютъ какъ бы триумфальныя ворота, черезъ которыя въѣзжаешь въ непокорныя владѣнія Чечни. Въ ханкальскомъ ущельи мы прошли мимо двухъ ауловъ съ правой стороны, почти совершенно замаскированныхъ лѣсомъ: Ильясъ-Юртъ и Шавдонъ-Юртъ; съ той же стороны, на полугорѣ, мы видѣли трехъ всадниковъ, стоявшихъ между деревьями неподвижно, какъ конныя статуи. Это былъ одинъ изъ непріятельскихъ пикетовъ. Мы миновали ханкальское ущелье, черезъ которое проходили со всѣми боевыми предосторожностями, миновали Ермоловскій курганъ, возвышающійся съ лѣвой стороны, отдѣльно, при выходѣ изъ ущелья, и вступили на обнаженную равнину. Невысокая травка, которою покрывается эта равнина весной, давно уже выгорѣла отъ солнца, и поверхность ея была до того гладка и лишена растительности, что можно было бы за нѣсколько шаговъ замѣтить ящерицу или мышенка. Эта невеселая станція была нашимъ послѣднимъ переходомъ; мы быстро приближались къ цѣли. Тамъ, впереди, заслоняя нижнюю часть темнаго аргунскаго ущелья, неясно выдѣлялись изъ дымчатой мглы, точно сохранившія отпечатокъ утренней зари, розовыя строенія: то были сложенные изъ кирпича стѣны и башни крѣпости Воздвиженской—сборнаго пункта чеченскаго отряда. Далеко направо, завѣшенные туманами, виднѣлись синеватыя полосы лѣсовъ малой Чечни; налѣво—равнина, вначалѣ такая же гладкая и обнаженная, какъ и та, по которой мы шли, но что было за нею, за этой равниной—этого пока никто еще не зналъ. Благодаря отсутствію переправъ, спусковъ и подъемовъ, обыкновенно затрудняющихъ движеніе артилеріи и обоза, мы подошли къ Воздви-

женской около часа пополудни и направились прямо къ отряду, расположившемуся лагеремъ противъ лѣваго, восточнаго фаса крѣпости; южный, обращенный къ ущелью, составлялъ передній фасъ. На встрѣчу къ намъ выѣхалъ штабъ-офицеръ генеральнаго штаба, въ сопровожденіи казака. Своимъ озабоченнымъ и глубокомысленнымъ видомъ онъ поселилъ въ насъ невольное благоговѣніе и робость къ себѣ. Указавъ намъ и другимъ частямъ войскъ нашей колонны мѣсто стоянки, онъ скрылся. Затѣмъ, едва драгуны начали вбивать колья для коновязей, какъ, въ сопровожденіи казака, явилась другая личность, съ рукой на перевязи. Это былъ красивый молодой человѣкъ, живо вселявшій впечатлѣніе о своемъ неславянскомъ происхожденіи, которое еще болѣе подтверждалось его нерусскою фамиліею—Гейманъ. Онъ передалъ намъ распоряженія начальника отряда, относившіяся до продовольствія людей и лошадей, и послѣ этого знакомства не пропускалъ ни одного вечера въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, чтобы не побывать въ нашемъ лагерѣ.

Наибъ большой Чечни, неустрашимый и отчаянный партизанъ Талгикъ, каждую ночь артилерійскимъ огнемъ беспокоилъ крѣпость Воздвиженскую и лагерь съ кургана, отстоявшаго на пушечный выстрѣлъ. Главнокомандующій, присутствовавшій въ отрядѣ и желавшій разъ навсегда прекратить эти покушенія, приказалъ подвести мину подъ курганъ и, по первому выстрѣлу непріятельскаго орудія, взорвать ее; войска же должны были броситься на „ура“ и, если можно, завладѣть орудіемъ. Работы велись чрезвычайно скрытно, и за два дня до нашего прибытія мина, послѣ двухъ выстрѣловъ Талгика, была взорвана съ трескомъ, сопровождавшимся грохотомъ орудій и раскатами ихъ въ горахъ. Но саперный

офицеръ тутъ же доложилъ, что взрывъ не удался, поэтому и распоряженіе объ атакѣ кургана было отмѣнено. Ошибка сапернаго офицера обнаружилась въ послѣдствіи: оказалось, что жертвами взрыва были самъ наибъ и его орудіе; первый оставался врытымъ въ землю по самыя плечи до разсвѣта, а орудіе, лишившись всѣхъ своихъ деревянныхъ принадлежностей, разлетѣвшихся во всѣ стороны, всю ночь валялось на курганѣ и только къ утру свезено было на арбѣ въ ближайшій аулъ *).

*) На Талгикѣ въ послѣдствіи два раза оправдалась пословица „смѣлымъ Богъ владѣетъ“: въ 1851 году, на шалинской полянѣ, онъ съ своими двумя нукерами, слишкомъ близко подѣхалъ къ нашей колоннѣ; нукера были взяты въ плѣнъ, а Талгика казакъ схватилъ за бурку; лошадь его отъ удара нагайкой рванулась, и наибъ ускакалъ, оставивъ въ рукахъ казака великолѣпную андійскую бурку. Въ 1852 году, во время удачнаго зимняго набѣга барона Меллера-Закомельскаго, Талгикъ до такой степени былъ застигнутъ врасплохъ, что едва успѣлъ накинуть на себя чей-то изорванный полусубокъ и выскокить на улицу. Солдаты окружили его, не подозревая, какая цѣнная добыча досталась имъ въ руки. Этой же партіи солдатъ посчастливилось, рядомъ съ саклей Талгика, открыть длинную подземную темницу, въ которой томились наши плѣнные; они бросились освобождать несчастныхъ, начали поспѣшно спимать съ нихъ оковы, кутать ихъ въ свои шинели и выводить на свѣжій воздухъ, а про своего оборваннаго плѣнника забыли, да еслибы и вспомнили, то было уже поздно: въ своей же собственной саклѣ, рядомъ съ темницей, гдѣ наши солдаты ухаживали за плѣнными, онъ успѣлъ переодѣться, сѣсть на коня, и прежде нежели плѣнные, хорошо знавшіе его въ лицо, могли опомниться, стрѣлой промчался мимо нихъ и скрылся за первымъ поворотомъ.

Авт.

Оставляя достовѣрность послѣдняго факта на отвѣтственности автора, мы должны признаться, что не знаемъ тѣхъ подробностей о бѣгствѣ Талгика въ 1852 году изъ его аула, о которыхъ онъ говоритъ—ни изъ официальныхъ донесеній, ни изъ разсказовъ старожилыхъ офицеровъ. Одно лишь безошибочно извѣстно и подкрѣпляется донесеніемъ въ 1852 году генерала Меллера-Закомельскаго, что главная цѣль набѣга на аулъ наиба была—взятіе двухъ орудій, которыя и отбиты въ эту историческую, чрезвычайно темную ночь; вторая же задача состояла въ освобожденіи изъ темницы узниковъ—и притомъ не русскихъ, а чечепцевъ, которые были обречены на казнь, и о спасеніи которыхъ просили барона Меллера ихъ родственники. Слѣдовательно, послѣднее обстоятельство вовсе не было случайнымъ, какъ можно судить изъ словъ автора.

Ред.

Какъ только палатка моя была разбита, и часовой къ денежному ящику приставлень, я отправился въ крѣпость къ командиру князя Воронцова (куринскаго) полка, барону Меллеру-Закомельскому, временно исправлявшему должность начальника чеченскаго отряда за отсутствіемъ генерала Нестерова—для переговоровъ объ отпускѣ сѣна, такъ какъ подпоручикъ Гейманъ предупредилъ насъ, что мы будемъ получать его изъ запасовъ куринскаго полка. Я засталъ барона Меллера-Закомельскаго за обѣдомъ въ столовой, въ обществѣ около двадцати офицеровъ, своихъ и постороннихъ. Баронъ тотчасъ же всталъ, не выпуская изъ рукъ салфетки, и подошелъ ко мнѣ. Когда я изложилъ ему цѣль моего прибытія, онъ вызвалъ изъ за стола полковаго квартирмистра и тутъ же сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія.

Барону Меллеру-Закомельскому могло быть въ то время нѣсколько болѣе сорока лѣтъ. Онъ былъ довольно высокаго роста, довольно хорошо сложенъ; лицо и руки его покрыты были веснушками; волосы на головѣ рыжіе, почти красные, усы огненно-рыжіе, подстриженные и торчавшіе щетиной; глаза его были того непріятнаго голубаго цвѣта, который напоминаетъ цвѣтъ обыкновенныхъ голубыхъ бусъ, украшающихъ загорѣлыя шеи нашихъ крестьянокъ. Баронъ Меллеръ говорилъ скоро, суетливо, глаза его бѣгали во время разговора, точно старались поспѣть за его словами. Этому генералу, бывшему въ 1848 году еще полковникомъ, нельзя отказать ни въ распорядительности, ни въ хладнокровіи; но за то, онъ былъ сухой, безсердечный эгоистъ, поглощенный заботою объ упроченіи своего благосостоянія. Онъ также много думалъ объ увеличеніи своей военной славы, а такъ какъ громкую извѣстность на Кавказѣ и въ Россіи приобрѣтали тѣ дѣла противъ непріятеля, въ которыхъ

уронъ въ нашихъ войскахъ бывалъ значительнѣе, то враги его, которыхъ у него было много, говорили, что онъ оставался на позиціи всегда гораздо дольше, нежели того требовали обстоятельства; что онъ отступалъ всегда слишкомъ медленно, такъ медленно, какъ отступать не принято даже на Кавказѣ, гдѣ боевая честь высоко цѣнится.

По возвращеніи моемъ въ лагерь, эскадроны отправились за сѣномъ поочередно въ полномъ составѣ. Къ великому удивленію и удовольствію полковаго квартирмейстера, сѣно принималось, распредѣлялось и навьючивалось чрезвычайно быстро и въ образцовомъ порядкѣ; въ полтора часа вся операція была кончена, и къ пяти часамъ пополудни послѣдніе выюки потянулись изъ крѣпости по дорогѣ къ лагерю. Драгунъ почему-то считали здѣсь тяжелыми, неповоротливыми, и когда они оказались бойкими и расторопными, то за всѣми ихъ движеніями слѣдили съ широко разинутыми ртами. Вообще, вступленію нашему въ войска лѣваго фланга суждено было ознаменоваться разными сюрпризами.

Талгикъ не успѣлъ еще придти въ себя послѣ послѣдней катастрофы, изъ которой какимъ-то чудомъ вышелъ здоровъ и невредимъ, и потому ночь прошла совершенно спокойно. На другой день, 31 іюля, войскамъ назначенъ былъ отдыхъ. У солдата свои понятія объ отдыхѣ, когда онъ находится въ походѣ, наканунѣ роковой лотереи, гдѣ ему, быть можетъ, достанется несчастный билетъ: не теряя времени, онъ отправляется странствовать по лагерю, отыскиваетъ въ другихъ частяхъ войскъ ближнихъ и дальнихъ земляковъ и даже родственниковъ и, къ великой радости, находитъ ихъ иногда безъ затрудненій. Такъ какъ всякое чувство русскаго простолюдина, чтобы не быть сухимъ, требуетъ ороше-

нія, то и новыя встрѣчи смачиваются для скрѣпленія, и для этого приходится тревожить сберегательную кассу, зашитую въ ладанкѣ или въ кожаномъ мѣшочкѣ вмѣстѣ съ заговоромъ отъ пуль. Такъ было и съ нашими нижними чинами. Офицеры также старались въ этотъ день вознаградить себя за скуку и однообразіе первыхъ пяти дней, проведенныхъ въ походѣ, и только, кажется, я одинъ былъ лишенъ удовольствія отвести душу въ компаніи, потому что у меня было много всякаго дѣла.

Укрѣпленіе Воздвиженское, получившее названіе крѣпости съ переводомъ туда штабъ-квартиры куринскаго полка, заложено 22-го августа 1814 года отрядомъ генерала Гурко. Названіе свое оно получило въ честь большого креста, въ три аршина вышины, высѣченнаго изъ цѣльной каменной глыбы и найденнаго на лѣвомъ берегу Аргуна, на большомъ возвышеніи, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ аула Чахкери. Въ серединѣ креста находится небольшое углубленіе, обращенное на востокъ, вѣроятно для образа. По показаніямъ мѣстныхъ жителей, смотрѣвшихъ на него какъ на святыню, крестъ этотъ принадлежитъ одной изъ фамилій шатоевскаго общества. Сосѣдній съ Воздвиженскою аулъ Чахкери, поступившій подъ защиту крѣпости, обращалъ на себя вниманіе своею мечетью. По своей прочности, изящной архитектурѣ и опрятному виду, она могла поспорить со всѣми мечетями большой и малой Чечни. Ее выстроилъ намѣстникъ князь Воронцовъ на свой счетъ, въ знакъ особеннаго благоволенія къ жителямъ аула. Пока она строилась, отъ зари до зари ее окружала толпа любопытныхъ, съ нетерпѣніемъ слѣдившая за успѣхами постройки; но когда она была готова, отдѣлана и выбѣлена, и стояла изящная и нарядная, какъ невѣста, и ожидала только паствы—паства не приходила. Даже толпа,

не отходившая отъ нея съ утра до вечера, разошлась и больше не показывалась. Гордость, радость и благодарность смѣнились горькимъ разочарованіемъ; вокругъ зданія, которое служило украшеніемъ всего аула, на которомъ покоилось столько надеждъ, стало тихо и безлюдно; его обходили, какъ обходятъ мѣста, посѣщаемыя привидѣніями. Когда пріѣхалъ намѣстникъ, его не только не благодарили, но даже не вышли и встрѣтить, какъ это дѣлалось обыкновенно. Старого сардаря огорчило и удивило такое поведеніе жителей; онъ обратился за объясненіями къ сопровождавшимъ его мѣстнымъ администраторамъ, и вотъ что узналъ отъ нихъ, къ немалому смущенію своему: щетки, которыми выбѣлена мечеть, сдѣланы изъ свинной щетины. Никто не зналъ, какъ пріиметъ намѣстникъ это извѣстіе. Ожидали, что онъ разсмѣется, но онъ не разсмѣялся; на лицѣ его не было замѣтно даже той исторической улыбки, которая никогда не сходила съ него. Такимъ видѣли его нѣкоторые изъ приближенныхъ въ критическія минуты даргинской экспедиціи. Онъ только задумчиво проговорилъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Когда хочешь сдѣлать зло—думай, какъ бы не повредить самому себѣ; когда же собираешься сдѣлать добро, десять разъ отмѣрь прежде, нежели рѣшишься отрѣзать“.

Отдано было приказаніе—какъ можно тщательнѣе, до малѣйшаго пятнышка, уничтожить слѣды этого неумышленного оскверненія святыни и предоставить жителямъ самимъ выбѣлить, или, если пожелаютъ, окрасить въ лазурь и золотые—любимые цвѣта правовѣрныхъ—стѣны новой мечети, для чего выдана была жителямъ такая сумма, что на нее можно было бы заново отдѣлать всѣ мечети между Сунжей и Черными горами. Послѣ

этого, почтенный сардаръ попрежнему сдѣлался желаннымъ гостемъ въ аулъ Чахкери.

Передъ вечеромъ зашелъ ко мнѣ въ палатку мой дивизіонеръ и замѣтилъ тономъ, недопускаящимъ возраженія, что, по закону (вѣроятно, тогда еще не обнародованному, такъ какъ прежде я объ немъ не слыхалъ) днява есть день неприсутственный, а потому всѣ канцеляріи въ отрядѣ, не исключая кавалерійскихъ, должны быть закрыты. Дѣлать было нечего, пришлось подчиниться закону — закрыть присутствіе; другими словами — всѣ письменныя принадлежности сложить и запереть въ обитый черной кожей въючный сундукъ и, вмѣстѣ съ дивизіонеромъ, отправиться въ его палатку, гдѣ собрались всѣ наши офицеры, и откуда все время, пока я занимался, доносился ко мнѣ нестройный говоръ и взрывы веселаго смѣха. Когда Дмитрій Матвѣевичъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, вернулся къ обществу, въ немъ обсуждался вопросъ не послѣдней важности — какъ провести вечеръ, потому что, на основаніи приказа по лагерю, объявленному часъ тому назадъ, во всемъ отрядѣ всю ночь нигдѣ не должно быть огней ни за палатками, ни даже въ палаткахъ, такъ какъ огонь можетъ служить въ ночное время превосходной мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ. Пренія были оживленныя, но вопросъ остался нерѣшеннымъ. Трудно было придумать что нибудь полезнѣе и пріятнѣе сна наканунѣ выступленія, для сокращенія и безъ того короткой ночи.

Темная ночь была тиха. Она была бы торжественно тиха, еслибы Аргунъ, съ наглостью стихійной силы, не лишалъ ее торжественности, съ шумомъ выбрасывая свои пѣнистыя волны изъ дикаго, глухаго ущелья на приволье широко раскинувшейся равнины. Горцы знали, сколько коварства таится въ этой тишинѣ, какъ

легко разрушить чары этого притворнаго спокойствія, какъ мало нужно, чтобы освѣтить мракъ ночи зловѣщими огнями и разбудить эхо горъ и лѣсовъ зловѣщими звуками, и потому они были осторожны. Они знали, что лагерь охраняется густою цѣпью стрѣлковъ, за цѣпью лежатъ резервы, впереди цѣпи разбросаны припавшіе къ землѣ и затаившіе дыханіе секреты, каждую ночь мѣнявшіе свои мѣста. Они знали все это, и потому ночь прошла спокойно для лагеря; только у восточныхъ воротъ крѣпости, на разсвѣтѣ, нашли два трупа: одинъ солдата куринскаго полка, другой—армянина; оба убиты холоднымъ оружіемъ.

1-го августа, съ ранняго утра, въ лагерьъ замѣтна была та суета, которая обыкновенно предшествуетъ передвиженію войскъ. Къ восьми часамъ утра отъ этого уже лагеря ничего не оставалось, кромѣ сора, костей, клочковъ бумаги, окурковъ, черепковъ отъ разбитой посуды и стеколъ отъ бутылокъ. Въ половинѣ девятаго весь отрядъ, въ бѣлой лѣтней чистой формѣ, выстроился покоемъ—и начался молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ молебна войска перестроились въ походный боевой порядокъ на такъ называемой „большой русской дорогѣ“, фронтомъ къ малой Чечнѣ. Со стороны Воздвиженской показалось густое облако пыли, охватывавшее собою пеструю кавалькаду, въ нарядныхъ и самыхъ разнообразныхъ костюмахъ; надъ нею развивались три значка: голубой и красный съ бѣлыми крестами посрединѣ и бѣлый съ чернымъ крестомъ. Впереди кавалькады, на маленькой гнѣдой лошаdkѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ чернымъ воротникомъ, ѣхалъ прямой, высокій, худой старикъ, безъ усовъ, съ гладко выбритою нижнею частью лица и съ жиденькими, сѣдыми бакенбартами. Глаза его, когда-то голубые, теперь выцвѣли и

казались оловянными; улыбка напоминала дѣдушку, любующагося на своихъ рѣзвящихся внучатъ. Эта улыбка появлялась только передъ войсками и туземцами; для остальныхъ смертныхъ у него была другая улыбка, значенія которой никто никогда не могъ разгадать. На немъ была высокая бѣлая фуражка, а черезъ плечо, на узкой черной портупѣѣ, азіятская пашка безъ всякихъ украшеній, кромѣ серебрянаго ободка вокругъ черной костяной ручки и серебрянаго наконечника. Это былъ князь Воронцовъ или старый сардаръ, какъ называли его горскіе народы и самъ Шамиль, какъ любили называть его и многіе русскіе офицеры. Я не спускалъ глазъ съ его пашки и спрашивалъ себя: та ли это самая пашка, которую ему пришлось обнажить въ даргинскую экспедицію, когда чеченцы, пробившись сквозь остатки нашей цѣпи, неслись на него съ обнаженными кинжалами, и онъ обязанъ былъ жизнью одному фельдфебелю кабардинскаго полка, вовремя замѣтившему опасность и бросившемуся съ ротой прикрывать его?

Главнокомандующій медленно объѣзжалъ ряды нашей колонны, останавливаясь передъ каждою частью войскъ и здороваясь съ нею отдѣльно: „здравствуйте, куринцы! Здравствуйте, тенгинцы! Здравствуйте, навагинцы!“ Наконецъ, поровнялся и съ нами: „здравствуйте, здравствуйте, драгуны!“ — „Замѣтили ли вы, Дмитрій Матвѣевичъ“, спросилъ я дивизіонера, когда кавалькада удалась, „онъ два раза сказалъ драгунамъ: здравствуйте?“ „Это оттого—сострилъ майоръ Золотухинъ—что мы дѣйствуемъ и въ пѣшемъ, и въ конномъ строю“. Объѣхавъ ряды колонны до самаго аррьергарда, главнокомандующій не пропустилъ ни одной части, какъ ни была она мала, чтобы не сказать ей ласковое привѣтствіе, и въ сопровожденіи своей блестящей свиты, съ развѣвающимися

значками, вернулся къ фронту колонны и занялъ мѣсто между авангардомъ и головнымъ баталіономъ. Отрядъ тронулся. Заволновались бѣлые ряды; заиграли на солнце стальные штыки; всѣхъ охватило какое-то праздничное настроеніе, выразившееся въ веселомъ говорѣ, смѣхѣ, шуткахъ; все это слилось въ одинъ общій нестройный гулъ, знакомый каждому, кто бывалъ въ строю. Никому въ голову не приходило напомнить солдатамъ, что здѣсь главнокомандующій; всѣ начальники знали, что онъ любитъ видѣть дѣтей своихъ въ такомъ настроеніи; въ этой свободѣ выражалось довѣріе къ нему; онъ это понималъ и дорожилъ этимъ.

Верстахъ въ шести или семи отъ Воздвиженской, большая русская дорога, названная такъ чеченцами, пересѣкается рѣкою Гойтою, правымъ берегомъ которой оканчивается большая, а лѣвымъ начинается малая Чечня. Верховья этой рѣки скрываются въ неприступныхъ трущобахъ Черныхъ горъ, откуда она по ущелью сбѣгаетъ на плоскость, вѣковыми лѣсами пробирается до просѣки, версты двѣ бѣжитъ по открытой мѣстности, и затѣмъ лѣвымъ берегомъ опять уходитъ въ лѣсъ, а правый остается обнаженнымъ до впаденія въ Сунжу. Подобно всѣмъ рѣкамъ малой Чечни она прорыла для своего русла глубокій оврагъ съ обрывистыми берегами. Съ именемъ Гойты связаны воспоминанія о самыхъ мрачныхъ эпизодахъ пребыванія нашихъ отрядовъ въ этихъ мѣстахъ, а именно: въ 1825 году, при движеніи Ермолова внутрь страны для подавленія возстанія, произведеннаго Бейбулатомъ Таймазовымъ и лжепророками, въ 1832 году при обратной переправѣ нашихъ войскъ, въ 1845 году--опять при переправѣ нашего отряда подъ начальствомъ генерала Фрейтага, и наконецъ въ 1847 г. Теперь и мы приближались къ ней. Всѣмъ отрядомъ,

за отсутствіемъ генерала Нестерова, командовалъ полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій и, не смотря на пребываніе въ отрядѣ старшихъ, всѣ подчинялись его распоряженіямъ. Мирно и безпрепятственно, какъ внутри Россіи, прошли мы разстояніе отъ Воздвиженской до границы малой Чечни. Показались крутые, почти отвѣсные берега роковой рѣки. На широкой просѣкѣ, вправо и влево отъ переправы, никого не было видно. Саперы принялись разрабатывать спуски. Два баталіона пѣхоты, безъ артилеріи, и дивизіонъ драгунъ переправились на лѣвый берегъ рѣки прикрывать работы. Черезъ нѣсколько времени и главнокомандующій, съ своимъ конвоемъ, присоединился къ намъ; онъ тотчасъ же сошелъ съ коня; его примѣру послѣдовала свита. Драгуны хотя и спѣшились, но не расходились, и были наготовѣ по первому сигналу опять сѣсть на коней. Въ помощь саперамъ назначены были двѣ роты съ шанцевымъ инструментомъ. Застучали кирки, лопаты, заступы; изъ глубины оврага доносились энергическія восклицанія, брань и хохотъ: бранили рѣку, зачѣмъ она сбиваетъ съ ногъ; бранили чеченцевъ, зачѣмъ они портятъ переправы; досталось и наибамъ за то, что допускаютъ у себя такіе безпорядки. Одинъ солдатъ упалъ въ воду; товарищи кричали ему: „ты куда? на Сунжу? встрѣтишь земляка—кланяйся“! Другой скатился съ обрыва внизъ. „Это онъ, братцы, отъ намѣстника присланъ узнать готовъ ли спускъ“. Ломались кирки, заступы, лопаты и къ нимъ обращались, какъ къ одушевленнымъ предметамъ: „что, не хочешь служить? нѣтъ, погоди, прійдемъ на мѣсто, отдамъ въ починку, опять поступишь на службу; я двадцать пять лѣтъ тяну лямку, и ты не отставай“. Черезъ часъ оба спуска были готовы. Началось перетаскиванье артилеріи и обоза, по одному орудію, по одной

повозкѣ — трудъ тяжелый, требовавшій осмотрительности, напряженія мускуловъ; лошади скользили, спотыкались, падали, хrapѣли, рвались въ сторону; при спускѣ, орудіе удерживалось за колеса, чтобы не дать ему скатиться внизъ, при подъемѣ же подталкивалось сзади, чтобы облегчить лошадей. Яркое солнце, скользкій грунтъ береговъ и быстрота теченія увеличивали тягость работы. Наконецъ, почти бѣгомъ вкатили на лѣвый берегъ послѣднюю повозку, и вся колонна переправилась въ бродъ.

Послѣ получасоваго отдыха войска построились въ прежній боевой порядокъ и двинулись далѣе. Мѣстность, на которую они вступили, называлась Черною поляною; почему черною — неизвѣстно. Въ описываемый моментъ, облитая солнечнымъ свѣтомъ, покрытая зеленью, она вовсе не оправдывала этого названія. Когда мы прошли отъ переправы версты двѣ влѣво отъ дороги, на спускѣ лѣса показался всадникъ, потомъ изъ за высокаго ствола дерева — другой и за нимъ третій. Нѣсколько времени ѣхали они одинъ за другимъ и все какъ будто присматривались къ колоннѣ. Наконецъ, они съѣхались, остановились; не трудно было догадаться, что они совѣщаются. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Совѣщаніе, должно быть, кончилось; они разѣхались и попрежнему лица ихъ обращены были на дорогу, по которой двигался отрядъ. Вдругъ, въ одно мгновеніе, въ рукахъ впереди ѣхавшаго всадника сверкнула винтовка, онъ пригнулся къ головѣ лошади, секунды двѣ цѣлился, выстрѣлилъ и скрылся въ чащѣ лѣса; за нимъ, подражая во всемъ его пріемамъ, выстрѣлилъ второй всадникъ, за вторымъ третій, и всѣ трое скрылись. Цѣпь отвѣчала имъ нѣсколькими выстрѣлами, и опять все смолкло, т. е. смолкли выстрѣлы, а говоръ и смѣхъ не прекращались. Прошло

еще нѣсколько минутъ. Противъ середины лѣвой цѣпи раздалось опять нѣсколько выстрѣловъ, на нихъ отвѣчали; затѣмъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ противъ лѣваго фланга той же лѣвой цѣпи, потомъ противъ праваго ея фланга. Выстрѣлы становились все чаще и чаще; на каждый выстрѣлъ изъ опушки лѣса отвѣчали тремя или четырьмя изъ цѣпи, и минутъ черезъ десять по всей лѣвой цѣпи завязалась перестрѣлка, частая и непрерывная какъ градъ, падающій на желѣзную крышу. Когда перестрѣлка въ лѣвой цѣпи, такъ сказать, установилась, изъ опушки лѣса, вправо отъ дороги, также раздались выстрѣлы; на нихъ отвѣтили залпомъ; выстрѣлы съ нашей и непріятельской стороны посыпались, какъ барабанная дробь, и прошло не болѣе четверти часа, какъ уже правая цѣпь не отставала отъ лѣвой. Медленно продолжала подвигаться колонна, провожаемая справа и слѣва ружейнымъ огнемъ. Едва успѣла она отойти версты полторы отъ того мѣста, гдѣ раздались первые выстрѣлы, какъ въ авангардѣ также послышались выстрѣлы, сначала рѣдкіе, одиночные, потомъ залпами изъ нѣсколькихъ ружей; наконецъ, и тамъ загремѣла перестрѣлка, такая же частая, неумолкаемая, какъ и въ боковыхъ цѣпяхъ. Къ авангарду придвинута была сотня иррегулярной кавалеріи, такъ какъ непріятельскіе всадники нарушали благородную дистанцію и слишкомъ близко подъѣзжали къ цѣпи. Въ аррьергардѣ было спокойно. Такимъ образомъ, какъ бы опоясанная съ трехъ сторонъ ружейнымъ огнемъ, колонна наша подходила къ Урусъ-Мартану, гдѣ предполагалось заложеніе крѣпости. Шествіе ея, подъ музыку, съ которой не сравнится никакая музыка въ мірѣ, можно было назвать триумфальнымъ. Непріятель неохотно уступалъ намъ позицію на рѣкѣ Мартанѣ: новая крѣпость должна

была значительно стѣснить свободу дѣйствій чеченцевъ. Разстояніе между двумя крайними пунктами чеченской передовой линіи—Воздвиженской и Ачхоемъ, было слишкомъ велико; Урусъ-Мартанъ долженъ былъ служить промежуточнымъ звеномъ между ними, такъ что вмѣсто одного длиннаго разстоянія получались два короткихъ.

Въ лѣвой цѣпи, кромѣ начальника ея и трехъ офицеровъ, безпрестанно разѣзжавшихъ взадъ и впередъ по своимъ дистанціямъ, былъ еще одинъ офицеръ. Этотъ послѣдній, ни во что не вмѣшиваясь, все время находился за серединой цѣпи; подъ нимъ былъ рослый и статный конь съ красиво подобранной головой и пышнымъ, волнистымъ хвостомъ. Когда мы были уже недалеко отъ Урусъ-Мартана, онъ вдругъ зашатался и упалъ съ лошади. Тогда только я узналъ, что этотъ офицеръ—полковникъ Левковичъ, командиръ тенгинскаго полка, тотъ самый Левковичъ, который за два года передъ тѣмъ, у минарета, подлѣ Змѣйской станицы, нечаянно наткнулся на Шамиля, пробирающагося въ Кабарду, вступилъ съ нимъ въ неравный, но отчаянный бой, и, если не заставилъ его отказаться отъ намѣренія возмутить Кабарду, то во всякомъ случаѣ задержалъ его и тѣмъ далъ возможность стянуть наши войска и приготовиться къ отпору. Въ отрядѣ пронесся слухъ, что Левковичъ убитъ; но онъ не былъ убитъ: онъ былъ контуженъ пулей въ лобъ, упалъ съ лошади и при паденіи получилъ сильные ушибы, изъ которыхъ самымъ опаснымъ было поврежденіе половых органовъ. „Жаль, очень жаль Левковича“! повторилъ нѣсколько разъ главнокомандующій, направляясь къ перевязочному пункту, куда Левковичъ былъ доставленъ на носилкахъ въ глубокомъ обморокѣ, и гдѣ уже были убитые и раненые.

Войска двигались по правому берегу рѣки Мартана, въ ожиданіи распоряженія о размѣщеніи ихъ на лагерной позиціи. Перестрѣлка прекратилась, цѣпи сомкнулись и отступили къ колоннѣ. Кавалерія, въ полномъ своемъ составѣ, съ четырьмя орудіями конно-казачьей артилеріи, отдѣлившись отъ отряда, переправилась черезъ рѣку Мартанъ и рысью поскакала по большой русской дорогѣ. Въ то же самое время и непріятельская кавалерія, двумя большими партіями, вдоль опушки лѣсовъ, по обѣ стороны просѣки, понеслась, со значками, впередъ, самымъ бѣшенымъ аллюромъ, по одному направленію съ нами, но только въ обходъ. Я ничего не понималъ и обратился къ дивизіонеру за объясненіемъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что мы идемъ фуражировать, а чеченцы поскакали впередъ предупредить насъ. Въ полуверстѣ отъ Урусъ-Мартана мы свернули съ большой русской дороги вправо и выѣхали на обширную поляну, которую съ двухъ сторонъ живописными полукружіями обступали лѣса. На противоположномъ концѣ поляны, въ шахматномъ порядкѣ, разставлены были огромные стога сѣна; нѣкоторые изъ нихъ объаты были пламенемъ; при совершенномъ безвѣтріи черные столбы дыма стояли совершенно вертикально, и только наверху, высоко надъ землей, медленно расходились и постепенно исчезали въ сапфирѣ безоблачнаго лѣтняго неба. Къ стогамъ, еще нетронутымъ огнемъ, подѣзжали всадники съ горящими пучками сѣна и поджигали ихъ. Между стогами первой линіи живописными группами стояли конные чеченцы; вся остальная масса непріятельской кавалеріи расположилась за вторыми уступами. Нѣсколько разноцвѣтныхъ значковъ, безпрестанно переѣзжавшихъ съ мѣста на мѣсто, заставляли предполагать, что готовится что нибудь необыкновенное. Мо-

жетъ быть, при нихъ была артилерія, и они собирались встрѣтить насъ картечью, но не рѣшились, видя передъ собой какую-то новую кавалерію, въ фуражкахъ вмѣсто папахъ, не въ черкескахъ, какъ казаки, а въ какихъ-то бѣлыхъ сюртукахъ, съ красными полосами на ногахъ и съ ружьями безъ чехловъ; кавалерію на высокихъ лошадяхъ, совершенно одинаковыхъ по росту и по масти, молчаливую, угрюмую, маневрирующую стройно, какъ одинъ человѣкъ, и все по сигналамъ. Мы продолжали подаваться впередъ все тѣмъ же аллюромъ, и когда казаки, на довольно близкомъ разстояніи отъ стоговъ, разсыпались и понеслись въ атаку, ихъ встрѣтили бойкимъ ружейнымъ огнемъ, не причинившимъ, впрочемъ, никому никакого вреда. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ стогамъ, непріятель подавался назадъ, не переставая отстрѣливаться, и наконецъ отступилъ за вторую линію уступовъ, но онъ не продержался и двухъ минутъ на этой новой позиціи: ее заняли драгуны, вызванные впередъ прикрывать фуражировъ и отступление всей остальной кавалеріи. Фланкеры наши тотчасъ же завязали съ непріятелемъ перестрѣлку, не позволяя ему изъ почтительнаго разстоянія переходить въ непочтительное, и казаки могли спокойно и безопасно фуражировать. Они бросились къ тѣмъ стогамъ, которыхъ чеченцы не успѣли зажечь, проворно принялись разбирать ихъ, вязали вьюки, вскидывали ихъ на лошадей, сами садились на нихъ и, по одному, поспѣшно отбѣжжали. Не больше часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы отдѣлились отъ колонны; фуражировка кончилась, и мы отступили. Непріятель преслѣдовалъ насъ довольно слабо, и то только до поворота на большую русскую дорогу, а затѣмъ отсталъ. Сѣно продолжало горѣть, чеченцы предавали пламени послѣдніе стога, еще уцѣлѣв-

шіе отъ огня и расхищенія. Они рѣшились до тла истребить все запасы на такомъ близкомъ разстояніи отъ Урусь-Мартана, въ чемъ, конечно, успѣли, такъ какъ препятствій со стороны ненавистныхъ гяуровъ опасаться имъ было нечего.

Картина была величественная; пожаръ огромныхъ скирдъ, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ, при яркомъ освѣщеніи лѣтняго солнца, среди неподвижныхъ декораций суроваго, безмолвнаго лѣса!...

Къ двумъ часамъ пополудни мы вернулись на р. Мартанъ. Лагерь раскинулся по обоимъ берегамъ ея; онъ представлялъ довольно оживленную картину, знакомую каждому, кто бывалъ въ походахъ. Вездѣ кипѣла работа самая разнохарактерная, и вездѣ сопровождалась она говоромъ, громкими восклицаніями, остротами, заунывными и протяжными пѣснями. Какъ только голова нашей кавалерійской колонны поровнялась съ выставленными отъ лагеря аванпостами, какой-то урядникъ своднаго линейнаго казачьяго полка, поджидавшій насъ все время въ цѣпи, передалъ мнѣ приказаніе начальника штаба чеченскаго отряда—немедленно явиться къ нему въ канцелярію за приказаніями. Я тотчасъ же отдѣлился отъ колонны и поскакалъ въ сопровожденіи урядника. Начальникомъ штаба оказался тотъ самый штабъ-офицеръ, котораго лицо имѣло такое глубокомысленное выраженіе, когда мы въ первый разъ встрѣтились въ лагерѣ подъ кр. Воздвиженской.

—Вы поставите драгунскій лагерь между первымъ баталіономъ навагинскаго и четвертымъ тенгинскаго полковъ.

Больше онъ ничего мнѣ не сказалъ.

Первый баталіонъ навагинскаго и четвертый тенгинскаго оказались во второй линіи. Прямо противъ

насъ, въ первой линіи, стояли палатки перваго баталіона тенгинскаго и четвертаго навагинскаго. Изъ этого расположенія баталіоновъ я увидѣлъ, что начальникъ штаба перепуталъ номера баталіоновъ, такъ какъ кавалеріи невозможно стоять во второй линіи: въ случаѣ тревоги, особенно въ ночное время, она должна бы была пробираться между палатками, опрокидывать ихъ, топтать людей, ронять козлы съ заряженными ружьями; въ этомъ случаѣ она причинила бы столько бѣдъ, сколько непріятель не надѣлалъ бы въ цѣлую недѣлю. Остановившись на этомъ заключеніи, я отдалъ приказаніе старшимъ вахмистрамъ разбить драгунскій лагерь въ первой линіи, между первымъ тенгинскимъ и четвертымъ навагинскимъ баталіонами.

Былъ четвертый часъ пополудни. Я лежалъ на буркѣ, приводилъ свои мысли въ порядокъ, нарушенный событіями утра, анализировалъ ощущенія, совершенно для меня новыя. Вдругъ, за палаткой раздался голосъ дежурнаго по дивизіону вахмистра: „послать адъютанта къ начальнику штаба“! Не прошло минуты, какъ я уже стоялъ лицомъ къ лицу все съ тѣмъ же штабъ-офицеромъ, глубокомысленный видъ котораго заставлялъ предполагать въ немъ что-то необыкновенное. „Гдѣ я вамъ приказалъ поставить лагерь драгунскаго дивизіона“? Вопросъ этотъ сдѣланъ былъ такимъ голосомъ и сопровождался такимъ взглядомъ, какъ будто онъ подозрѣвалъ меня въ стачкѣ съ Шамилемъ. „Полковникъ“! отвѣчалъ я ему самымъ почтительнымъ тономъ, „тѣ баталіоны, между которыми вы указали мѣсто для нашихъ палатокъ, стоятъ во второй линіи; я полагалъ, что вы ошиблись номерами баталіоновъ“. — „Ваше дѣло не полагать, а исполнять буквально приказанія, которыя вамъ отдаются“. „Но, полковникъ, если мы будемъ стоять во второй линіи,

намъ неудобно будетъ выѣзжать на тревогу“. Продолжая развивать эту мысль, я постарался нарисовать такую картину, которая очень мало уступала извѣстной картинѣ Брюлова „последній день Помпеи“. Глубокомысленный имѣлъ терпѣніе выслушать меня до конца. Краснорѣчіе мое не пропало даромъ. Этотъ молокососъ говорить правду, вѣроятно подумалъ онъ, потому что проговорилъ суровымъ тономъ: „лагерь пусть остается тамъ, гдѣ онъ есть, но впередъ совѣтую вамъ не умничать и не дѣлать поправокъ въ моихъ дислокаціяхъ“. Я извинился, сославшись во второй разъ на недоразумѣніе. Не удостоивъ вниманіемъ моего извиненія, онъ грубо отвернулся, и при этомъ у него вырвалось восклицаніе, въ которомъ чортъ игралъ не послѣднюю роль. Эта новая галантерейная выходка вдохновила меня на подвигъ, котораго я самъ потомъ испугался. „Полковникъ“! остановилъ я его мягкимъ, заискивающимъ голосомъ. „Теперь, когда наши объясненія по службѣ кончились, могли я позволить себѣ сдѣлать вамъ одно очень странное признаніе и за себя, и за моихъ товарищей по оружію, не какъ начальнику, но какъ частному человѣку? Могли я надѣяться также, что если признаніе мое окажется слишкомъ смѣлымъ, вы сдѣлаете видъ, какъ будто не слышали“? Онъ остановился, но не сразу отвѣтилъ. „Извольте“, сказалъ онъ отрывисто и рѣшительно, все еще подъ вліяніемъ своей же собственной выходки. „Дѣлайте ваше странное признаніе“. — „Насъ, драгунъ, полковой командиръ и всѣ другіе частные начальники до такой степени избаловали вѣжливымъ обращеніемъ, что когда съ нами говорятъ нѣсколько иначе, мы сейчасъ же теряемся отъ непривычки и дѣлаемся положительно ни къ чему неспособными“. Эффектъ моей тирады былъ поразителенъ: къ неопisanному моему удивленію, глубоко-

мысленный протянулъ мнѣ руку. „Очень вамъ благодаренъ за урокъ; я долго его не забуду“, произнесъ онъ озадаченный, смущенный. „Я очень вспыльчивъ, часто говорю, самъ не зная что. Въ свою очередь и вы извините меня великодушно“. И онъ во второй разъ протянулъ мнѣ руку. Я проводилъ его до границы нашего лагеря и на разставанье еще разъ остановилъ его вопросомъ: „могу я надѣяться, полковникъ, что мое признаніе, умѣстное или неумѣстное, не будетъ имѣть вліянія на наши дальнѣйшія отношенія?“ „Нисколько, нисколько, даю вамъ честное слово. Я виноватъ, сознаю свою вину и... дальше я не буду распространяться, вы сами увидите впоследствии“. Онъ въ третій разъ пожалъ мнѣ руку. Каждый день мы встрѣчались потомъ послѣ пробитія вечерней зари, такъ какъ въ этотъ часъ адъютанты всѣхъ отдѣльныхъ частей войскъ обязаны были являться къ начальнику штаба за приказаніями, и съ каждымъ днемъ я убѣждался, что первое впечатлѣніе, которому обыкновенно придаютъ столько значенія, обмануло меня. Лицо начальника штаба попрежнему сохраняло глубокомысліе; но это было одно изъ тѣхъ выраженій, которыя природа даетъ иногда человѣку или по ошибкѣ, или въ насмѣшку, или для того, чтобы вводить другихъ въ заблужденіе. Я видѣлъ въ начальникѣ штаба теперь, когда ближе сошелся съ нимъ, совсѣмъ другаго человѣка: онъ былъ очень простъ и въ разговорѣ, и въ обращеніи, и ничего въ немъ не было глубоко-мысленнаго, кромѣ наружности. Между нами очень скоро установились отношенія, благодаря которымъ я всегда могъ получать самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ, что могло интересовать меня въ то время, и что могло быть извѣстно только приближеннымъ начальника отряда. Къ моимъ услугамъ былъ журналъ военныхъ происшествій,

полуофициальные письма, конфиденциальная переписка сильныхъ міра сего, секретныя донесенія иногда о такихъ предметахъ, которые совершенно напрасно облекались таинственностью, такъ какъ извѣстны были всей кавказской арміи; больше всего занимали меня свѣдѣнія, доставляемыя лазутчиками, которыхъ отъ меня также не скрывали.

Дмитрій Матвѣевичъ, близко принимавшій къ сердцу все, что относилось до чести регулярной кавалеріи вообще и нижегородскаго драгунскаго полка въ особенности, удостоилъ меня такого отзыва по поводу объясненія моего съ начальникомъ штаба: „вы иначе не могли поступить“, говорилъ онъ мнѣ. „Вы бы не были драгуномъ, еслибы поле сраженія осталось не за вами. Сегодня всѣ были въ дѣлѣ: пѣхота утромъ при движеніи отряда къ Мартану, кавалерія иррегулярная въ полдень, когда фуражировали, кавалерія регулярная передъ вечеромъ,—и помяните мое слово: самую блистательную побѣду одержали мы, драгуны“.

2-е и 3-е августа посвящены были отдыху. Онъ былъ необходимъ: нужно было привести въ порядокъ ротное и частное имущество, осмотрѣть оружіе и боевые припасы, исправить поврежденія въ обозѣ. Въ палаткахъ въ эти дни отдыха сколачивались нары, походныя кровати изъ кругляковъ и хвороста; надъ ротными кухнями и кладовыми ставили навѣсы, такъ какъ въ Чечнѣ, изобилующей лѣсами, бываютъ частые и проливные дожди. Что касается до меня лично, то я имѣлъ возможность и отдохнуть, и позаняться спокойно дѣломъ. Кромѣ свѣдѣній, доставляемыхъ лазутчиками, которыя я старательно записывалъ, сличалъ и провѣрялъ, я пользовался, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями, журналомъ военныхъ дѣйствій чеченскаго отряда. Къ сожалѣнію, при

штабъ не оказалось только карты района дѣйствій отряда: она была до конца 1847 года, но исчезла, и въ описываемое время находилась, какъ должно полагать, въ рукахъ имама. Нѣтъ сомнѣнiя, что если ему сѣумѣли перевести и объяснить ее, то онъ посмѣивался съ своими приближенными надъ довѣрчивостью русскихъ генераловъ. Чтобы судить о достоинствѣ пропавшей карты, достаточно привести выписку изъ рапорта исправлявшаго должность отряднаго оберъ-квартирмейстера, капитана Колодѣева, оберъ-квартирмейстеру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, свиты Его Величества генералъ-маіору Вольфу, отъ 1-го января 1848 года за № 1-мъ:

«23 декабря, во время ночнаго движенiя изъ лагеря на рѣкѣ Гойтѣ въ крѣпость Грозную, казакъ донскаго № 39-го полка, бѣжавшій сзади корпуса топографовъ прапорщика Савельева, потерялъ свертокъ, въ которомъ хранилась большая часть маршрутовъ, планъ военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ 1846 года, составленный списокъ ауламъ большой и малой Чечни и распросная (т. е. составленная по распросамъ) карта и малой Чечни. Донося объ этомъ несчастномъ случаѣ вашему превосходительству, имѣю честь присовокупить, что планъ военныхъ дѣйствій съ 17 ноября по 24 декабря составленъ частью изъ оставшихся брульоновъ и прежнихъ съемокъ и частью *изображена мѣстность приблизительно на память*. При возобновленiи военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, по мѣрѣ возможности, будутъ сняты потерянные маршруты; я же немедленно приступилъ къ составленiю другаго списка ауламъ и хуторамъ Чечни и употребляю всѣ возможные средства, чтобы скорѣе окончить этотъ трудъ».

Не смотря на отсутствiе карты, и благодаря обязательной предупредительности начальника штаба и другихъ должностныхъ лицъ, мнѣ удалось заручиться кое-какими данными, на основанiи которыхъ я могъ составить себѣ довольно точное понятiе о стратегическомъ

театръ дѣйствій чеченскаго отряда въ 1848 году. Та небольшая часть малой Чечни, которая служила театромъ военныхъ дѣйствій чеченскаго отряда въ лѣтнюю экспедицію 1848-го года, заключалась между лѣвымъ берегомъ рѣки Гойты на востокъ и рѣкой Фортангой, на которой стоитъ Ачхоевское укрѣпленіе, на западѣ. На сѣверѣ Сунжа, до которой мы не доходили, на югѣ Черныя горы, которыя мы могли видѣть только издали, въ ясную погоду. Гойта течетъ почти параллельно дорогѣ, ведущей изъ ханкальскаго ущелья въ Воздвиженскую. Какъ и всѣ рѣки малой Чечни, она дикимъ ущельемъ спускается съ Черныхъ горъ, и черезъ плоскость, по дну глубокаго и обрывистаго оврага, несетъ свои воды въ Сунжу, слѣдовательно имѣетъ теченіе съ юга на сѣверъ. Начиная отъ гойтинской просѣки, правый берегъ ея обнаженъ, хотя, благодаря живучести здѣшней флоры, на немъ, выше переправы, черезъ два-три года послѣ каждой расчистки, вновь появляются заросли настолько высокія, что въ нихъ можетъ скрываться кавалерія; лѣвый берегъ Гойты, отъ переправы до впаденія ея въ Сунжу, за исключеніемъ просѣки, покрытъ лѣсомъ. Гойта принимаетъ въ себя съ правой стороны р. Ангеликъ. Верстахъ въ восьми отъ Гойты, параллельно ей, течетъ рѣка Мартанъ съ двумя лѣвыми притоками: Теньгой и Рошной. Съ именемъ Урусъ-Мартана связано одно довольно свѣжее историческое воспоминаніе, не для насъ русскихъ, но для чеченцевъ: когда изъ укрѣпленнаго замка Ахульго, считавшагося неприступнымъ и взятаго въ 1839 году русскими, Шамиль перенесъ свою резиденцію въ Ичкерію, то въ 1840 году, по приглашенію самихъ чеченцевъ, онъ явился въ малую Чечню, послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшился принять отъ нихъ присягу на рѣкѣ Мартанѣ въ вѣрности

себѣ и великому дѣлу газавата, т. е. священной войны, и съ своей стороны далъ имъ клятву не покидать ихъ, поддерживать въ борьбѣ съ гяурами, оказывать имъ покровительство, творить судъ и расправу. Рѣка Мартанъ впадаетъ въ Сунжу между Грозной и Заканъ-Юртомъ. Верстахъ въ восьми отъ нея—рѣка Гехи, безъ притоковъ; въ шести верстахъ отъ Гехи—рѣка Валерикъ; за Валерикомъ—Шалажъ, верстахъ въ трехъ и даже менѣе; за Шалажемъ—Нетхой и наконецъ Фортанга съ Ачхоевскимъ укрѣпленіемъ. Все разстояніе отъ Воздвиженской до Ачхоя не болѣе сорока двухъ или сорока трехъ верстъ. Рѣки малой Чечни имѣютъ параллельное теченіе съ юга на сѣверъ; почти всѣ онѣ впадаютъ въ Сунжу; нѣкоторыя, не доходя до Сунжи, теряются въ болотахъ. Кромѣ этихъ и множества другихъ рѣкъ, въ Чечнѣ есть нѣсколько болотистыхъ ручьевъ (шавдоновъ) съ глинистымъ дномъ и такими же берегами. По вязкости грунта переправа черезъ нихъ затруднительна.

VI.

Фуражировка 4-го августа. Представленіе, данное драгунами въ малой Чечнѣ. Удовольствіе главнокомандующаго. Парламентеры. Настоящій офицеръ. Главнокомандующій прощается съ нами. Сцена послѣ вечерней зари 5-го августа.
Новый начальникъ кавалеріи.

Двухдневный отдыхъ освѣжилъ насъ. Мы привели въ порядокъ наши мысли и костюмы и ждали, что будетъ дальше.

4-го августа, въ восемь часовъ утра, колонна, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ со-

тень иррегулярной кавалеріи и дивизіона драгунъ, при четырехъ орудіяхъ, подъ командою навагинскаго полка подполковника Преображенскаго, выступила изъ лагеря на фуражировку. Съ рѣки Мартана мы повернули на востокъ, т. е. назадъ, на ту самую большую русскую дорогу, по которой 1-го августа слѣдовали изъ Воздвиженской на Мартанъ. О времени движенія колоннъ давали знать обыкновенно за полчаса до выступленія; о мѣстѣ, куда выступали, мы узнавали только по прибытіи на позицію. Благодаря этой предосторожности, непріятель не зналъ заранѣе, куда мы идемъ, гдѣ онъ долженъ приготовить намъ встрѣчу, устроить завалы, притаиться въ засадѣ и заблаговременно уничтожить весь фуражъ, или, если онъ уже снятъ, то свезти его въ безопасное мѣсто.

Версты за двѣ до переправы черезъ Гойту, мы взяли вправо, прошли еще версты полторы, наискось отъ дороги, по направленію къ верхнему теченію рѣки, и вдругъ остановились. Передъ нами открылось, точно сцена послѣ поднятія занавѣса, совершенно замаскированное со стороны дороги лѣсомъ довольно большое, почти квадратное поле, засѣянное кукурузою. Еще недѣли двѣ—и кукурузу пора было снимать. Колонный начальникъ приказалъ разставить цѣпи вдоль опушки лѣсовъ, окружавшихъ поле съ трехъ сторонъ; за цѣпями расположились сильные резервы; съ четвертой стороны выстроена была въ боевой порядокъ колонна. Орудія съ передковъ не снимали, такъ какъ невозможно было заранѣе предвидѣть, куда они могутъ потребоваться; ѣздовымъ и всей кавалеріи позволено было спѣшиться, но отнюдь поводьевъ изъ рукъ не выпускать. Мѣсто было таинственное: кругомъ вѣковыя деревья, бросавшія въ одну сторону длинныя тѣни на поляну;

они какъ будто только теперь обступили это мѣсто, такъ хорошо спрятанное отъ русскихъ; они толпились кругомъ сплошными рядами, выглядывали одни изъ-за другихъ и хранили зловѣщее молчаніе. Даже птицы точнѣ сговорились не нарушать этого безмолвія. На всемъ протяженіи отъ лагеря до этого скрытнаго уголка мы не видѣли ни одного пикета, тогда какъ даже зимой, въ трескучіе морозы, пикеты не покидаютъ своихъ постовъ. Было ли это дѣломъ случая, или предвѣщало что нибудь необыкновенное—даже люди бывалые находили загадочнымъ. Что непріятель зорко слѣдилъ за всѣмъ, происходившимъ у насъ въ отрядѣ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія; не могъ онъ не видѣть и нашей колонны въ это утро,—но гдѣ были глаза, которые слѣдили за ней? Эта таинственность заставила насъ быть одинаково бдительными и осторожными на всѣхъ пунктахъ занятой нами позиціи. Цѣпи разставлялись безъ шума, приказанія отдавались въ полголоса; даже фуражиры вызваны были впередъ не по командѣ: колонный начальникъ указалъ имъ рукою на поляну, и они понимали его. Въ нѣсколько минутъ по кукурузѣ разсыпались повозки, числомъ до тридцати, запряженные тройками и четвериками; сидѣвшіе на нихъ съ косами фуражиры ѣхали все время молча и за работу принялись молча; только слышно было, какъ косы звенѣли, да съ шелестомъ быстро падали подъ ихъ ударами высокіе стебли початковъ, съ длинными, похожими на лезвее, листьями, и граціозными красновато-коричневыми пучками волосъ. Около двухъ часовъ простояли мы на позиціи. Фуражировка кончилась, поляна опустѣла, никого и ничего не осталось на ней: она была оголена. Мы такъ же тихо отступили отъ поляны, какъ тихо подходили къ ней; она и лѣса, окружавшіе ее, ос-

тались у насъ назади. И лѣсъ, прикрывавшій ее со стороны просѣки, и самую просѣку прошли мы, не слыхавъ ни одного звука человѣческаго голоса.

Вотъ наконецъ и большая русская дорога. Мы были уже на половинѣ разстоянія отъ Гойты до Урусь-Мартана. Впереди замелькали бѣлые ряды палатокъ; кое-гдѣ надъ лагеремъ вились сѣроватые струйки дыма, и повременамъ сверкалъ золоченый крестикъ надъ шатромъ походной церкви. Вдругъ, у насъ въ лѣвой цѣпи раздалось нѣсколько выстрѣловъ въ отвѣтъ на два выстрѣла, сдѣланныхъ изъ опушки лѣса. Послѣ короткой паузы, загремѣла такая адская, непрерывная, оглушительная пальба, что нельзя было бы слышать грома, еслибы случайно разразилась гроза надъ Черной поляной. Лѣвой цѣпью командовалъ въ этотъ день молодой князь Воронцовъ, сынъ намѣстника; онъ придвинулъ резервы поближе къ цѣпи; колонна, шедшая до этой минуты довольно тихо, еще болѣе замедлила шагъ. Въ правой цѣпи спокойствіе не нарушалось. Черезъ десять минутъ выстрѣлы изъ лѣса прекратились; цѣпь продолжала стрѣлять, но уже съ разстановкой. Въ это время одинъ изъ резервовъ, низко пригнувшись къ землѣ, почти ползкомъ подкрался къ ближайшимъ намъ, которымъ не велѣно было оборачиваться, прилегъ въ интервалѣ между ними, выжидалъ нѣсколько мгновений, потомъ вдругъ приподнялся и далъ залпъ. Чеченцы гикнули,—значить, собирались броситься въ шашки. Колонна остановилась. „Артилерія въ лѣвую цѣпь“! раздалась команда колоннаго начальника—но ее не слышала артилерія; почти въ то же время трубачъ, стоявшій подлѣ дивизіонера, подалъ кавалерійскій сигналъ, подхваченный всѣми остальными трубачами. Эскадроны наши, стоявшіе въ колоннахъ справа, въ одно мгнове-

ніе, быстрымъ заѣздомъ повзводно, развернули фронтъ и очутились лицомъ къ непріятелю; по второму сигналу въ рукахъ драгунъ сверкнули шашки—и они понеслись къ лѣсу.

—„Скачите назадъ къ колонному начальнику и скажите ему, что мы идемъ въ атаку“, приказывалъ мнѣ дивизіонеръ. „Онъ и такъ видитъ“.—„Ничего, а вы все-таки скажите“. Я такъ и сдѣлалъ. Подполковникъ Преображенскій засмѣялся, но ничего не сказалъ. Я нагналъ дивизіонъ, когда онъ уже поровнялся съ цѣпью. Дмитрій Матвѣевичъ дѣйствовалъ, значить, не по приказанію, а по вдохновенію. Цѣпь разступилась и прекратила огонь. Опять стало тихо; только земля гудѣла отъ конскаго топота. Чеченцы начали отступать къ лѣсу, медленно, довольно густою цѣпью; всѣ они были пѣшіе. Многіе изъ нихъ бросили ружья, когда собирались кинуться въ шашки, теперь и шашки у всѣхъ были въ ножнахъ; они готовились встрѣтить насъ съ кинжалами въ лѣвой и пистолетами въ правой рукѣ; они привыкли къ фальшивымъ атакамъ иррегулярной кавалеріи и потому сначала стояли плотной массой между лѣсомъ и нашей цѣпью, но когда увидѣли, что мы все ближе и ближе подходимъ къ нимъ и притомъ въ грозномъ молчаніи, они поняли, что имѣютъ дѣло не съ казаками, что это не фальшивая, а настоящая атака, съ рукопашнымъ боемъ въ перспективѣ, и потому тотчасъ же разсыпались и заняли опушку лѣса. Въ цѣпи насъ предупредили, что у непріятеля нѣтъ кавалеріи. Это заставило насъ замедлить аллюръ, чтобы не изнурять напрасно лошадей. У горцевъ нѣтъ сомкнутаго строя; его замѣняютъ завалы. Они разсѣялись, зная, что въ противномъ случаѣ будутъ смяты и опрокинуты; они готовы были принять бой, но только одиночный. Мы, съ своей стороны, также

должны были разсыпаться и, безъ резервовъ, длинною цѣпью фланкеровъ, почти шагомъ вступили въ лѣсъ.

Я въѣхалъ въ опушку; со всѣхъ сторонъ меня окружали высокіе, прямые стволы лѣсныхъ великановъ; конскій топотъ прекратился; выстрѣловъ также не было слышно. Наступила тишина. Я посмотрѣлъ направо: деревья — и ни одного живаго существа, нѣтъ — тоже самое; я былъ одинъ. Странное подозрѣніе мелькнуло у меня въ головѣ: неужели драгуны также сдѣлали фальшивую атаку и тотчасъ же отступили? Но въ такомъ случаѣ я бы слышалъ сигналъ. Нѣтъ, драгуны не могли отступить такъ. Я продолжалъ подаваться впередъ, обогнулъ еще два-три дерева и очутился лицомъ къ лицу съ человекомъ высокаго роста, съ бритой головой, безъ пахаи, съ черною бородою, черными глазами, въ черной черкескѣ. Лошадь моя захрапѣла и начала пятиться назадъ, а когда чеченецъ вытянулъ руку съ пистолетомъ — она бросилась въ сторону, и пуля, приготовленная для меня, ударилась о переднюю луку моего сѣдла и расколола ее. Съ изумительною быстротою, которую пріобрѣтаетъ человекъ въ мнуту смертельной опасности, чеченецъ заткнулъ пистолетъ за поясъ, схватилъ кинжалъ, бывшій въ лѣвой рукѣ, и уже направилъ его въ лѣвый бокъ моей лошади, но я предупредилъ его ударомъ шашки по головѣ; кровь выступила широкимъ пятномъ на темени и двумя алыми струйками скатилась по лицу; онъ зашатался и опустился на землю подлѣ куста, къ которому прислонился спиной. Я отвернулся. Лошадь моя перестала храпѣть и упирается; я хотѣлъ сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ, но передумалъ и шагомъ отправился отыскивать дивизіонера, который, по моимъ соображеніямъ, долженъ былъ находиться на лѣвомъ флангѣ, если только наши дѣйствительно не отступили

или не увлеклись преслѣдованіемъ. Не успѣлъ я проѣхать и пятнадцати шаговъ, какъ небольшой кустъ вправо отъ меня выбросилъ облачко дыма; въ то же мгновеніе раздался глухой выстрѣлъ, и лошадь моя рванулась въ сторону. Выстрѣлъ повидимому сдѣланъ былъ по мнѣ; я остановился въ недоумѣніи, не зная, на что рѣшиться: продолжать ли подвигаться влѣво, вернуться ли назадъ, или помчаться мимо предательскаго куста впередъ? Гдѣ же наши? подумалъ я, съ тоской оглядываясь во все стороны. Наши были близко; они точно слышали мой вопросъ, сдѣланный про себя: привлеченные выстрѣломъ, три всадника показались изъ-за деревьевъ влѣво и окружили притаившагося за кустомъ человѣка. Это были люди 2-го эскадрона: два драгуна и одинъ взводный вахмистръ. „Берите въ плѣнъ, не убивайте!“ крикнулъ я имъ. Но прежде нежели чеченецъ взятъ былъ въ плѣнъ, оба драгуна были ранены кинжаломъ, одинъ въ правую ногу выше колѣна, другой въ пальцы правой руки. Теперь я зналъ, что я не одинъ въ этомъ заколдованномъ лѣсу, гдѣ каждое дерево, каждый кустъ смотрѣлъ подозрительно, точно сказочные духи, навремя принявшіе образы неодушевленныхъ предметовъ. Я зналъ также, что линія фланкеровъ не могла ни уйдти слишкомъ далеко впередъ, ни остаться назади, по ту сторону опушки; но я не зналъ, гдѣ мой дивизіонеръ, и что съ нимъ дѣлается. Я рѣшился добратся до него во что бы то ни стало. Разныя мысли, навѣяанныя уединеніемъ среди грандіозныхъ декорацій незнакомаго лѣса, быстро смѣняя одна другую, осаждали меня, пока я осторожно пробирался мимо деревьевъ и высокихъ кустовъ ежевики къ лѣвому флангу. На пути мнѣ попадались тѣла убитыхъ чеченцевъ, съ которыхъ драгуны снимали оружіе; на вопросъ мой: не знаютъ ли

они чего о дивизионерѣ — они отвѣчали отрицательно. Въ одномъ мѣстѣ лошадь моя насторожила уши и стала выказывать признаки безпокойства; я посмотрѣлъ туда, откуда ей, повидимому, угрожала опасность и увидѣлъ валявшуюся поперегъ дороги, между двухъ чудовищныхъ размѣровъ ясеней, убитую лошадь, только не драгунскую; сѣдло и уздечка были еще на ней. Въ угоду своему слабонервному четвероногому товарищу, я взялъ немного въ сторону. Послѣ утомительнаго переѣзда, состоявшаго изъ безпрестанныхъ поворотовъ мимо деревьевъ, кустарниковъ и высокихъ зарослей, въ которыхъ я пропадалъ совсѣмъ съ головой, я увидѣлъ наконецъ вдали неподвижную фигуру Дмитрія Матвѣевича, на его любимомъ сѣромъ конѣ, съ опущенною на грудь головою. Мнѣ представилось, что онъ раненъ, и при немъ никого нѣтъ. Мѣстность немного очистилась, и я принудилъ своего коня идти рысью. „Что съ вами“? окликнулъ я его еще за десять шаговъ. „Вы ранены“? Онъ держалъ въ поводу строевую драгунскую лошадь и на вопросъ мой не отвѣтилъ, а только головой указалъ на распростертую у его ногъ на землѣ длинную фигуру драгуна: то былъ старшій вахмистръ 1-го эскадрона. „Убить“? спросилъ я вполголоса. — „Нѣтъ, но смертельно раненъ пистолетной пулей въ лѣвый бокъ. Мы ѣхали рядомъ. Какимъ образомъ онъ отдѣлился отъ своего эскадрона, я не знаю. Вдругъ, вонъ изъ того куста — два выстрѣла: первая пуля ударилась въ дерево, а послѣ втораго выстрѣла онъ зашатался. Я его поддержалъ; трубачъ бросился къ кусту, но тамъ уже никого не было; онъ хотѣлъ обшарить и тѣ кусты, что подальше, но я его отозвалъ и отправилъ за людьми: надо же приподнять человѣка — онъ указалъ на вахмистра — и осторожно уложить на лошадь, чтобы хоть какъ нибудь довести до колонны“. „Но вы

здѣсь не въ безопасности, Дмитрій Матвѣевичъ; этими кустами такъ удобно подкрадываться; вы хоть бы спѣшились“, уговаривалъ я его.—„А чортъ ихъ возьми, пусть подкрадываются; я не за себя боюсь; меня безпокоитъ дивизионъ. Вы теперь откуда“? Я ему рассказалъ все. „На правомъ флангѣ не были“? какъ-то тревожно спросилъ онъ меня. Я сдѣлалъ отрицательный знакъ. „Ради Бога, поѣзжайте туда, посмотрите, что тамъ дѣлается, и какъ можно скорѣе возвращайтесь; вы меня найдете здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ; только будьте осторожныѣе. Я бы вамъ далъ трубача, да его нѣтъ до сихъ поръ“.

Мы разстались. Гдѣ рысью, гдѣ шагомъ, то дѣлая длинные объѣзды, то заставляя лошадь переступать черезъ срубленные деревья, я добрался кое-какъ до того мѣста, гдѣ оставилъ раненаго чеченца. Онъ сидѣлъ все у того же куста, прислонившись къ нему спиной, и въ правой рукѣ держалъ пистолетъ, которымъ угрожалъ двумъ драгунамъ, намѣревавшимся взять его въ плѣнъ. Я подѣхалъ и въ свою очередь протянулъ руку,—онъ и въ меня прицѣлился; но зная, что пистолетъ разряженъ, и что запасныхъ пистолетныхъ патроновъ горцы не носятъ при себѣ, я смѣло схватилъ его за конецъ дула. Драгуны вскрикнули. Чеченецъ взглянулъ на меня пристально, и, должно быть, узналъ, потому что по губамъ его пробѣжала полуулыбка; онъ бросилъ пистолетъ и хотѣлъ защищаться кинжаломъ; я лишилъ его и этого послѣдняго оружія, выбивъ его ударомъ шашки изъ ослабѣвшей руки. „Это мой плѣнникъ“, обратился я къ драгунамъ. „Вы мнѣ отвѣчаете за его жизнь“! Съ этими словами я ихъ оставилъ и продолжалъ свой путь въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ находиться правый флангъ. На этотъ разъ дорога была гораздо свободнѣе, и я по-

что все время могъ ѣхать рысью; пни и срубленные деревья попадались рѣже. Встрѣтился одинъ завалъ, но и тотъ никѣмъ не былъ занятъ, такъ какъ поле сраженія осталось за нами; въ окрестностяхъ завала валялись тѣла убитыхъ чеченцевъ; я насчиталъ ихъ семь; на всѣхъ было оружіе. Люди на правомъ флангѣ нашей цѣпи были не такъ разбросаны, какъ въ центрѣ ея и на лѣвомъ флангѣ. По собраннымъ наскоро свѣдѣніямъ, здѣсь было три драгуна убитыхъ, и убита одна строевая лошадь; раненыхъ—два драгуна и двѣ лошади. Эскадронный командиръ не зналъ, что случилось съ его старшимъ вахмистромъ. Когда я сказалъ ему, что онъ какими-то судьбами очутился на лѣвомъ флангѣ и лежитъ теперь опасно раненый, онъ очень опечалился. На обратномъ пути я старался держаться опушки лѣса, гдѣ проѣздъ былъ нѣсколько свободнѣе, и откуда можно было обозрѣвать почти всю линію расположенія нашихъ фланкеровъ. Я увидѣлъ то, чего, кажется, никто не видѣлъ: за нашимъ лѣвымъ флангомъ, въ просвѣтахъ между деревьямъ, мелькали значки; изъ нихъ я хорошо разсмотрѣлъ два бѣлыхъ; около значковъ собиралась непріятельская кавалерія. Дивизіонеръ ничего не зналъ объ этомъ, иначе въ цѣпи замѣтно было бы какое нибудь движеніе. Нужно было какъ можно скорѣе предупредить его объ опасности; но тутъ опять дорога сдѣлалась едва проходимою, или лучше сказать совсѣмъ прекратилась; на каждомъ шагу встрѣчались заросшіе дерезой пни—остатки старой просѣки; древесные стволы валялись и вдоль, и поперекъ, и наискось; ежевика вписывалась въ грудь и въ бока лошади, цѣплялась за гриву, за хвостъ, за полы моего сюртука. Покрытый репейникомъ, острыми шипами колючихъ растеній, въ изорванномъ платьи, съ окровавленными руками, предсталъ

я съ донесеніемъ предъ своимъ начальникомъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ моего возвращенія. „Дмитрій Матвѣевичъ, насъ хотятъ обойти съ лѣваго фланга“.— „Ну, что, какъ вы тамъ нашли“? Онъ осадилъ коня, всталъ на стремена, но за деревьями ничего не могъ разглядѣть. „Отсюда не видно“, сказалъ онъ; „я самъ поѣду туда, а вы скачите опять на правый флангъ и скажите эскадронному командиру, чтобы онъ не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что лѣвый флангъ совсѣмъ отступилъ отъ лѣса на поляну; середина цѣпи пусть теперь же начнетъ отступленіе, но только потихоньку, шагъ за шагомъ“.

Я повернулъ коня и выѣхалъ на прежнюю дорогу, гдѣ дерезы совсѣмъ не было, а ежевика отступила въ глубь лѣса. Дѣло въ томъ, что мы слишкомъ долго оставались въ цѣпи—и тѣмъ дали непріятелю придти въ себя, собраться съ духомъ. На этотъ разъ мнѣ удалось скоро исполнить порученіе, такъ какъ дороги были знакомы. Такимъ образомъ, наша длинная цѣпь начала описывать дугу, центромъ или неподвижной точкой которой служилъ правый флангъ. По мѣрѣ того, какъ драгуны отступали отъ опушки лѣса, они мало по малу смыкались, и передъ непріателемъ выросалъ развернутый фронтъ, видъ котораго значительно охладилъ его воинственные поползновенія. Неудача, должно быть, сильно раздражила чеченцевъ; дурное расположеніе ихъ духа выразилось цѣлымъ роемъ пуль, не перестававшихъ жужжать вдоль нашей линіи до тѣхъ поръ, пока вся наша цѣпь не выровнялась на полянѣ. Мы отступали шагомъ: этого, во первыхъ, требовала честь оружія, а вовторыхъ, у насъ были раненные, съ которыми скакать рысью было бы не похристіански. Колонна ожидала насъ на прежнемъ мѣстѣ, на большой русской до-

рогѣ. Подполковникъ Преображенскій встрѣтилъ дивизіонера вопросомъ: „какъ велика у васъ потеря“? — „Мы потеряли четырехъ человѣкъ убитыми, семь человѣкъ ранеными; изъ нихъ одинъ едва ли останется живъ. Потеря лошадьми еще незначительнѣе: двѣ убитыхъ, четыре раненыхъ“. „Вы дешево отдѣлались“, сказалъ колонный начальникъ: „я думалъ, что изъ васъ половина не вернется; я давно знаю гойтинскій лѣсъ“.

Трофеями нашими въ это утро были трое плѣнныхъ — всѣ раненые, двѣнадцать непріятельскихъ головъ, двѣ лошади и много оружія, которое не было приведено въ извѣстность. Въ числѣ плѣнныхъ не было того чеченца, котораго я ранилъ въ голову. Я спросилъ у драгунъ, на попеченіи которыхъ оставилъ его, и которыхъ зналъ и въ лицо, и по фамиліямъ, что они сдѣлали съ моимъ плѣннымъ. Они поклялись мнѣ, что, при отступленіи дивизіона, оставили его на томъ же мѣстѣ, возлѣ куста, такъ какъ онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы слѣдовать за ними, но что оружіе отъ него отобрали — шашку, кинжалъ и пистолетъ; винтовки не могли розыскать. Я имъ повѣрилъ. Я купилъ оружіе моего крестника (такъ зоветъ солдатъ раненаго или убитаго имъ непріятеля) за безцѣнокъ, такъ какъ драгуны и совсѣмъ не хотѣли брать отъ меня денегъ, считая этотъ трофей моею законною добычею.

Мы уже подходили къ Урусъ-Мартану, когда на большой русской дорогѣ, со стороны лагеря, показалась огромная масса кавалеріи съ цвѣтными значками; она довольно быстро подвигалась къ намъ на встрѣчу. То былъ самъ главнокомандующій, все время стоявшій на крѣпостномъ валу и наблюдавшій въ зрительную трубу за ходомъ нашего кавалерійскаго дѣла. Колонна остановилась, держа ружья у ноги. Подполковникъ Преображен-

скій выѣхалъ впередъ встрѣтить намѣстника. Выслушавъ донесеніе, Воронцовъ спросилъ колоннаго начальника съ непривычно строгимъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ—почему онъ не выдвинулъ въ резервъ къ драгунамъ казаковъ.

—Я боялся оскорбить этимъ драгунъ, отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, но совершенно искренно.

Отвѣтъ такъ понравился князю Воронцову, что онъ весело засмѣялся, и взявъ за руку колоннаго начальника, проговорилъ шутливымъ тономъ: „правда, правда, ихъ самолюбіе надо беречь“.

Маститый вождь, по обыкновенію, каждой отдѣльной части войскъ сказалъ привѣтствіе. Дошла очередь и до насъ. „Здравствуйте, драгуны, здравствуйте! Я не удивляюсь тому, что вы сдѣлали сегодня; пусть другіе удивляются, а я васъ давно знаю. Еще два-три такихъ урока — и чеченцы навсегда отучатся бросаться въ шашки, по крайней мѣрѣ при васъ. Я собственно за тѣмъ и выѣхалъ изъ лагеря, чтобы сказать вамъ это и поблагодарить васъ“. Онъ подаль руку дивизіонеру, потомъ ѣхавшему рядомъ съ нимъ адъютанту и всѣмъ остальнымъ офицерамъ. Когда дивизіонеръ доложилъ ему, что дивизіонъ понесетъ большую потерю въ лицѣ старшаго вахмистра 1-го эскадрона, примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ солдата, главнокомандующій отозвался: „что-жъ дѣлать! гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ“. Потомъ прибавилъ: „поздравляю его съ первымъ офицерскимъ чиномъ; это его утѣшитъ“. И онъ отправился на перевязочный пунктъ, куда мы уже успѣли сдѣлать своихъ раненыхъ, пожалъ вахмистру руку и поздравилъ его съ чиномъ прапорщика. Странное дѣло! это дѣйствительно утѣшило бѣднаго страдальца. Въ силу какого психологи-

ческаго закона, или, пожалуй, мыслительнаго процесса человѣку умирающему, совершенно одинокому, можетъ доставить утѣшеніе подобное отличію? На этотъ вопросъ могъ бы отвѣтить одинъ только вахмистръ, еслибы ему сдѣлали его.

Возвращаясь съ перевязочнаго пункта мимо нашего дивизіона, намѣстникъ вдругъ остановился. На лицѣ его выразилось ощущеніе, похожее на испугъ, недоумѣніе, на предчувствіе чего-то очень непріятнаго: онъ увидѣлъ у нѣкоторыхъ драгунъ привязанные къ переднимъ луткамъ круглые узлы въ окровавленныхъ платкахъ. „Что это?“ спросилъ онъ, зная напередъ, что ему отвѣтятъ. — „Головы, ваше сіятельство!“ „Что такое?“ — „Головы убитыхъ чеченцевъ“, пояснилъ ему дивизіонеръ. „О, зачѣмъ они берутъ эти головы!“ произнесъ онъ съ худо скрываемымъ отвращеніемъ и содроганіемъ. И онъ поспѣшилъ прочь отъ этихъ непривлекательныхъ трофеевъ. Онъ былъ правъ: трудно представить себѣ то потрясающее дѣйствіе, которое производитъ на душу видъ отдѣленной отъ туловища головы. Для того, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе объ этомъ странномъ впечатлѣніи, стоитъ взять въ руки отрубленную руку человѣка или даже одинъ палець. Нужно, дѣйствительно, принадлежать къ особой породѣ людей съ неуязвимыми нервами, чтобы завязать въ платокъ и притрочить къ сѣдлу голову подобнаго себѣ разумнаго существа, которое мыслило нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, возносилось душой къ Творцу и благородно сражалось за неприкосновенность своего очага.

Когда свита главнокомандующаго поровнялась съ нашимъ дивизіономъ, отъ нея отдѣлился одинъ штабъ-офицеръ генеральнаго штаба. То былъ нашъ колоновожатый отъ Умаханъ-Юрта до Воздвиженской, полковникъ

Веревкинъ. „А знаете что, майоръ Золотухинъ“? сказалъ онъ, остановивъ свою худенькую гнѣдую лошаденку рядомъ съ красивымъ сѣрымъ конемъ дивизіонера. „Вашъ адъютантъ былъ правъ, когда хотѣлъ, помните ли, въ Умаханъ-Юртѣ, вызвать меня на дуэль“. (У меня никогда ничего подобнаго въ головѣ не было и быть не могло). „Вѣдь драгуны и въ самомъ дѣлѣ не нуждаются ни въ чѣмъ прикрытіи“. Онъ помолчалъ. „Вы, можетъ быть, не подозреваете, какого рода отличіе оказали ваши драгуны сегодня; но объ этомъ послѣ; теперь мнѣ некогда“. Онъ дотронулся нагайкой до своей тощей лошаденки и великолѣпной иноходью нагналъ свиту намѣстника. „У него и конь такой же чудакъ, какъ и онъ самъ“, замѣтилъ дивизіонеръ; „выглядитъ такимъ щедушнымъ, мизернымъ, а стоитъ двухъ такихъ лошадей, какъ моя“.

По прибытіи колонны въ лагерь, мы застали у себя ординарца: дивизіонера требовалъ немедленно къ себѣ главнокомандующій, а мнѣ, тоже немедленно, вѣрно было явиться въ отрядную канцелярію. Тамъ я получилъ приказанія, за исполненіе которыхъ тотчасъ же и принялся. Тамъ же я узналъ, что послѣ нашего выступленія изъ лагеря на фуражировку, у главнокомандующаго были лазутчики; какого рода были принесенныя ими извѣстія—никто не зналъ. Замѣтили только, что князь Воронцовъ былъ взволнованъ, что онъ нѣсколько разъ справлялся—не показалась ли наша колонна на большой русской дорогѣ, и когда получилъ наконецъ утвердительный отвѣтъ, то взошелъ съ зрительной трубой на крѣпостной валъ и съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило между дорогой и опушкой лѣса. Въ то же время два баталіона пѣхоты и вся остальная кавалерія получили приказаніе быть въ полной готовности къ выступленію изъ лагеря

по тревогѣ. Тогда же услышали изъ устъ главнокомандующаго и о намѣреніяхъ непріятеля: предполагалось, при обратномъ движеніи колонны черезъ Черную поляну, сдѣлать нападеніе на лѣвую цѣпь, съ цѣлью заманить всю кавалерію въ гойтинскій лѣсъ, гдѣ устроена была засада изъ четырехъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и около двухъ тысячъ кавалеріи. Этимъ и объясняется смыслъ загадочныхъ словъ Веревкина: „вы не подозреваете, какого рода отличіе оказали драгуны“. Передъ вечеромъ хоронили убитыхъ и съ ними бѣднаго вахмистра, который умеръ, не дождавшись солнечнаго заката, но по крайней мѣрѣ въ офицерскомъ званіи—и это было для него большимъ утѣшеніемъ. „Мнѣ очень жаль его“, сказалъ дивизіонеръ, когда его опустили въ землю—и провелъ рукой по лбу, точно хотѣлъ стереть съ него тѣнь, наброшенную печальной церемоніей.

Вечеромъ къ моей палаткѣ привели трехъ лазутчиковъ. Двое были въ бѣлыхъ черкескахъ и свѣтлосѣрыхъ ноговицахъ; третій, довольно почтенныхъ лѣтъ, съ сильною просѣдью въ бородѣ, съ черными задумчивыми глазами, одѣтъ былъ въ черную черкеску, черный бешметъ, черныя ноговицы. Оружія при нихъ не было; оно отбиралось на аванпостахъ. Съ ними былъ переводчикъ—природный чеченецъ, среднихъ лѣтъ, маленькаго роста, рыжій, невзрачный, но умный и веселый, бойко говорившій порусски. Этотъ переводчикъ состоялъ при куринскомъ полку въ качествѣ волонтера, принималъ участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ отряда, т. е. бывалъ на позиціяхъ, но по своимъ никогда не стрѣлялъ, плясалъ подъ выстрѣлами лезгинку, былъ любимъ солдатами за свой добродушный, веселый характеръ и лично извѣстенъ главнокомандующему, который часто дѣлалъ ему подарки. „Чего хотятъ отъ меня эти люди“? спро-

силъ я переводчика.—„Они хотятъ узнать, какую цѣну вы изволите назначить за чеченскія головы, которыя взяты вашими драгунами“.

Еще сегодня утромъ, послѣ замѣчанія главнокомандующаго, когда мы возвращались въ лагерь, между нами рѣшено было возвратить чеченцамъ головы безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Къ чести эскадронныхъ командировъ и офицеровъ всего дивизіона, рѣшеніе это было единодушное. Я просилъ переводчика передать парламентамъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившимъ за выраженіемъ моего лица, что драгуны никогда ничего не берутъ за непріятельскія головы, и если возятъ ихъ съ собой, то для того, чтобъ показать, что они близко сходились съ непріателемъ. Переводчикъ передалъ мой отвѣтъ, но чеченцы не совсѣмъ поняли его, такъ что онъ долженъ былъ повторить мои слова, иллюстрируя ихъ выразительными жестами, какъ будто имѣлъ дѣло съ глухонѣмыми. Старшій изъ нихъ, тотъ, который былъ весь въ черномъ, протянулъ мнѣ свою смуглую руку и съ нѣкоторою торжественностью въ голосѣ и во всей фигурѣ проговорилъ: „наши чеченцы сегодня узнали, что казакъ-солдатъ храбрый человѣкъ, и они его уважаютъ; теперь мы пойдемъ, скажемъ, что казакъ-солдатъ добрый человѣкъ—и они будутъ любить его“. Чеченцы наклоненіемъ головы одобрили слова своего старшаго товарища. Головы были собраны дежурными по эскадронамъ и доставлены къ моей палаткѣ; чеченцы бережно уложили ихъ въ свои глубокіе башлыки. Только одну, еще очень молодую, чеченецъ въ черной черкескѣ разсматривалъ нѣсколько секундъ съ волненіемъ, котораго никакъ не могъ скрыть. Мнѣ показалось, что его черные глаза нѣсколько помутились. Онъ глубоко вздохнулъ и положилъ голову въ свою па-

паху такъ осторожно, какъ будто боялся причинить ей боль.

Вопросъ о головахъ былъ конченъ къ великому облегченію моему и моихъ странныхъ посѣтителей. Оставался еще одинъ вопросъ, интересовавшій лично меня. Я вынесъ изъ палатки оружіе, отобранное драгунами у раненаго мной чеченца и, передавая его лазутчикамъ, спросилъ—не знаютъ ли они того человѣка, которому оно принадлежало. Одинъ изъ нихъ узналъ и отвѣтилъ мнѣ, возвращая оружіе, что черезъ двѣ недѣли онъ будетъ совершенно здоровъ. Я нисколько не удивился заявленію чеченца, такъ какъ зналъ, что въ горахъ очень скоро и безъ послѣдствій излечивались самыя страшныя раны. Я видѣлъ одного изъ наибовъ большой Чечни, молодаго Эски, раненаго въ голову русскою картечью. Сами чеченцы считали положеніе его безнадежнымъ, но черезъ два мѣсяца онъ былъ совершенно здоровъ и только носилъ на черепѣ, на прострѣленномъ мѣстѣ, серебряную, изящно сдѣланную накладку.

Я разстался съ моими гостями. Въ девятомъ часу раздался заревой выстрѣлъ, и граната, описавъ въ темномъ небѣ красивую параболу, лопнула гдѣ-то вдали, на опушкѣ лѣса. Заиграли вечернюю зарю, и прежде нежели замерли въ тепломъ воздухѣ послѣдніе звуки молитвы „коль славенъ“—я спалъ какъ убитый.

Мнѣ нравится это выраженіе: убитый спитъ такъ крѣпко, что ни о чемъ не думаетъ. Не думалъ также и я, когда спалъ, что проснусь на другой день настоящимъ офицеромъ. Главнокомандующій оставилъ всѣмъ драгунскимъ офицерамъ что нибудь на память своего пребыванія въ чеченскомъ отрядѣ: кому чинъ, кому орденъ. Не забытъ былъ и старый вахмистръ, который не нуждался болѣе въ повышеніяхъ, потому что отпирался въ страну абсолютнаго равенства.

5-го августа главнокомандующій выѣхалъ изъ отряда въ Ачхоевское укрѣпленіе. Колонна, назначенная сопровождать его, состояла изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, трехъ сотенъ иррегулярной кавалеріи и дивизіона драгунъ, при двѣнадцати орудіяхъ и двухъ ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ временно командовавшаго отрядомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго. На Валерикѣ къ ней вышла на встрѣчу и на смѣну колонна полковника Слѣпцова. Главнокомандующій простился съ нами, просилъ не забывать его и напоминать о себѣ новыми отличіями, извѣстія о которыхъ онъ будетъ читать съ особеннымъ удовольствіемъ. Скоро колонны разошлись въ противоположныя стороны.

Все было тихо въ Чечнѣ въ этотъ день. Можно было думать, что покореніе ея кончилось; что жители, довольные наступившимъ миромъ, разошлись по своимъ садамъ собирать дозрѣвавшіе плоды. Даже коварная, негостепріимная Гехи и грозный Валерикъ выглядѣли такими невинными рѣчками, точно текли по цвѣтущимъ лугамъ счастливой Малороссіи. О крупныхъ военныхъ происшествіяхъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи ничего пока не слышно. Вниманіе непріятеля сосредоточено было на дѣйствіяхъ нашего отряда въ малой Чечнѣ; за то, о мелкихъ, иногда черезъ день, черезъ два, иногда нѣсколько дней сряду продолжали поступать донесенія.

Передъ вечеромъ, тотчасъ послѣ заката выстрѣла, въ одномъ углу драгунскаго лагеря, на западной его оконечности, можно было замѣтить нѣкоторое движеніе. Въ нѣсколько минутъ на землѣ разостланы были бурки, ковры, паласы; на нихъ размѣстились собравшіеся сюда свои и нѣсколько постороннихъ офицеровъ; ожидали еще и другихъ приглашенныхъ и въ числѣ ихъ на-

чальника штаба и подполковника Преображенскаго. Въ этотъ вечеръ должна была происходить церемонія, безъ которой вновь пожалованные чины и ордена считались дѣйствительными только наполовину, т. е. въ глазахъ начальства и подчиненныхъ. Въ этотъ же вечеръ драгуны заодно собирались отпраздновать свое вступленіе въ отрядъ въ качествѣ дѣйствительныхъ его членовъ, вступленіе, которое они запечатлѣли кровью: до 4-го августа они были номинальными, почетными членами.

Мы расположились широкимъ, правильнымъ полукругомъ. Въ серединѣ поставленъ былъ огромный таганъ съ объемистой на немъ кострюлей, возвышавшійся наподобіе жертвенника. Дѣлались приготовленія къ жжонкѣ. Въ кострюлю было влито нѣсколько бутылокъ рома, который тотчасъ же зажгли. На четырехъ шомполахъ, положенныхъ накрестъ поверхъ кострюли и дѣлавшихъ отверстіе ея похожимъ на огромный компасъ, разложены были, безъ всякой симметріи, большіе и малые куски сахара; голубое пламя пылавшаго рома охватывало ихъ со всѣхъ сторонъ, и тамъ, гдѣ они пригорали, на голубомъ фонѣ пламени вспыхивали бѣловатые огоньки, въ родѣ огней св. Эльма. Капли растопленнаго сахара падали на дно кострюли съ отрывистымъ, сердитымъ шипѣньемъ. Всѣ были въ томъ лѣнивомъ, полусознательномъ настроеніи, которое является слѣдствіемъ сильно возбужденнаго состоянія и физической усталости; это — нѣга, которой отдается человѣкъ не съ увлеченіемъ, а просто потому, что не можетъ противиться ей. Не мало содѣйствовала мечтательному настроенію нѣкоторыхъ членовъ нашего молчаливаго кружка и обстановка: тихій лѣтній вечеръ, звѣзды, начинавшія загораться въ потемнѣвшемъ небѣ, ряды палатокъ, сквозь холщевыя стѣны которыхъ тускло просвѣчивали огонь-

ки, костры, пылавшіе въ дальнихъ кварталахъ лагеря, постепенное замираніе дневнаго шума, успокоительно дѣйствующее на нервы, и наконецъ самая эта боевая жизнь, въ которой каждый день приносить съ собою неожиданности: сегодня мѣсто возлѣ васъ занято веселымъ и умнымъ собесѣдникомъ, завтра оно можетъ оказаться пустымъ. Послѣдній блѣдно-бирюзовый слѣдъ заріи исчезъ въ той сторонѣ, куда мы ходили провожать стараго сардаря: небо еще немножко потемнѣло. Разошлись и провалились послѣдніе куски сахара, шомпола сняты; жжонка почти готова: пора заливать огонь шампанскимъ.

Но вотъ, кто-то мчится къ нашему лагерю. Уже нѣсколько секундъ слышится конскій топотъ съ той стороны, гдѣ стоитъ шатеръ отряднаго начальника. Этотъ топотъ вывелъ изъ апатіи самыхъ неподвижныхъ; онъ все ближе и ближе и наконецъ замеръ у самой коновязи. Въ темнотѣ ночи обрисовался силуэтъ всадника; то былъ линейный казакъ. „Командиръ драгунскаго дивизіона!“ окликнулъ онъ громко и торопливо.— „Что надо?“ слышалось въ отвѣтъ, и всѣ мы въ одно мгновеніе были на ногахъ. „Велѣно сію минутѣ отвести лошадей внизъ, къ отрядному обозу“. Казакъ ускакалъ. Потребовали дежурныхъ, дежурные дневальныхъ; изъ палатокъ выбѣгали полураздѣтые драгуны; началось движеніе, шумъ, бѣготня, топотъ; лошади фыркали, жались, становились на дыбы, нѣкоторыя упирались, другія пытались вырваться; ихъ проводили мимо насъ скоро, почти рысью, такъ скоро, что черезъ нѣсколько минутъ коновязь опустѣла; примѣру драгунъ послѣдовали и остальные части войскъ передняго фаса. Никто не зналъ, въ чемъ дѣло. Но непріятель очень скоро разрѣшилъ наше недоумѣніе: напротивъ нашего фаса, въ

опушкѣ лѣса, вспыхнула молнія и на одинъ мигъ освѣтила сосѣднія деревья, грозно выступившія изъ мрака; въ опустѣвшую коновязь упала граната; секунды не пролежала она, какъ ее разорвало, и осколки ея просвищѣли надъ нашими головами. Эхо протяжнымъ гуломъ повторило выстрѣлъ, и за нимъ тотчасъ же подхватило взрывъ. Не успѣла наша артилерія отвѣтить на первый выстрѣлъ, какъ снова освѣтилась опушка лѣса, снова показались и скрылись деревья, и въ той же коновязи, почти на томъ же мѣстѣ, въ землю ударилося ядро, сдѣлало рикошетъ и опять прошипѣло надъ нашими головами. По одному, по два орудія, пробиравась въ темнотѣ ночи наша артилерія къ переднему фасу, такъ что на третій, а за нимъ и на всѣ послѣдующіе выстрѣлы отвѣчала тремя и четырьмя на каждый. Съ полчаса ревѣла канонада, и эхо вторило ей своимъ дикимъ завываніемъ. Въ эти полчаса непріятель сдѣлалъ не болѣе двадцати выстрѣловъ и замолчалъ; замолчала и наша артилерія. Такъ прошло минутъ десять. Вызванные ночной тревогой въ ружье, люди стали расходиться по палаткамъ. Артилерія все еще медлила; наконецъ, и она взяла въ передки и загромѣла колесами, направляясь къ своимъ батареямъ. Черезъ нѣсколько времени и драгуны стали проводить лошадей обратно къ коновязямъ.

И нашъ кружокъ, разсѣянный тревогой, мало по малу началъ опять собираться. Въ составѣ его, благодаря Бога, не произошло никакой перемѣны, хотя всѣ выстрѣлы направлены были противъ коновязей, за которыми онъ расположился. Посторонніе офицеры разошлись по своимъ баталіонамъ и батареямъ послѣ первыхъ выстрѣловъ; свои же не трогались съ мѣста подлѣ жертвенника съ начала до конца канонады. Осколки гранатъ, а иногда

и самыя гранаты и ядра, пролетали надъ нашими головами и ложились недалеко позади насъ. Непріятель, не подозрѣвавшій, что лошади драгунскія сведены съ коновязей, и наводившій свои орудія еще засвѣтло, не измѣнялъ ни направленія выстрѣловъ, ни угловъ возвышенія, и снаряды его пропали даромъ. Никто не пострадалъ въ эту ночь.

На другой день я принесъ изъ отряднаго штаба новость, отъ которой взыгрались всѣ сердца, и въ особенности нашего дивизионера, а именно: неприятель день ото дня увеличиваетъ свои сборы; всѣ наибы большой Чечни, даже самыхъ дальнихъ ся округовъ—мичиковскаго и ичкеринскаго, прибыли съ своими партіями и артилеріей; начальство надъ ними Шамиль ввѣрилъ гумбетовскому наibu Абакаръ-Дибиру, самому преданному изъ его сподвижниковъ послѣ Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы, и едва ли не самому способному послѣ нихъ. Абакаръ привелъ съ собой довольно значительное скопище тавлинцевъ и два орудія въ дополненіе къ имѣвшимъ уже въ Чечнѣ; съ Абакаръ-Дибиромъ прибылъ и другой тавлинскій наибъ, Магометъ-Аминъ, изъ Харадерекскаго округа, расположеннаго между андійскимъ и Кара-Кайсу. Этого послѣдняго наiba не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ Магометъ-Аминомъ, военнымъ диктаторомъ закубанскихъ горцевъ. Присутствіе Магометъ-Амина мы узнавали всегда по двумъ бѣлымъ значкамъ.

Изъ арсенала великаго имама доставленъ былъ въ Чечню большой запасъ снарядовъ. Въ инструкціи, данной Шамилемъ Абакару, строго предписывалось: „не оставлять русскаго отряда въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ позиціи на Урусъ-Мартанѣ; тревожить его день и ночь, затруднять всѣ его движенія

постоянными нападеніями и перестрѣлками, дѣйствовать по лагерю артилерійскимъ огнемъ, портить переправы, не допускать подвоза провіанта, а въ особенности не позволять опустошать поля чеченцевъ фуражировками“. Абакаръ-Дибиръ долженъ былъ, отъ имени Шамиля, напомнить наибамъ воззваніе его, къ нимъ въ началѣ прошлаго 1847-го года, которое оставалось въ силѣ и на нынѣшній, и на всѣ послѣдующіе годы до тѣхъ поръ, пока въ Чечнѣ останется хоть одинъ человѣкъ, способный носить оружіе. Дословный переводъ этого воззванія слѣдующій:

«Отъ повелителя мусульманскихъ народовъ Шамиля всѣмъ наибамъ, большой и малой Чечни.

«Желаю вамъ вѣчный миръ съ Богомъ Всемогущимъ и, послѣ этого душевнаго привѣтствія, строго повелѣваю: не имѣть не только намѣренія, но даже и помышленія покоряться русскимъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать небесная твердь. Мы взяли на себя обязанность—съ мечемъ въ рукахъ подвизаться противъ невѣрныхъ и должны свято исполнять это до конца нашей жизни. Я самъ скоро прибуду къ вамъ въ Чечню съ войсками и моей артилеріей. Я требую отъ набовъ народа точнаго исполненія моихъ приказаній, и каждый пусть помнитъ, что за нарушеніе моей воли никакое раскаяніе не спасетъ виновнаго. Ничтожный рабъ божій Шамиль».

Когда прибыли въ малую Чечню наибы большой Чечни и Дагестана, Абакаръ созвалъ военный совѣтъ. На немъ присутствовали и всѣ наибы малой Чечни, кромѣ Сабдуллы, гехинскаго наива, и Талгика изъ большой Чечни: они считали себя обойденными назначеніемъ Абакара. Но они не понимали политическихъ комбинацій своего недовѣрчиваго повелителя и полагали, что онъ ставитъ способности Абакаръ-Дибиря выше ихъ испытаннаго мужества, преданности, знанія мѣст-

ности, обычаевъ. и нравовъ своего народа. Шамиль, напротивъ, высоко цѣнилъ заслуги и дарованія Талтика, ставилъ въ примѣръ другимъ наибамъ энергію и распорядительность Сабдуллы, особенно въ послѣднюю зимнюю экспедицію; но тотъ и другой были природные чеченцы — а чеченцы не внушали имаму большаго довѣрія къ себѣ. Чеченцы видѣли насквозь Шамиля; онъ это зналъ и боялся ихъ проницательности. Они подсмѣивались про себя надъ его фанатическими прокламаціями; они никогда не заблуждались даже и до своего возстанія насчетъ истинныхъ предѣловъ его могущества, и надежду остановить успѣхи русскаго оружія считали неосуществимостью. Если же они оказывали намъ сопротивленіе, то единственно изъ мести за прошлыя обиды, изъ гордости, изъ опасенія насильственного обращенія въ христіанство и рекрутской повинности; они ненавидѣли русскихъ, но и не особенно благоговѣли предъ имамомъ. Шамиль боялся ихъ критики, но еще болѣе страшился ихъ политической неустойчивости.

На военномъ совѣтѣ, созванномъ Абакаръ-Дибиромъ, положено было, для начала, испортить всѣ переправы на рѣкахъ малой Чечни, отъ Воздвиженской до Ачхой, въ особенности на Гойтѣ, пересекающей путь отъ продовольственнаго базиса къ операціонному, гдѣ непременно вскапывать спуски всякій разъ послѣ ихъ разработки русскими, отвести воду изъ рѣки Мартана и ея притока Рошни, и держать въ постоянной готовности въ окрестностяхъ Черной поляны не менѣе трехъ орудій.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, вездѣ было тихо. Въ то время, какъ солдаты, въ походной формѣ, съ обнаженными головами, толпились вокругъ церковнаго намета, въ которомъ совершалось богослуженіе, по опушкамъ лѣсовъ, на безопасномъ отъ лагеря разстоя-

ни, мимо передняго, т. е. южнаго его фаса, тянулись по направлению къ Гехи и Валерику большія партіи пѣшихъ и конныхъ тавлинцевъ и чеченцевъ съ р. Мичика, изъ Ауха и Ичкеріи—чѣмъ подтверждались извѣстія, сообщенныя нѣсколько разъ лазутчиками, о постоянномъ прибытіи въ малую Чечню все новыхъ непріятельскихъ сборищъ. Совершенно обратное происходило у насъ въ отрядѣ: вмѣсто того, чтобы, по мѣрѣ увеличенія непріятельскихъ сборовъ, увеличить и численный составъ нашего отряда, изъ него выбыло нѣсколько сотенъ казаковъ: одна горскаго полка еще 5-го августа, когда проводжали главнокомандующаго, и три 7-го августа, также сборная кизлярскаго полка и по одной сотнѣ кубанскихъ и дунайскихъ казаковъ. Этимъ распоряженіемъ о сокращеніи численнаго состава иррегулярной кавалеріи начальникъ лѣваго фланга какъ бы открыто признавалъ неосновательность своихъ прежнихъ предубѣжденій противъ нижегородскаго драгунскаго полка. Въ началѣ онъ смотрѣлъ на присутствіе драгунъ въ отрядѣ, какъ на предметъ роскоши; но къ роскоши человѣкъ слишкомъ скоро привыкаетъ, она перестаетъ быть роскошью и становится предметомъ необходимости: драгуны стали необходимы чеченскому отряду. Теперь всей кавалеріи оставалось въ немъ налицо: два эскадрона драгунъ и двѣ сборныхъ сотни линейнаго казачьяго войска. Последнія назначались для аванпостной и конвойной службы. Начальство надъ всей этой фалангой кавалеріи ввѣрено было нашему дивизионеру.

К.

(Продолженіе будетъ).

ЛѢВЫЙ ФЛАНГЪ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ ВЪ 1848 ГОДУ.

(Окончаніе *).

Мы безъ воды. Опять на Гойтѣ. Доводы маленькаго бойкаго старичка. Уррра!! Нарочный. Экскурсія за Гехи. Провидѣніе. Появленіе наиба въ нашемъ лагерьѣ. Исчезновеніе эскадрона. Одинъ изъ самыхъ страшныхъ дней въ жизни автора этихъ записокъ. Непріятельскій секретъ. Тревога въ лагерьѣ днемъ. 14-е

августа. Вогъ она! Вечеръ 14-го августа. Богомъ хранимое войско.

Въ ночь на 8-е августа, рѣка, на берегахъ которой мы расположились лагеремъ, измѣнила намъ и куда-то скрылась, оставивъ вмѣсто себя только обрывистые берега, да свое каменистое ложе. Когда лазутчики предупреждали насъ, что наибы собираются отвести воду, мы не хотѣли вѣрить имъ. Мы знали о натянутыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между нѣкоторыми изъ нихъ по поводу назначенія Абакаръ-Дибира начальникомъ надъ всѣми ими и другихъ пристрастныхъ распоряженій имама, и надѣялись въ мутной водѣ рыбу ловить. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, ни мутной, ни свѣтлой воды въ рѣкѣ не оказалось! Думали ли мы, что у наибовъ достанетъ энергіи,

*) См. «Кавказскій Сборникъ» т. X.

изодня въ день, и даже по ночамъ, трудиться надъ приведеніемъ въ исполненіе строгихъ инструкцій, переданныхъ имъ устами Абакара. Теперь мы, въ ущербъ своему спокойствію и комфорту, убѣдились, что послушные рабы ничтожнаго раба Божія Шамиля буквально понимали предписаніе своего повелителя—во что бы ни стало заставить насъ сняться съ позиціи; по крайней мѣрѣ они дѣлали видъ передъ чеченцами, что такъ именно понимаютъ его. Наибы были правы: безъ воды недолго простоятъ отрядъ на позиціи. Изъ ближайшей къ намъ рѣки Рошни, лѣваго притока Мартана, также была отведена вода. У насъ еще оставалось немного воды въ углубленіяхъ каменистаго ложа рѣки, но этого количества едва было достаточно на одни сутки. Начинали уже поговаривать въ отрядѣ о вѣроятности перенесенія лагеря на другую рѣку; но и тамъ отведутъ воду,—и куда бы мы не переносили наши палатки, вездѣ будемъ встрѣчать сухіе овраги вмѣсто рѣкъ, не говоря уже о томъ, что бросить позицію равнялось бы пораженію и сдѣлало бы подрывъ достоинству нашего оружія. А матеріальныя потери? Слѣдовало и ихъ принять во вниманіе: все сдѣланное на Мартанѣ пришлось бы потомъ дѣлать съизнова; всѣ запасы пришлось бы уничтожить, чтобы они не могли достаться непріятелю; брустверъ, выведенный до надлежащей высоты, пришлось бы срыть до основанія, и наконецъ, для подъема тяжестей требовалось прибавочный транспортъ изъ кр. Воздвиженской. Короче, нельзя было оставаться отряду на Мартанѣ, и нельзя было оставлять Урусъ-Мартанъ безъ отряда. Солдаты бранили Шамиля, особенно тѣ изъ нихъ, которые, по цѣлымъ днямъ, отъ зари до зари, почти не отрываясь, сидѣли надъ рѣкой и вѣчно что нибудь да стирали; но брань дѣлу не помогала: воды не было, и ее нужно было достать. Отдано было приказаніе рыть колодезь. Саперы усердно принялись

за работу; не менѣе усердно помогали имъ другіе солдаты. Чуть ли не каждый часъ начальникъ отряда присылалъ своего ординарца справляться—не показалась ли вода, и всякій разъ ординарецъ возвращался къ нему съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ, что воды нѣтъ. Нѣкоторые изъ просторачихъ начинали уже терять надежду; но саперы не унывали. Однако и ихъ взяло раздумье, когда къ вечеру, на довольно значительной глубинѣ, все еще не могли замѣтить ни малѣйшихъ признаковъ сырости ни на днѣ, ни на стѣнкахъ колодца. Такъ прошелъ весь день 8-го августа какъ для сильныхъ міра сего, такъ и для меньшей братіи. Никто не былъ такъ озабоченъ въ этотъ день, какъ начальникъ отряда: если воды не будетъ, ему придется разрѣшать неразрѣшимую задачу.

Того же 8-го августа утромъ мы провожали до рѣки Гойты транспортъ, отправлявшійся въ кр. Воздвиженскую; его должна была принять отъ насъ колонна, высланная изъ Воздвиженской. Мы выступили изъ лагеря, по обыкновенію, въ девятомъ часу. Колоннымъ начальникомъ въ этотъ день былъ куринскаго полка подполковникъ Серебряковъ. Это былъ маленькій, бойкій, живой старичекъ, отдававшій приказанія скороговоркой, самъ слѣдившій за точнымъ ихъ исполненіемъ, самъ назначавшій мѣста для каждой части войскъ, самъ разставлявшій цѣпи и резервы, всюду послѣвавшій почти въ одно время, гдѣ считалъ свое присутствіе необходимымъ. А нельзя между прочимъ не сказать, что онъ считалъ его вездѣ необходимымъ. Это былъ умный, веселый человекъ, безстрашно смотрѣвшій въ глаза смерти, не терявшій присутствія духа ни въ какія минуты, даже въ самыя критическія. Лошадка подъ нимъ была такая же бойкая, такая же маленькая, какъ и онъ самъ. Какъ онъ управлялъ ею—это осталось загадкой; онъ, кажется, совсѣмъ не

управлялъ ею: она сама понимала его мысли и намѣренія, и если онъ держалъ нагайку въ рукѣ, то держалъ ее, какъ держать фельдмаршалы свой жезлъ на портретахъ; она служила ему только для того, чтобы указывать каждому его мѣсто въ колоннѣ или въ цѣпи. Если онъ забывалъ отдать какое нибудь приказаніе, то восклицалъ тоненькимъ голоскомъ: „ахъ, мой Творецъ“!—и тотчасъ же отдавалъ его и тропотилъ рысцой въ ту сторону, гдѣ оно должно приводиться въ исполненіе, и опять возвращался въ колонну, и озирался во всѣ стороны, ища новой пищи для своей неугомонной дѣятельности.

Два раза мы уже были на Гойтѣ, и оба раза насъ не тревожили, по крайней мѣрѣ на самой рѣкѣ; теперь мы шли туда въ третій разъ. Мы были еще далеко отъ Гойты, когда изъ за обрыва лѣваго берега стали высовываться головы въ папахѣхъ, потомъ туловища и, наконецъ, во весь ростъ человѣческія фигуры: то были пѣшіе горцы—но тавлинцы или чеченцы? Только вблизи можно было бы разобратъ, потому что тавлинцы не носятъ шапки, безъ которой чеченцы никуда не выходятъ. Партія была довольно значительная; она потянулась вверхъ по рѣкѣ, прямо къ лѣсу. Программа Абакаръ-Дибера дѣйствовала безостановочно: вода въ рѣкѣ была отведена, спуски на переправахъ срыты. Колонна изъ Воздвиженской еще не показывалась, когда мы подошли къ Гойтѣ. Рабочіе съ шанцевымъ инструментомъ принялись разрабатывать спуски, а мы расположились на берегу отдыхать, но не отдохнули и минуты, какъ орудійный выстрѣлъ изъ опушки лѣса, съ лѣвой стороны, считая отъ Воздвиженской, заставилъ насъ быстро вскочить на ноги и сѣсть на лошадей. Нашъ дивизіонеръ думалъ вести насъ въ атаку на непріятельскую батарею, но маленькій, разсудительный старичекъ объяснилъ, что еслибы онъ и разрѣшилъ дра-

гунамъ сдѣлать демонстрацію противъ непріятельской артилеріи, то имъ все это разстояніе отъ переправы до опушки лѣса пришлось бы пройти шагомъ—до такой степени просѣка заросла бурьяномъ высокимъ и частымъ; что непріятель встрѣтилъ бы насъ сперва дальнею, потомъ ближнею картечью и все-таки успѣлъ бы увезти и спрятать орудіе; что еслибы онъ и далъ намъ отступить отъ лѣса—въ чемъ старичекъ сомнѣвался, то провожалъ бы насъ опять картечью, а канонада по колоннѣ своимъ порядкомъ бы продолжалась; что непріятель по флангамъ своихъ батарей, вмѣсто прикрытія, устраиваетъ завалы; что между драгунами и чеченцами завязался бы ужасный, кровопролитный бой, и колонна должна была бы вся принять участіе въ этомъ бою—и одному Богу извѣстно, чѣмъ бы это все могло разыгратъ. Колонна изъ Воздвиженской конечно поспѣшила бы къ намъ на помощь, но спуски на переправѣ скрыты, при разработкѣ ихъ она могла бы погибнуть, можетъ быть, не вся, но уцѣлѣвшая ея часть все-таки не дошла бы до насъ, потому что была бы истреблена въ бурьянахъ между лѣсомъ и переправой. Отрядъ съ Урусъ-Мартана не могъ бы придти къ намъ на помощь, еслибы даже какимъ нибудь чудомъ и узналъ о нашемъ трудномъ положеніи: для этого ему пришлось бы бросить позицію на Урусъ-Мартанѣ—чего собственно и добивался Абакаръ и его подчиненные. Живой и разсудительный старичекъ такъ живо и разсудительно представилъ намъ положеніе вещей, что намъ оставалось только удивляться нашей собственной неразсудительности и наивности.

Непріятель открылъ огонь изъ пяти орудій; мы могли отвѣчать ему только изъ четырехъ, такъ какъ при колоннѣ больше не было. Нѣкоторые снаряды падали къ ногамъ рабочихъ или пролетали надъ ихъ головами, но они были заняты и мало обращали вниманія на нихъ. Од

нимъ ядромъ подбитъ былъ нашъ зарядный ящикъ, одно ядро пролетѣло между шеренгами нашего дивизіона. Къ счастью, промежутокъ былъ такъ великъ, что оно не причинило никому вреда; драгуны почувствовали только струю вѣтра, пронесшуюся вслѣдъ за снарядомъ мимо нихъ. Полчаса продолжалась канонада, а колонны изъ Воздвиженской все еще не было видно. Наконецъ, на дорогѣ показалось облако пыли; быстро уменьшалось разстояніе между нимъ и Гойтой; явственнѣе стала выдѣляться изъ него бѣловатая масса, испещренная темными крапинами и продольными и поперечными криволинейными пятнами. Колонна изъ Воздвиженской шла форсированнымъ маршемъ, а заслышавъ канонаду, еще прибавила шагъ. Подъ утренними лучами солнца длинными стальными иглами засверкали ружейные стволы; выступило на бѣловатомъ фонѣ нѣсколько всадниковъ, обозначились ряды съ ихъ неровными, волнообразными промежутками. Быстро приближалась колонна, и чѣмъ ближе къ Гойтѣ, тѣмъ быстрѣе шла она и наконецъ остановилась. Не успѣли еще растянувшіеся ряды ея сомкнуться и занять свои мѣста, а уже четыре орудія ея выдвинулись изъ за фланговъ. Это былъ дивизіонъ легкой № 5-го батареи, которою командовалъ храбрый подполковникъ Яновъ. Не слишкомъ заботясь о выборѣ мѣста для своей позиціи, орудія выстроились въ рядъ впереди фронта и открыли по непріятелю бѣглый огонь. Два непріятельскихъ орудія повернули противъ этого новаго противника, а изъ трехъ продолжали перебрасываться гранатами и ядрами съ нашей артилеріей.

Трехчасовое пребываніе нашей колонны на Гойтѣ, подъ выстрѣлами сначала пяти, а потомъ трехъ орудій, дало въ результатъ всего нѣсколько оторванныхъ членовъ, убитую лошадь, подбитый зарядный ящикъ—тогда какъ еслибы чеченцы, оставаясь вѣрными традиціямъ своихъ

славныхъ предковъ, какъ упоминается о томъ въ одной изъ прокламацій Шамиля, отказались отъ невѣрныхъ выстрѣловъ своей неопытной и неисправной артилеріи, подкрались бурьянами къ нашей колоннѣ и дали по ней залпъ изъ двухъ тысячъ винтовокъ, бывшихъ въ этотъ день въ сборѣ, мы бы отступили отъ Гойты съ вытянутыми лицами. Вообще замѣчено, что съ тѣхъ поръ, какъ Шамиль и его сподвижники стали навязывать своимъ нестройнымъ скопищамъ роль благоустроенной арміи, потери нашихъ отрядовъ значительно уменьшились.

Какъ только разработка спусковъ была окончена, и транспортъ сданъ—колонны разошлись; воздвиженскую чеченцы провожали изъ двухъ, а нашу изъ трехъ орудій. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Черная поляна становится шире, и разстояніе отъ опушки гойтискаго лѣса и до большой русской дороги настолько увеличивается, что снаряды не долетаютъ до колонны—преслѣдованіе прекратилось. Вечеромъ, въ отвѣтъ на заревую пушку, непріятель открылъ по лагерю канонаду: изъ трехъ орудій противъ передняго фаса, изъ двухъ противъ праваго. Лошади, какъ и въ первый разъ, были отведены къ обозу, куда также доставали снаряды, но вреда не причиняли. Послѣ втораго выстрѣла, тоже какъ бы въ отвѣтъ на заревую пушку, надъ чеченской плоскостью разразилась гроза, такъ что одновременно наверху гремѣлъ громъ, внизу ревѣла артилерія, а въ лагерѣ музыка играла вечернюю зарю. Деревья и палатки безпрестанно то появлялись изъ мрака, то опять тонули въ немъ. Картина вышла величественная; концертъ не уступалъ картинѣ. Черезъ полчаса проливной дождь заставилъ непріятеля убрать свою артилерію.

Во время канонады я сидѣлъ въ отрядной канцеляріи и выписывалъ приказы по отряду. Домой мнѣ пришлось возвращаться въ страшную темь, по мокрой землѣ, по

скользкимъ камнямъ. Я пользовался услугами молніи, минутно вспыхивавшей на небѣ, чтобы не заблудиться въ этой непроглядной тьмѣ, когда своей руки нельзя было разглядѣть. Два раза я падалъ на палатки; въ первый разъ, въ наказаніе за свою оплошность, я услышалъ сердитый окликъ: „какой тамъ лѣшій ходитъ по палаткамъ“; во второй разъ изъ палатки раздался голосъ, должно быть, офицера: „Андрей, посмотри, кто тамъ шаритъ за палаткой; какъ бы чего не стащилъ“! Полчаса пробирался я по закоулкамъ чужихъ кварталовъ, показавшимся мнѣ настоящимъ лабиринтомъ въ ночной темнотѣ; наконецъ, я услышалъ знакомое фырканье и топотъ переминавшихся на коновязи лошадей. Это подѣйствовало на меня, какъ „дымъ отечества“, и я почувствовалъ себя дома. За то, я промокъ до костей; на ногахъ было столько грязи, что за нею нельзя было различить, что на мнѣ надѣто: сапоги, чевяки или туфли; приказная книга также не мало пострадала отъ дождя. Въ палаткѣ у себя я засталъ лужу. Такъ какъ у входа стоялъ часовой, охранявшій денежный ящикъ и канцелярію, и никто безъ меня не имѣлъ права входить въ нее, то въ предупрежденіе наводненія никакихъ мѣръ принято не было. Постель была мокрая; я легъ на нее не раздѣваясь и всю ночь ни разу не проснулся.

Утромъ я былъ разбуженъ страшнымъ, неистовымъ, оглушительнымъ крикомъ, какого давно, а можетъ быть, и никогда не слыхали чеченскіе лѣса. Кричали, кажется, „ура!“ И потребовалъ дежурнаго и спросилъ у него о причинѣ этого „ура“. „Вода въ колодцѣ показалась“, объяснилъ онъ мнѣ; „солдаты обступили и кричатъ ура“. „Можетъ быть, это дождевая вода“? отнесся я недовѣрчиво къ извѣстію, настроенный разочарованіями минувшаго дня. „Никакъ нѣтъ, родникъ настоящій, такъ и выбиваетъ сбoku; вода чистая, холодная“. И такъ, мы не безъ воды; у

насъ свой колодезь; къ вечеру и срубъ былъ готовъ для него. Днемъ около колодца стоялъ часовой; ночью онъ за-
пирался на замокъ, и къ нему приставлялся караулъ.

Въ это же достопамятное для всего отряда утро, изъ Чирь-Юрта прибылъ нарочный. Онъ подалъ мнѣ большой конвертъ отъ командира полка съ надписью „экстренное, весьма нужное“. Я распечаталъ его и прочиталъ записку полковаго командира къ Матвѣю Дмитріевичу, въ которой полковникъ извинялся, что не могъ отпустить намъ деньги звонкою монетою, и просилъ дивизионера извернуться какъ нибудь до Ташъ-Кичу, гдѣ одинъ богатый кумыкъ, къ которому также отправленъ нарочный, размѣняетъ намъ бумажки на какую угодно звонкую монету; кромѣ того, доставитъ намъ въ своемъ аулѣ приличное помѣщеніе и всѣ удобства, снабдитъ насъ на дорогу записками къ почетнымъ лицамъ тѣхъ ауловъ, черезъ которые мы должны будемъ проходить; записки его будутъ уравнивать намъ путь до самаго сборнаго пункта. Этотъ „экстренный, весьма нужный“ документъ мы должны были получить въ день выступленія изъ штабъ-квартиры, 26-го іюля, если не на половинѣ дороги изъ Чирь-юрта въ Хасавъ-юртъ, то въ самомъ Хасавъ-юртѣ, а получили его 9-го августа въ малой Чечнѣ. Такимъ образомъ, судьбѣ угодно было, чтобы мы поклонились не простому кумыку, занимающемуся торговлей, а русскому князю, которому предназначено было сдѣлаться намѣстникомъ, фельдмаршаломъ и покорителемъ Кавказа. Судьба сама бела насъ по верхней дорогѣ. „Ты вѣрно въ плѣнъ попался къ ауховцамъ, когда ѣхалъ въ Хасавъ-юртъ?“ спросилъ я у нарочнаго. „Нѣтъ, пожалиста; моя пошолъ Костеки, сарай (домой) тамъ большой дѣля былъ; кончалъ дѣля, Чечня пошолъ“. „Ты немножко опоздалъ“. „Поздна пришолъ нимножка, пожалиста звини, поздна пришолъ, бумага приносъ, ни питиралъ“. Когда я доложилъ

обо всемъ Дмитрію Матвѣвичу, онъ велѣлъ щедро заплатить нарочному за доставленіе конверта. Я не совсѣмъ понималъ его приказаніе и смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Этотъ человѣкъ точно стыдился своего прекраснаго сердца и потому всѣ великодушныя его порывы старался прикрывать шуткой, и на этотъ разъ шуткой отвѣчалъ на мой нѣмой вопросъ. Пришлось покориться и щедро заплатить нарочному, съ оговоркой, что еслибы конвертъ былъ доставленъ въ свое время, то мой начальникъ заплатилъ бы за него втрое дороже. Круковскаго вообще очень трудно было разсмѣшить, но и онъ отъ души смѣялся, когда въ послѣдствіи эта исторія дошла до него. Вся соль этого забавнаго случая въ наивномъ удивленіи нарочнаго, который повидимому спрашивалъ себя съ недоразумѣніемъ: „что ихъ такъ смѣшить?“.

Наканунѣ вечеромъ лазутчики дали знать, что наибы раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ направилась въ Сунжѣ, другая собиралась напасть на оказію въ ханкальскомъ ущельи. Воздвиженская и Грозная были насторожѣ; Урусъ-Мартанъ отдыхалъ. Пользуясь отсутствіемъ главныхъ скопищъ, мы предприняли фуражировку за Гехи. Въ колоннѣ, подъ начальствомъ Преображенскаго, было всего два баталіона пѣхоты, драгуны, двѣ сотни казаковъ и четыре орудія—изъ нихъ два горныхъ. Мы выступили изъ лагеря раньше обыкновеннаго, въ сторону противоположную Гойтѣ. Чудное было утро послѣ ночной грозы; туманъ не успѣлъ еще высоко подняться отъ земли и кое-гдѣ клочками цѣплялся за вершины высокихъ деревьевъ. Бѣлыя и пушистыя двигались по темно-голубому небу облака, то принимая фантастическіе образы, то напоминая формы разныхъ предметовъ; но всѣ эти изображенія, едва dokonченныя, иногда едва начатыя, также быстро разрушались, какъ и создавались, таяли, исчезали, смѣнялись новыми. Все разстояніе отъ Урусъ-Мартана до Ге-

хи мы прошли тихо; такъ же тихо переправились черезъ нее. Куда мы идемъ и для чего? Поляны смѣнялись перелѣсками и становились все шире. Мы заняли одну изъ нихъ вправо отъ большой русской дороги; драгуны рысью разсыпались по опушкѣ лѣса, впереди кукурузы, а колонна остановилась фуражировать. Въ правую цѣпь высланы были двѣ роты навагинскаго полка; позади кукурузнаго поля остальная пѣхота расположилась въ ротныхъ колоннахъ; за флангами этого боеваго порядка стояло по одному пикету, которые должны были наблюдать за тыломъ колонны; влѣво мѣстность была открыта до самой дороги и даже далеко за дорогой. Средства наши въ это утро были невелики, и мы обходились ими какъ могли.

Здѣсь въ первый разъ со дня нашего прибытія въ отрядъ казакъ-солдатъ превратился просто въ солдата, т. е. драгуны спѣшились; фланкеры сдали своихъ лошадей въ свои же резервы. Я послѣдовалъ примѣру фланкеровъ, слѣзъ съ коня и расположился въ ихъ цѣпи, впереди одного стараго вѣтвистаго дерева—почему впереди, а не позади дерева, какъ предписываетъ благоразуміе, я и самъ не знаю. Прямо противъ того дерева, подъ которымъ я стоялъ, было свободное пространство, узкое, въ родѣ лѣснаго дефиле, имѣвшее въ длину не болѣе половины обыкновеннаго ружейнаго выстрѣла; но за нимъ и по сторонамъ его опять возвышались деревья, и между ними было совершенно темно; то была настоящая лѣсная чаща. Мѣстность отъ засѣяннаго кукурузой поля къ опушкѣ лѣса быстро понижалась и была затоплена водою, такъ что нашей цѣпи пришлось стоять въ водѣ выше колѣна. Было ли то болото? не думаю; вода была чистая, прозрачная, хотя и теплая; дно совершенно твердое. Не былъ ли то разливъ одного изъ притоковъ Гехи? Но въ такомъ случаѣ и въ самой Гехѣ вода стояла бы выше обыкновеннаго уровня,

однако этого не было. Водой покрыто было и узкое лѣсное дефиле, находившееся прямо противъ меня; въ водѣ стояли и деревья вправо и влѣво отъ дефиле. Не была ли эта широкая мочежина, тянувшаяся вдоль западной опушки поляны съ сѣвера на югъ, или вѣрнѣе съ юга на сѣверъ, продолженіемъ одной изъ тѣхъ таинственныхъ рѣкъ, которыя то на большомъ протяженіи пропадаютъ въ землю, то снова выступаютъ на ея поверхность. Геологія Чечни еще менѣе была извѣстна въ то время, нежели ея географія.

Начинало становиться жарко; во рту у меня пересохло; я бы могъ утолить жажду водой, которая была у меня подъ ногами, такъ какъ она не издавала непріятнаго запаха стоячихъ водъ и не имѣла даже ихъ плѣсени, но она была тепла. Менѣе меня выносливыми оказались двое изъ моихъ товарищей, стоявшіе тутъ же, въ цѣпи, неподалеку отъ меня; ихъ также мучила жажда, и они подошли ко мнѣ.

„У тебя, кажется, кожаная подкладка на фуражкѣ“? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— „Да, кожаная“, отвѣчалъ я, не зная, къ чему клонится этотъ вопросъ.

„Зачерпни, ради Бога, воды: ужасно пить хочется“.

Я снялъ фуражку и только-что нагнулся, какъ въ стволъ дерева, въ то самое мѣсто, гдѣ за секунду передъ тѣмъ была моя голова, ударилось пять пуль, которыя въ стволѣ и остались.

„Ты долго будешь жить“, сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей.

На память великаго чуда, которымъ провидѣнію угодно было сохранить мнѣ жизнь, я спряталъ одну пулю. Залпомъ изъ пяти ружей, котораго я могъ сдѣлаться жертвою, еслибы нашими судьбами управлялъ случай, а не

провидѣніе, началась въ цѣпяхъ перестрѣлка; но она шла вяло. Противъ насъ не было другихъ непріятелей, кромѣ жителей ниже-гехинскихъ хуторовъ, на землѣ которыхъ мы распоряжались какъ у себя дома. Они даже не преслѣдовали насъ при отступленіи, дали нѣсколько выстрѣловъ по арріергарду съ того берега рѣки, когда мы уже совсѣмъ переправились, и затѣмъ разошлись по своимъ хуторамъ.

Ночь на 10-е августа и весь этотъ день прошли спокойно. На этотъ разъ, какъ и слѣдовало ожидать, лазутчики сказали правду: наибы ушли куда-то изъ малой Чечни. А такъ какъ ни со стороны Грозной, ни со стороны Воздвиженской выстрѣловъ не было, то партіи направились, по всей вѣроятности, къ Тереку. Вообще, лазутчики у начальника лѣваго фланга были хорошіе; они не уступали тѣмъ, которыхъ присылала къ князю Аргутинскому-Долгорукому одна богатая вліятельная старуха. Въ справедливости показаній своихъ лазутчиковъ генералъ Нестеровъ до сихъ поръ не имѣлъ повода сомнѣваться, но теперь о настоящемъ направленіи скопищъ Абакара они сами ничего не знали. Абакаръ сдѣлался осторожнѣе, не всѣмъ даже наибамъ довѣрялся и всѣ свои планы и намѣренія сталъ держать про себя, или же, въ подражаніе Хаджи-Мурату, распускалъ ложные слухи, предпринималъ фальшивыя демонстраціи: направляется, напримѣръ, на востокъ, пройдетъ версты двѣ и совершенно неожиданно возвращается окольными путями назадъ или же поворачиваетъ на сѣверъ.

Передъ разсвѣтомъ 10-го августа, къ намъ на Урусъ-Мартанъ выселился бѣжавшій отъ Шамиля одинъ изъ наибовъ малой Чечни—Атабай. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, плотный, коренастый, широкоплечій, съ красивымъ, но угрюмымъ лицомъ. Онъ ходилъ

всегда въ бѣлой черкескѣ, въ бѣломъ башлыкѣ и въ черной папахѣ съ бѣлою верхушкою. На груди, на серебряной цѣпочкѣ, висѣлъ дорожный компасъ въ серебряной оправѣ и красовались двѣ треугольныя серебряныя медали съ арабскими надписями. Обѣ медали, или правильнѣе, оба знака отличія были совершенно одинаковы; не одинаковы были только надписи на нихъ; на первой значилось: „герой, опытный въ бояхъ и, какъ левъ, бросающійся на непріятеля“; надпись втораго знака отличія, если только истинный смыслъ ея не искаженъ въ переводѣ, вызываетъ на размышленія: „только тотъ можетъ назваться храбрымъ, кто не думаетъ о послѣдствіяхъ“. Изрѣченіе, конечно, мудрое, но не носитъ ли оно скорѣе характеръ порицанія, нежели одобренія? Атабай бѣжалъ не одинъ; при немъ было семейство, состоявшее изъ двухъ женъ и двухъ мальчиковъ. Старшая жена его была природная чеченка, красивая, очень свѣтлая блондинка, съ черными, какъ агаты, глазами; вторую далеко нельзя было назвать красивою: она была высокая, стройная, но съ лицомъ смуглымъ, напоминавшимъ своимъ вороньимъ носомъ благословенную Грузію. Она была, дѣйствительно, грузинка, взятая въ плѣнъ по седьмому году вмѣстѣ съ матерью. Кромѣ арбы, на которой наибъ перевезъ свое небольшое семейство, и одной пары маленькихъ, горной породы, бычковъ, верховой лошади и двухъ большихъ дворовыхъ собакъ, при немъ ничего не было. Что случилось съ его домашнимъ скотомъ, съ утварью и другимъ хозяйственнымъ хламомъ—неизвѣстно; что заставило его покинуть родной аулъ и поселиться въ русскомъ лагерѣ, подъ выстрѣлами своей же, т. е. чеченской, артилеріи—также никто не зналъ, но предполагали, что или несогласія, возникшія между мѣстными и пришлыми тавлинскими наибами, или опала, которую онъ навлекъ на себя своими притѣсненіями и поборами. Предположенія эти

были основаны на томъ, что Шамиль дорожилъ своей популярностью въ Чечнѣ, выслушивалъ жалобы простаго и бѣднаго народа и не щадилъ никого, если давленіемъ на сильныхъ могъ удовлетворить слабыхъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1847 года онъ смѣнилъ трехъ наибовъ по жалобамъ на притѣсненія: Бату, человѣка способнаго, вывезеннаго нѣкогда съ Кавказа, потомъ возвратившагося обратно и по неудовольствіямъ съ нами передавашагося Шамилю; на его мѣсто назначенъ былъ Гяхо или Гехи, какъ его звали у насъ, молодой, ученый ичкеринецъ. Лишенъ былъ также званія наиба Гойтемиръ, преемникомъ котораго назначенъ Идрисъ, кумыкъ, бѣжавшій въ 1843 году изъ Андреевой деревни. Идрисъ оказался посредственностью, не оправдавшею довѣрія имама. Не пощаженъ былъ даже и Талгикъ, одинъ изъ самыхъ способныхъ и предпріимчивыхъ предводителей. Талгикъ, впрочемъ, не долго былъ въ опалѣ. Его постъ въ 1847 году занялъ Ахматъ автуринскій, человѣкъ, пользовавшійся уваженіемъ всей большой Чечни. Шамиль, человѣкъ съ большимъ тактомъ и тонкій политикъ, не только не относился недовѣрчиво, какъ это дѣлаютъ многіе повелители, къ популярности своихъ приближенныхъ, но, напротивъ, старался сближаться съ ними, и тѣмъ льстилъ народнымъ симпатіямъ. Такъ, во время пребыванія своего въ большой Чечнѣ онъ всегда останавливался у Ахмата автуринскаго, и въ самомъ аулѣ Автуры принималъ просителей, выслушивалъ жалобы, творилъ судъ и расправу.

Къ вечеру того дня, въ который Атабай явился въ нашъ лагерь, для него была готова землянка, вырытая и устроенная руками милиціонеровъ изъ мирныхъ чеченцевъ. Ровно черезъ двѣ недѣли, 25-го августа, Атабай такъ же таинственно скрылся изъ лагеря, какъ и появился въ немъ. Четырнадцатидневное пребываніе Атабая на Урусъ-Марта-

иѣ повергло всѣхъ въ крайнее недоумѣніе, начиная съ командовавшего войсками чеченскаго отряда барона Меллера-Закомельскаго. Все, что мы могли узнать относительно его отъ лазутчиковъ, заключалось въ томъ, что Атабай передъ выселеніемъ своимъ на Урусъ-Мартанъ куда-то отлучился; при этомъ лазутчики прибавляли, что если на Атабая и возложена была Шамилемъ какая либо развѣдочная миссія, то лучшаго выбора имамъ сдѣлать не могъ, потому что наибъ былъ человѣкъ скрытный и безстрашный. Если такое предположеніе и справедливо, то едва ли Атабай могъ что либо узнать, кромѣ того, что видѣли его глаза, такъ какъ первенствующимъ правиломъ нашихъ отрядныхъ властей была таинственность, вмѣстѣ съ осторожностью, и въ силу этихъ двухъ условій даже мы сами не могли знать заблаговременно того, что насъ касалось. Черезъ нѣсколько дней послѣ бѣгства Атабая, палевый съ чернымъ значекъ его развѣвался вмѣстѣ со значками Абакаръ-Дибира и Магометъ-Амина.

Экскурсія наша 11-го августа на Гойту ничѣмъ не отличалась отъ экскурсіи въ ту же сторону 8-го августа. Тотъ же колонный начальникъ подполковникъ Серебряковъ, маленькій, подвижной, расторопный, тропотилъ между рядами на своей понятливой лошади; такъ же приходилось разработывать спуски на переправѣ; только тогда мы сдавали транспортъ въ Воздвиженскую, а теперь принимали его обратно; тогда четыре нашихъ орудій дѣйствовали противъ непріятеля, а теперь только три: четвертое было подбито однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Ободренные этой удачей, наибы направили всѣ усилія къ тому, чтобы задержать ихъ какъ можно дольше на переправѣ; они старались вредить рабочимъ на спускахъ; не мало снарядовъ досталось и на долю транспорта. Колонна изъ Воздвиженской, не смотря на то, что

гораздо раньше насъ отдѣлалась и могла бы отступить, все время оставалась на позиціи и поддерживала насъ артиллерійскимъ огнемъ. Одной изъ нашихъ лошадей оторвало ногу, и когда мы начали отступать, она такъ жалобно ржала вслѣдъ удалявшейся колоннѣ, что казакъ посланъ былъ пристрѣлить ее. При обратномъ слѣдованіи къ Урусъ-Мартану мы взяли вправо отъ большой русской дороги насколько позволяла мѣстность, и такимъ образомъ увеличивали разстояніе между колонной и опушкой лѣса, такъ что снаряды непріятельскіе или вовсе не долетали до насъ, или долетали рикошетами. Нашъ неугомонный начальникъ кавалеріи ворчалъ все время на бурьянъ, который росъ между переправой и непріятельской батареей. По его мнѣнію, вмѣсто того, чтобы набирать на десять лѣтъ кукурузы, лучше бы послать нѣсколько баталіоновъ скосить и выжечь всю эту дрянь, чтобы очистить драгунамъ путь къ новымъ отличіямъ.

12-го августа мы выступили изъ лагеря раньше обыкновеннаго; съ нами былъ Преображенскій. Сначала мы думали, что идемъ на фуражировку, но ошиблись; мы опять провожали транспортъ до Гойты: въ это время изъ Воздвиженской подвозились къ отряду боевые припасы, провіантъ и фуражъ. Первый эскадронъ долженъ былъ слѣдовать правѣе большой русской дороги, на нѣкоторомъ разстояніи отъ колонны, за серединою правой цѣпи; второй оставался при колоннѣ. Когда мы поровнялись съ высокими зарослями, за которыми могла скрываться непріятельская кавалерія, колонный начальникъ, опасаясь засады, послалъ начальнику правой цѣпи приказаніе держаться ближе къ колоннѣ. Это заставило начальника кавалеріи, т. е. нашего дивизіонера, о чемъ-то задумавшагося, поднять голову и посмотреть въ ту сторону, куда поскакалъ ординарецъ передавать приказаніе. „А гдѣ же нашъ пер-

вый эскадронъ“? вдругъ обратился онъ ко мнѣ. Я доложилъ, что онъ все время былъ за правой цѣпью. Дмитрій Матвѣевичъ велѣлъ мнѣ вернуть его и сказать, чтобы онъ ни на шагъ не отходилъ отъ цѣпи и все время старался быть на виду у колонны. Я поѣхалъ съ трубачемъ, котораго онъ приказалъ мнѣ захватить съ собою. Выбравшись изъ колонны, мы съ старымъ Тихоненко—такъ звали трубача—поѣхали рысью прямо въ цѣпь. Тамъ никто ничего не зналъ. На всѣ мои распросы получался одинъ отвѣтъ: „должно, впереди гдѣ нибудь“. Я обратился къ начальнику цѣпи и отъ него узналъ, что эскадрона давно здѣсь нѣтъ. Слово „давно“ заставило меня призадуматься. Послѣ нѣкотораго размышленія я рѣшился поѣхать за цѣпь. При мнѣ была шашка и больше ничего. Старый трубачъ также не имѣлъ другаго вооруженія; только я не думаю, чтобы его шашка когда нибудь разставалась съ ножами. Мы отъѣхали далеко отъ цѣпи; къ тому же и цѣпь, вслѣдствіе приказанія держаться ближе къ колоннѣ, удалялась отъ насъ. Пока говоръ въ цѣпи и командныя слова доходили до насъ, я чувствовалъ, что мы между своими, но когда послѣдніе звуки русской рѣчи замерли въ отдаленіи, и кругомъ наступила тишина—сердце мое невольно сжалось: я понялъ, что я одинъ въ чужомъ, совершенно мнѣ незнакомомъ мѣстѣ, напомнимъ пустыню безъ дорогъ и безъ всякихъ признаковъ недавняго присутствія человѣка; кругомъ—высокій густой непроницаемый бурьянъ, за которымъ ничего не видать, кромѣ грознаго молчаливаго лѣса вдаль, направо; позади—опять бурьянъ, и за нимъ далеко, далеко выступъ лѣса, казавшагося кустарникомъ на такомъ разстояніи; и налѣво бурьянъ: тамъ должна проходить большая русская дорога, но она не могла быть видна отсюда. Мѣстность къ ней постепенно и значительно понижалась. Впереди, куда мы

держали путь, изъ за бурьяна, обступившаго насъ, какъ волны на расхолившемся морѣ, вставала какая-то темная сплошная стѣна. То была лѣсная чаща. Если въ ней непріятель устроилъ свои батареи и завалы для прикрытія ихъ, то онъ конечно не могъ выбрать болѣе неприступнаго мѣста. Лошади наши едва ступали, принужденныя на каждомъ шагу грудью и ногами разрывать крѣпкія сѣти спутавшихся и сросшихся ползучихъ и колючихъ растеній. Больше всего давала себя чувствовать и проклинать цѣпкая дереза своими острыми и твердыми шипами. Китель стараго трубача былъ весь изорванъ и въ крови; не меньше пострадали рукава и полы моего сюртука. Къ множеству ранокъ и царапинъ на тѣлѣ нашихъ лошадей слетались рои золотистыхъ мухъ и жадно принимались пить струившуюся изъ нихъ кровь. Бѣдныя животныя не смѣли отмахиваться, потому что хвосты ихъ путались и цѣплялись при малѣйшей попыткѣ воспользоваться ими какъ опахаломъ. Въ этомъ лабиринтѣ низшихъ представителей флоры, густо переплетенныхъ и дружно обнявшихся, скрывались пни и полусгнившіе лѣсные великаны, и лошади то спотыкались, то, думая ступить на что нибудь твердое, проваливались въ глубокія дупла.

Долго ѣхали мы молча, да и разговаривать было некогда: надо было слѣдить за каждымъ шагомъ лошадей, держать поводья, высвобождать изъ колючки хвосты, отгонять мухъ. Бѣдные кони кряхтѣли и фыркали; изъ бурьяна поднималась тонкая пыль съ острымъ, прянымъ запахомъ; она ихъ щекотила и беспокоила. Солнечный зной и жажда, начинавшая томить насъ, не мало увеличивали непріятность нашего положенія; не доставало только, чтобы мы сознавали ту страшную опасность, въ которой мы находились, но, къ счастью, ни я, ни мой спутникъ не подозрѣвали ея, потому что никогда прежде не бывали въ

Чечнѣ. Я понималъ, что осторожность есть мать безопасности, но мнѣ и въ голову не приходило, чтобы дивизионеръ нашъ послалъ, а колонный начальникъ допустилъ бы его послать насъ однихъ туда, куда опасно посылать баталіонъ. Колонна давно скрылась у насъ изъ вида; мы даже приблизительно не могли бы опредѣлить, какъ далеко ушла она по дорогѣ, и много ли оставалось ей еще пройти до Гойты. Вправо, между нами и лѣсомъ, точно изъ земли, выросъ на полуружейный выстрѣлъ невысокій курганъ; на немъ стояли три чеченца; они держали лошадей въ поводу. Я велѣлъ Тихоненкѣ и вида не подавать, что они сколько нибудь занимаютъ насъ. „Пусть думаютъ, что я баталіонный командиръ, ты мой горнистъ, а бурьяномъ идетъ пѣхота“, сказалъ я трубачу. Мы поровнялись съ курганомъ; искоса, украдкой, продолжалъ я слѣдить тревожными глазами за непріятельскимъ пикетомъ; чеченцы въ свою очередь наблюдали за нами и въ то же время горячо спорили о чемъ-то. Хотя звуки ихъ голосовъ не могли доноситься до насъ, но по жестамъ ихъ не трудно было догадаться, что они въ чемъ-то не соглашались между собою. Какъ ни горячо разсуждали они, однако, къ нашему счастью, ничего не предпринимали и даже не трогались съ мѣста. Вѣроятно, тотъ изъ нихъ, который утверждалъ, что мы не одни, одержалъ верхъ, или по крайней мѣрѣ заронилъ искру сомнѣнія въ сердца своихъ товарищей, имѣвшихъ, можетъ быть, намѣреніе броситься на насъ или пересѣчь нашу дорогу. Слава Богу! мы миновали курганъ. Теперь мы стали приближаться къ опушкѣ лѣса, стѣнной протянувшася вправо отъ насъ. Долго еще пришлось намъ подвигаться все по одному направленію, на востокъ, къ сторонѣ Гойты, туда, гдѣ долженъ былъ находиться эскадронъ, но пока никакихъ еще указаній на его близкое присутствіе нигдѣ не

было. Саженьхъ въ двадцати вправо отъ насъ мы увидѣли длинную и довольно широкую полосу свободной отъ всякихъ сорныхъ травъ мѣстности, соблазнительно гладкую, точно Черная поляна побрилась въ этомъ мѣстѣ; тамъ можно было бы ѣхать рысью; но мы теперь стали дорожить бурьяномъ: онъ помогалъ намъ вводить чеченцевъ въ заблужденіе и предохранялъ отъ ихъ погони.

До сихъ поръ кругомъ насъ было тихо; теперь же двое перекликались; одинъ выкрикивалъ: „Магома-а-а“! другой отвѣчалъ ему: „Абдула-а-а“! Были слышны еще другіе голоса, и другія имена на разныхъ разстояніяхъ отъ опушки лѣса. Мы продолжали ѣхать впередъ, въ надеждѣ напасть, наконецъ, на слѣдъ пропавшаго эскадрона. Больше всего мы боялись, чтобы лошади наши, выбившись изъ силъ, не пристали; тогда оставалось бы пѣшкомъ пробираться къ большой русской дорогѣ, и не часъ или два, а можетъ быть, до времени, когда колонна давно прибудетъ на мѣсто. Я начиналъ падать духомъ и нѣсколько разъ сомнѣвался найти эскадронъ. Вотъ, наконецъ, и та мнимая, сплошная стѣна, казавшаяся намъ въ началѣ нашего странствованія непроходимой чащей; мы подошли къ ней близко: это молодой лѣсъ, и черезъ него пролегаетъ аллея. „Тихоненко, рысью“! скомандовалъ я почти шепотомъ. Больше версты ѣхали мы по гладкой, но чрезвычайно извилистой дорогѣ, дѣлая безпрестанные повороты то вправо, то влѣво. Вдругъ, дорога выпрямилась какъ стрѣла, и далеко-далеко впереди насъ сверкнули ружья. „Эскадронъ“! крикнулъ я, совершенно забывшись отъ радости. „Тише, ваше благородіе“! напомнилъ Тихоненко. Мы понеслись маршъ-маршъ. Въ эскадронѣ заволновались, какъ только слышали конскій топотъ у себя въ тылу. „Труби“! скомандовалъ я. Трубачъ подалъ сигналъ: „слушай“. Тѣмъ же сигналомъ отвѣтили и намъ. Еще нѣсколько минутъ,

и мы были подлѣ эскадрона. Эскадронный командиръ очень удивился, когда я рассказалъ ему о нашемъ странствованіи. Въ свою очередь, и онъ описалъ мнѣ похождения своего эскадрона. Онъ во всемъ винилъ себя одного; ему жаль было строевыхъ лошадей, у которыхъ ноги были окровавлены колючкою, шеи поцарапаны, хвосты и гривы повыдерганы; онъ старался выбирать мѣста почище, то принималъ вправо и подходилъ близко къ лѣсу, то удалялся влѣво, даже назадъ иногда возвращался, вовсе не думая о томъ, что можетъ потерять направленіе и сбиться съ дороги. Колонна у него давно скрылась изъ вида, а когда въ лѣсу начали перекликаться, и въ особенности, когда одинъ изъ стоявшихъ въ опушкѣ пикетовъ, увидѣвъ, что эскадронъ совершенно отдѣлился отъ колонны и пробирается вразбродъ и съ великимъ трудомъ черезъ бурьянъ, скрылся въ лѣсу, вѣроятно, чтобы дать знать куда слѣдуетъ о такой легкой добычѣ,—тогда онъ сталъ сознавать всю безпомощность своего положенія и ожидать съ минуты на минуту катастрофы, конечнымъ результатомъ которой могло быть истребленіе всего эскадрона. Теперь, когда ѣхалъ по этой аллеѣ, онъ не зналъ, куда онъ ѣдетъ, и никакъ не могъ сообразить, въ какой сторонѣ должна быть колонна. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, я могъ быть полезенъ заблудившемуся эскадрону; я совѣтовалъ круто повернуть налѣво и держаться все одного направленія, не разбирая ни бурьяна, ни колючки; если мы не застанемъ колонны, мы за то выберемъ на открытую мѣстность, на большую русскую дорогу, гдѣ можно защищаться и дорого продать свою жизнь. Такъ мы и сдѣлали. Выѣхавъ изъ молодаго лѣса, который въ этомъ мѣстѣ былъ не глубокъ, мы вступили въ высокій, густой, едва проходимый бурьянъ; за бурьяномъ слѣдовала чистая прогалина, которую мы проѣхали рысью; за поляной опять начинался бурьянъ, но

черезъ него протоптана была узкая тропинка, по которой не иначе можно было пробираться, какъ въ одинъ конь; это все-таки было лучше нежели бурьянъ, перевитый колючкой. Эскадронъ растянулся на четверть версты, но быстро подавался впередъ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ въ такомъ узкомъ проходѣ. Вдали сверкнули ружья, и показалась узкая желтоватая лента: то была большая русская дорога. Лошади сами прибавили шагу, какъ только стали приближаться къ простору, а когда почуяли близость колонны, весело заржали. Изъ предосторожности трубачамъ велѣно было играть сигналы.

Колонна четыре раза останавливалась по дорогѣ, въ ожиданіи, что вотъ замелькаютъ надъ бурьяномъ бѣлыя фуражки, и начнутъ высвобождаться изъ его крѣпкихъ сѣтей всадники; но бурьянъ продолжалъ хранить свою мертвую неподвижность. Наконецъ, драгуны показали. Точно эскадронъ возвращался изъ далекаго и опаснаго плаванія, а дорога была берегомъ, на которомъ ожидали его друзья и родные—такъ велика была радость съ обѣихъ сторонъ. Сначала колонный начальникъ не обратилъ вниманія на отсутствіе эскадрона въ правой цѣпи, думая, вѣроятно, что онъ отозванъ въ колонну по распоряженію начальника кавалеріи для сбереженія лошадей, но когда онъ увидѣлъ далеко за цѣпью медленно пробиравшихся къ лѣсу двухъ всадниковъ, которые не могли быть чеченцами, потому что были въ бѣлыхъ фуражкахъ, это показалось ему до того страннымъ, что онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и взялъ бинокль. Драгунскій офицеръ и съ нимъ драгунъ—оба безъ ружей: значитъ, дезертиры! И онъ едва не выронилъ бинокль. Онъ нѣсколько минутъ колебался и сначала думалъ обратиться къ начальнику цѣпи и спросить его, какимъ образомъ цѣпь могла пропустить двухъ человѣкъ, въ гнусномъ намѣреніи которыхъ не могло быть сомнѣнія;

но время было дорого, а обстоятельства слишком важны, чтобы терять его на распросы, которые всегда успѣть сдѣлать. Онъ прямо окликнулъ дивизионера и молча указалъ рукой въ ту сторону, гдѣ мнимые преступники скоро совсѣмъ должны были скрыться изъ вида. Когда же недоумѣніе разъяснилось, то онъ остановилъ колонну. Прошло десять, двадцать минутъ, полчаса—никто не показывался. Колонный начальникъ и съ нимъ многіе думали, что эскадронъ гдѣ нибудь за ближайшими зарослями и сейчасъ выйдетъ къ колоннѣ; но отъ начальника правой цѣпи узнали, что эскадронъ давно пропалъ. Преображенскій замѣтилъ Золотухину, что въ ту сторону, гдѣ видѣлъ меня съ трубачемъ—и, конечно, видѣлъ въ послѣдній разъ—онъ не рѣшился бы идти по своему усмотрѣнію съ цѣлой колонной. Когда же мы вернулись здоровы и невредимы, то онъ объяснилъ это тѣмъ, что чеченцы не ожидали русскихъ на Гойту сегодня, такъ какъ только вчера были здѣсь, и потому не были въ сборѣ. Затѣмъ онъ заключилъ: „теперь, когда я вижу вашего адъютанта опять между нами, я могу сказать, что былъ на своемъ вѣку свидѣтелемъ хоть одного чуда“. Золотухинъ же пожалъ руку эскадронному командиру, офицерамъ 1-го эскадрона и мнѣ съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто разстался съ нами въ прошломъ году; трубачу же подарилъ десять рублей и приказалъ девять изъ нихъ пропить, а десятый приберечь до возвращенія нашего въ штабъ-квартиру и тамъ поставить на него свѣчу Николаю Угоднику.

Колонна изъ Воздвиженской давно ожидала насъ на Гойтѣ; на этотъ разъ мы опоздали. Спуски со вчерашняго дня оставались нетронутыми, чѣмъ подтвердилось предположеніе подполковника Преображенскаго, что чеченцы насъ не ожидали въ этотъ день. Мы безпрепятственно обмѣнялись транспортами и собирались уже отступать, какъ

о лѣвый берегъ рѣки ударилося ядро, сдѣлало рикошетъ и оторвало ногу одному уряднику. Въ нашей колоннѣ было четыре орудія, въ воздвиженской—два, у непріятеля—три. Загремѣла жаркая канонада. Конно-казацья артилерія, всегда восхищавшая насъ своей изумительной поворотливостью прислуги, 12-го августа на Гойтѣ превзошла себя. Офицеры Тришатный и Обозинъ сами наводили орудія, безпрестанно перебѣгая отъ одного къ другому, и даже помогали накатывать ихъ послѣ выстрѣловъ. Только въ мѣткости конно-казацья артилерія, кажется, уступала полевой пѣшей.

Оказавъ необходимую помощь раненымъ и наскоро исправивъ поврежденія въ двухъ подбитыхъ транспортных повозкахъ, мы отступили. Непріятель почему-то махнулъ рукой на насъ, т. е. не преслѣдовалъ ни той, ни другой колонны, но за то ночью открылъ канонаду по лагерю противъ передняго фаса изъ трехъ и противъ праваго изъ двухъ орудій. Въ паузы, слѣдовавшія за выстрѣлами, отчетливо доносились до насъ русскія командныя слова: „вправо, влѣво, подай впередъ, осади немного назадъ“! и т. д. Это доказывало, что прислуга въ артилеріи имама почти вся состояла изъ русскихъ. Въ 1847 году (кажется, я не ошибаюсь) одинъ подпоручикъ крѣпостной артилеріи, повѣряя наканунѣ инспекторскаго смотра хранившійся у него порохъ, открылъ, къ великому ужасу своему, что у него не достаетъ пятидесяти пудовъ. Нѣсколько разъ принимался онъ повѣрять, и всякій разъ въ результатѣ получался тотъ же роковой дефицитъ. Какъ на бѣду, въ то время въ одномъ изъ сосѣднихъ укрѣпленій слѣдствіемъ обнаружена систематическая продажа пороху въ горы. Опасаясь, чтобы и его не обвинили въ такомъ преступленіи, трагическія послѣдствія котораго ему хорошо были извѣстны, онъ бѣжалъ въ горы. Тамъ, не смо-

тра на свой скромный чинъ, онъ былъ возведенъ въ званіе чего-то въ родѣ начальника артилеріи и принялъ магометанство. При инспекторскомъ же смотрѣ оказалось, что у него не дефицитъ, а излишекъ въ пятьдесятъ пудовъ. Отъ преемника его, у котораго я крестилъ сына, я узналъ, что онъ былъ поклонникъ бахуса и гетеръ. Если это справедливо, то не мудрено было ему излишекъ принять за дефицитъ и измѣнить своей чести и разсудку, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отечеству. Конечно, о такихъ личностяхъ послѣднее жалѣть не будетъ, но, съ другой стороны, и умалчивать о нихъ не слѣдуетъ. Изъ числа вопросовъ, живо интересовавшихъ меня послѣ умиротворенія Кавказа, не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ о дальнейшей судьбѣ бывшаго начальника артилеріи великаго имамъ, но горцы хранили глубокую тайну на этотъ счетъ, вѣроятно потому, что всегда держались правила—не выдавать дезертировъ, особенно ренегатовъ. Въ 1851 году, послѣ фугаснаго взрыва непріятельской батареи на шалинскомъ завалѣ, взятъ былъ въ плѣнъ нукеръ одного наиба, статный, красивый горецъ. Онъ высоко взлетѣлъ на воздухъ и при паденіи получилъ два излома правой руки и нѣсколько опасныхъ контузій въ голову и спину. По показаніямъ лазутчиковъ, это былъ русскій, фельдфебель какого-то линейнаго баталіона, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ бѣжавшій въ горы; но они ничѣмъ не могли удостоверить справедливости своихъ показаній. Плѣнный препровожденъ былъ въ грозненскій лазаретъ; смотрителю и старшему врачу послана была секретная инструкція имѣть самый бдительный надзоръ за всѣми его поступками, привычками, образомъ жизни, прислушиваться по ночамъ къ его бреду во снѣ. Но паціентъ былъ насторожѣ и ни однимъ звукомъ, ни однимъ жестомъ не выдалъ своего настоящаго происхожденія. Когда же показанія лазутчиковъ

стали уже считать извѣтомъ, сдѣланнымъ изъ ненависти, корысти или желанія отличиться преданностью нашему правительству, въ лазаретъ поступилъ одинъ рядовой, находившійся нѣсколько лѣтъ въ плѣну у горцевъ. Онъ сразу разрѣшилъ недоумѣніе, посоветовавъ освидѣтельствовать больного: если надъ нимъ совершенъ обрядъ обрѣзанія—значитъ онъ природный мусульманинъ, если же нѣтъ—онъ русскій, хотя и принялъ магометанскую вѣру. Плѣнный оказался природнымъ русскимъ, но онъ бѣжалъ опять въ горы изъ того же лазарета, въ больничномъ халатѣ, туфляхъ и колпакѣ, зимою, изъ окна ретираднаго мѣста. Его видѣли со значкомъ у того же наиба, въ ту же экспедицію. Докторъ говорилъ, что это первый примѣръ такой удивительной живучести въ его долговременной практикѣ.

Канонада 12-го августа была упорна и продолжительна; мы потеряли тридцать слишкомъ человѣкъ убитыми и изувѣченными, нѣсколько убитыхъ и тяжело раненыхъ лошадей; одной гранатой сожжена до тла палатка; одно ядро попало въ ротный котелъ. Сидѣвшій возлѣ него солдатъ замѣтилъ кашевару, что это годится для навару. Никто даже не записалъ имени этого солдата, а въ другомъ мѣстѣ, не на Кавказѣ, этого анекдота не оставила бы въ покоѣ ни одна газета.

Пора было положить конецъ этому ненормальному порядку вещей, прекратить канонады по лагерю и вообще ночныя тревоги, державшія войска постоянно въ напряженномъ состояніи. Временно командовавшій отрядомъ баронъ Меллеръ-Закомельскій придумалъ мѣру, которая если не вдругъ, то мало по малу водворила спокойствіе по ночамъ. Велѣно было каждую ночь на каждомъ фасѣ держать по одному баталіону подъ ружьемъ въ полной готовности къ выступленію. Послѣ двухъ или трехъ вы-

стрѣловъ изъ непріятельскихъ орудій, баталіонъ долженъ былъ немедленно выступить, пройти въ совершенной тишинѣ отъ ста до ста пятидесяти саженой за линію аванпостовъ и, не останавливаясь, кричать „ура“, чтобы заставить непріятеля думать, что войска идутъ штурмовать его батарею. Въ первую же ночь, какъ только лазутчики пришли сказать, что къ опушкѣ лѣса подвозятъ орудія, баталіоны были вызваны въ ружье; никто не зналъ, куда ихъ поведутъ, что съ ними будутъ дѣлать; знали только начальники частей, но они получили строгое приказаніе хранить распоряженіе въ тайнѣ. Канонада началась съ передняго фаса, гдѣ стояли драгуны. По третьему выстрѣлу одинъ изъ баталіоновъ навагинскаго полка, давно уже стоявшій подъ ружьемъ, выступилъ изъ лагеря и въ такой тишинѣ двигался по указанному направленію, что даже цѣпь, какъ говорятъ, не слыхала его приближенія. Не успѣлъ онъ выдти за цѣпь, какъ наткнулся на непріятельскій секретъ, который на близкомъ разстояніи далъ по немъ залпъ изъ нѣсколькихъ десятковъ ружей. Послѣ непродолжительной рукопашной схватки, секретъ отступилъ, и баталіонъ вернулся въ лагерь. Залпъ непріятельскаго секрета на близкомъ разстояніи отъ лагеря былъ такою поразительною неожиданностью для всѣхъ, что удивилъ всѣхъ не менѣе того, еслибы непріятель вздумалъ ночью повести кавалерійскую атаку на лагерь. Навагинцы потеряли одного барабанщика убитымъ и отбили у непріятеля красивый оранжевый, съ вышитымъ на немъ бѣлымъ шелковымъ полумѣсяцемъ, значекъ, который потомъ развѣвался надъ лагеремъ, въ родѣ флага, подлѣ шатра начальника отряда. У непріятеля также были убиты штыками. Странно, что никогда ни одинъ лазутчикъ не заикнулся о непріятельскихъ секретахъ, также никто изъ нихъ не предупредилъ о засадѣ 13-го августа, а между

тѣмъ сомнѣваться въ достовѣрности получаемыхъ отъ нихъ свѣдѣній до сихъ поръ не было повода.

Кромѣ ночныхъ тревогъ, разнообразившихся числомъ убитыхъ и раненыхъ, количествомъ выпущенныхъ снарядовъ, въ нашемъ лагерѣ случилась одна и днемъ. Часовъ около пяти пополудни, когда, кромѣ цѣпей и часовыхъ, почти весь лагерь былъ погруженъ въ сладкій послѣбѣденный сонъ, въ одномъ баталіонѣ изъ офицерской палатки вдругъ слышались неистовые крики, хриплые, но громкіе, далеко разносившіеся по лагерю. Въ одну минуту весь лагерь былъ на ногахъ и подъ ружьемъ; кавалерія сустилась около лошадей. Загремя колеса конно-казачьей артилеріи, выѣзжавшей на переднюю линейку; казаки успѣли уже выстроиться съ своими значками впереди лагеря. Всѣ въ недоумѣніи спрашивали другъ друга: въ чемъ дѣло, гдѣ тревога? Вдругъ, съ той стороны, откуда слышались испуганные крики, раздался дружный, неудержимый, гомерическій хохотъ, и люди, изгибаясь отъ смѣха, начали расходиться по палаткамъ. Оказалось, что къ одному маіору, во время его послѣбѣденнаго сна, забрался въ палатку ужъ, и не найдя болѣе подходящаго мѣста для своего кейфа, преспокойно расположился отдохнуть на его распахнувшейся штабъ-офицерской груди. Отъ этой тяжести, вѣроятно, дыханіе маіора стѣснилось, и его началъ давить кошмаръ; онъ проснулся, взглянулъ, въ ужасѣ началъ кричать, и крикомъ своимъ поднялъ на ноги сладко покоившійся лагерь. Бѣдное животное, само напуганное больше маіора, не дожидаясь, конечно, когда весь отрядъ выступитъ противъ него, соскочило поспѣшно съ своего теплаго ложа, оказавшагося такимъ негостепріимнымъ, и скрылось въ норѣ за палаткой.

Рано утромъ 14-го августа нашъ воинственный начальникъ кавалеріи, начинавшій уже, какъ говорится,

грызть удила отъ истерпѣнія, что долго нѣтъ кавалерійскихъ дѣлъ, былъ у командующаго отрядомъ барона Меллера-Закомельскаго и имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе, которое старался окружить таинственностью. Такъ какъ въ это же утро мы должны были выступить на Гойту, то я смутно догадывался о предметѣ совѣщанія, но не показывалъ вида. Онъ вернулся отъ начальника отряда съ высоко поднятой головой, торжествующей улыбкой и разгорѣвшимися глазами. Черезъ часъ колонна выступила. Начальникъ кавалеріи ѣхалъ рядомъ съ колоннымъ начальникомъ и долго, и горячо съ нимъ разговаривалъ, но только вполголоса. Нѣсколько конныхъ чеченцевъ ѣхали параллельно съ обѣими нашими цѣпами—правою и лѣвою, но перестрѣлки не завязывали; цѣпи, съ своей стороны, такъ же мало обращали на нихъ вниманія, какъ еслибы они были милиціонеры, тогда какъ нѣсколькими мѣтками выстрѣлами изъ штуцеровъ можно было заставить ихъ избрать для прогулки мѣсто поближе къ опушкѣ лѣса. Саженьяхъ въ двадцати пяти или тридцати отъ переправы дивизионеръ и колонный начальникъ остановились. „Вотъ она“! воскликнулъ Дмитрій Матвѣевичъ. „Вотъ даже и слѣды отъ переправы къ лѣсу! а то, по какой бы другой дорогѣ они могли такъ скоро отъ переправы пробираться къ лѣсу? Я всегда подозрѣвалъ, что она есть; я только не зналъ, какъ ее отыскать“! Подъ мѣстоименіемъ „она“ разумѣлась тропинка. Баронъ Меллеръ-Закомельскій давно зналъ о ея существованіи. Тропинка была не широка, но два всадника въ рядъ довольно свободно могли проѣхать по ней; со стороны большой русской дороги ея не было видно: она, какъ и вся мѣстность къ югу отъ передовой линіи, заросла бурьяномъ; только между ею и большой дорогой бурьянъ былъ гораздо выше, росъ совершенно прямо и не былъ перевитъ у по-

верхности земли никакими посторонними растеніями. Кроме того, недалеко отъ угловъ, образуемыхъ большой дорогой и тропинкой, замаскированны бурьяномъ скрывались двѣ довольно глубокихъ ямы, почти одна противъ другой. Ямы эти показывали, что здѣсь когда-то вырваны были съ корнемъ два довольно большихъ дерева. Дивизіонеръ заручился отъ начальника отряда позволеніемъ сдѣлать во флангъ непріятельской батареи энергическую демонстрацію, чтобы отучить Абакартъ-Дибира и подчиненныхъ ему наибова отъ слишкомъ шумныхъ и раззорительныхъ для обѣихъ сторонъ овацій, которыми они повадились встрѣчать на Гойтѣ и провожать отъ Гойты наши колонны. Хотя колонный начальникъ передъ выступленіемъ изъ лагеря былъ предупрежденъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ о дозволеніи, данномъ имъ начальнику кавалеріи, но онъ все-таки старался отговорить этого послѣдняго, представляя ему такіе доводы, отъ которыхъ у всякаго другаго пробѣжалъ бы холодъ по позвоночному столбу; но Дмитрій Матвѣевичъ былъ не изъ тѣхъ, кого легко бросаетъ въ жаръ или въ холодъ; онъ и такъ долго ждалъ; дерзость непріятеля, не дававшего отряду покоя ни днемъ, ни ночью онъ принималъ за личное оскорбленіе.

Драгуны не спѣшивались, когда пришли на Гойту, и ждали только перваго выстрѣла. Едва вырвался клубъ дыма изъ опушки лѣса, какъ они уже отдѣлились отъ колонны, напутствуемые благословеніями ея начальника, достигли высокаго бурьяна, скрывавшаго тропинку, прошли черезъ него шагомъ и потомъ рысью, справа рядами, и поскакали по направленію къ лѣсу. Непріятель продолжалъ стрѣлять по колоннѣ, изъ чего слѣдовало заключить, что онъ не замѣтилъ нашего обходнаго движенія. Мы были очень довольны, но оказалось, что плохо знали чеченцевъ:

они все видѣли; отъ нихъ не укрывалось ни одно движеніе въ колоннѣ; особенно зорко слѣдили они за тѣмъ, что дѣлаетъ казакъ-солдатъ. Лѣсная трущоба была уже недалеко; драгуны переправились черезъ глубокій оврагъ, по дну котораго бѣжалъ ручей, и подошли такъ близко къ неприятелю, что онъ не могъ не замѣтить ихъ. Два картечныхъ выстрѣла тотчасъ же дали почувствовать намъ, что онъ не только замѣтилъ, но и приготовился для встрѣчи. Картечь пролетѣла надъ нашими головами, какъ стоя поднятыхъ собакой куропатокъ. Мы вѣхали въ опушку лѣса. Орудій уже не было на батарее; но за то, точно вызванные изъ нѣдръ земли ударомъ волшебнаго жезла, поднялись во весь ростъ изъ за заваловъ до трехъ тысячъ пѣшихъ чеченцевъ. Драгуны остановились какъ вкопанные; нѣсколько страшныхъ секундъ прошло въ молчаніи и взаимномъ созерцаніи другъ друга. Минута была критическая; кто ее пережилъ, тому многое должно проститься. Мы стояли въ тѣсной трущобѣ, справа рядами, и еслибы чеченцы дали залпъ на такомъ близкомъ разстояніи, то отрядъ остался бы безъ регулярной кавалеріи. Но они не стрѣляли—или потому, что были озадачены, или потому, что смотрѣли на казака-солдата съ суевѣрнымъ страхомъ, или же наконецъ потому, что урокъ 13-го августа былъ еще слишкомъ свѣжъ въ ихъ памяти. Это дало намъ возможность опомниться и придти въ себя. Мы повернули назадъ и медленно начали отступать. Это отступление было эффекнѣе самаго наступленія; не доставало только, чтобы мы поднимали вверхъ руки и сдѣлали угрожающій жестъ. Вся эта сцена была таинственна, но ни одна пуля не просвистала даже тогда, когда мы повернулись къ неприятелю спиной. Мало того, мы вполне благополучно переправились обратно черезъ глубокій оврагъ. Тутъ только начала переправляться вслѣдъ за нами и чеченская кавалерія. И под-

нимался на противоположный берегъ одинъ изъ послѣднихъ; за мною, рядомъ съ отсталыми драгунами, ѣхалъ чеченецъ такъ близко, что могъ рукой достать до крупа моей лошади. Когда послѣдній изъ нашихъ солдатъ перѣѣхалъ оврагъ, дивизионеръ командовалъ: „прибавь рыси!“ и мы понеслись обратно по той же дорожкѣ. Бурьянъ такъ густо росъ справа и слѣва поближе къ лѣсу, что еслибы всѣ наибы съ партіями засѣли въ немъ, мы бы ихъ не замѣтили. Подъ трубачемъ лошадь вдругъ захромала, конь дивизионера сильно замоталъ головой. Тропинка кончилась; бурьянъ, протоптанный нами въ первый разъ, также кончился. Къ общему и неопisanному удивленію, у насъ оказалось три человѣка и четыре лошади ранеными холоднымъ оружіемъ, въ числѣ послѣднихъ конь Золотухина раненъ шашкою въ голову, а трубача—кинжаломъ въ лѣвую заднюю ногу. Когда и вѣмъ все это сдѣлано—никто не замѣтилъ.

При отступленіи нашемъ отъ Гойты конная партія чеченцевъ и тавлинцевъ, человѣкъ до шестисотъ, съ двумя бѣлыми значками, все время слѣдовала по одному съ нами направленію, параллельно большой русской дорогѣ, то приближаясь къ ней, то удаляясь отъ нея, насколько позволялъ непроходимый бурьянъ. Мы мало обращали на нее вниманія, хотя и не могли себѣ объяснить цѣли ея движенія въ одну сторону съ нами. Мы ѣхали и все еще разсуждали о странныхъ событіяхъ этого утра. Теперь, когда мысли наши пришли нѣсколько въ порядокъ, они намъ казались еще страннѣе. Колонному начальнику, опытному боевому штабъ-офицеру, они казались такъ же загадочными, какъ и намъ, а онъ давно и хорошо былъ знакомъ съ военными хитростями и тактическими приемами чеченцевъ. Правда, тутъ были и тавлинцы, и наибъ, облеченный въ званіе главнокомандующаго, былъ также тавлинецъ, но характеръ мѣстности былъ исключительно чеченскій, и ни-

кто лучше чеченцевъ не могъ примѣняться къ ней. Колонна непріятельская, двигавшаяся довольно стройно, такъ что издали ее можно было принять за регулярную кавалерію, начала мало по малу отставать отъ насъ и наконецъ совсѣмъ остановилась. Минутъ черезъ десять мы оглянулись,—она стояла на одномъ мѣстѣ. Мы все еще не догадывались о ея намѣреніяхъ, и тогда только поняли ихъ, когда она разступилась и дала залпъ изъ трехъ орудій по нашей колоннѣ. Наша артилерія не отвѣчала; вѣрно было только прибавить шагъ. Черезъ минуты три непріятель далъ второй залпъ и повернулъ на югъ къ гойтенскому лѣсу.

Передъ вечеромъ того же 14-го августа, между рѣками Мартаномъ и Гехи, къ сѣверо-западу отъ лагеря, назначена была фуражировка около какихъ-то раззоренныхъ хуторовъ. Драгуны оставались дома—это въ первый разъ по прибытіи ихъ въ отрядъ. Часа черезъ полтора послѣ того, какъ колонна выступила изъ лагеря, нашему дивизиону отдано было приказаніе сѣдлатъ лошадей, надѣть боевую аммуницію и нигуда отъ своихъ коновязей не отлучаться. Всѣ чего-то ожидали. Часовъ около шести вечера, вправо отъ большой русской дороги показалась пыль: то наша колонна возвращалась съ фуражировки. Въ то же время влѣво отъ большой русской дороги также показалась пыль: то непріятельскія партіи сходились къ заранѣ условленному сборному пункту встрѣтить нашу колонну. Между позиціей, которую непріятель готовился занять для этой встрѣчи, и нашимъ лагеремъ, длиннымъ мысомъ выступалъ довольно густой лѣсъ, совершенно маскировавшій со стороны непріятеля нашъ передній фасъ. Когда колонна стала приближаться къ большой русской дорогѣ, непріятель открылъ по ней канонаду изъ двухъ орудій. Въ нашъ лагерь прискакалъ адъютантъ начальника отряда. Тогда

только мы догадались, почему насъ оставили въ лагерѣ, и чего отъ насъ ожидаютъ. Дивизионеръ потиралъ руки, пока Гейманъ передавалъ приказаніе барона Меллера-Закомельскаго. Драгуны, пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, незамѣтно вышли изъ лагеря черезъ передній фасъ, на линіи аванпостовъ остановились, сѣли на коней и маршъ-маршъ понеслись прямо на батарею, все время маскируемые выступомъ лѣса. Чеченцы продолжали стрѣлять, но колонна имъ не отвѣчала; она и не могла отвѣчать, потому что мы также были у нея подъ выстрѣлами, или по крайней мѣрѣ легко могли очутиться подъ выстрѣлами, такъ какъ неслись въ атаку чрезвычайно быстро. Молчаніе колонны не должно было казаться непріятелю страннымъ: утромъ, возвращаясь съ Гойты, мы также не отвѣчали на ихъ частые выстрѣлы. Чеченцы такъ увлеклись своей безнаказанной канонадой, что не обратили вниманія на конскій топотъ, который быстро приближался къ ихъ позиціи, а можетъ быть, за шумомъ не могли слышать его. Вдругъ, изъ за выступа лѣса, точно въ волшебной панорамѣ, почти лицомъ къ лицу передъ чеченцами выросли драгуны. Эффектъ былъ поразительный; мы удивили ихъ своимъ внезапнымъ появленіемъ, но артиллерія ихъ еще болѣе удивила насъ своимъ мгновеннымъ исчезновеніемъ: только сквозь землю провалиться можно такъ скоро. Въ тылу у нихъ была одна изъ тѣхъ темныхъ трущобъ, куда, казалось, только муравей въ состояніи проникнуть. Тамъ, конечно, и притаилась ихъ осторожная артиллерія; на позиціи остались только мѣшки съ порохомъ, одинъ хомутъ и одинъ банникъ, и при нихъ, при этихъ жалкихъ трофеяхъ, не менѣе жалкій, оборванный артиллеристъ. Онъ былъ блѣденъ, имѣлъ растерянный видъ и, кромѣ маленькаго стараго кинжала за поясомъ, при немъ не было никакого оружія. Самая беззащитность

его служила ему защитой. Онъ сложилъ на груди руки и съ умоляющимъ видомъ произнесъ: „аманъ“ (пощади). Это смертное воззваніе обращено было къ юнкеру, занесшему шашку надъ головой несчастнаго артиллериста. Юнкеръ этотъ, не очень давно поступившій къ намъ изъ пажескаго корпуса, скакалъ всего въ двухъ шагахъ впереди меня. „Не трогать“! крикнулъ я громко и повелительно. Безстрашный воинъ, собиравшійся лишить жизни жалкаго, безоружнаго человѣка, страшно оторопѣлъ и едва не выронилъ шашку. Сгоряча онъ не замѣтилъ, что почти рядомъ съ нимъ скачетъ офицеръ. „Знаете ли вы“, продолжалъ я, „что если какъ нибудь дойдетъ до дивизіонера, вы ни одного дня не останетесь въ полку“! Бѣдный, трепещущій отъ страха артиллеристъ, едва не положившій животъ свой за вѣрность имаму и его интересамъ, взятъ былъ нами въ плѣнъ, а бывшій пажъ, намѣревавшійся такъ дешево завоевать себѣ право на полученіе знака отличія военнаго ордена, пристыженный вернулся къ своему взводу безъ головы въ буквальный и переносномъ смыслѣ.

Впереди покинутой непріятелемъ позиціи стояло невысокое, но очень толстое сухое дерево съ двумя распростертыми толстыми суками, напоминавшее издали молящагося монаха. Подъ нимъ—также толстое и высохшее, но длинное и кривое, лежало другое дерево, горбомъ кверху, а концами упираясь въ землю, такъ что между стволомъ и поверхностью земли оставался очень широкій просвѣтъ; оно также напоминало молящагося, но только застывшаго на земномъ поклонѣ человѣка. Когда отставшіе во время атаки драгуны нагнали свои эскадроны, дивизіонъ раздѣлился: первый эскадронъ бросился влѣво, вдоль лѣснаго выступа, отыскивать проходъ въ трущобу, гдѣ спрятаны были орудія, или свободнаго промежутка, черезъ который можно было бы заѣхать въ обходъ заколдованной трущобѣ; вто-

рой эскадронъ, обогнувъ сухія деревья, развернулъ фронтъ, и рысью черезъ открытую поляну направился къ другому лѣсу, стоявшему впереди и составлявшему почти прямой уголъ съ трущобой. Дивизионеръ съ трубачемъ и евоимъ адъютантомъ остановились впереди сухихъ деревьевъ, откуда удобно было наблюдать за всѣмъ, что происходитъ въ обоихъ эскадронахъ. Неумолкаемая перестрѣлка затрещала по всему лѣсу. Непрiятель встрѣтилъ драгунъ тѣмъ непрерывающимся ружейнымъ огнемъ, который у насъ называется „пальбой рядами“. Пули жужжали мимо нашихъ ушей, какъ рои докучливыхъ насѣкомыхъ, гонимыхъ вѣтромъ. Орудiя непрiятельскiя были такъ хорошо спрятаны, что еслибы намъ и удалось отыскать ихъ и завладѣть ими, то они не вознаградили бы насъ за тѣ жертвы, которыя намъ пришлось бы принести. Приводя въ исполненiе прекрасно задуманный планъ внезапнаго нападенiя на батарею, баронъ Меллеръ-Закомельскiй не рассчитывалъ на почти сверхъестественное исчезновенiе артилерiи; въ его программу не входило добиться орудiй во что бы то ни стало, хотя бы пришлось оставить на мѣстѣ половину дивизиона. Въ такомъ духѣ дана была имъ и инструкцiя дивизионеру. Этотъ послѣднiй, убѣдившись въ бесполезности дальнѣйшихъ поисковъ, и опасаясь, чтобы эта игра въ прятки не обошлась слишкомъ дорого эскадронамъ, приказалъ трубить „стой“! Но этотъ сигналъ принадлежитъ къ самымъ глухимъ и слѣдовательно неудачнымъ, а за адской музыкой и самый пронзительный не былъ бы услышанъ. „Скачите, остановите ихъ“, обратился онъ ко мнѣ, „и велите разсыпаться и образовать одну общую цѣпь, такъ чтобы правый флангъ перваго эскадрона сошелся съ лѣвымъ флангомъ втораго, а резервъ“, прибавилъ онъ, весело улыбаясь, „попрежнему будетъ состоять изъ насъ троихъ; поэтому вы тамъ долго не оставайтесь“. Когда я подѣхалъ совсѣмъ близко къ лѣсу, то

замѣтилъ, что жужжаніе пуль прекратилось; оно становилось слышнымъ на извѣстномъ разстояніи. Когда я возвращался отъ втораго эскадрона къ резерву, состоявшему изъ дивизіонера и его трубача, то увидѣлъ по дорогѣ изъ лагеря столбы пыли, которые двигались очень скоро. То были войска, бѣжавшія къ намъ на выручку: три баталіона пѣхоты и два орудія конно-казачьей артилеріи, подъ личнымъ предводительствомъ самого начальника отряда барона Меллера. Запыхавшіеся солдаты, не добѣжавъ еще до сухихъ деревьевъ, начали кричать „ура.“ Два орудія конно-казачьей артилеріи бросили баталіоны, помчались прямо въ нашу лѣвую цѣпь и, на всемъ скаку снявшись съ передковъ, начали картечью обстрѣливать опушку лѣса. Вскорѣ подошла и пѣхота, смѣнила обѣ наши цѣпи и тотчасъ же открыла бѣглый огонь. Выстрѣлы изъ опушки лѣса становились все рѣже и минутъ черезъ десять совсѣмъ прекратились. Началось отступленіе.

Солнце бросало свои послѣдніе красновато-золотые лучи на картину во вкусѣ Горація Верне: густой дымъ съ топазовымъ отливомъ застилалъ все пространство между лѣсами, обращенными къ намъ двумя темнозелеными стѣнами сплошной листвы; изъ за пороховаго дыма все еще вспыхивали огоньки продолжавшихъ отстрѣливаться цѣпей; на первомъ планѣ—два сухихъ дерева: одно вызывающее о милосердіи, другое—распростертое на землѣ, убитое горемъ; впереди деревьевъ—развернутый строй, неподвижно стоящихъ всадниковъ, съ лицами, почернѣвшими отъ пыли и пороховаго дыма; на лѣвомъ флангѣ, на землѣ—убитый драгунъ, въ потухшихъ зрачкахъ котораго въ послѣдній разъ отражается заходящее солнце.

Побѣда осталась за нами. Хотя непріятелю и удалось спасти свои орудія, но они больше не показывались въ этотъ вечеръ, а въ ружейной перестрѣлкѣ послѣднее слово

осталось за нами. Драгуны потеряли въ этомъ дѣлѣ противъ невидимаго непріятеля одного убитаго и четырехъ раненыхъ, одну лошадь убитою и двѣ ранеными. Еслибы только десятая пуля попадала въ цѣль, ни одинъ драгунъ не остался бы невредимымъ. Еслибы пуля не была дура, какъ назвалъ ее еще Суворовъ, намъ бы дорого пришлось заплатить за удовольствіе держать въ рукахъ два мѣшка пороха, одинъ хомутъ и одинъ банникъ. Отъ плѣннаго, котораго голова, безъ моего вмѣшательства, пошла бы въ обмѣнъ на знакъ отличія военнаго ордена, мы узнали, что утромъ на Гойтѣ распоряжался самъ Абакаръ-Дибиръ. Колонный начальникъ, онъ же и начальникъ отряда, подъѣхалъ къ намъ и сказалъ: „благодарю васъ, драгуны! Вы—Богомъ хранимое войско“.

Вечеромъ я по обыкновенію былъ въ отрядной канцеляріи и принесъ оттуда разгадку таинственнаго поведенія непріятеля утромъ на Гойтѣ: чеченцы видѣли, какъ драгуны отдѣлились отъ колонны и повернули на извѣстную тропинку. У Абакаръ-Дибира живо созрѣлъ планъ: допустить насъ ближе къ лѣсу и окружить. Онъ строго запретилъ стрѣлять по драгунамъ, чтобы не слышали на Гойтѣ и не выслали бы на помощь разомъ двѣ колонны; онъ положилъ покончить съ дивизіономъ холоднымъ оружіемъ, убѣдившись уже, что и драгуны предпочитаютъ его огнестрѣльному. Для этого всѣ пѣшіе чеченцы, въ числѣ не менѣе трехъ тысячъ, должны были спуститься въ бурьянъ, окружить насъ со всѣхъ сторонъ, когда будемъ возвращаться назадъ по тропинкѣ, запретить выходъ и перебить насъ кинжалами или шашками. Планъ былъ очень смѣлъ и нельзя сказать, чтобы былъ неосуществимъ. Въ такой тѣснинѣ, какъ та тропинка, кавалерія становилась безсильною: она не могла ни нападать, ни защищаться. Конечно, драгунамъ пришлось бы спѣшиться и дѣйствовать штыками, но и это оружіе требуетъ нѣкотораго простора и свободы.

Планъ Абакара былъ хорошъ, но въ немъ не было предусмотрѣно одно обстоятельство, которому онъ, какъ тавлицъ, не придавалъ значенія. Это обстоятельство, или вѣрнѣе препятствіе, былъ бурьянъ, тотъ самый бурьянъ, который мы то проклинали, то благословляли. Если всаднику такъ трудно пробираться черезъ бурьянъ, то пѣшему приходилось прокладывать себѣ дорогу кинжаломъ. И вотъ, пока чеченцы, съ неутомимостью и усердіемъ, вполне соответствовавшими задуманному ими дѣлу истребленія драгунъ, трудились надъ превращеніемъ непроходимой мѣстности въ проходимую, драгуны скакали по дорогѣ къ своимъ, и прежде нежели непріятель успѣлъ придти въ себя отъ разочарованія—были уже въ колоннѣ и раздумывали о странныхъ перипетіяхъ только-что разыгравшагося эпизода, невѣроятнаго, какъ самая фантастическая галлюцинація: мы окунулись въ омутъ, откуда нѣтъ выхода, и однако мы вышли здравы и почти невредимы. Успѣхъ оправдываетъ самыя безразсудныя предпріятія, но мы могли, мы должны были потерпѣть пораженіе, и самая отважность предпріятія обратилась бы въ позоръ, и тѣмъ изъ насъ, кто остался бы въ живыхъ, пришлось бы завидовать тѣмъ, которые легли на мѣстѣ катастрофы, не дождавшись ея развязки. Провидѣнію угодно было хранить драгунъ.

Еслибы между здравымъ смысломъ Талгика и судьбою нашего дивизіона не стоялъ Абакаръ-Дибиръ съ туго завязанными глазами—все бы погибло! Утро 14-го августа было бы послѣднимъ утромъ въ нашей жизни, и вечеромъ непріятель могъ бы безнаказанно провожать нашу колонну картечью до самаго лагеря и не терялъ бы мѣшковъ съ зарядами; участь драгунскаго дивизіона была бы рѣшена тамъ же, въ опушкѣ гойтенскаго лѣса: Талгикъ приказалъ бы своимъ тремъ тысячамъ чеченцевъ дать залпъ по драгунамъ въ упоръ и ускакалъ бы съ своей артилеріей.

въ глубь лѣсовъ, не ожидая, когда придутъ колонны выручать или розыскивать драгунъ. На Абакара въ это утро снизошло обратное тому, что мы называемъ вдохновеніемъ, именно— умопомраченіе, благодаря которому была пощажена не только честь Нижегородскаго драгунскаго полка, но и жизнь беззавѣтныхъ представителей его при чеченскомъ отрядѣ. Вѣрно выразился баронъ Меллеръ-Закомельскій, обращаясь вечеромъ того же дня къ драгунамъ: „вы—Богомъ хранимое войско“.

Что рѣдко, то дорого,—такъ всегда бываетъ въ жизни. За все время командованія отрядомъ баронъ Меллеръ-Закомельскій не только не высказалъ ни разу своего удовольствія нашему дивизиону по поводу оказанныхъ заслугъ и отличій, онъ даже ни разу не обратился къ драгунамъ съ простымъ привѣтствіемъ, ни разу не сказалъ: „здорово, драгуны“! Это была его манера. 14-го же августа вечеромъ онъ точно въ первый разъ замѣтилъ присутствіе драгунъ въ отрядѣ, и не то что благодарилъ ихъ, а только указалъ имъ на Того, Кто своимъ щитомъ прикрывалъ ихъ въ минуты опасностей. И этого было достаточно, чтобы произвести на нихъ магическое дѣйствіе. Нужно было видѣть и слышать, какъ были приняты ими его набожныя слова. Слова начальника отряда подѣйствовали на ихъ натуры сильнѣе, нежели все остальное, чему они были свидѣтелями въ достопамятный день 14-го августа. Ихъ нисколько не удивило ни чудесное избавленіе утромъ, ни ничтожная убыль въ рядахъ ихъ вечеромъ; ихъ удивилъ голосъ вѣчно молчаливаго начальника. Баронъ Меллеръ-Закомельскій не высказывалъ драгунамъ того, что онъ думалъ объ нихъ, но въ своихъ письмахъ къ начальнику лѣваго фланга кавказской линіи въ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о службѣ драгунъ въ чеченскомъ отрядѣ.

VIII.

Раскаяніе имама. Абакаръ-Дибиръ махнулъ рукой. Между Урусъ-Мартаномъ и Рошней. Ядро или граната? Диверсія полковника Суслова. Три экскурсіи въ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ. Фуражировка. Одинъ въ полѣ воинъ. Новое свѣтило на нашемъ горизонтѣ. Личность генерала Нестерова.

Четыре дня мы никуда не трогались. Пора было дать отдохнуть войскамъ: постоянныя ночныя тревоги, фуражировки подъ ружейнымъ огнемъ, конвоированіе транспортовъ на Гойту подъ артилерійскимъ огнемъ, болѣзненные ощущенія при видѣ тяжело раненыхъ товарищей, провожаніе тѣхъ изъ нихъ, которые навсегда выбыли изъ строя въ ту счастливую страну, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали—все это поддерживало въ войскахъ возбужденное, а слѣдовательно ненормальное состояніе. Перерывъ необходимъ въ такихъ случаяхъ: онъ благотворно дѣйствуетъ, конечно—перерывъ кратковременный; онъ даетъ отстояться крови, успокоиваетъ взволнованные нервы, кстати увеличиваетъ запасъ энергіи для новыхъ подвиговъ и новыхъ острыхъ ощущеній. Никто лучше князя Барятинскаго не понималъ этой потребности въ кратковременныхъ перерывахъ. Когда онъ былъ начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи, онъ прекращалъ военныя дѣйствія въ каждой экспедиціи нѣсколько разъ и на нѣсколько дней каждый разъ, и войска его бодро и весело шли на новые подвиги и лишенія, забывая объ утратахъ и невзгодахъ предшествовавшихъ періодовъ.

Транспортовъ намъ не приходилось больше конвоиро-

вать до Гойты, потому что все, въ чемъ только могъ нуждаться отрядъ: провіантъ, боевые припасы, спиртъ, все было перевезено изъ Воздвиженской на Урусъ-Мартанъ. Фуража у насъ было заготовлено надолго: на всѣхъ фасахъ нашего лагеря, на всѣхъ его уголкахъ и перекресткахъ возвышались огромныя пирамиды кукурузы, совершенно уже поспѣвшей и принявшей свѣтло-оранжевый цвѣтъ, такъ что на нѣкоторомъ разстояніи отъ Урусъ-Мартана можно было подумать, что нашъ лагерь подожгли со всѣхъ концовъ — до такой степени цвѣтъ этихъ пирамидъ напоминалъ цвѣтъ пожара въ яркій солнечный день. Кукуруза избаловала нашихъ лошадей. Эти не всегда разборчивыя животныя стали теперь отворачиваться отъ ячменя. Вкусъ лошадей одобряли и раздѣляли нижніе чины всего отряда; они уничтожали кукурузу во всѣхъ возможныхъ видахъ: вареную въ соленой водѣ, печеную въ золѣ, въ лепешкахъ изъ тѣста съ саломъ. Не смотря на такой расходъ кукурузы, запасы ея казались почти нетронутыми.

Шамиль въ одно время узналъ и о неудавшейся попыткѣ Абакаръ-Дибира наказать драгунъ за ихъ нескромное любопытство утромъ 14-го августа, и объ опасности, которой вечеромъ того же дня подвергалась его артилерія. Онъ, говорятъ, горько раскаявался, что не Талгику ввѣрилъ охрану малой Чечни. Въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Талгику — показываетъ его собственноручное письмо къ нему, написанное по поводу извѣстія о раззореніи русскими хутора наиба Дубы:

«Отъ повелителя всѣхъ мусульманскихъ народовъ Шамиля душевному другу моему наибу Талгику.

«Желаю тебѣ вѣчный миръ съ Богомъ Всемогущимъ! Когда дошло до меня извѣстіе о несчастіи, постигшемъ нашего брата Дубу, я не могъ удержать моихъ слезъ и душевно горевалъ о бѣдствіи. Именемъ Всемогущаго Бога призываю васъ на брань съ

невѣрными. Я съ княземъ Даниелемъ соберу въ горахъ всѣхъ, кто только можетъ носить оружіе, и приду къ вамъ. Если помощь моя нужна скорая, увѣдомъ меня, и я прискачу къ вамъ такъ скоро, какъ бѣгаютъ зайцы. Дѣйствуйте противъ непріятеля такъ же хитро, какъ лисицы, и не отставайте отъ обычаевъ вашихъ славныхъ предковъ. Надѣйтесь на Бога, который не допуститъ на-носить вамъ новыя обиды. Знай, мой любезный братъ, что если отторгнется отъ насъ гехинскій округъ, то погибнетъ вся Чечня. Ничтожный рабъ божій Шамиль».

Несчастья наиба Дубы, о которыхъ говоритъ имамъ въ письмѣ душевному другу своему Талгику, заключались, кромѣ раззоренія аула, въ потерѣ всего движимаго имущества и домашняго скота и въ ужасныхъ семейныхъ утратахъ: двухъ сыновей—одного малолѣтняго, взятаго въ плѣнъ, другаго совершеннолѣтняго, убитаго, и жены, также убитой. Отрядомъ въ этомъ набѣгѣ 6-го марта 1847 года командовалъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Шамиль прислалъ Абакирь-Дибиру выговоръ и строгое предписаніе—на будущее время быть какъ можно осторожнѣе, беречь орудія, какъ зѣницу ока, не подвергать риску, подражая въ этомъ случаѣ Сабдуллѣ и Анзорову, которые постоянно дѣйствовали въ послѣднюю зимнюю экспедицію артилерійскимъ огнемъ, а между тѣмъ русскіе даже въ свои подзорныя трубы не могли видѣть ихъ орудій. Шамиль дорожилъ своей артилеріей: вопервыхъ, она не легко досталась ему, а вовторыхъ, она придавала его особѣ въ глазахъ подвластныхъ ему народовъ нѣкоторый престижъ, котораго онъ менѣе нежели когда нибудь желалъ лишиться теперь, когда дѣла его въ малой Чечнѣ начинали принимать опасный для его вліянія оборотъ.

Всѣ усилія наибова заставить наши войска сняться съ позиціи на Урусъ-Мартанѣ не могли остановить хода событій, подготовлявшихся годами. Мы твердо стояли на

позиціи, такъ сказать, вросли въ землю; крѣпость продолжала строиться. Урусъ-Мартанъ была сердцемъ малой Чечни; заложениемъ крѣпости мы наносили ударъ этому сердцу. Правда, на плоскости этотъ важный въ стратегическомъ смыслѣ органъ можно было перенести и на другое мѣсто, на примѣръ поближе къ воинственному и густо населенному гехинскому округу, но это было бы только паліативомъ: черезъ годъ русскіе завладѣли бы и тѣмъ другимъ сердцемъ, и рана, нанесенная краю ихъ вторженіемъ, была бы глубже и шире. Нельзя сказать, чтобы непріятель, видя усилія свои постоянно разбивающимися о нашу стойкость, примирился съ нашимъ водвореніемъ на Урусъ-Мартанѣ, какъ съ фактомъ совершившимся и непоправимымъ. Онъ не терялъ надежды, а тѣмъ временемъ, осуществится она или нѣтъ, дорого заставлялъ насъ платить за право стоять на занятой нами позиціи, и мы не отказались, мы платили сколько могли: убыль въ нашихъ рядахъ съ каждой новой съ нимъ встрѣчей становилась замѣтнѣе. Самонадѣянность нѣкоторыхъ наибовъ и энергическое сопротивленіе чеченцевъ также вѣроятно не обходились имъ безъ большихъ потерь, но какъ велики были эти потери—намъ не было извѣстно; мы могли знать число убитыхъ и раненыхъ холоднымъ оружіемъ, но въ остальномъ должны были полагаться на показанія лазутчиковъ, которыя никогда не сходились въ этомъ отношеніи. Самонадѣяннѣе всѣхъ наибовъ былъ Абакаръ. Хотя, какъ ближе всѣхъ наибовъ большой и малой Чечни стоявшій въ то время къ имаму, онъ не могъ не знать всѣхъ его сокровенныхъ помысловъ, надеждъ и опасеній; хотя онъ зналъ также, что въ возможность осуществленія всѣхъ содержащихся въ прокламаціяхъ угрозъ и обѣщаній не вѣрилъ и самъ издавшій ихъ, и что издаются онѣ единственно для восстановленія своего авторитета въ извѣрив-

шемся народонаселеніи Чечни, для успокоенія умовъ въ народѣ и поднятія духа,—онъ тѣмъ не менѣ хотѣлъ доказать Шамилю, что въ состояніи буквально исполнить и обѣщанія, данныя чеченцамъ, и угрозы, направленныя противъ русскихъ.

Но время уходило. Русскіе съ каждымъ днемъ все глубже и глубже пускали свои корни вокругъ занятой ими позиціи, а чеченцы все большими партіями выселялись съ плодородной полосы, орошаемой нижними теченіями рѣкъ, впадающихъ въ Сунжу, и подавались къ югу отъ большой русской дороги, ближе къ Чернымъ горамъ, откуда спустились на плоскость въ давнопрошедшія времена. Тогда Абакаръ бросилъ игру и на все махнулъ рукой: и на артилерію, и на имѣвшіяся въ его распоряженіи боевыя средства, и предоставилъ чеченцамъ сопротивляться какъ сами знаютъ. Это рѣшеніе Абакаръ-Дибира было самымъ мудрымъ изъ всѣхъ предпринимавшихся имъ со дня назначенія его предводителемъ сборищъ въ малой Чечнѣ. Предоставленные самимъ себѣ, чеченцы опять становятся чеченцами. Съ этого момента начинается новый періодъ военныхъ дѣйствій нашего отряда въ лѣтнюю экспедицію 1848 года. Абакаръ-Дибиръ не могъ бы произвести болѣе поразительнаго дѣйствія, еслибы махнулъ волшебнымъ жезломъ вмѣсто того, чтобы махнуть рукой. Въ чеченцахъ, какъ только они увидѣли, что ихъ покидаютъ и предоставляютъ собственнымъ силамъ, пробудилась вся ихъ энергія старыхъ временъ, и они отчаянно принялись защищаться сами. И вотъ почему самыя значительныя потери нашего отряда падаютъ на второй періодъ военныхъ дѣйствій—періодъ ружейнаго огня; артилерія въ этотъ періодъ почти не подавала голоса.

Всѣ наши экскурсіи ограничивались теперь фуражировками—не въ видахъ увеличенія нашихъ запасовъ, кото-

рыхъ намъ дѣвать было некуда, но въ видахъ сокращенія непріятельскихъ. Набѣги и истребленіе ауловъ въ зимнія экспедиціи, уничтоженіе продовольственныхъ запасовъ въ лѣтнія должны были заставить чеченцевъ убѣдиться въ необходимости переселенія въ наши предѣлы, гдѣ никто уже не будетъ мѣшать имъ предаваться мирнымъ занятіямъ; имъ нужно было доказать бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія. Была ли достигнута эта цѣль нашимъ отрядомъ? Конечно нѣтъ, или лучше сказать—только нѣкоторая часть цѣли. Наша экспедиція была не болѣе какъ одною станціей на пути къ достиженію всей цѣли, станціею первоклассною, такъ какъ мы заложениемъ новой крѣпости создавали чеченскую передовую линію, прежде не существовавшую между кр. Воздвиженскою и Ачхоевскимъ укрѣплениемъ, гдѣ на сорокъ пять верстъ не было ни одного пункта занятаго русскими; то была линія математическая, какъ разстояніе между двумя точками, но не стратегическая, для которой не только двухъ, иногда десяти точекъ бываетъ недостаточна.

19-го августа фуражировка происходила въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана. Перестрѣлка была самая незначительная: чеченцы стрѣляли какъ-то нехотя; у нихъ, можетъ быть, была цѣль разыграть передъ нами усталость, апатію, заманить насъ, заставить быть смѣлѣе, предприимчивѣе, выступать изъ лагеря маленькими колоннами и тогда нанести намъ такой ударъ, чтобы надолго отбѣить охоту заниматься уборкой хлѣба на чужихъ поляхъ. Изъ нашихъ цѣпей отвѣчали чеченцамъ также нехотя. При отступленіи, сзади колонны упало ядро, но такъ тихо и неожиданно, что никто не замѣтилъ, откуда оно прилетѣло. Строгая инструкція имама подѣйствовала: артилерія его стала осторожнѣе. 21-го ночью она опять заговорила впереди лагеря, но послѣ первыхъ выстрѣловъ, по приказанію баро-

на Меллера-Закомельскаго всѣ войска чеченскаго отряда, не трогаясь съ своихъ мѣстъ, неистовымъ голосомъ кричали „ура“, и выстрѣлы больше не повторялись. То была послѣдняя ночная тревога въ лѣтнюю экспедицію 1848-го года.

26-го августа фуражировка назначена была между рѣками Мартаномъ и ея лѣвымъ притокомъ Рошней. Колонна выступила за два часа до заката солнца. Мы миновали сухія деревья, напоминающія молящихся монаховъ, миновали и тотъ лѣсъ, противъ котораго 14-го августа нашъ второй эскадронъ держалъ цѣпь. Этотъ лѣсъ поворачиваетъ на западъ и волнистой линіей упирается въ правый берегъ Рошни, образуя между своими дугообразными выступами дугообразныя поляны, уходившія иногда далеко въ глубь. Всѣ эти повороты могли заставить думать, что вдоль опушки лѣса бѣжитъ извилистый потокъ. Между прямыми стволами деревьевъ просвѣчивали яркія полоски заслоненнаго опушкой лѣса и залитаго солнечнымъ сіяніемъ свободнаго пространства; на нѣкоторыхъ полянахъ одиноко стояли приземистыя деревья съ толстыми стволами и темнозелеными растрепанными вершинами; вѣтви ихъ усѣяны были овальными, золотистыми и румяными плодами: то были груши. Едва ли съ такимъ же жаднымъ вниманіемъ смотрятъ дѣти на рождественскую елку, съ какимъ наши солдаты смотрѣли на эти деревья. Впереди одного лѣснаго выступа, не обращая ни малѣйшаго вниманія на двигавшуюся по большой русской дорогѣ колонну, спокойно разговаривая о чемъ-то, стояли три всадника. Широкое пространство между ними и дорогой было совершенно открыто и казалось скошеннымъ лугомъ. Здѣсь не было замѣтно даже признаковъ той паразитной флоры, которая такъ деспотически завладѣла всѣми просѣками отъ Гойты до Урусъ-Мартана. Поверхность луга раскинулась такой

гладкой и ровной скатертью безъ малѣйшей складки, что такъ бы вотъ, кажется, и пригнулся къ сѣдлу и помчался туда, къ тѣмъ высокимъ деревьямъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ, за ними, на тѣхъ залитыхъ солнцемъ прогалинахъ.

Одному изъ нашихъ офицеровъ, все время не спускавшему глазъ съ трехъ безопасно разговаривавшихъ всадниковъ, почему-то казалось, что то должны быть наши милиціонеры. Другой, ѣхавшій съ нимъ рядомъ товарищъ его, утверждалъ, что это чеченцы. Держали пари. „Я тебѣ докажу, что это милиціонеры, а не чеченцы“, сказалъ первый, пригнулся къ сѣдлу и по широкому простору луга поскакалъ прямо къ выступу лѣса. Всадники зашевелились. Когда офицеръ былъ отъ нихъ на разстояніи половины ружейнаго выстрѣла, они выхватили изъ чехловъ винтовки и дали по немъ залпъ. Одна пуля ударилась въ сѣдельную подушку; двѣ другія мелкими рикошетами побѣжали по полянѣ, подобно камню, пущенному настильно по поверхности воды. Офицеръ повернулъ лошадь. Онъ выигралъ пари, за то проигралъ во мнѣніи своего дивизіонера, назвавшаго поступокъ его малодушнымъ и сдѣлавшаго ему строгое внушеніе. „Вѣдь вы же посылали меня къ гойтенскому лѣсу одного, съ трубачемъ“, приводилъ онъ въ свое оправданіе. „Посылалъ; это другое дѣло. Можетъ быть, я васъ пошлю одного въ Ведено съ порученіемъ къ Шамилю, и вы должны будете ѣхать, а теперь васъ никто не посылалъ“.

По поводу моей несчастной выходки Дмитрій Матвѣевичъ разсказалъ мнѣ о нашемъ полковомъ командирѣ анекдотъ, котораго я прежде не зналъ, и который не лишенъ оригинальности. Когда Крукъовскій съ восьмидесятью казаками удерживалъ партію въ нѣсколько тысячъ чело-
вѣкъ кавалеріи, одинъ изъ его казаковъ выѣхалъ впередъ и прицѣлился въ предводителя партіи, за которымъ вози-

ли росписанный значекъ, и котораго вся грудь горѣла въ серебрѣ. Его осыпали градомъ пуль, но не ранили; его выстрѣлъ былъ также неудаченъ. Круковскій отобралъ отъ него ружье и возвратилъ его только тогда, когда дѣло было кончено. Этого мало: онъ его не представилъ даже къ наградѣ: „за то“, сказалъ онъ ему, „что ты былъ не на своемъ мѣстѣ; сегодня ты выѣхалъ впередъ, завтра тебѣ придетъ фантазія ускорять назадъ, въ станицу; примѣру твоему послѣдуютъ другіе, и вы меня бросите одного, чего я вовсе не желаю“.

26-го августа вечеромъ, все на той же фуражировкѣ между Урусъ-Мартаномъ и Рошней, послѣдовало другое пари, о которомъ узналъ даже главнокомандующій. Въ лѣвой цѣпи гремитъ перестрѣлка, колонна собирается отступать; драгуны сидятъ на коняхъ; начальникъ кавалеріи ждетъ отъ командира сборнаго казачьяго дивизіона отвѣтъ, который долженъ привести ему его адъютантъ. Два драгунскихъ юнкера, стоя во фронтѣ, о чемъ-то разговариваютъ. Въ лѣсу за Рошней показывается облако дыма, и къ ногамъ лошади одного изъ разговаривающихъ, юнкера Сапѣги, падаетъ непріятельскій снарядъ. „Ядро“! говоритъ его товарищъ. „Извини, граната“, хладнокровно возражаетъ ему Сапѣга. „Ядро“!—„Граната“! Держатъ пари. Сапѣга соскакиваетъ съ лошади, схватываетъ снарядъ, который оказывается гранатою, и подноситъ его къ лицу товарища; тотъ въ испугѣ отстраняется. Сапѣга выпускаетъ изъ рукъ гранату, ее сейчасъ же разрываетъ, и осколками одну лошадь убиваетъ, двухъ тяжело ранитъ. Старый сардаръ прислалъ крестъ юнкеру Сапѣгѣ. „Такія оригинальныя пари даже англичанамъ никогда не приходили въ голову“, сказалъ онъ, весело потирая руки. Старый сардаръ цѣнилъ и поощрялъ подобныя шалости.

Колонна остановилась фуражировать на правомъ бере-

гу Рошни, а на лѣвый ея берегъ переправились двѣ роты тенгинскаго полка, которыя и расположились цѣпью противъ роскошныхъ фруктовыхъ садовъ. Сады эти похожи на земной рай. Разница была, впрочемъ, и наши солдаты понимали ее какъ нельзя лучше: въ библейскомъ раю запрещены были плоды только одного дерева—здѣсь же, напротивъ, ни къ одному дереву нельзя было прикоснуться, потому что сады тотчасъ же начали наполняться чеченцами, и въ нѣсколько мгновений всю лѣвую цѣпь, отъ одной крайней пары до другой, охватилъ бѣглый ружейный огонь. Перестрѣлка, бойкая съ самаго начала фуражировки, стала мало по малу ослабѣвать, когда чеченцы убѣдились, что разстояніе между цѣпью и садами не уменьшается; но къ концу фуражировки, передъ отступленіемъ, она возобновилась съ такою силою, что начала внушать серьезныя опасенія за участь лѣвой цѣпи, отрѣзанной оврагомъ отъ колонны. „Чеченцы непременно бросятся въ шашки на тенгинцевъ, когда тѣ начнутъ обратно переправляться черезъ Рошню“, сказалъ колонный начальникъ нашему дивизіонеру.—„Не беспокойтесь“, отвѣчалъ ему на это Дмитрій Матвѣевичъ, „я позабочусь о томъ, чтобы чеченцы не выходили изъ границъ приличія и соблюдали надлежащую дистанцію“. У него заранѣе составленъ былъ планъ на этотъ вечеръ: такъ какъ мѣстность отъ колонны до Рошни была совершенно ровная и открытая и не препятствовала маневрированію кавалеріи; такъ какъ казаки, за все время пребыванія своего въ чеченскомъ отрядѣ, не участвовали еще ни въ одномъ дѣлѣ, то онъ рѣшилъ въ своемъ добромъ и великодушномъ сердцѣ предоставить имъ именно въ этотъ день случай къ отличію и права на полученіе наградъ наравнѣ съ другими.

Я былъ посланъ къ командиру сборнаго казачьяго дивизіона съ приказаніемъ переправиться на лѣвый берегъ

Рошни и показаться въ цѣпи тенгинцевъ. Если же чеченцы, не смотря на ихъ присутствіе, будутъ при отступленіи слишкомъ близко подходить къ цѣпи—атаковать ихъ и опрокинуть къ садамъ. Офицеръ, командовавшій сборными сотнями, плохо говорилъ, но все понималъ порусски: онъ былъ иностранецъ; къ какой именно національности онъ принадлежалъ—опредѣлить было довольно трудно; можно было только поручиться, что онъ не нѣмецъ, не французъ, не англичанинъ. Онъ выслушалъ приказаніе начальника кавалеріи съ почтительнымъ вниманіемъ и въ отвѣтъ на него объявилъ мнѣ, что не можетъ его исполнить, такъ какъ въ его дивизіонѣ всѣ казаки семейные, и онъ не считаетъ себя вправѣ водить ихъ на убой. Я попросилъ его отъѣхать въ сторону и такъ, чтобы насъ не могли слышать, вполголоса объяснилъ ему прекрасныя побужденія, которыя руководили начальникомъ кавалеріи въ этомъ распоряженіи. „Я не намѣренъ рисковать жизнью даже одного человѣка изъ за нѣсколькихъ лишнѣхъ крестовъ на дивизіонѣ“, было его категорическимъ отвѣтомъ. Я не былъ уполномоченъ настаивать и, не теряя времени, которое было очень дорого, вернулся съ этимъ страннымъ ультиматумомъ къ дивизіонеру. Онъ широко открылъ глаза, когда я передавалъ ему то, чему самъ едва вѣрилъ. Дивизіонеръ закусилъ нижнюю губу, покраснѣлъ, какъ піонъ, и, быстро повернувшись лицомъ къ эскадронамъ, громкимъ голосомъ скомандовалъ: „дивизіонъ, прибавь рыси!“

„Я для нихъ же хотѣлъ сдѣлать“, проворчалъ онъ, едва удерживая лошадь, которая начинала срывать, точно раздѣляла взволнованныя чувства своего благороднаго сѣдока. Тенгинцы медленно отступали отъ садовъ, когда мы на встрѣчу имъ переправились черезъ Рошню. Теперь между ними и непріятелемъ были драгуны, и опасенія ихъ

быть атакованными въ шашки при безпорядочной переправѣ черезъ глубокой оврагъ миновали. Они не могли забыть только-что покинутыхъ ими садовъ, отъ которыхъ были такъ близко и вмѣстѣ такъ далеко, а о возможности быть уничтоженными прежде, нежели дойдутъ до колонны, они мало думали; объ этомъ думали за нихъ начальники.

Въ этотъ день непріятель тремя пушечными выстрѣлами далъ намъ понять, что артилерія его нисколько на насъ не сердится за 14-е августа, и если рѣдко заговариваетъ съ нами, то на это у нея есть свои причины. Колонный начальникъ не счелъ себя вправѣ скрытъ отъ начальника отряда исторію съ казачьимъ дивизиономъ. Баронъ Меллеръ-Закомельскій улыбнулся, махнулъ рукой и ограничился замѣчаніемъ: „они знаютъ, что оставлены въ отрядъ для конвойной и аванпостной службы и, конечно, горой стоятъ за свои права“. Начальникъ лѣваго фланга иначе взглянулъ на него; у него вырвалось восклицаніе менѣе миролюбиваго свойства. Этотъ новый эпизодъ заставилъ еще разъ посыпать главу пепломъ и принести покаянiе въ несправедливости своихъ предубѣжденій противъ драгунъ.

Въ Грозной, на время военныхъ дѣйствій нашего отряда въ малой Чечнѣ, сформирована была небольшая подвижная колонна, подъ начальствомъ полковника Суслова, для огражденія мирныхъ ауловъ, расположенныхъ по Тереку и Сунжѣ, отъ хищническихъ набѣговъ горцевъ. Когда же въ Грозной не бывало отрядовъ—если не постоянныхъ, то временныхъ или дополнительныхъ, подвижныхъ и наконецъ проходныхъ! Получая постоянныя свѣдѣнія отъ лазутчиковъ о выступленіи изъ большой Чечни въ малую значительныхъ партій для военныхъ дѣйствій противъ нашего отряда, полковникъ Сусловъ, распоряди-

тельный, находчивый, неустрашимый штабъ-офицеръ, стяжавшій себѣ громкую извѣстность еще въ званіи командира гребенскаго казачьяго полка, счелъ своевременнымъ и небезполезнымъ сдѣлать небольшую диверсію, съ тѣмъ, чтобы показать жителямъ непокорныхъ обществъ, что и мы зорко слѣдимъ за всѣми ихъ дѣйствіями и всегда готовы воспользоваться малѣйшею оплошностью съ ихъ стороны; что для нихъ выгоднѣе не вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей и оставаться въ своихъ аулахъ охранять имущество и семейства.

24-го августа колонна полковника Суслова выступила изъ Грозной по направленію къ раззоренному аулу Тепли-Кичу, въ составѣ двухъ ротъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, двухъ ротъ линейнаго № 9-го баталіона, при одномъ орудіи, двухъ сотенъ донскаго № 39-го и двухъ сотенъ горскаго казачьихъ полковъ. На лѣвомъ берегу Аргуна полковникъ Сусловъ оставилъ три роты съ орудіемъ, а съ остальными войсками переправился на правый берегъ рѣки. Въ одномъ оврагѣ онъ положилъ въ засаду одну роту генералъ-адъютанта князя Воронцова полка (куринскаго), а съ кавалеріей поскакалъ впередъ къ хуторамъ Ханъ-Кажи-Кожъ и Клусеръ, находившимся верстахъ въ восьми отъ Аргуна. Нападеніе было такъ неожиданно, что двѣсти пятьдесятъ шесть штукъ рогатаго скота захвачены были безъ выстрѣла, и кавалерія съ добычей начала отступать. Въ хуторахъ распространилась тревога. Жители стали собираться и вскорѣ завязали съ казаками сильную перестрѣлку, нѣсколько разъ даже бросались въ пашки. Приблизившись къ оврагу, въ которомъ лежала въ засадѣ рота куринскаго полка, казаки начали поспѣшно переправляться черезъ него. Непріятель, принявъ это ускоренное отступленіе за начало бѣгства, снова бросился въ пашки, не подозрѣвая присутствія

притаившейся въ оврагѣ роты куринаго полка. Встрѣченный сильнымъ ружейнымъ огнемъ, котораго онъ никакъ не ожидалъ, онъ былъ такъ озадаченъ имъ, что сначала обратился въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ шесть тѣлъ убитыхъ съ полнымъ вооруженіемъ, но потомъ, когда паническій страхъ нѣсколько разсѣялся, опять началъ постепенно собираться, возобновивъ преслѣдованіе, которое уже не прекращалось до самаго Аргуна *). Полковникъ Сусловъ, за свой нѣсколько рискованный набѣгъ, заплатился однимъ убитымъ, тринадцатью ранеными и однимъ контуженымъ нижними чинами. Къ какимъ частямъ войскъ принадлежатъ выбывшіе изъ строя—объ этомъ донесеніе умалчиваетъ.

Если принять во вниманіе довольно значительное удаленіе колонны отъ крѣпости, слѣдовательно полнѣйшую ея изолированность и ничтожный численный ея составъ, то диверсія Суслова принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ. Успѣху этой диверсіи, кромѣ распорядительности и присутствія духа колоннаго начальника, не мало содѣйствовала неожиданность нападенія и, конечно, отсутствіе жителей. Еслибы они не покидали своихъ ауловъ, никто не отважился бы съ такой ничтожной горстью вторгнуться въ ихъ вертепы, или же—а это могло случиться—никто не вернулся бы въ Грозную, кромѣ трехъ ротъ, остававшихся на Аргунѣ. Въ то время, какъ въ малой Чечнѣ происходили военныя дѣйствія, для которыхъ главныя силы войскъ, расположенныхъ на лѣвомъ флангѣ, стянуты были къ берегамъ Мартана, чеченцы не переставали держать линію въ постоянной тревогѣ. Хотя на эти тревоги не слѣдуетъ смотрѣть какъ на диверсіи непріятеля, но онѣ слу-

*) Изъ донесенія начальника лѣваго фланга кавказской линіи отъ 9-го сентября 1848 года № 253.

жать самым нагляднымъ доказательствомъ того факта, что, не смотря на внушительную численность кавказской арміи, войска ея всегда были такъ разбросаны на всемъ огромномъ протяженіи театра войны и по всѣмъ направленіямъ, расходъ на людей былъ такъ великъ всегда, что въ исключительныхъ только случаяхъ обстоятельства позволяли намъ въ данный моментъ и на данномъ пунктѣ сосредоточивать большее противъ того число баталіоновъ, какое обыкновенно входило въ составъ нашихъ отрядовъ. Возьмемъ для примѣра составъ чеченскаго отряда лѣтомъ 1848 года: ядро отряда составляли части куринаскаго полка и одного линейнаго баталіона; отъ кабардинскаго нельзя было отдѣлить и роты; навагинцы и тенгинцы, по два баталіона отъ каждаго полка, вызваны были изъ центра; драгуны прибыли съ сулакской линіи т. е. изъ сѣвернаго нагорнаго Дагестана; баталіонъ грузинскихъ гренадеръ пришелъ изъ Закавказья,—слѣдовательно, главнокомандующій, такъ сказать, перебивался и какъ бы говорилъ непріятелю: „не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ“. Не смотря на такой разнородный составъ отряда, единодушія въ немъ и солидарности было гораздо больше, нежели въ полкахъ одной и той же бригады или въ баталіонахъ одного и того же полка всякой другой арміи.

Изъ перечня военныхъ происшествій за августъ мѣсяцъ видно, что за время нашего пребыванія въ малой Чечнѣ, мелкія партіи горцевъ, преимущественно чечевцевъ, то переправлялись на лѣвый берегъ Терека, то порывались переправиться между станицами и постами гребенскаго казачьяго полка. Изъ десяти девять разъ они были открываемы казаками, расположенными въ секретахъ, и хищническіе замыслы ихъ были разстроиваемы. Два раза имъ удалось безнаказанно угнать скотъ и лошадей, да еще 31-го августа, въ числѣ тридцати пяти человѣкъ, напасть на сол-

дать кабардинскаго егерскаго полка, одного убить и скрыться, потомъ еще убить двухъ изъ Амиръ-Аджи-юрта.

Атмосфера вокругъ Урусъ-Мартана расчистилась; дымъ, застилавшій повременамъ ея берега, разошелся и больше не показывался; курились только костры на ротныхъ кухняхъ, да въ пасмурную погоду, издали, оранжевыя пирамиды кукурузы казались горящими стогами. Вновь воздвигающаяся крѣпость росла не по днямъ, а по часамъ, — иначе и быть не могло, потому что самъ главнокомандующій былъ ея воспреемникомъ. Оставалось ли у насъ еще дѣло въ малой Чечнѣ? Оставалось много дѣла: нужно было истреблять запасы непріятеля, все, что дали ему посѣвы истекшаго агрономическаго года.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ сѣверу отъ юнаго укрѣпленія, внизъ по теченію Мартана, слѣдовательно къ сторонѣ Сунжи, находятся жалкіе остатки когда-то процвѣтавшаго, но теперь раззореннаго хутора Сабдуллы; ниже его, также раззоренные, разбросаны на нѣсколько верстъ жарганъ-юртовскіе хутора. Лазутчики дали знать начальнику отряда, что въ этихъ хуторахъ и ихъ окрестностяхъ чеченцами заготовлены огромные запасы кукурузы. Туда мы и направились передъ вечеромъ 27-го августа. Еще не успѣла наша колонна осмотрѣться, не успѣла разставить цѣпей, распредѣлить роли между отдѣльными своими частями, какъ со всѣхъ сторонъ засверкали огненные струйки, за клубились облака пороховаго дыма, и загремѣла музыка, мотивы которой всегда кажутся новыми. Въ этотъ вечеръ на долю правой цѣпи досталась самая видная роль. Она стояла не въ опушкѣ лѣса, а противъ нея, такъ какъ разстояніе между лѣсомъ и колонной было слишкомъ велико, и опушки его нельзя было занять не только двумя ротами, но даже и цѣлымъ баталіономъ; обстрѣливать его продольными выстрѣлами также не представлялось возможно-

сти. Та же дальность разстоянія не позволяла занять и кладбище лѣвою цѣпью, которой пришлось стоять подъ выстрѣлами засѣвшихъ за могильными камнями и шестами чеченцевъ. Топографическія условія мѣстности, при несоотвѣтствующемъ числѣ войскъ, бывали иногда причиной большихъ потерь, въ которыхъ никого нельзя винить: ни колоннаго начальника, ни начальниковъ отдѣльныхъ частей, ни войска. Передней цѣпи пришлось залечь въ канаву.

Одному юнкеру навагинскаго полка, фамиліи котораго, къ несчастью, я не записалъ въ свое время, казалось страннымъ и даже неприличнымъ его званію русскаго дворянина лежать и прятаться отъ выстрѣловъ; онъ все время оставался на ногахъ и притомъ на самомъ виду и служилъ прекрасною мишенью для выстрѣловъ. Не смотря на увѣщанія старыхъ солдатъ, очень его любившихъ, онъ продолжалъ стоять. Офицеръ, командовавшій цѣпью, отправилъ къ нему унтеръ-офицера уговорить его лечь. Увѣщанія унтеръ-офицера не подѣйствовали на юнкера. „Еще та пуля не отлита, которая должна меня убить“, отвѣчалъ онъ со смѣхомъ и продолжалъ стоять. Почти вслѣдъ за произнесенными имъ, конечно въ шутку, знаменитыми словами великаго корсиканца, онъ былъ раненъ пулей навывлетъ въ самую середину груди и, падая съ помутившимися глазами на руки унтеръ-офицера, успѣлъ проговорить: „я думалъ, что я Наполеонъ.... я ошибся“. Ему, конечно, достался крестъ, но какой? большой ли деревянный, или маленькій серебряный на благородную прострѣленную грудь — мнѣ не довелось услышать.

Мы не были и часа на фуражировкѣ. Чеченцы все приготовили для насъ; намъ оставалось только разобрать скирды, сложить кукурузу на повозки и отступить, — что мы и сдѣлали съ неподражаемою добросовѣстностью, не смотря на отчаянныя усилія непріятеля усложнить и за-

тормазить эту столь простую операцію. При обратномъ движеніи колонны, чеченцы, пятью выстрѣлами изъ орудій, стоявшихъ гдѣ-то далеко впереди авангардной цѣпи, дали понять намъ, что артилерія имама все еще находится въ ихъ распоряженіи, хотя они пользуются ею умѣренно. 29-го августа мы опять фуражировали у джарганъ-юртовскихъ хуторовъ: тотъ же тихій лѣтній вечеръ, та же мирная и нѣсколько грустная обстановка покинутого жилья. На этотъ разъ колонна прошла дальше и стала уже фронтомъ къ опушкѣ лѣса, но все же очень далеко отъ него, дальше даже нежели въ послѣдній разъ; за то, кладбище и группы деревьевъ, изъ за которыхъ 27-го числа чеченцы своими мѣткими выстрѣлами производили опустошенія въ нашей лѣвой цѣпи, пришлось теперь внутри расположенія цѣпей. Орудія, съ самаго прибытія колонны на фуражировку, стали на позицію за серединой передней цѣпи, противъ оставленнаго для нихъ широкаго интервала; ихъ велѣно было зарядить картечью. Прикрытіемъ артилеріи служили резервы. Драгуны спѣшились; они стояли въ арріергардѣ и должны были, какъ только непріятель покажется изъ лѣса въ довольно значительныхъ массахъ, одновременно появиться на флангахъ колонны. Но непріятель не показывался. Въ колоннѣ соблюдалась тишина, и фуражиры, противъ обыкновенія, вели себя какъ-то сдержанно, чипно; безъ шума и безъ суеты принялись они за привычное дѣло.

Вдругъ, среди этой, точно заранѣе условленной тишины, послышались удары, сначала рѣдкіе и мѣрные, затѣмъ нѣсколько учащенные, напоминавшіе стукъ топоровъ. Всѣ невольно оглянулись въ ту сторону, откуда доносились эти звуки: на владбище забрались два солдата, выбрали мачту съ самымъ красивымъ флагомъ и начали рубить ее. Колонный начальникъ послалъ ординарца съ приказаніемъ

немедленно прекратить эту рубку и вмѣстѣ съ тѣмъ уз-
нать, къ какому баталіону и къ какой ротѣ принадлежатъ
занимавшіеся ею нижніе чины. Когда требуемая свѣдѣ-
нія были доставлены, онъ вызвалъ изъ фронта ротнаго
командира, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и объявилъ, что
на будущее время онъ этимъ не ограничится, а отдастъ
подъ судъ начальника части, который позволить себѣ
своею бездѣятельностью потворствовать подобному свято-
татству. Слова его, произносимыя громкимъ и внятнымъ
голосомъ, можно было слышать въ послѣднихъ рядахъ
колонны. Когда онъ говорилъ, стало еще тише на позиціи.

„Еслибы нижніе чины“, прибавилъ онъ въ заключеніе,
„не считали этого безнравственнымъ и предосудительнымъ,
повѣрьте мнѣ, многіе бросились бы рубить надгробные па-
мятники, хотя бы для того, чтобы изъ за нихъ не стрѣ-
ляли; однако они уважаютъ ихъ, и изъ цѣлой колонны
нашлось только двое, для которыхъ нѣтъ ничего святаго.
Надѣюсь, господа“, обратился онъ затѣмъ ко всѣмъ
начальникамъ частей, командирамъ ротъ, баталіоновъ и
эскадроновъ, „что вы раздѣляете мое мнѣніе и не отка-
жетесь, съ своей стороны, внушить нижнимъ чинамъ, что
не мусульмане намъ, христіанамъ, а мы, христіане, мусуль-
манамъ должны служить примѣромъ во всѣхъ подобныхъ
случаяхъ“.

Еще разъ приходится вернуться къ мысли, уже всѣмъ
потомствомъ теперь усвоенной, что маститый нашъ главноко-
мандующій былъ правъ, стараясь облагородить ввѣренную
ему армію и поселить къ ней то уваженіе въ имперіи,
котораго она вполнѣ заслуживала не только своимъ до-
блестнымъ поведеніемъ на поляхъ чести, но и своей вы-
сокой нравственностью.

Мы отступили безъ выстрѣла: или чеченцы никакъ
не предполагали, чтобы мы два раза сряду фуражировали

въ одномъ и томъ же районѣ, или же вниманіе ихъ отвлечено было въ другую сторону. Последнее предположеніе оказалось вѣрнымъ. Вечеромъ лазутчики дали знать, что сынъ одного наиба, раненный 29-го числа у раззоренныхъ хуторовъ, вчера умеръ отъ раны, а сегодня его хоронили, и всѣ наибы, и другія лица, на обязанности которыхъ лежить водить жителей въ бой, присутствовали на похоронахъ. И такъ, смерть одного человѣка избавила отъ смерти нѣсколькихъ, а можетъ быть, и многихъ другихъ: жизнь имѣетъ свою логику, которой мы никогда не постигнемъ.

31-го августа, въ третій разъ отправились мы на фуражировку къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ. Колонна спустилась еще ниже по теченію Мартана. За каждымъ поворотомъ открывались новыя панорамы. Здѣсь, что ни шагъ, то ландшафтъ, и не знаешь, на которомъ изъ нихъ остановиться, чтобы имѣть его вѣчно передъ глазами. Тяжело было чеченцамъ разставаться съ такими мѣстами. Нельзя сказать, чтобы имамъ бросилъ Чечню на произволъ судьбы; нельзя сказать, чтобы онъ не тревожился происходившими тамъ событіями. Напротивъ, всѣ боевыя средства, которыми онъ могъ располагать въ данную минуту, онъ предоставлялъ въ распоряженіе чеченцевъ, но самъ онъ, съ своимъ пятнадцати-тысячнымъ скопищемъ, не могъ прибыть въ страну; онъ не могъ оставить Дагестанъ, гдѣ у него былъ сильный и опасный противникъ въ лицѣ „самурскаго кабана“—такъ называли въ горахъ князя Аргутинскаго, командовавшаго въ то время войсками прикаспійскаго края. Противникъ этотъ могъ какимъ нибудь смѣлымъ и неожиданнымъ ходомъ испортить всю его игру. Чеченцы, принужденные выбирать изъ двухъ золъ меньшее, рѣшились сами защищаться до послѣдней капли крови, именно до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать

небесная твердь, какъ сказано въ одной изъ прокламацій Шамиля,—но не для того, чтобы остаться вѣрными чело-
вѣку, утратившему для нихъ обаяніе, а для того, чтобы
не сдѣлаться современемъ русскими солдатами. 27-го авгу-
ста жители малой Чечни были одни противъ насъ, никого
изъ постороннихъ не было между ними; 31-го августа мы
опять очутились лицомъ къ лицу съ ними одними. Въ эти
два дня они доказали, что еще не отстали отъ обычаевъ
своихъ славныхъ предковъ, что постараются даже затмить
ихъ, если будутъ доведены до крайности.

На пушечный выстрѣлъ отъ входа со стороны боль-
шой русской дороги въ одну очень длинную, но узкую
полянѣ въ окрестностяхъ джарганъ-юртовскихъ хуторовъ,
колонна остановилась. Поляна загорожена была высокимъ,
въ ростъ человѣка, заваломъ изъ молодыхъ, только-что сруб-
ленныхъ деревьевъ. Обойти завалъ лѣсомъ можно было не
иначе, какъ съ большимъ урономъ; штурмовать его и поло-
жить полтора человека для того, чтобы вывезти нѣсколь-
ко повозокъ кукурузы, было бы преступленіемъ; приходилось
или отступить—этого никто не рѣшился бы сдѣлать—или
разбивать завалъ артилерійскими снарядами. Опушки лѣ-
совъ справа и слѣва отъ поляны заняты были почти
сплошными цѣпами чеченцевъ; на деревьяхъ, прикрываясь
ихъ густой листвою, также сидѣли чеченцы. Колоннѣ пред-
стояло проходить около полуверсты отъ завала до противу-
положнаго конца поляны подъ перекрестнымъ двухъ-ярус-
нымъ огнемъ нѣсколькихъ сотъ винтовокъ—перспектива
не особенно привлекательная даже и для болѣе самостоятель-
наго отряда, нежели наша маленькая колонна, въ которой
было всего три баталіона пѣхоты, два эскадрона драгунъ,
двѣ сотни казаковъ и четыре орудія.

Пока артилерія наша, выстроившись на позиціи про-
тивъ середины завала, громила его ядрами, колонный на-

чальникъ, набросавъ нѣсколько словъ карандашемъ на клочкѣ бумаги, вызывалъ охотника отправиться съ этой лаконической депешей въ лагерь къ начальнику отряда. Доставить ее вызвался одинъ милиціонеръ изъ мирныхъ чеченцевъ. Онъ не могъ не догадываться о содержаніи записки; вѣроломства съ его стороны нечего было опасаться, такъ какъ семейство и все имущество его находилось въ одномъ изъ ауловъ у Грозной. Не успѣла пыль, взбитая копытами его лошади, улечься по дорогѣ, какъ онъ скрылся изъ вида.

Первые выстрѣлы нашихъ орудій противъ завала были неудачны: снаряды ложились то по ту, то по эту сторону его; но когда офицеры, сами наводившіе орудія, напали наконецъ на настоящій уголъ возвышенія, всѣ ядра стали ударяться прямо въ завалъ. Не выдержала наскоро сложенная стѣна изъ молодыхъ и кривыхъ деревьевъ: верхнія были скоро снесены и съ грохотомъ покатались внизъ; винтовки, торчавшія въ просвѣтахъ, спрятались. Двадцатиминутнаго бомбардированія было совершенно достаточно, чтобы въ завалѣ образовалась широкая брешь, такъ что, прежде нежели подошли къ намъ изъ лагеря баталіоны, вызванные запиской колоннаго начальника, завала уже не существовало; на мѣстѣ его валялись беспорядочныя кучи молодыхъ, недавно срубленныхъ деревьевъ. Простой плетень, какіе умѣютъ строить чеченцы, оказалъ бы не меньше сопротивленія. Чеченцы, стоявшіе за заваломъ, потянулись къ лѣсу. Нарочный, отправленный въ лагерь съ запиской, встрѣтилъ по дорогѣ къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ небольшую колонну изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, съ двумя орудіями, высланную для усиленія нашей колонны, которую отправилъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, догадавшійся по выстрѣламъ, что на фуражировкѣ происходитъ что-то не совсѣмъ обыкновенное. Это подкрѣпленіе подошло какъ нельзя болѣе вовремя. Къ приходу его въ нашей ко-

лоннѣ оставалось только четыре роты пѣхоты, два эскадрона драгунъ и двѣ сотни казаковъ; артилерія, раздѣлившись на два взвода, занята была обстрѣливаніемъ продольными выстрѣлами правой и лѣвой опушекъ лѣса, и въ прикрытіе каждому изъ этихъ взводовъ отдѣлено было по одному баталіону пѣхоты. Съ деревьевъ и изъ за деревьевъ непріятель открылъ по артилерійской прислугѣ непрерывный, какъ барабанная дробь, ружейный огонь; но такъ какъ пули падали впереди орудій на излетѣ, не причиняя артилеристамъ никакого вреда, потому что разстояніе было велико и не по силамъ обыкновенному ружейному выстрѣлу, то чеченцы стали выходить изъ лѣса на открытое мѣсто. Не смотря на то, что ихъ обдали нѣсколько разъ дальнею картечью, они буквально осыпали прислугу градомъ пуль. Отъ колонны отдѣлились драгуны и рысью направились въ ту сторону, къ правой опушкѣ; чеченцы тотчасъ отступили къ лѣсу; драгуны стали позади орудій. Стрѣлки, между тѣмъ, все время дѣйствовали изъ своихъ штуцеровъ противъ чеченцевъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ; имъ удалось наконецъ выбить ихъ изъ этой позиціи.

Колонна, усилившись прибывшими изъ лагеря войсками, получила теперь возможность продолжать свое наступленіе къ полянѣ. Баталіоны, находившіеся въ прикрытіи артилеріи, съ крикомъ „ура“ бросились къ самому лѣсу. Чеченцы неохотно уступали намъ опушки, но онѣ все-таки остались за нами послѣ отчаянной схватки огнестрѣльнымъ оружіемъ на близкомъ разстояніи. Изъ глубины лѣса продолжали раздаваться выстрѣлы, но уже не такіе частые, какъ прежде изъ опушки. За то, изъ непроницаемой листвы лѣсныхъ великановъ дымъ вылеталъ, какъ паръ изъ трубы локомотива.

Обыкновеннымъ шагомъ человѣкъ проходитъ въ семь съ половиною минутъ полверсты. Мы шли черезъ поляну

ровно полтора часа, считая отъ перваго выстрѣла, сдѣланнаго по завалу. Мы употребили, слѣдовательно, полтора часа, чтобы пройти полверсты. Узкая поляна выходила на обширное, открытое со всѣхъ сторонъ пространство. То было поле, по которому разставлены были красиво сложенные скирды кукурузы; запасъ былъ громадный. Лазутчики сказали правду: въ мѣсяцъ не разобрать этого запаса и въ двухъ лагеряхъ такихъ, какъ нашъ, не уставить его. Каждый скирдъ огороженъ былъ плетнемъ въ ростъ человѣка, до того плотнымъ, что за нимъ ничего нельзя было разглядѣть. По тремъ изъ нихъ, ближе другихъ стоявшимъ къ нашей колоннѣ, изъ предосторожности велѣно было сдѣлать по одному картечному выстрѣлу, но изъ за плетней никто не отвѣчалъ на выстрѣлы, никто не показывался. Фуражиры вызваны были разбирать ихъ подъ прикрытіемъ двухъ разсыпавшихся въ цѣпь баталіоновъ. Скирды, хранившіе все время глубокое молчаніе и казавшіеся никѣмъ незанятыми, вдругъ заговорили при нашемъ отступленіи, и какъ бойко заговорили! Мелкими партіями выбѣгали чеченцы изъ за нихъ, дѣлали залпъ и опять уходили за скирды. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока мы не отошли на дальній ружейный выстрѣлъ отъ передовыхъ скирдъ; тогда только прекратилось преслѣдованіе. Дымъ наверху, пока шла перестрѣлка, разстилался тонкою, полупрозрачною скатертью перламутроваго цвѣта, а внизу былъ до того густъ, что чеченцы казались гораздо дальше, нежели были на самомъ дѣлѣ, и гораздо выше ростомъ. Это легко объяснимое оптическое явленіе всегда возбуждало въ нашихъ солдатахъ удивленіе, смѣшанное съ суевѣрнымъ страхомъ.

Вечеръ 31-го августа напомнилъ мнѣ утро 1-го августа, нашу первую фуражировку по другую сторону той рѣки, когда мы, съ главнокомандующимъ во главѣ, только-что

вступили на берега Урусъ-Мартана,—съ тою только разницею, что тамъ мы забирали сѣно—здѣсь кукурузу, тамъ всѣ чеченцы были конные—здѣсь всѣ были пѣшіе. Было уже довольно поздно, когда мы стали подходить къ узкой полянѣ; солнце садилось. Колонна прибавила шагъ; авангардъ поровнялся съ злоушлыми опушками, въ которыхъ теперь было почти темно. Цѣпи вступили въ нихъ безпрепятственно; ихъ даже почему-то не обстрѣливали предварительно картечью. „Авосъ“ не обмануло на этотъ разъ упованіе русскаго человѣка на него. Солнце совсѣмъ сѣло; колонна еще прибавила шагъ; никого нигдѣ не было ни видно, ни слышно; вмѣстѣ съ мракомъ, начинавшимъ быстро стучаться, воцарилась полная тишина и въ лѣсахъ. Отдавался только шумъ отъ движенія быстро переходившей черезъ поляну колонны, сдержанный говоръ, да стукъ колесъ подъ орудіями и тяжело нагруженными транспортными повозками; иногда въ этотъ шумъ врывался слабый стонъ раненаго. Осторожно шагая черезъ деревья, изъ которыхъ сложенъ былъ заваль, мы почувствовали облегченіе: поляна была пройдена. Вдругъ, сумерки освѣтились на одно мгновеніе огненнымъ заревомъ, отъ котораго, казалось, вся окрестность подпрыгнула; послышался глухой выстрѣлъ, точно кто зажалъ ротъ орудію, и въ самую середину обоза упало ядро. Вся колонна разразилась громкимъ смѣхомъ, и опять все стихло.

Когда мы выбрались изъ раззоренныхъ хуторовъ и стали подходить къ большой русской дорогѣ, на небѣ замигали первыя звѣзды.

Шамиль узналъ отъ своихъ лазутчиковъ, какъ вели себя чеченцы въ двухъ послѣднихъ встрѣчахъ съ русскими: Онъ прислалъ благодарить ихъ и спросить—нуженъ ли имъ еще Абакаръ-Дибиръ? Такъ какъ большія сборища тавлинцевъ, прибывшихъ въ Чечню съ Абакаръ-

Дибиромъ, раззоряли ихъ своимъ военнымъ постоемъ почти столько же, сколько русскіе своими фуражировками, то они отвѣчали посланнымъ, что Абакаръ-Дибиръ имъ больше не нуженъ, тѣмъ болѣе, что крѣпость, заложения которой онъ присланъ былъ не допустить, не только давно заложена, но скоро будетъ совсѣмъ окончена, и русскіе занимаются теперь раззореніемъ края, чему Абакаръ не можетъ помѣшать, потому что вывозить свою артилерію только по ночамъ, когда русскіе спятъ. Наибъ, потерявшій сына въ дѣлѣ 27-го августа, получилъ отъ Шамиля собственноручное письмо, въ которомъ имамъ выражалъ ему свое соболѣзнованіе. Лазутчики обѣщали доставить копію съ этого письма, но при насъ она не была еще доставлена.

Подошелъ и сентябрь мѣсяцъ, скучный и пасмурный внутри Россіи, мѣсяцъ тумановъ, дождей и слякоти по ту сторону, къ сѣверу отъ кавказскаго перешейка; мѣсяцъ тихій, теплый и прозрачный, едва ли не лучший въ году на всемъ протяженіи между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

Мы больше не возвращались къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ: тамъ стояли слишкомъ высокія цѣны на кукурузу.

2-го сентября мы отправились фуражировать къ берегамъ Гехи. Перестрѣлки не было, пока мы стояли на позиціи. Перестрѣлки мы вправѣ были ожидать: берега Гехи густо населены. Только изъ балки, впереди авангарда, по временамъ показывался дымокъ, и ни одинъ выстрѣлъ, которымъ сопровождался дымокъ, не пропадалъ даромъ, ни одна пуля не пролетала мимо колонны: первая попала въ мушку единорога, вторая впила въ грядку заряднаго ящика, третья ударила объ мѣдныя деньги, уцѣлѣвшія какимъ-то чудомъ въ карманѣ одного артилериста, любившаго навѣдываться къ извѣстному навѣсу. Товарищи его

разсмѣялись. Однако пули, долетавшія къ намъ изъ оврага, вызывали не одинъ смѣхъ: двоихъ пришлось отправить на перевязочный пунктъ.

Офицеръ, командовавшій взводомъ конно-казацкей артилеріи, выдвинулъ впередъ одно орудіе и началъ картечью обстрѣливать балку. Послѣ каждаго выстрѣла, изъ за края оврага высовывалась до пояса человѣческая фигура въ желтой черескѣ, снимала папаху, кланялась почти до земли и опять скрывалась,—и такъ до восьми разъ. Послѣ восьмага выстрѣла орудіе вернулось въ свое мѣсто. Между тѣмъ, чеченецъ—человѣкъ, какъ видно, очень веселаго нрава, выступившій на бой одинъ противъ цѣлой колонны, съ прежнимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ продолжалъ упражняться въ стрѣльбѣ въ цѣль даже и послѣ сдѣланныхъ ему картечью восьми предостереженій.

Какъ только горнистами поданъ былъ сигналъ къ отступленію, прежде даже нежели по сигналу кто нибудь тронулся съ мѣста, въ лѣвой цѣпи началась перестрѣлка, не жаркая, не спѣшная, не безостановочная, какъ это обыкновенно бываетъ, но методическая, рассчитанная; выстрѣлы были не такъ часты, за то не всѣмъ пулямъ приходилось описывать полную кривизну полета; лѣсъ не гудѣлъ, какъ всегда,—онъ только каплялъ. Впереди опушки нѣсколько разъ показывался всадникъ на прекрасной вороной лошади, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ всадниковъ и одного значка; это былъ Сабдулла, гехинскій наибъ. Въ послѣднюю зимнюю экспедицію онъ игралъ видную роль; имя его попадалось чаще, нежели имена другихъ наибовъ въ донесеніяхъ колонныхъ и отряднаго начальниковъ. При отсутствіи въ Чечнѣ Абакаръ-Дибиря заставляло его держаться въ тѣни; отъѣздъ его развязалъ ему руки.

По странной случайности, которыя въ дѣйствительной жизни встрѣчаются чаще и бываютъ гораздо эффектнѣе,

нежели въ вымыслахъ романистовъ, отбытіе Абакаръ-Дибра изъ Чечни совпало съ прибытіемъ настоящаго начальника чеченскаго отряда и лѣваго фланга кавказской линіи генерала Нестерова.

Еще одна свѣтлая личность!—изъ тѣхъ личностей, на которыхъ исторія любитъ останавливаться и охотно даетъ имъ мѣсто на своихъ страницахъ. Съ именемъ Нестерова судьба обошлась нѣсколько благосклоннѣе, нежели съ именами князя Аргутинскаго-Долгорукова, Круковскаго, Козловскаго, Веревкина и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся дѣятелей кавказской арміи, которые всѣ будутъ забыты, когда сойдетъ со сцены поколѣніе ихъ современниковъ. Ни одна улица, ни одинъ скверъ, ни одна площадь ни въ одномъ изъ городовъ кавказскихъ не названы по имени котораго нибудь изъ нихъ, тогда какъ въ столицѣ края попадаются улицы и переулки, носящіе имена людей, ничего не сдѣлавшихъ ни для исторіи, ни для науки. Имени Нестерова не забудутъ: въ двадцати двухъ верстахъ къ западу отъ Ачхоя, на рѣкѣ Ассѣ, напротивъ Слѣпцовской станицы, стоитъ Нестеровское укрѣпленіе. Прежде нежели придетъ очередь исторіи помянуть этого генерала своимъ безпристрастнымъ словомъ, дорожныя и топографическія карты уже и теперь напоминаютъ о его бывшихъ боевыхъ заслугахъ и долго еще будутъ напоминать, пока будетъ существовать названное его именемъ укрѣпленіе.

Нестерову, когда я видѣлъ его въ первый разъ въ чеченскомъ отрядѣ лѣтомъ 1848 года, могло быть около тридцати семи или тридцати восьми лѣтъ; на видъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ не старше. Онъ былъ высокаго роста; плотное и даже нѣсколько тучное тѣлосложеніе нисколько не нарушало стройности всей его фигуры. Открытое, румяное лицо его, дышавшее добродушіемъ, было чрезвычайно симпатично. Въ темноглубыхъ глазахъ, цвѣтомъ сво-

имъ наминавшихъ цвѣтъ фіялки, свѣтилась улыбка, мягкая, привѣтливая. Темнорусые волосы его на темени начинали уже рѣдѣть, а у висковъ слегка видись и казались растрепанными. Обличительныя складки около глазъ, извѣстныя подъ именемъ гусиныхъ лапокъ, еще не начинали выступать на высокомъ и широкомъ лбу; также не было видно ни одной морщины. Нестеровъ имѣлъ замѣчательное сходство съ портретами Императора Александра I-го. Я зналъ въ Петербургѣ одного учителя французскаго языка, который до такой степени былъ похожъ на Наполеона I-го, что могъ бы показывать себя за деньги. Это доказываетъ, что природа любитъ иногда воспроизводить одни и тѣ же типы, которые ей особенно нравятся, какъ поэты любятъ повторять нѣкоторые обороты, романисты нѣкоторые сравненія.

Относительно происхожденія Нестерова ходили довольно странныя предположенія, которыя приводить здѣсь, въ этой лѣтописи, хотя и скромной, но правдивой, я не считаю себя вправѣ, находя ихъ совершенно излишними. Чтобы создать почву для этихъ догадокъ, указывали на его прекрасное образованіе, знаніе новѣйшихъ языковъ, на довольно крупныя субсидіи, которыя выплачивались ему аккуратно изъ какого-то будто бы никому неизвѣстнаго источника. Кроткое, ласковое обращеніе Нестерова не имѣло въ себѣ ничего покровительственнаго, оскорбительнаго для самолюбія и очень шло къ его величественной наружности и аристократическому стилю, въ который выточена была вся его фигура.

Если семейная жизнь имѣетъ вліяніе на ту отрасль дѣятельности человѣка, которая открываетъ ему дверь въ храмъ исторіи, то ея не слѣдуетъ обходить молчаніемъ. Въ семейной жизни Нестеровъ былъ далеко не такъ счастливъ, какъ того вправѣ были ожидать всѣ, сколько нибудь знавшіе его, и какъ того вправѣ былъ ожидать самъ онъ пер-

вый. Она-то, эта семейная жизнь, и отравила все его существованіе и не могла не отразиться на его служебномъ поприщѣ. Люди, близко стоявшіе къ нему, говорили, что женитьба его причиной тому, что онъ не былъ ни флигель-адъютантомъ въ свое время, ни свиты Его Величества генераломъ впослѣдствіи. Не вдаваясь въ подробности, которыя заняли бы видное мѣсто въ историческомъ романѣ, замѣчу вскользь, что женитьба Нестерова была роковой развязкой единственного въ его жизни романа. Если женитьба испортила всю его жизнь, испортила его карьеру, то къ чести его должно упомянуть, что она не испортила его характера. Что Нестеровъ страдалъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: онъ не былъ бы человѣкомъ, еслибы не страдалъ; но онъ никогда, ни на комъ не вымещалъ своихъ страданій: онъ былъ слишкомъ правдивъ, чтобы винить въ своемъ несчастіи когонибудь, кромѣ самого себя, и глядя на его всегда ровное обращеніе, на его ясное, спокойное лицо, привѣтливую улыбку, никто бы не подумалъ, что у него на сердцѣ зияетъ никогда незаживающая рана. Природа, съ своей стороны, много помогала ему вводить въ заблужденіе непосвященнаго наблюдателя: могъ ли онъ подозрѣвать подъ этимъ румянымъ, открытымъ лицомъ, подъ этими ласково улыбающимися глазами, пытку, отъ которой Прометей содрогнулся бы? Этому орелъ клевалъ печень, тому жгучая тоска растравляла рану сердца. Мы восхищаемся самообладаніемъ и проповѣдуемъ его человѣку, застигнутому великимъ горемъ, но оно даромъ не проходитъ. Нестеровъ одинъ несъ свое горе, и оно сломило его: онъ наконецъ сошелъ съ ума.

Нѣкоторые приписывали его ужасную болѣзнь парамъ виннаго спирта; но эта легенда пользовалась правомъ гражданства только въ тѣхъ скромныхъ сферахъ, составляющихъ, впрочемъ, громадное большинство, гдѣ ничего не подозрѣ-

вали о страшномъ нравственномъ потрясеніи, разбившемъ жизнь Нестерова, объ его интимномъ горѣ, которое, долго не находя себѣ выхода, разбило наконецъ оковы и внесло въ лабораторію самыхъ благородныхъ отравленій человѣческой природы то страшное разстройство, послѣдствіемъ котораго была смерть, преждевременная, сопровождавшаяся ужасными муками. Какъ только обнаружилась печальная истина, Нестеровъ отвезенъ былъ въ Москву, гдѣ и окончилъ свое разбитое существованіе. Странно, что ни мечтательное настроеніе, ни припадки ипохондріи, никакіе предварительные симптомы не заставляли подозрѣвать приближеніе страшнаго недуга: онъ разразился, какъ громъ при безоблачномъ небѣ. Первый припадокъ къ его душевной болѣзни надѣлалъ много шума; главнокомандующій не хотѣлъ вѣрить такому несчастью; хотя онъ и получилъ офиціальное донесеніе, онъ все-таки послалъ курьеромъ одного изъ своихъ адъютантовъ удостовѣриться на мѣстѣ и собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. „Лѣвый флангъ осиротѣлъ“, сказалъ онъ своимъ приближеннымъ. „Нестерова долго не забудутъ“.

Впослѣдствіи одинъ изъ адъютантовъ Нестерова рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ свидѣтелемъ катастрофы. У генерала былъ званый обѣдъ. Встрѣчая гостей, онъ былъ, какъ и всегда, ласковъ, радушенъ, привѣтливъ, такъ что до обѣда ни въ словахъ его, ни въ обращеніи никто не замѣтилъ ничего необыкновеннаго. За столомъ разговоръ зашелъ о генералѣ З. Нестеровъ молчалъ и какъ-то странно улыбался. Улыбку его находили страшною, впрочемъ, впослѣдствіи, когда все обнаружилось. Всякій разъ, какъ произносилось имя генерала З., онъ широко открывалъ глаза. „Генераль З!“ вдругъ воскликнулъ онъ съ удивленіемъ и съ несвойственной ему энергіей. „Генераль З! Неужели вы не знаете, господа, что генерала З. давно нѣтъ“.

на свѣтъ“? Всѣ размѣялись. „Даю вамъ честное слово, онъ давно умеръ! Онъ умеръ еще въ прошломъ году, когда ѣздилъ въ Малороссію къ своей племянницѣ; онъ даже въ ея имѣніи и похороненъ. При дѣтяхъ его племянницы жилъ гувернеръ англичанинъ. Не знаю, изъ какихъ видовъ гувернеру пришло на мысль скрыть смерть генерала; онъ уговорилъ и племянницу, а самъ заказалъ въ Англіи вмѣсто З. куклу во весь ростъ, но до того похожую, что когда она, по прибытіи изъ Англіи, показалась въ первый разъ племянницѣ—съ нею сдѣлался обморокъ: она была увѣрена, что самъ покойникъ стоитъ передъ ней. Кукла отправилась въ Петербургъ; тамъ ничего не подозрѣвали, и принимая ее за генерала З., оспаривали ее другъ у друга на вечерахъ и обѣдахъ. Говорить вамъ, какъ великолѣпно сдѣлана эта кукла, не нахожу нужнымъ: вы сами ее видѣли и ничего не подозрѣвали. Она можетъ ходить, ѣздить верхомъ, ѣсть, пить, говорить, улыбаться, даже бумаги можетъ подписывать и резолюціи на нихъ писать. Ну, словомъ, отъ настоящаго человѣка ничѣмъ не отличается; нѣтъ, виноватъ, однимъ она отличается: она думать не можетъ; этого англичанамъ не удалось добиться. Я только одному удивляюсь, какъ въ Петербургѣ не замѣтили, что она не можетъ думать“! И Нестеровъ торжествующимъ взглядомъ окинулъ все собраніе; онъ точно гордился своимъ открытіемъ; глаза его горѣли, щеки пылали. Присутствующіе съ недоумѣніемъ переглянулись. Всѣ сначала думали, что онъ шутитъ, но онъ не улыбался; исчезла даже и та улыбка, которая всегда свѣтилась въ его прекрасныхъ глазахъ. Наступило шловкое молчаніе; его прервалъ Нестеровъ: онъ началъ говорить, что онъ знаетъ, кто убилъ генерала З.

„Я отчасти догадываюсь“, продолжалъ онъ, „для чего гувернеру понадобилась кукла: онъ хотѣлъ сдѣлать соучастницей своего преступленія племянницу генерала З., для то-

го, чтобы на ней жениться, такъ какъ она богатая вдова, но я поклялся разстроить его планъ и непремѣнно разстрою; я выведу все на чистую воду! Одного генерала погубили женитьбой, когда еще онъ былъ молодымъ офицеромъ, теперь хотятъ погубить племянницу другаго генерала замужествомъ. Этого не будетъ! Я увѣренъ, что у гувернера между высокопоставленными лицами есть соучастники. Если черезъ мѣсяцъ обманъ не будетъ открытъ, я самъ отправлюсь въ Петербургъ и лично обо всемъ доложу Государю“.

Когда онъ кончилъ эту странную тираду, изъ которой можно было извлечь превосходный сюжетъ для сказки; когда онъ, такой сдержанный, приличный, изящный, ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что бокалы зазвенѣли и приборы запрыгали—тогда только роковая истина предстала передъ отуманенными грустью глазами присутствующихъ во всемъ своемъ потрясающемъ ужасѣ. „Нестеровъ съ ума сошелъ. Бѣдный Нестеровъ, добрыйшій Петръ Петровичъ сошелъ съ ума“! Вотъ что повторяла вся Грозная. Въ собраніяхъ и въ частныхъ домахъ, на улицахъ и въ казармахъ, вездѣ только и слышно было: „Нестеровъ сошелъ съ ума“! Даже въ мирныхъ аулахъ, обступавшихъ крѣпость, не было другаго разговора. Лазутчики, возвращаясь въ горы съ поникшими головами, съ тоской повторяли другъ другу: „Нестеровъ сошелъ съ ума“. Одинъ изъ наибовъ, отправляя нарочнаго къ имаму съ печальнымъ извѣстіемъ, велѣлъ передать ему, что не одни русскіе проливаютъ слезы: вся Чечня въ большомъ горѣ. Скоро роковая вѣсть разнеслась по всему лѣвому флангу, и можно себѣ представить, какое удручающее впечатлѣніе вездѣ произвела она.

Нестерова любили въ горахъ и уважали; его считали честнымъ человѣкомъ. „Еслибы онъ у насъ былъ тогда“,

говорили чеченцы, „мы бы и до сихъ поръ были русскими“. Слово „тогда“ означало у нихъ время, предшествовавшее возстанію. Чеченцы относились къ Нестерову съ такимъ довѣріемъ, примѣры котораго чрезвычайно рѣдко встрѣчаются въ исторіи нашей войны на Кавказѣ. Въ свою очередь, и Нестеровъ вѣрилъ чеченцамъ. Какъ далеко простиралось это взаимное довѣріе, можно видѣть изъ слѣдующаго эпизода, замѣчательнаго по своей оригинальности.

Являются одинъ разъ къ Нестерову депутаціи изъ почетныхъ лицъ самыхъ населенныхъ округовъ малой Чечни.

„Нестеровъ“, говорятъ они, „собери свой отрядъ и приходи къ намъ въ Чечню“.—„Зачѣмъ вамъ“? съ удивленіемъ спрашиваетъ генералъ. „Шамиль велитъ намъ идти въ Табасаранъ, а намъ теперь нельзя, у насъ полевая работа начинается. Если ты придешь къ намъ съ отрядомъ и будешь ходить туда-сюда, направо-налѣво, мы скажемъ Шамилю, что русскіе пришли раззорять наши аулы, и намъ нельзя уходить изъ Чечни. Приходи, мы тебя не тронемъ“.

Нестеровъ наскоро собралъ отрядъ, выступилъ съ нимъ изъ Грозной на Гойту, сталъ лагеремъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, посылалъ колонны на фуражировку—такъ какъ нельзя же было оставлять безъ продовольствія строевыхъ и подъемныхъ лошадей—три дня простоялъ на Гойтѣ, на четвертый перешелъ на Урусъ-Мартанъ, тамъ фуражировалъ и пробылъ съ отрядомъ трое сутокъ; оттуда опъ перешелъ на Гехи, съ Гехи на Валерикъ, съ Валерика на Шалажи, и на каждой рѣкѣ стоялъ по три дня, и отъ каждой рѣки посылалъ колонны на фуражировку,—и нигдѣ не было слышно ни одного выстрѣла, не было видно ни одного чеченца. Даже пикеты на это время были сняты, чтобы не вышло недоразумѣній, и чтобы началь-

никъ отряда не могъ подумать, что чеченцы не довѣряютъ ему и опасаются за свои аулы. Съ рѣки Шалажи Нестеровъ предпринялъ обратное движеніе съ тѣми же трехдневными остановками на каждой рѣчкѣ, и, не выпустивъ ни одного патрона, вернулся въ Грозную. Этотъ походъ онъ назвалъ рекогносцировкой, и между офицерами за нимъ сохранилось очень удачное названіе пикника, а между нижними чинами пронесся слухъ, что Чечня замирилась и больше драться не будетъ. Депутаціи принесли Нестерову въ подарокъ отъ имени всего чеченскаго народа богато оправленную шашку. Нестеровъ не принялъ подарка. Съ тѣхъ поръ число поклонниковъ его увеличилось всѣмъ народонаселеніемъ большой Чечни, Ичкеріи и Ауха, куда очень скоро проникла вѣсть объ этомъ замѣчательномъ походѣ. Шамиль также узналъ объ немъ и очень много смѣялся хитрости чеченцевъ, но при первомъ свиданіи сказалъ наибамъ, чтобы они на будущее время были осторожнѣе и не всѣмъ генераламъ довѣрялись. „Я на Нестерова сердитъ“, сказалъ имамъ; „онъ много мѣшалъ мнѣ въ сорокъ шестомъ году, но онъ честный человѣкъ“.

Рано утромъ 3-го сентября, на Урусъ-Мартанъ прямо изъ Грозной прибылъ начальникъ лѣваго фланга кавказской линіи. Колонна, конвоировавшая его, послѣ получасоваго отдыха, тою же прямой дорогой возвратилась въ Грозную. Вѣсть о пріѣздѣ генерала быстро разнеслась по лагерю и вызвала въ немъ непривычное волненіе. День 3-го сентября былъ праздникомъ для чеченскаго отряда. Изъ устъ въ уста, изъ палатки въ палатку, во всѣхъ кварталахъ, на всѣхъ окраинахъ и перекресткахъ нашего обширнаго лагернаго расположенія передавалась радостная вѣсть о прибытіи въ отрядъ настоящаго его начальника. „Нестеровъ пріѣхалъ“, говорили другъ другу при встрѣчѣ солдаты и офицеры, какъ говорятъ другъ другу въ день Свѣт-

лаго Праздника „Христосъ воскресъ“. Это оттого, что его всѣ любили, и онъ всѣхъ любилъ, и никто ничего въ своей любви не требовалъ, кромѣ его присутствія. Онъ пріѣхалъ, и не его самого, а другъ друга поздравляли съ его пріѣздомъ.

А между тѣмъ, никакихъ перемѣнъ въ образѣ жизни нельзя было ожидать, да и требовать ихъ было бы неблагоприятно: жизнь текла привольно и при временно командовавшемъ отрядомъ баронѣ Меллеръ-Закомельскомъ, который не только никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, но даже рѣдко показывался въ лагерь. Онъ зналъ, какъ исправно посѣщаются извѣстные дощатые балаганы, въ которыхъ изъ маленькихъ стаканчиковъ съ толстымъ дномъ потягивается извѣстный напитокъ; онъ зналъ также, что эти самые исправные посѣтители балагановъ еще исправнѣе несутъ службу и всегда, по первому призыву, являются на свои мѣста, а на тревогу выбѣгаютъ такъ скоро, какъ будто никуда отъ своихъ палатокъ не отлучались и никогда ружей изъ своихъ рукъ не выпускали; онъ зналъ, что имѣетъ дѣло съ кавказскими солдатами, и потому никогда никого не стѣснялъ. Не совсѣмъ гуманно было бы отрѣзывать свободу у людей, которые каждую минуту держали наготовѣ и жизнь, и здоровье. Еще не было примѣра, чтобы невинныя солдатскія оргіи переходили за извѣстные предѣлы во все время пребыванія нашего отряда въ малой Чечнѣ лѣтомъ 1848 года и заставили бы начальника отряда смотрѣть на нихъ иначе, какъ сквозь пальцы.

Генералъ Нестеровъ явился къ своему посту какъ обыкновенный смертный, или, выражаясь языкомъ газетъ — литературныхъ сордкѣ нашего нескромнаго вѣка, онъ пріѣхалъ въ отрядъ инкогнито. Почетный караулъ, церемоніалъ представленія начальниковъ частей и всѣхъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ въ программу встрѣчи на-

чальника лѣваго фланга не входили. Даже войска не вызывались на линію, когда онъ проходилъ по лагерю—это онъ строго запретилъ разъ навсегда. Какъ истинный сынъ кавказской арміи, онъ интересовался только встрѣчами съ непріятелемъ; на всѣ остальные смотрѣлъ какъ на „занятіе праздныхъ“, т. е. какъ моралисты и философы смотрятъ на любовь. Нестеровъ и жилъ инкогнито: скромно, неслышно, какъ простой членъ лагерной семьи. Настоящимъ начальникомъ его видѣли только на поляхъ битвъ, въ облакахъ порохового дыма: тогда и улыбка его была шире, и осанка величественнѣе; тогда онъ сбрасывалъ съ себя оболочку обыкновеннаго смертнаго. Нестеровъ былъ идеально храбръ; изящный и симпатичный въ обыкновенныя минуты жизни, онъ былъ неподражаемо хорошъ въ минуты опасности. Храбрость онъ считалъ не доблестью, не заслугой, а простымъ исполненіемъ долга. „Храбрость“, какъ онъ выражался, „есть неотъемлемый атрибутъ всякаго, кто носитъ военный мундиръ“. Онъ не понималъ слова „охотникъ“ при штурмѣ заваловъ, укрѣпленій, при вылазкахъ. „Охотники всѣ“, говорилъ онъ, „кто стоитъ во фронтѣ“. Въ одну зимнюю экспедицію въ его шатеръ влетѣла граната; онъ въ это время диктовалъ писарю какое-то донесеніе. Писарь упалъ, но такъ быстро, точно граната подхватила его и вмѣстѣ съ нимъ улетѣла. Послѣдовалъ взрывъ; шатеръ разнесло во всѣ стороны. Нестеровъ вышелъ изъ него, спокойный, невозмутимый. Черезъ минуту и писарь появился изъ развалинъ. „Изъ тебя вышелъ бы хорошій акробатъ“, сказалъ онъ ему. „Что бы ты подумалъ обо мнѣ, еслибы я упалъ? А мнѣ скорѣе можно было бы извинить; у меня огромное семейство“,— и онъ указалъ рукою на лагерь.

Нестеровъ пріѣхалъ—въ лагерьъ стало какъ будто свѣтлѣе, и затѣмъ все пошло по старому.

IX.

Участь послѣднихъ садовъ на плоскости малой Чечни. Экспедиція внутри лагеря. Почему праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы былъ отпразднованъ въ драгунскомъ лагерѣ. По поводу моего одинокаго странствованія на Черной полянѣ. Періодъ обѣдовъ. Конецъ лѣта 1848 года на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Не все же говорить правду. Валерикъ проспнулся. Вездѣ провидѣніе. Послѣдняя фуражировка и послѣдній выстрѣлъ. Занавѣсъ опустился. Самая страшная почъ въ жизни автора этихъ записокъ. Лютарныя четки. Прощальный обѣдъ. Тостъ начальника лѣваго фланга. Сцена изъ басни «Оселъ и Соловей».

Многіе ожидали перемѣнъ въ распредѣленіи занятій чеченскаго отряда съ прибытіемъ на Урусъ-Мартанъ начальника лѣваго фланга, но они обманулись въ своихъ предположеніяхъ: генералъ Нестеровъ находилъ всѣ распоряженія барона Меллера-Закомельскаго разумными и въ программѣ его не переставилъ ни одной запятой.

5-го сентября, въ вечернемъ приказаніи, отданномъ по лагерю черезъ баталіонныхъ адъютантовъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы находились въ отрядѣ, упоминалось названіе мѣстности, куда колонна должна была отправиться на другой день на фуражировку; сказано было: „между лѣвымъ берегомъ Гехи и правымъ Валерика“. Я обратилъ вниманіе на это обстоятельство только впоследствии. Прежде мы никогда не знали, куда идемъ; извѣстно было только, и то не всегда, въ которомъ часу выступаемъ, кто изъ штабъ-офицеровъ поведетъ колонну, и какія войска на очереди.

Въ сумерки, со стороны Грозной показалась пыль, которая подвигалась по направленію къ Урусъ-Мартану. Еслибы это былъ непріятель—въ лагерѣ поднялась бы суета, но суеты никакой замѣтно не было. Эта пыль по-видимому никого и не удивила. На другой день я узналъ отъ отряднаго адъютанта, что эта пыль не только не удивила начальника лѣваго фланга—его, напротивъ, очень беспокоило, что она долго не показывается по дорогѣ изъ Грозной къ Урусъ-Мартану. „Ужъ не случилось ли чего съ ними“? нѣсколько разъ повторялъ онъ, тревожно всматриваясь въ ту сторону. Когда совсѣмъ стемнѣло, къ нашему лагерю подошла маленькая колонна изъ шести ротъ пѣхоты, при одномъ горномъ орудіи. Вѣроятно, думали мы, прибылъ изъ Грозной багажъ начальника лѣваго фланга и его свиты.

На другой день, въ восемь часовъ утра, колонна, въ составѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ сотенъ иррегулярной кавалеріи и трехъ полевыхъ орудій, выступила изъ лагеря по тому самому направленію, о которомъ заранѣе объявлено было наканунѣ въ вечернемъ приказаніи. Только драгуны оставались дома, но на этотъ разъ они не особенно о томъ сокрушались. Теперь мы знали по опыту, что если насть оставляютъ въ лагерѣ, то для чего нибудь менѣе избитаго, нежели обыкновенныя фуражировки—хотя мѣстность и большій или меньшій наплывъ чеченцевъ и разнообразили ихъ. Намъ припоминалась великолѣпная стратагема 14-го августа, когда мы съ мѣста понеслись на батарею и такъ неожиданно появились передъ непріятелемъ, что еслибы мы съ неба упали, онъ удивился бы не менѣе. Правда, призъ, который намъ достался въ то время, оказался не особенно заманчивымъ: старый банникъ, истрепанный хомутъ и два мѣшка пороха; за то, никогда не было такъ весело, какъ въ тотъ вечеръ. Тогда баронъ

Меллеръ-Закомельскій назвалъ насъ „Богомъ хранимое войско“. Какъ-то назоветъ насъ теперь начальникъ лѣваго фланга?

Часовъ около десяти, съ той стороны, куда колонна отпавилась на фуражировку, слышались орудійные выстрѣлы, сначала рѣдкіе, потомъ довольно частые. Стрѣляла только наша артилерія; ружейнаго огня въ лагерѣ не было слышно: можетъ быть, разстояніе не позволяло слышать перестрѣлки, а можетъ быть, ея и совсѣмъ не было. Это показало намъ очень страннымъ. Такъ продолжалось около трехъ четвертей часа. Тогда изъ лагеря выступила другая колонна; въ ней было также два баталіона пѣхоты, но только вмѣсто иррегулярной кавалеріи—драгуны, вмѣсто трехъ полевыхъ орудій—одно полевое и одно горное. Эта вторая колонна съ большой русской дороги повернула на юго-западъ, по направленію къ тому углу, образуемому оврагомъ, по дну котораго бѣжитъ Рошнія, и разорванною линіею лѣсовъ, куда мы уже ходили на фуражировку 26-го августа, и гдѣ на такомъ соблазнительно близкомъ разстояніи отъ нашей лѣвой цѣпи начинались сады мѣстнаго эдема съ ихъ роскошно убранными плодами деревьями. Мы шли раззорять эдемъ, опустошать этотъ благословенный уголокъ малой Чечни, безжалостно уничтожать эти сады, рубить фруктовыя деревья.

Колонна, выступившая раньше насъ къ низовьямъ Гехи и Валерика, должна была отвлечь вниманіе непріятеля отъ ближайшихъ къ Урусъ-Мартану окрестностей и дать намъ возможность безнаказанно перебраться за Рошнію и выполнить тяжелую задачу превращенія въ пустыню прелестнаго пейзажа, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго среди всеобщаго погрома и опустошенія. Мы приступили къ выполненію задачи. Наслѣдіе отцовъ, взлелѣванное нѣсколькими поколѣніями, составлявшее гордость и утѣшеніе всѣхъ возрастовъ,

начало падать подъ безжалостными ударами топоровъ. Ни одного выстрѣла не было сдѣлано въ защиту его, въ отмщеніе за самую горькую обиду, какая только можетъ быть нанесена бѣдному трудолюбивому простолюдину. Сады, казавшіеся намъ библейскимъ раемъ въ сравненіи съ окружающею ихъ мѣстностью въ наше первое посѣщеніе Рошни, представляли теперь грустную картину опустошенія; деревья были обезображены, съ поломанными вѣтвями, съ помятыми вершинами; площадки между деревьями загромождены были свѣжимъ валежникомъ и усѣяны осыпавшимися плодами. Мы подошли къ рошнинскимъ садамъ безъ выстрѣла и отошли отъ нихъ безъ выстрѣла. Кукуруза и даже сѣно обходились намъ гораздо дороже. Мы уже отступали, а съ той стороны, куда раньше насъ отправилась первая колонна, все еще слышны были орудійные выстрѣлы и на этотъ разъ довольно частая ружейная перестрѣлка. Мы не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: экскурсія 26-го августа не была избитымъ повтореніемъ стараго. Быть въ такомъ опасномъ мѣстѣ, заниматься такимъ опаснымъ дѣломъ и не потерять ни одного человѣка, даже не слышать ни одной пули—рѣзко выдѣлялось изъ ряда нашихъ обыкновенныхъ походовъ. Лазутчики не приходили въ этотъ день, и намъ не удалось узнать, какъ принято было въ малой Чечнѣ извѣстіе объ истребленіи садовъ на Рошнѣ.

Въ нашей колоннѣ, когда она возвращалась на Мартанъ, не было ни одного солдатскаго кармана, ни одной сумки, ни одного мѣшечка, которые бы не были туго набиты всевозможными фруктами поздняго лѣтняго сезона: яблоками, грушами, бергамотами, армудами. Особенное вниманіе обращали на себя сливы величиною съ грушу и страннаго вида персики, прозрачные, янтарнаго цвѣта, величиною въ кулакъ человѣка средняго роста, пепельно-зеленаго

цвѣта, съ сине-багровымъ пятномъ вмѣсто румянца. Въ зарядныхъ ящикахъ и передкахъ также нашлось мѣсто для фруктовъ, не смотря на то, что они были полны, такъ какъ въ этотъ день не было сдѣлано ни одного выстрѣла; на повозкахъ сложены были мѣшки съ кизиломъ и грецкими орѣхами. Это былъ настоящій подвижной фруктовый рынокъ. Каштановъ наши солдаты не брали, потому что до нихъ ни съ которой стороны дотронуться нельзя было.

7-го сентября, послѣ обѣда, на долю несчастнаго адъютанта начальника кавалеріи выпала одна изъ тѣхъ задачъ, которыя, по трудности своего выполненія, не уступаютъ полярнымъ экспедиціямъ. Мнѣ предписано было предпринять экспедицію по всему нашему лагерю, слишкомъ ужъ побарски раскинувшемуся по обоимъ берегамъ Мартана, которому давно возвращена была вода, конфискованная Абакаръ-Дибиромъ. Мнѣ предписано было обойти всѣ палатки штабъ и оберъ-офицерскія и вездѣ отобрать, конечно не силою, все наличное столовое имущество, безъ различія наименованій и матеріаловъ, начиная отъ серебра 84-й пробы до беззубыхъ вилокъ и дырявыхъ, какъ заслуженное знамя, салфетокъ включительно. Въ данной мнѣ устной инструкціи сказано было не щадить даже буфета начальника лѣваго фланга. Въ составъ экспедиціоннаго отряда вошли нѣкоторые взводные вахмистры, унтеръ-офицеры, деньщики и неимѣвшіе чина драгуны. Сборнымъ пунктомъ назначена была пустая палатка, разбитая позади коновязей, на правомъ флангѣ драгунскаго лагеря.

7-го сентября, къ вечеру, всѣ отдѣльныя части моего отряда сошлись къ сборному пункту, т. е. къ правому флангу нашего лагеря, и изъ мѣшковъ начали осторожно вынимать всѣ принадлежности буфета. Все это складыва-

лось и разставлялось въ симметрическомъ порядкѣ во вѣременномъ помѣщеніи, устроенномъ въ палаткѣ за коновязью. Во всѣхъ наметахъ и палаткахъ, откуда поступалъ въ нашъ музей богатый контингентъ столовыхъ принадлежностей, собирателями вилокъ и солонокъ, исправлявшими въ то же время обязанность герольдовъ, возвѣщалось на завтрашній день пиршество. Въ этотъ день, 8-го сентября, тридцать восемь лѣтъ тому назадъ Господь Богъ даровалъ россійской регулярной кавалеріи сына въ лицѣ Дмитрія Матвѣевича, нашего дивизіонера, а въ настоящее время начальника кавалеріи чеченскаго отряда.

Рано утромъ 8-го сентября, между нашими палатками и коновязями, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 5-го августа, въ день первой ночной канонады по лагерю, приготовлялся извѣстный всему чеченскому отряду душистый кавалерійскій напитокъ, на томъ самомъ мѣстѣ возвышалось зданіе, не имѣвшее ничего себѣ подобнаго въ архитектурномъ отношеніи во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Зданіе это предназначалось для пиршества и должно было носить названіе столовой. Оно все состояло изъ колоннъ, т. е. изъ только-что срубленныхъ молодыхъ деревьевъ, и было ажурное. Матеріалами для кровли этого зданія служили: хворостъ съ начинавшими блекнуть листьями и кукурузная солома. Убранство столовой, по изящной простотѣ своей, не оставляло желать ничего лучшаго. Длинные, невыструганныя доски, укрѣпленные на толстыхъ кольяхъ, вбитыхъ въ землю вмѣсто ножекъ, замѣняли столы. Къ нимъ приставлено было нѣсколько походныхъ складныхъ столиковъ, взятыхъ изъ ротныхъ и баталіонныхъ канцелярій, отличавшихся большею предусмотрительностью и запасливостью, нежели канцелярія драгунскаго дивизіонера. Вмѣсто одной большой общей скатерти столы были накрыты множествомъ маленькихъ, или бѣлыхъ, или узор-

чатыхъ и цвѣтныхъ чайныхъ, салфетками, кусками сырового холста и парусины. Приборы, состоявшіе изъ тарелокъ, жестяныхъ и фаянсовыхъ, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, ножи съ черенками металлическими, роговыми, костяными и деревянными, ножи вовсе безъ черенковъ съ одними желѣзными хвостами, вилки о трехъ, четырехъ, нѣкоторыя только о двухъ зубцахъ—вотъ что представилось восхищеннымъ взорамъ нашихъ дорогихъ гостей, когда они со всѣхъ концовъ сошлись къ назначенному времени съ аккуратностью наслѣдниковъ, обязанныхъ присутствовать при вскрытіи завѣщанія.

Начальникъ лѣваго фланга не заставилъ себя дожидаться ни одной минуты. Мы всѣ вскочили на ноги, какъ „Ванька—встань-ка“ при его появленіи. Онъ еще утромъ присылалъ одного изъ своихъ адъютантовъ поздравить начальника кавалеріи чеченскаго отряда съ дорогимъ для всѣхъ его чиновъ днемъ его рожденія и теперь поздравилъ Дмитрія Матвѣевича самъ. Онъ очень сожалѣлъ, что ничего не зналъ раньше, дня за четыре: тогда бы онъ могъ вытребовать изъ Грозной весь свой столовый сервизъ и бѣлье. „Впрочемъ“, прибавилъ онъ, „такъ, мнѣ кажется, лучше: больше разнообразія; здѣсь каждый приборъ имѣетъ свою исторію, и навѣрное болѣе занимательную, нежели всѣ мои приборы вмѣстѣ взятые“.

Здѣсь въ первый разъ, по его просьбѣ, ему представлены были всѣ драгунскіе офицеры. „Не какъ начальникъ валишь, а какъ гость, желаю я съ вами познакомиться, господа. Какъ начальникъ, я давно знакомъ съ вами, заочно, и этимъ я обязанъ сколько донесеніямъ и письмамъ барона, столько же и отзываю другихъ лицъ“. Онъ немного помолчалъ, потомъ прибавилъ: „прежде всѣхъ меня познакомилъ съ вами главнокомандующій“. Онъ еще хотѣлъ что-то сказать, но остановился. Затѣмъ началась церемонія

представленія. Нестеровъ каждому офицеру протягивалъ руку. Когда дивизіонеръ назвалъ мою фамилію, онъ тотчасъ же извинился, что не вышелъ ко мнѣ самъ, когда я приходилъ къ нему съ приглашеніемъ, а выслалъ ко мнѣ адъютанта: онъ въ это время былъ очень занятъ и къ тому же не такъ одѣтъ, чтобы принимать посѣтителей. За столомъ онъ спросилъ меня: очень ли мнѣ было страшно, когда я одинъ, въ сопровожденіи плохо вооруженнаго трубача, пробирался черезъ Черную поляну къ гойтенскому лѣсу? На это я отвѣтилъ ему безъ малѣйшаго оттѣнка притворной скромности, что въ то время я гораздо больше боялся за свою лошадь, которая легко могла переломить себѣ ногу, нежели за себя, но что впоследствии, когда узналъ, какимъ опасностямъ подвергался, мнѣ дѣйствительно сдѣлалось страшно. „Тѣмъ не менѣе“, сказалъ, онъ, „я буду помнить, что я у васъ въ долгу, а теперь, если вы позволите, я вамъ сообщу то, чего вы, можетъ быть, не знали до сихъ поръ, и что я давно зналъ, еще въ Грозной, отъ своихъ лазутчиковъ“. Генералъ остановился. Я молчалъ и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. „Вы позволите“? переспросилъ онъ.

Желалъ бы я знать, какъ бы я могъ не позволить? Я ничего не отвѣтилъ, только поклонился. Генералъ принялъ это за позволеніе, потому что продолжалъ: „чеченцы васъ видѣли, когда вы только отдѣлились отъ колонны и переѣхали за цѣпь. Сначала они думали, что переѣхавши за цѣпь, вы повернете въ ту сторону, куда шла вся колонна, но вы продолжали ѣхать прямо къ опушкѣ лѣса. Это ихъ очень удивило, въ особенности ихъ удивило ваше спокойствіе; они глазъ не спускали съ васъ все время, думали, спорили, совѣщались, и наконецъ пришли къ тому убѣжденію, что вы... какъ бы вамъ сказать?... что вы... душевно больной, а къ больнымъ этого рода не только

они, но и почти всѣ наши кавказскіе мусульмане питаютъ нѣкоторый суевѣрный страхъ и никогда ихъ не трогаютъ. Въ вашемъ провожатомъ они видѣли человека, который приставленъ слѣдить за вами, чтобы вы не сдѣлали чего нибудь надъ собой. Сказать ли вамъ откровенно“? при этихъ словахъ генераль засмѣялся—„я бы и самъ подумалъ то же самое на ихъ мѣстѣ“.

Въ это время Дмитрій Матвѣевичъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ комическимъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ будто раздѣлялъ сомнѣніе чеченцевъ относительно нормального состоянія моего разсудка. Генераль замѣтилъ этотъ взглядъ и очень откровенно разсмѣялся. „Чеченцы не могли думать“ продолжалъ онъ, „что слѣдомъ за вами идетъ пѣхота, которую скрывалъ отъ нихъ высокій бурьянъ, потому что между большой русской дорогой и бурьяномъ открытое мѣсто, и вы по этому открытому мѣсту проѣхали одни. Это, впрочемъ, догадка колоннаго начальника, если я не ошибаюсь, но она лишена основанія“. Онъ сдѣлалъ легкій поклонъ въ сторону колоннаго начальника. „Такъ или иначе, а я у васъ въ долгу и постараюсь не забыть этого долга“. Черезъ мѣсяцъ Нестеровъ вспомнилъ о своемъ долгѣ, когда дѣлалъ представленіе къ наградамъ, и расплатился со мной.

Прислуга, набранная мною для нашего торжественнаго обѣда изъ вѣстовыхъ и деньщиковъ, отличалась такою ловкостью, поворотливостью и находчивостью, что я невольно вспомнилъ легенду о медвѣдяхъ, прислуживавшихъ за столомъ у Радзивила во время посѣщенія короля Станислава. Самая наивность, степенное выраженіе физіономій и торжественная осанка импровизованныхъ офиціантовъ придавали имъ столько комизма, что они не только не вредили общему впечатлѣнію праздника,—напротивъ, вносили въ него элементъ, не входившій въ программу обѣда. Первые

моменты нашего празднества отличались солидностью, сдержанностью; промахи прислуги вызывали улыбки, но то были улыбки снисходительныя. Такъ прошла первая пере-мѣна. Антрактъ былъ довольно великъ и подалъ поводъ къ рѣзкимъ замѣчаніямъ со стороны мстръ-дотеля. Офиціанты оторопѣли, засуетились, потеряли голову, и тутъ-то нача-лись тѣ замѣчательные своею оригинальностью промахи, которые внесли недостававшій празднеству элементъ—ве-селье. Остроты, шутки, смѣхъ, сначала сдержанный, а подъ конецъ неудержимый, ничѣмъ не стѣсняемый, разомъ оторвали общество отъ молчаливаго созерцанія кривыхъ и хромыхъ приборовъ.

Едва ли не больше всѣхъ отличился на этѣмъ досто-памятномъ обѣдѣ адъютантъ виновника торжества, авторъ этой правдивой лѣтописи: разливая по стаканамъ шампан-ское, въ качествѣ распорядителя пиршества, онъ имѣлъ не-счастье вылить порядочную струю этого суетливаго и легко-мысленнаго напитка на грудь начальника лѣваго фланга. Я буквально окаменѣлъ, и не только не извинился, но на-ходилъ даже неприличнымъ извиняться; я выказалъ гораздо больше такта, превратившись въ статую, съ поднятою надъ головой бутылкою. Я стоялъ за спиной у генерала, и по-тому онъ не могъ видѣть моего смущенія, но онъ догады-вался о немъ, потому что очень весело и непринужденно разсмѣялся и сказалъ, что считаетъ это хорошимъ пред-знаменованіемъ, и когда принесли горячей воды, чтобы смыть дерзкое пятно, онъ воспротивился операціи. „Пусть это пятно“, проговорилъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ, „останется на память вашего радушія“. Впослѣдствіи я нѣсколько разъ видѣлъ это пятно на груди Нестерова: оно дѣйствительно не смывалось и блестѣло на солнцѣ какъ пау-тина, приставшая къ сукну.

Начались тосты. Они слѣдовали одинъ за другимъ поч-

ти безъ промежутковъ; музыки не было, чтобы играть тушъ послѣ каждаго изъ нихъ; да она бы и не поспѣвала за ними. Пили сначала за здоровье новорожденного. Тостъ этотъ былъ предложенъ начальникомъ лѣваго фланга, испросившимъ предварительно разрѣшенія учредителей пира, драгунскихъ офицеровъ. Новорожденный предложилъ тостъ за почетнаго гостя генерала Нестерова. „Добрѣйшаго Петра Петровича“! крикнулъ артиллеристъ Тришатный. Генераль погрозилъ ему пальцемъ. Пили за здоровье присутствующихъ, и когда перебрали всѣхъ, стали пить за здоровье отсутствующихъ; потомъ за тѣхъ, кто любитъ кого, потомъ за тѣхъ, кто никого не любитъ, кромѣ самаго себя. Кто-то предложилъ тостъ за здоровье тѣхъ, кто всѣхъ любитъ и всѣми любимъ. Опять Тришатный крикнулъ: „добрѣйшаго Петра Петровича“! и опять генераль погрозилъ ему пальцемъ. Пили за здоровье храбрыхъ чеченцевъ, стали перебирать наибова, не забыли даже Атабая, недавно бѣжавшаго съ Урусъ-Мартана въ горы. Грозная фаланга бутылокъ пришла въ замѣтное разстройство; убыль въ рядахъ ея становилась ощутительнѣе съ каждымъ новымъ тостомъ.

Генераль мало пилъ и мало говорилъ. Съ кѣмъ бы онъ сталъ говорить? Нѣкоторые языки не въ мѣру развязались, другіе совсѣмъ прилипли къ гортани и отказывались повиноваться. Явились ораторы между присутствующими. Рѣчи ихъ обращались то къ виновнику торжества, который и самъ былъ бы не прочь сказать какойнибудь спичъ, но, должно быть, отъ избытка чувствъ уста онѣмѣли; то къ почетному гостю—начальнику лѣваго фланга, который слушалъ ихъ съ тою снисходительною улыбкою, съ какою обыкновенно человѣкъ трезвый слушаетъ другаго, устами котораго говорить вышито имъ вино. Въ этихъ рѣчахъ, нельзя не отдать имъ справедливости, всего было

вдоволь; не было только логики. Къ концу обѣда говорили всѣ, кто только могъ говорить, и лишь слушать было некому, потому что самые робкіе, игравшіе въ началѣ обѣда пассивную роль слушателей, къ концу обѣда также заговорили.

Обѣдъ кончился. Общество раздѣлилось на мелкія партіи; одни продолжали начатую за столомъ несвязную бесѣду, другіе погрузились въ молчаливое созерцаніе; были и такіе, которые горячо о чемъ-то спорили; нѣсколько чловѣкъ и съ ними неугомонный Тришатный усѣлись въ кружокъ и затаили въ минорномъ тонѣ какую-то русскую заунывную пѣсню, но минорный тонъ не ладилъ съ игривымъ настроеніемъ пѣвцовъ, и они изъ минорнаго перешли въ бравурный, и грянули куплеты, сочиненные, а можетъ быть, и передѣланные Тришатнымъ. Куплеты эти составляли любимый номеръ репертуара чеченскаго отряда въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, а потому не дать имъ погибнуть для свѣта составляетъ прямую обязанность лѣтописца:

Припомнимъ, какъ бывало
Насъ милость утѣшала,
И сердце не знавало
Лицемѣрія.

* * *

И пиръ, хотя незнатный,
Ромъ голый, ароматный,
Да офицеръ Тришатный—
Артилерія.

* * *

Вотъ Ной, хоть для примѣра,
Пивалъ онъ черезъ мѣру,
Но ахъ! его манера
Раззорительная.

Во второмъ куплетѣ каждая строчка составляетъ отдѣльное, независимое, хотя и неоконченное твореніе. Что можетъ быть общаго между вторымъ и третьимъ куплетами, между артилеріей и вторымъ прародителемъ рода человѣческаго? А между тѣмъ эти куплеты пѣлись и пѣлись съ удовольствіемъ именно потому, что въ нихъ не было смысла. Одинъ изъ постороннихъ офицеровъ, едва держась на ногахъ, подошелъ къ виновнику торжества и, поднявъ высоко надъ головой пустой стаканъ, провозгласилъ хриплымъ голосомъ: „дай Богъ вамъ умереть такъ весело, какъ вы родились!“ Что онъ хотѣлъ этимъ сказать, онъ конечно и самъ не зналъ. Въ отвѣтъ на это странное пожеланіе расчувствовавшійся Дмитрій Матвѣевичъ могъ только пролепетать: „постараемся“. Все общество расположилось на землѣ, группами и въ одиночку; одинъ только генералъ попрежнему сидѣлъ на складномъ стулѣ, сидѣлъ и улыбался. У него достало терпѣнія досидѣть до конца этого столпотворенія, когда смѣшеніе языковъ дошло до своего апогея, и люди перестали понимать другъ друга. Пѣсни смолкли, бесѣды порвались, подъ навѣсомъ стало тихо, какъ на полѣ сраженія послѣ отступленія обѣихъ воюющихъ сторонъ. Генералъ поднялся и, никѣмъ не замѣченный, удалился въ сопровожденіи казака. Гости невѣрными шагами начали расходиться по нашимъ палаткамъ, за невозможностью отыскать свои собственные. Нѣкоторые изъ нихъ расположились бивакомъ тутъ же, подъ навѣсомъ, повѣряя свои думы сѣдельнымъ подушкамъ. Сто разъ будетъ неправъ тотъ, кто поставитъ мнѣ на видъ приводимыя мною подробности нашего семейнаго праздника. Кто хочетъ знать, какъ дрались кавказцы, тому не мѣшаетъ знать, какъ они веселились.

Въ семь часовъ вечера, послѣ трехчасоваго отдыха, всѣ опять были на ногахъ. Явился на сцену пресловутый

кавалерійскій напитокъ, какъ самое надежное средство для приведенія въ порядокъ расклеившагося организма. Генералъ и на этотъ разъ не заставилъ себя ждать, такъ какъ еще задолго до окончательнаго смѣшенія языковъ получилъ приглашеніе осчастливить своимъ присутствіемъ операцію приготовленія кавалерійскаго напитка. Именно, осчастливить: онъ сидѣлъ и молчалъ; онъ не могъ поставить свою спокойную, изящную рѣчь въ униссонъ съ безсвязнымъ бредомъ остальной компаніи, но его присутствіе со-знавалось и дѣйствовало благотворно. Мы не говоримъ о солнцѣ и даже не обращаемъ на него вниманія, а когда его нѣтъ—мы скучаемъ. Генералу очень понравился кавалерійскій напитокъ; онъ очень долго разговаривалъ съ Дмитріемъ Матвѣвичемъ. Разошлись поздно, бодрые, счастливые, довольные, но прежде нежели разойтись, огромной свитой проводили генерала до его шатра, и когда возвращались отъ него—подъ навѣсомъ у маркитанта, гдѣ-то далеко, пропѣлъ пѣтухъ.

9-го сентября утромъ, пока мой экспедиціонный отрядъ, собиравшій наканунѣ празднества со всего лагеря на Мартанѣ контрибуцію, раздѣлившись, какъ и въ тотъ разъ, на партіи, разносилъ ее по палаткамъ законныхъ приборо-владѣльцевъ, я оставался дома. У меня все время не выходило изъ головы странное сообщеніе, сдѣланное мнѣ начальникомъ лѣваго фланга по поводу одинокаго странствованія моего по Черной полянѣ.

Начальникъ лѣваго фланга не остался у насъ въ долгу: 10-го сентября мы были у него на обѣдѣ. На этотъ разъ онъ говорилъ, и говорилъ увлекательно. Передъ началомъ обѣда онъ просилъ насъ не стѣсняться. „Мы здѣсь всѣ свои“, сказалъ онъ, „и если вы будете такъ же веселы, какъ 8-го сентября на обѣдѣ у начальника кавалеріи, вы доставите мнѣ этимъ большое удовольствіе“.

Были ли веселы 8-го сентября? Никто не могъ дать себѣ яснаго представленія о томъ, какъ прошла первая половина того памятнаго дня, о которомъ упоминалъ начальникъ лѣваго фланга. Должно быть, было весело, если онъ говоритъ: онъ одинъ могъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ; для остальныхъ первая половина 8-го сентября была страницей, вырванной изъ книги жизни. Перерыва въ празднествѣ также не было; до самаго вечера всѣ были на своихъ ногахъ. День закончился кавалерійскимъ напиткомъ, приготовлявшимся подѣ наблюдениемъ начальника кавалеріи. За обѣдомъ начальника лѣваго фланга слѣдовали другіе обѣды въ другихъ частяхъ отряда. Такимъ образомъ, съ легкой руки Дмитрія Матвѣевича наступилъ третій періодъ нашей экспедиціи—періодъ обѣдовъ. На этихъ обѣдахъ мы все ближе и ближе сходились съ офицерами постороннихъ частей войскъ, и чѣмъ тѣснѣе мы сближались, тѣмъ лучше узнавали другъ друга, тѣмъ большимъ уваженіемъ проникались другъ въ друга,—за то, тѣмъ труднѣе было намъ разставаться потомъ.

Для военныхъ происшествій не было установленныхъ періодовъ: они шли безпорядочной чередой, то прерываясь дня на два, на три, то снова напоминая о необходимости помнить одиннадцатую заповѣдь. 4-го и 5-го сентября не было ни одной тревоги на всемъ лѣвомъ флангѣ, и только не особенно значительныя произошли 6-го при Внезапной, 7-го у Заканъ-Юрта и 10-го въ ханкальскомъ ущельи. Этимъ послѣднимъ незначительнымъ военнымъ происшествіемъ и обѣдомъ нашимъ у генерала Нестерова закончилось астрономическое лѣто 1848-го года на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи; метеорологическое продолжалось еще три недѣли и затѣмъ слилось съ прелестною кавказскою осенью.

Войска лѣваго фланга потеряли за все лѣто—офице-

ровъ: убитыми 3, ранеными 2, контужеными 2, взятыми въ плѣнъ 3; нижнихъ чиновъ: убитыми 18, ранеными 139, контужеными 46, взятыми въ плѣнъ 3, безъ вѣсти пропавшимъ 1. Что касается жителей мирныхъ ауловъ, то они лишились; убитыми 4, ранеными 15, взятыми въ плѣнъ 13.

Сюда не вошли потери войскъ, стоявшихъ лагеремъ на берегахъ Мартала, т. е. всего чеченскаго отряда; о нихъ журналъ лѣваго фланга не даетъ никакихъ свѣдѣній со дня прибытія отряда въ лагерь къ Воздвиженской до 5-го августа и съ 11-го августа до двадцатыхъ чиселъ сентября, т. е. до окончательнаго роспуска отряда.

Въ промежуткахъ третьяго періода нашей лѣтней экспедиціи, который мы называли періодомъ обѣдовъ, мы два раза ходили на фуражировку.

11-го сѣнтября, около часа пополудни, колонна въ усиленномъ составѣ выступила изъ лагеря подъ начальствомъ того самаго генеральнаго штаба штабъ-офицера, который 30-го іюля у Воздвиженской сдѣлалъ на меня впечатлѣніе глубокаго мыслителя. Изъ того обстоятельства, что колонна была ввѣрена офицеру генеральнаго штаба, мы вывели заключеніе, что идемъ далеко, и что встрѣча съ непріятелемъ потребуетъ глубокихъ стратегическихъ и тактическихъ соображеній. Мы дѣйствительно зашли далеко: переправились черезъ Рошню, миновали владѣнія Сабдуллы, т. е. весь гехинскій округъ, и около четырехъ часовъ пополудни подошли къ знаменитому Валерику. Колонна заняла, по обыкновенію, середину далеко раскинувшейся во всѣ стороны поляны; въ тылу у нея проходила большая русская дорога; параллельно авангарду и крыльямъ колонны тянулись опушки высокаго темнаго лѣса.

Пока колонный начальникъ, повернувшись къ намъ спиной, отдавалъ приказаніе начальникамъ отдѣльныхъ

частей, нашъ дивизионеръ, безъ шума, безъ суеты, произнося командныя слова вполголоса, отвелъ свой дивизионъ въ сторону, вызвалъ фланкеровъ, занялъ ими всю лѣвую цѣпь и, пристроившись къ одному изъ фланговъ резерва, состроилъ такую физіономію, какъ будто все это сдѣлалось по давно заведенному порядку, который измѣнять онъ даже не считалъ себя вправѣ. Колонный начальникъ, сдѣлавъ всѣ считавшіяся имъ необходимыми распоряженія относительно пѣхоты и артилеріи, повернулся, чтобы отдать въ свою очередь приказанія и начальнику кавалеріи, но начальника кавалеріи при колоннѣ уже не было: онъ превратился въ простаго дивизионера и съ своимъ дивизиономъ отошелъ далеко въ сторону. Это его озадачило: такъ быстро и такъ неслышно все это сдѣлалось! Онъ отдѣлился отъ колонны съ своей небольшой свитой и направился прямо къ нашему резерву. Дивизионеръ, въ сопровожденіи своего адъютанта и неизмѣннаго трубача, вышелъ къ нему на встрѣчу.

„Вы напрасно разсыпали своихъ драгунъ въ цѣпь, право напрасно“, сказалъ ему колонный начальникъ, стараясь придать своему голосу мягкую интонацію, сильно противорѣчившую гнѣвному выраженію его лица. „Драгунъ всего два эскадрона, а пѣхоты достало бы на всѣ цѣпи“.

— Драгуны могутъ заржавѣть и совсѣмъ разучиться драться, если мы постоянно будемъ держать ихъ подъ стекляннымъ колпакомъ — отвѣчалъ Дмитрій Матвѣевичъ. Къ тому же я сдѣлалъ это по привычкѣ: драгуны на всѣхъ фуражировкахъ всегда занимали лѣвую цѣпь; они такъ къ этому привыкли, что и безъ моей команды разсыпались бы въ лѣвой цѣпи.

При этомъ отвѣтѣ мой храбрый дивизионеръ даже и не покраснѣлъ; за то, тучи, собиравшіяся на глубокомысленномъ челѣ колоннаго начальника, мгновенно разсѣялись;

онъ украдкой взглянулъ на меня, промолчалъ и только улыбнулся. Какъ только онъ удалился отмѣнять приказаніе относительно лѣвой цѣпи, которую подъ шумокъ успѣли уже занять драгуны; я замолвилъ Дмитрію Матвѣвичу: „знаете ли, вѣдь онъ ни одному слову не повѣрилъ изъ того, что вы ему сказали; онъ далъ понять это улыбкой, съ которой повернулся отъ васъ“.

— Да вѣдь я и не настаиваю на томъ, чтобъ онъ мнѣ вѣрилъ—отвѣчалъ дивизіонеръ; это его добрая воля. Дай, думаю, сокру для разнообразія: надоѣстъ вѣдь постоянно говорить одну правду. Къ тому же, если подчиняться всѣмъ распоряженіямъ колонныхъ начальниковъ, то нашему дивизіону вѣчно пришлось бы торчать въ обозѣ, а для этого не стоило и вызывать насъ въ отрядъ.

Дивизіонеръ никогда не нарушалъ дисциплины—Боже сохрани! Но онъ всегда старался вернуть какое нибудь недоразумѣніе, ошибку, сослаться на забывчивость, разсѣянность. Такъ было и 4-го августа: онъ прежде повелъ въ атаку, а потомъ послалъ испрашивать разрѣшенія у колоннаго начальника, когда уже было поздно.

Въ цѣпяхъ было тихо. Но вдругъ, гдѣ-то въ сторонѣ отъ поляны, на которой происходила фуражировка, послышались частые ружейные выстрѣлы. Мы всѣ насторожили уши. Не тревога ли на сунженской линіи? Но въ такомъ случаѣ звуки не доходили бы до насъ такъ отчетливо; это гдѣ нибудь очень близко, а Сунжа далеко отсюда. Выстрѣлы прекратились. Всѣ предположенія очень скоро разсѣялись почти вслѣдъ за наступившей тишиной: на полянѣ, гдѣ мы стояли, со стороны большой русской дороги, показалось стадо крупнаго рогатаго скота, головъ около восьмидесяти; его гнали передъ собой наши казаки, наша иррегулярная кавалерія, цѣлыхъ полтора мѣсяца державшаяся политики вооруженнаго нейтралитета. Теперь она его нару-

шила. И прежде никогда не могла она проходить равнодушно мимо какой бы то ни было добычи, и теперь не могла она устоять противъ искушенія. Стадо паслось на небольшой прогалинѣ, прикрытой перелѣскомъ; его не убрали, потому что не ожидали нашего появленія въ этихъ мѣстахъ; никто въ цѣлой колоннѣ не замѣтилъ этого стада, но казаки не были бы казаками, еслибы не увидѣли его. Они увидѣли и понеслись: это была ихъ сфера, наслѣдіе отцовъ. Позволенія колоннаго или какого бы то ни было другаго начальника они и прежде никогда не спрашивали на Волгѣ, на Дону,—зачѣмъ же будутъ спрашивать теперь, на Валерикѣ? Къ тому же успѣхъ оправдываетъ все и заглаживаетъ старыя прегрѣшенія. Въ эту минуту нашъ дивизіонеръ простилъ имъ даже ихъ странное поведение на Рошнѣ. „Слава Богу“!—воскликнулъ онъ. „Хоть чтонибудь сдѣлали за все время“! Колонный начальникъ, не любившій поступаться своими правами, могъ бы спросить ихъ, грозно насупивъ брови: кто имъ позволилъ отлучаться отъ колонны? но и тотъ промолчалъ. Казаки одержали побѣду; побѣдителя не судятъ. Стоили ли восемьдесятъ штукъ рогатаго скота одного убитаго и двухъ раненыхъ, которыхъ они везли съ собой? Да, конечно стояли: мы гораздо дороже платили за нѣсколько возовъ кукурузы.

Перестрѣлка казаковъ съ пастухами распространила тревогу по всѣмъ окрестнымъ хуторамъ. Чеченцы сбѣгались со всѣхъ сторонъ противъ нашихъ цѣпей и тотчасъ же завязывали съ нами перестрѣлку. Здѣсь намъ опять пришлось сходиться на довольно близкомъ разстояніи; ружейный огонь одновременно охватилъ колонну съ трехъ сторонъ. Фуражировка продолжалась не болѣе часа. Если время измѣрять переменами, происходящими на нашихъ глазахъ, то часть непрерывнаго боя равняется цѣлому мѣсяцу, проведенному въ мирныхъ занятіяхъ, а иногда году. Когда

мы начали отступать, стоявшіе противъ нашихъ фланкеровъ чеченцы, все время скрывавшіеся за деревьями, смѣло выдвинулись изъ лѣса и такъ близко стали подходить къ нашей цѣпи и поражать ее своими мѣткими выстрѣлами, что дивизіонеръ принялъ это за личное оскорбленіе. „Тихоненко, труби“! Трубачъ зналъ, что нужно разумѣть подъ этимъ лаконическимъ приказаніемъ: прозвучали три колѣна великолѣннаго кавалерійскаго сигнала „заѣздъ по-зводно налѣво кругомъ“. Еще въ воздухѣ дрожала послѣдняя нота этого сигнала, какъ уже драгуны стояли опять фронтомъ къ непріятелю. Чеченцы не дрогнули; они остановились, но къ лѣсу не подались. „Господи, благослови“! произнесъ набожно Дмитрій Матвѣевичъ. „Пашки вонъ“! скомандовалъ онъ звучнымъ голосомъ—и фланкеры, съ пашками наголо, налетѣли на чеченцевъ и вступили съ ними въ рукопашный бой, одинъ на одинъ. Чеченцы не дрогнули, хотя могли бы осадить. Здѣсь въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы были въ малой Чечнѣ, чеченцы дрались на совершенно открытой и гладкой, какъ ладонь, мѣстности. Бой продолжался всего нѣсколько минутъ. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы съ той и съ другой стороны облеклось въ трауръ нѣсколько семействъ, лишившихся мужа, брата, сына, отца.

Въ бою между пѣхотой и кавалеріей, если всѣ остальные условія одинаковы, перевѣсъ всегда будетъ на сторонѣ кавалеріи, а здѣсь, въ этомъ гомерическомъ бою, и остальные условія были неодинаковы: кавалерія была регулярная,—пѣхота иррегулярная, просто жители; не смотря на то, чеченцы удержали за собой позицію. За то же, и дрались они! Боже мой, какъ они дрались! Какъ будто все, что накопило у нихъ на сердцѣ за многіе годы, всѣ вынесенныя ими обиды и страданія вымещались въ каждомъ взмахѣ руки, въ каждомъ наносимомъ ударѣ. Съ

высоко поднятыми кинжалами, они прыгали как пантеры, то уклоняясь от удара шашки противника, то нанося свой ударъ страшнымъ короткимъ оружіемъ. Одинъ старикъ, весь обливаясь кровью, продолжалъ еще ползти по обгащенной травѣ, съ кинжаломъ въ зубахъ, чтобы доползти до драгунской лошади и подрубить ей ноги. Другой, юноша, почти ребенокъ, красивый и стройный, съ сжатыми губами, нахмуренными бровями, бросился на грудь лошади съ кинжаломъ въ рукѣ и оставилъ его тамъ весь, по самую рукоятку. Лошадь встала на дыбы, зашаталась и, вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ, грохнулась объ землю. Драгунъ высвободился изъ подъ нея, былъ подхваченъ спѣшившимися товарищами и съ помятыми членами пересаженъ на другую лошадь, оставшуюся безъ хозяина и къ счастью случившуюся подъ рукой.

Здѣсь, въ этомъ дѣлѣ 11-го сентября, на моихъ глазахъ, на глазахъ всего дивизіона, въ боевую драму вмѣшалась одна изъ тѣхъ непостижимыхъ случайностей, которыя невольно заставляютъ мысли человѣка обращаться къ провидѣнію. Лошадь командира 1-го эскадрона, остававшагося при резервѣ, чего-то испугавшись, вдругъ понесла съ мѣста. Драгунъ, стоявшій возлѣ своего эскадроннаго командира, поскакалъ вмѣстѣ съ нимъ, въ надеждѣ схватить лошадь за поводъ. Они пронеслись мимо цѣпи прямо къ лѣсу и врѣзались въ толпу чеченцевъ, стоявшихъ въ опушкѣ и такъ же, какъ и наши резервы, не вступавшихъ пока еще въ бой. Мы считали ихъ обоихъ погибшими. Каково же было наше удивленіе, когда они возвратились цѣлы и невредимы! Ни одной царапины ни на нихъ, ни на ихъ лошадяхъ не оказалось. По нимъ, правда, не могли стрѣлять, потому что впереди, въ цѣпи, стояли и дрались съ нашими фланкерами свои же чеченцы, но ихъ могли окружить, взять въ плѣнъ, изрубить; ни тотъ, ни другой не

имѣли возможности защищаться: одинъ обѣими руками держалъ поводья, другой—въ одной лѣвой рукѣ держалъ свои поводья, правой старался ухватиться за поводъ бѣшено скакавшей лошади.

Чеченцы уносили своихъ раненыхъ; унесли также и красиваго юношу, оставившаго свой кинжалъ въ груди драгунской лошади; но убитыхъ они не подбирали; мы же подобрали своихъ и медленно начали отступать. При этомъ вторичномъ отступленіи подлѣ меня былъ убитъ драгунъ, ходившій все время за моими лошадьми. На другой день утромъ его, вмѣстѣ съ другими, сдѣлавшими послѣднюю станцію на землѣ, опустили въ могилу, и когда печальная церемонія кончилась, взводный вахмистръ покойнаго, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ съ чувствомъ: „жаль его, ваше благородіе: первый былъ сапожникъ въ эскадронѣ; теперь другаго такого не найдешь!“ Великое и смѣшное идутъ рука объ руку въ жизни.

Чеченцы и теперь преслѣдовали насъ и опять на очень близкомъ разстояніи, но на этотъ разъ дивизіонеръ, противъ воли, долженъ былъ проглотить оскорбленіе. На смѣну нашихъ фланкеровъ прибѣжалъ баталіонъ пѣхоты, который тотчасъ же и разсыпался густою цѣпью. Чеченцы, оставшіеся въ резервѣ, въ опушкѣ лѣса, также выдвинулись на открытое мѣсто для усиленія своей цѣпи, и съ обѣихъ сторонъ загремѣлъ бѣглый огонь. Драгуны потребовались къ правой цѣпи: тамъ уже два раза чеченцы пытались прорваться черезъ цѣпь и броситься на фуражировъ, но эти послѣдніе успѣли уже присоединиться къ колоннѣ. При отступленіи они такъ близко стали подходить къ цѣпи, что резервы принуждены были занять интервалы и залпами держать ихъ на почтительномъ разстояніи. Чеченцы обнажили шашки. Тогда-то драгуны, безпорядочной толпой, безъ всякаго строя, отъ лѣвой цѣпи понеслись вы-

ручать правую. Мы прибыли вовремя; появленіе наше нѣсколько озадачило чеченцевъ; они на него не рассчитывали, такъ какъ знали, что мы заняты были на другомъ, противуположномъ концѣ поляны.

Когда мы отступили отъ Валерика и вышли на большую русскую дорогу, наступилъ полусвѣтъ медленно опускавшихся сумерокъ. До лагеря было далеко. Еслибы чеченцы, вмѣсто того, чтобы необдуманно расходовать свою энергію за-свѣтло, приберегли ее до ночи и устроили по дорогѣ къ Урусъ-Мартану двѣ или три засады, они остались бы довольны результатомъ этого дня и не понесли бы такого урона. Юноша, заколовшій кинжаломъ драгунскую лошадь, умеръ на другой день отъ ранъ холоднымъ оружіемъ. Онъ оказался сыномъ одного почетнаго и вліятельнаго въ народѣ лица.

15-го сентября передъ вечеромъ, совершенно неожиданно выступили мы изъ лагеря и прямо повернули къ раззоренному хутору Сабдуллы. Это была заключительная экскурсія лѣтней экспедиціи 1848-го года, послѣдняя сцена многоактной драмы, главный интересъ которой сосредоточивался на Урусъ-Мартанѣ. Тамъ теперь стоитъ крѣпость, новый оплотъ русскихъ въ малой Чечнѣ, въ самомъ ея сердцѣ. Задача чеченскаго отряда была кончена; пора была расходиться. Въ вечеръ 15-го сентября занавѣсъ долженъ былъ опуститься; онъ уже началъ опускаться мало по малу прежде: лѣса Чечни все чаще стали окутываться туманами, а туманы все лѣнивѣе стали подниматься къ облакамъ; еще двѣ недѣли—и вся малая Чечня, осень которой не похожа на осень остальнаго Кавказа, будетъ завѣшена туманами.

Съ грустью шли мы на эту послѣднюю фуражировку, какъ идутъ на послѣднее свиданіе передъ продолжительной разлукой. Чеченцамъ не мѣшало бы устроить проводы вой-

скамъ, которыя почти два мѣсяца пользовались плодами ихъ трудовъ, развлекали ихъ своими практическими упражненіями по всѣмъ родамъ оружія и оставляли имъ на память, на самомъ видномъ мѣстѣ, красивую крѣпость съ выглядывавшими изъ амбразуръ орудіями. Но на дорогахъ было только три человѣка—должно быть, пикетъ, охранявшій дорогу къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ, гдѣ все еще оставались огромные склады кукурузы. Эти три человѣка все время разъѣзжали поодиночкѣ вдоль нашей правой цѣпи; отъ времени до времени каждый изъ нихъ, гдѣ придется, останавливался, дѣлалъ выстрѣлъ, скрывался въ лѣсу, опять появлялся гдѣ нибудь на новомъ мѣстѣ, опять дѣлалъ выстрѣлъ,—и такъ все время, пока мы оставались на позиціи. Эти три человѣка составляли какъ бы подвижную цѣпь противъ нашей длинной, неподвижной, довольно густой цѣпи. Имъ отвѣчали только тѣ изъ нижнихъ чиновъ, кому нужно было разрядить ружье, такъ какъ, по теоріи вѣроятностей—самой шаткой изъ всѣхъ теорій въ малой войнѣ, ихъ долго, можетъ быть, не придется заряжать.

Три всадника, гарцовавшіе все время, пока мы фуражировали, противъ нашей лѣвой цѣпи и представлявшіе изъ себя цѣлую линію фланкероу, не хотѣли разстаться съ нами даже и при отступленіи и провожали насъ до большой русской дороги своими прощальными выстрѣлами. Такъ какъ пули ихъ перелетали черезъ колонну, не причиняя никому вреда, то выстрѣлы ихъ скорѣе можно было назвать салютомъ возвращавшемуся на родину союзнику, нежели преслѣдованіемъ отступающаго непріятеля. Такими же безвредными выстрѣлами отвѣчали имъ изъ арріергардной цѣпи, отстрѣливавшейся отчасти для очищенія совѣсти, отчасти для разрядки ружей.

Когда колонна со всѣми своими цѣпами и резервами

окончательно выровнялась на большой русской дорогѣ, одинъ чеченецъ, въ черной черкескѣ, съ серебряными колпачками и цѣпочками на хазыряхъ, въ черной папахѣ съ загнутымъ назадъ бѣлымъ верхомъ, молодой, стройный, гибкій, на темносѣрой лошади, вихремъ пронесся черезъ поляну, точно забылъ передать что нибудь на прощанье, прямо направился къ нашей колоннѣ, на очень близкомъ разстояніи отъ ея праваго фланга осадилъ своего коня, совсѣмъ низко пригнулся въ сѣдлѣ, долго цѣлился, наконецъ выстрѣлилъ и, съ дымившейся еще и граціозно поднятой надъ головой винтовкой, такимъ же бѣшенымъ аллюромъ ускакалъ на противоположный конецъ поляны. Онъ стоялъ такъ близко отъ нашей цѣпи, когда цѣлился, и притомъ такъ неподвижно, представлялъ такую удобную цѣль для выстрѣла даже самаго неопытнаго стрѣлка, что его могли бы цѣлымъ градомъ пуль положить на мѣстѣ, буквально превративъ въ рѣшето и его, и его темносѣраго скакуна; но на него никто даже и вниманія не обратилъ. Пуля его какъ-то коротко взвизгнула, и ударилась объ стволъ стараго ясеня, стоявшаго влѣво отъ дороги. Это былъ послѣдній чеченецъ, котораго мы видѣли, и послѣдній выстрѣлъ, который мы слышали въ эту экспедицію.

Драма кончилась. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ сороковомъ году чеченцы присягали на вѣрность великому имаму, выросла русская крѣпость. Кто знаетъ, можетъ быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ передъ нимъ держали открытый коранъ, сверкаетъ въ ясную погоду золоченый крестъ церковнаго намета?

Палатки наши—моя и моего дивизіонера, разбиты были за серединою расположенія драгунскаго лагеря, т. е. въ замкѣ, нѣсколько поодаль. Между нашими двумя палатками стояла третья, пустая, предназначавшаяся вначалѣ для моей походной канцеляріи. Передъ входомъ въ мою палатку

день и ночь стоялъ часовой, охранявшій денежный ящикъ, снимавшійся послѣ пробитія вечерней зари и переносившійся въ самую палатку. Казакъ, стоявшій въ качествѣ ординарца при особѣ дивизіонера, какъ начальника кавалеріи, ночевалъ обыкновенно въ пустой палаткѣ, всегда одѣтый, въ полномъ вооруженіи, кромѣ винтовки, которую клалъ возлѣ себя на буркѣ, разостланной прямо на землѣ. Былъ двѣнадцатый часъ въ исходѣ. Часовой у моей палатки только-что смѣнился; двое его товарищей, такъ называемые подчаски, раскинулись тутъ же, головами подъ передокъ денежнаго ящика, на шинеляхъ, разостланныхъ на вытоптанной землѣ.

Я очень скоро заснулъ и проснулся въ третьемъ часу: пополуночи, проснулся, открылъ глаза—и обомлѣлъ отъ ужаса. Мѣсяцъ, неяснымъ, тусклымъ пятномъ виднѣлся сквозь двойной верхъ моей палатки и распространялъ по ней тотъ сомнительный фосфорическій свѣтъ, который распространяетъ въ темнотѣ открытая коробочка зажигательныхъ спичекъ. При этомъ слишкомъ невѣрномъ освѣщеніи, дающемъ возможность выдѣляться изъ мрака только предметамъ съ рѣзкими очертаніями, но совершенно достаточномъ для человѣка только-что пробудившагося отъ сна, я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя, противъ изголовья, высокаго роста человѣка, плотнаго, стройнаго, въ черной черкескѣ съ вырѣзомъ на груди, въ бѣломъ бешметѣ и въ черной папахѣ. Онъ стоялъ совершенно неподвижно. Черные глаза его, имѣвшіе, повидимому, способность горѣть даже въ темнотѣ, смотрѣли прямо въ мои глаза, и по выраженію ихъ я понялъ, что они устремлены не на спящаго человѣка, но на человѣка, глаза котораго также открыты. Онъ точно ждалъ моего пробужденія, и дождавшись, давалъ мнѣ чувствовать своимъ пристальнымъ взглядомъ, что не имѣлъ намѣренія вредить мнѣ спящему.

Сердце мое такъ сильно стучало въ груди, что біенія его не могъ не слышать въ этой абсолютной тишинѣ стоявшій передо мной человѣкъ. Я хотѣлъ крикнуть, позвать часоваго, но страхъ былъ сильнѣе моей воли, и голосъ вышелъ у меня изъ повиновенія. Я много разъ впоследствии благодарилъ Бога за то, что онъ лишилъ меня въ эти минуты и воли, и голоса. Я хотѣлъ приподняться на локоть, но не могъ, или—буду до конца чистосердеченъ въ своей исповѣди—не смѣлъ шевельнуть ни однимъ членомъ; даже пальцы мои точно замерли; я былъ въ его власти; я уже не сомнѣвался, что передо мной живой человѣкъ, а не порожденіе кошмара. Нѣсколько мгновений я и мой страшный посѣтитель смотрѣли другъ другу прямо въ глаза—я съ выраженіемъ испуга, изумленія, тревоги и безпомощности; онъ—казалось, умолялъ меня о чемъ-то. Зачѣмъ онъ медлитъ?

Наконецъ, онъ измѣнилъ своей неподвижности. Рука его отдѣлилась отъ туловища; онъ снялъ папаху, нагнулъ свою бритую голову и указалъ пальцемъ на темя. Черты лица этого человѣка знакомы мнѣ; да, я его видѣлъ. Но гдѣ? Когда? Неужели это онъ? Неужели это тотъ самый чеченецъ, которому я нанесъ такой безжалостный ударъ шашкой въ голову 4-го августа, и оружіе котораго купилъ потомъ у драгунъ, оставшихся при немъ охранять его жизнь по моему приказанію до конца дѣла? Ночной посѣтитель поднялъ голову, сложилъ на груди руки и принялъ умоляющій видъ. Я продолжалъ смотрѣть на него, ничего не понимая, ничего не предпринимая, подѣвліяніемъ недоумѣнія и страха. Мнѣ вдругъ пришло на мысль, что безстрашный этотъ человѣкъ пришелъ лишить меня жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ дать мнѣ почувствовать, что пришелъ не какъ разбойникъ, а законно: кровь за кровь. Я молился и ждалъ. Чеченецъ повернулся къ

противуположной стѣнѣ палатки, гдѣ висѣло оружіе—и мое, и когда-то принадлежавшее ему, и началъ что-то доставать. Теперь тусклое изображеніе на парусинѣ послѣдней половины мѣсяца приходилось прямо противъ его лица: я не ошибся—это былъ тотъ самый чеченецъ. Полагая, что онъ собирается отмстить мнѣ за глубокую рану въ голову тѣмъ самымъ кинжаломъ, который я выбилъ у него изъ руки, я закрылъ глаза, прошепталъ: „да будетъ воля Твоя“—и ждалъ. Долго пролежалъ я такъ, очень долго, не смѣя пошевелинуться, не смѣя приподнять вѣкъ и недоумѣвая—почему онъ медлилъ ударомъ? Когда я рѣшился наконецъ открыть глаза—въ палаткѣ никого не было.

Только тотъ, кто выдержалъ самую мучительную и опасную операцію, отъ исхода которой зависитъ его жизнь, въ состояніи будетъ понять, что я почувствовалъ. Голосъ вернулся ко мнѣ. Я окликнулъ часового. „Былъ здѣсь кто нибудь“? спросилъ я. „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе“! „Не слышалъ ли ты какого нибудь шороха за палаткой“? „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе“! „Ты, можетъ быть, задремалъ, и оттого ничего не слышалъ? это со всякимъ можетъ случиться; признайся, задремалъ“? „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе“! „А я тебѣ вотъ что скажу: сейчасъ въ моей палаткѣ кто-то былъ и чего-то искалъ“. Я ожидалъ, что часовой опровергнетъ мое заявленіе и тѣмъ докажетъ, что никто не могъ пробраться въ мою палатку, но онъ заявленія моего не опровергнулъ, а только спросилъ вполголоса: „прикажете тревогу поднять“? Я не велѣлъ.

Остальной сонъ мой былъ тревоженъ. Я часто просыпался, осматривался кругомъ и опять засыпалъ. Только передъ разсвѣтомъ, когда мѣсяцъ убралъ съ моей палатки свое тусклое изображеніе, я заснулъ сладко и крѣпко и проспалъ долѣе обыкновеннаго. Меня разбудилъ шаловли-

вый лучъ солнца, расположившійся свѣтлой, золотистой полоской на моихъ отяжелѣвшихъ вѣкахъ. Видѣніе ночи прежде всего представилось моему воображенію, и глаза мои тотчасъ же остановились на противоположной стѣнѣ палатки, гдѣ на деревянныхъ костылькахъ развѣшано было оружіе; тамъ все было въ порядкѣ: винтовка, пашка, пистолетъ висѣли на своихъ мѣстахъ. . . . кинжала не было, только одного кинжала! Съ того самаго костылька, за который онъ былъ привязанъ, спускалась длинная нитка крупныхъ янтарныхъ четокъ, съ янтарнымъ же крестикомъ. Значить, ночное видѣніе мое не было игрой воображенія, галлюцинаціей; въ мою палатку дѣйствительно приходилъ человѣкъ.

И вотъ, на присутствіи янтарныхъ четокъ въ моей палаткѣ я началъ строить цѣлую исторію, какъ нѣкогда Кювье на одной ископаемой кости строилъ цѣлый скелетъ допотопнаго животнаго.

Утромъ ко мнѣ въ палатку, прежде нежели я всталъ, зашелъ дивизіонеръ. Онъ привыкъ въ такое время видѣть меня на ногахъ и не мало удивился, когда засталъ меня въ постели. „Ужъ не больны ли вы“? спросилъ онъ съ безпокойствомъ. „Нѣтъ“. — „Ну, и слава Богу! Кстати, я хотѣлъ у васъ спросить: не оставилъ ли я здѣсь вчера своихъ четокъ? я такъ привыкъ къ нимъ“. И онъ быстрымъ взглядомъ обвелъ палатку. „Э! да вотъ они“, обрадовался онъ. „А я ужъ начиналъ придумывать, гдѣ бы могъ обронить ихъ? Неужели я ихъ въ разсѣянности повѣсилъ? Ну, да все равно“. Онъ снялъ съ костылька четки, которыя я собирался возвратить ихъ воображаемому хозяину, и ушелъ.

И такъ, четки пристали къ берегу; но куда же дѣвался кинжалъ? Мысли мои опять начали путаться. Я обыскалъ всѣ углы и закоулки на полу, между палатками, подъ постелью, перерылъ бѣлье, выбросилъ все изъ чемодана, изъ выючныхъ сундуковъ, обревизовалъ походную

канцелярію, ощупывалъ даже бумаги и шнуровыя тетради, какъ это дѣлается всегда при безнадежныхъ поискахъ,— и все напрасно: кинжалъ не отыскивался. А между тѣмъ только наканунѣ я держалъ его въ рукахъ, когда вынималъ ножичекъ изъ футляра, пришитаго сзади къ его ножнамъ. Кинжалъ самъ по себѣ не имѣлъ никакой цѣнности: старый, очень даже старый, безъ всякой оправы, съ побитой черной костяной ручкой; но онъ исчезъ въ самую ночь видѣнія.

„Представьте себѣ, я нашелъ свои четки“, вдругъ раздался за палаткой голосъ дивизіонера, — „и гдѣ же? на постели, между буркой и ковромъ; а эти не знаю чьи. Возьмите ихъ, пока отыщется хозяинъ. Можетъ быть, я буду нуженъ кому нибудь: пусть подождетъ; я иду къ начальнику отряда; онъ за мной присылалъ“.

Откладывая со дня на день осуществленіе моего добраго намѣренія возвратить четки по принадлежности, я такъ и не возвратилъ ихъ по настоящее время. Онѣ хранятся у меня и теперь, тяжеловѣсныя, изъ цѣльнаго, невыжатаго янтара, съ крестикомъ и кистью изъ мелкихъ зеренъ на концѣ. Онѣ мнѣ дороги, какъ дорогъ былъ кинжалъ тому чеченцу, потому что напоминаютъ самыя страшныя минуты моей жизни; кромѣ того, онѣ слишкомъ краснорѣчиво говорятъ мнѣ, что какъ бы одинокъ и беспомощенъ ни былъ человекъ—надъ нимъ кто-то бодрствуетъ. Впослѣдствіи я рассказалъ дивизіонеру исторію четокъ и таинственнаго ночнаго приключенія. Онъ очень удивился и испугался. „Васъ рѣшительно судьба бережетъ для чего нибудь необыкновеннаго“, сказалъ онъ мнѣ, когда я кончилъ свой рассказъ. Судьба берегла меня для новыхъ испытаній, такихъ тяжелыхъ, что иногда спрашиваешь себя съ удивленіемъ: откуда берутся силы, чтобы выносить ихъ? Судьба берегла меня, чтобы было кому поплакать на могилѣ

незбежнаго Дмитрія Матвѣевича и многихъ другихъ, служившихъ украшеніемъ кавказской арміи.

16-го сентября снаряжена была новая экспедиція для собиранія по всему лагерю разнокалиберныхъ приборовъ, годныхъ къ употребленію, но изувѣченныхъ временемъ и скитальческою жизнью. Хотя начальникъ лѣваго фланга и предложилъ свои услуги; хотя багажъ его былъ окончательно перевезенъ изъ Грозной на Урусь-Мартанъ, но у насъ не достало смѣлости утруждать его. Нѣкоторые изъ членовъ перваго экспедиціоннаго корпуса успѣли уже выйти изъ строя къ этому времени; ихъ пришлось замѣнить новыми, за расторопность которыхъ ручались старые. Новое торжество готовилось въ драгунскомъ лагерѣ,—торжество на этотъ разъ невеселое: 17-го мы давали отряду прощальный обѣдъ.

Начало обѣда было тихое: это былъ похоронный обѣдъ. Мы дѣйствительно хоронили невозвратное прошлое, цѣлыхъ два мѣсяца самыхъ разнообразныхъ ощущеній: голода, зноя, жажды, усталости, слезъ и безумнаго веселья, которыя, если имъ и суждено когда нибудь еще вернуться, будутъ повторяться уже на другихъ мѣстностяхъ, при другихъ обстановкахъ и, что важнѣе всего, при другомъ составѣ общества. Этотъ же кружокъ на берегахъ этой самой рѣки никогда больше не соберется: прошлое, которое мы провожали, было невозвратно. Къ послѣднимъ перемѣнамъ, чинно стоявшіе въ началѣ обѣда тѣсные ряды бутылокъ начали приходить въ замѣтное разстройство. Больше всѣхъ доставалось мускату сухому и портеру—этимъ двумъ моднымъ напиткамъ лѣваго фланга. Говоръ, между тѣмъ, не разрослся до размѣровъ столпотворенія; у нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ на глазахъ навертывались слезы. Говорились и рѣчи, безсвязностью своею не уступавшія спичамъ предыдущихъ обѣдовъ, но такъ какъ

онѣ прерывались всхлипываніями, волненіемъ, говорились дрожащимъ голосомъ, съ драматическими жестами и интонаціями, то казались, если не слушателямъ, то самимъ говорившимъ, патетичными, краснорѣчивыми. Прежде всѣхъ, прежде чѣмъ въ головахъ начали путаться мысли, а къ небу прилипать языки, съ бокаломъ въ рукѣ, поднявшись съ своего предсѣдательскаго мѣста, почтительно предложеннаго ему драгунами, проговорилъ глубоко взволнованнымъ голосомъ начальникъ лѣваго фланга:

„Господа, пью за здоровье ваше и здоровье нашихъ младшихъ товарищей, кавказскихъ солдатъ. Лучшіе годы моей жизни я провелъ съ ними и не думаю, чтобы много потерялъ отъ этого. Когда меня здѣсь не будетъ“ (на дальнемъ концѣ стола одиночное всхлипыванье) „а это можетъ случиться скоро“.... (Пауза; волненіе мѣшаетъ продолжать; затѣмъ скороговоркой): „это можетъ случиться со всякимъ изъ насъ.... все равно, куда бы ни забросила меня судьба, первый мой тостъ всегда будетъ за здоровье и процвѣтаніе незабвенной, доблестной кавказской арміи“.

Слова генерала встрѣчены были единодушнымъ „ура“, которое многіе выкрикивали, имѣя слезы на глазахъ—что было совершенно ново и въ высшей степени оригинально. Прислуга стояла неподвижно, пока начальникъ отряда произносилъ тостъ. Старый деньщикъ генерала, находившійся въ числѣ офиціантовъ и державшій блюдо съ фазанами, забывшись, поднесъ руку къ глазамъ, чтобы отереть наворачнувшіяся слезы; блюдо упало, разбилось, а разложенные на немъ фазаны, не смотря на то, что были изжарены и разрѣзаны, разлетѣлись въ разныя стороны. „Ужъ ты не собрался ли аплодировать мнѣ“? спросилъ генералъ улынувшись.

Этотъ маленькій эпизодъ нѣсколько разсвѣялъ меланхолическое настроеніе общества. За тостомъ генерала слѣ-

довали много другихъ. Къ великому облегченію распорядителей, и моему въ числѣ ихъ, обѣдъ сошелъ безъ вопіющихъ промаховъ и не ознаменовался ни однимъ изъ тѣхъ промаховъ и недосмотровъ, которые заставляютъ краснѣть даже и послѣ, при одномъ воспоминаніи объ нихъ. Разлѣтѣвшіеся фазаны замѣнены были другими: въ нихъ у насъ недостатка не было, благодаря аккуратности и усердію нашихъ поставщиковъ, грозненскихъ охотниковъ.

Встали изъ за стола и размѣстились на полу, подѣлѣмъ же навѣсомъ, не уступавшимъ вмѣстимостью ковчегу, группами и попарно, сидя, лежа, полулежа. Представители всѣхъ родовъ оружія: пѣхота, кавалерія, артилерія и саперы обнимались, цѣловались, чекались стаканами, обливали другъ друга, плакали и сквозь слезы смѣялись. Отрядный гевальдигеръ, смуглый и курчавый какъ негръ, съ широко раскрытымъ постоянно ртомъ и бѣлыми какъ мѣль зубами, вдругъ началъ танцовать никому невѣдомый танецъ; изъ группы мирно сидѣвшихъ въ сторонѣ зрителей выскочилъ будущій герой Ардагана, налетѣлъ, какъ ураганъ, на гевальдигера, схватилъ его, перевернулъ и вмѣстѣ съ нимъ началъ кружиться, толкаться на одномъ мѣстѣ, присядать, сходить, расходиться—и этотъ дикій танецъ, неизвѣстный ни одному балетмейстеру, продолжался до тѣхъ поръ, пока оба исполнителя не очутились распростертыми на землѣ, съ которой быстро подняться на ноги препятствовало имъ, кромѣ извѣстнаго всѣмъ закона тяготѣнія, еще одно обстоятельство. Паденіе ихъ привѣтствовано было дружнымъ хохотомъ, и все-таки сквозь слезы. Пѣніе сначала не имѣло въ этотъ день успѣха. Въ одной группѣ кто-то попробовалъ было запѣть: „друзья, повѣрьте, не грѣшно“, но его остановили—почему, онъ и самъ не зналъ. Авторъ знаменитыхъ куплетовъ опять два раза получилъ предостереженія отъ „добрѣйшаго Петра Петро-

вича“, но онъ не унимался и, со стаканомъ какой-то смѣси въ рукѣ, нетвердыми шагами подошелъ къ генералу и началъ ему что-то говорить; говорилъ долго, до тѣхъ поръ, пока генералъ не расхохотался и не замахалъ руками. „Возьмите отъ меня Тришатнаго“, сказалъ онъ наконецъ. Тришатнаго подхватили, уложили на руки и отнесли на мѣсто, какъ обыкновенно относятся раненыхъ на перевязочный пунктъ. Съ мѣста онъ запѣлъ неистовымъ голосомъ: „прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“. Романсъ подхватили сидѣвшіе рядомъ съ нимъ товарищи. На другомъ концѣ навѣса слышались въ это время сильные голоса, которые никакъ не могли справиться съ первыми нотами известной вакхической пѣсни: „друзья, подагрой изнуренный, ужъ я не въ силахъ больше жить“. Хаосъ вышелъ невообразимый. Вдругъ, кто-то запѣлъ звучнымъ, чистымъ, задухшевнымъ, слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ: „охъ ты, доля моя, долюшка“. Разомъ все смолкло: и пѣніе, и говоръ, и объясненія—точно въ баснѣ „Оселъ и Соловей“. Это пѣлъ гевальдигеръ, и когда онъ пѣлъ, забывалось его комическое безобразіе; онъ былъ почти хорошъ въ эти минуты. Наступившая тишина, которую онъ замѣтилъ только послѣ третьяго стиха, заставила его вдругъ остановиться. Генералъ приподнялся съ своего мѣста. „Продолжайте, М., ради Бога, продолжайте“, упрашивалъ онъ гевальдигера. „Неужели вы не видите, что вы всѣхъ лишите удовольствія, если не будете продолжать?“ М. продолжалъ. Мы слушали... и я плакалъ. И еслибъ онъ сегодня, сейчасъ, вдругъ запѣлъ: „охъ ты, доля моя, долюшка“, я бы опять заплакалъ, но уже не такими слезами, какими плакалъ тогда. М. много пѣлъ въ этотъ день. Особенно хорошо вышло у него: „не шуми ты, мати дубровушка, зеленая моя“. И всѣ притихли; объясненія прекратились; всякій думалъ про себя, уносился, можетъ

быть, въ далекое прошлое и, боязливо заглядывая въ будущее, спрашивалъ себя, подобно Шатобриану: „гдѣ-то я буду, и что со мною будетъ черезъ годъ въ этотъ самый день“? Когда наступилъ вечеръ, и совершенно стемнѣло, опять высоко поднималось надъ треножникомъ голубое пламя жжонки, и лица окружавшихъ казались блѣдными и изнуренными, и эта сцена напомнила намъ первые дни экспедиціи, которая приходила къ концу.

Весь день 17-го сентября мы не расходились изъ подъ навѣса, и тамъ же встрѣтили и 18-е: мы дорожили минутами, которыя оставалось намъ проводить вмѣстѣ, и когда наконецъ разошлись, на востокѣ показалась бѣловатая полоска. Утренняя звѣзда передъ появленіемъ зари стала отливать серебромъ, а пѣтухъ маркитантскій то и дѣло напоминалъ однимъ, что пора спать, другимъ—вставать. 19-го сентября отрядъ устроилъ прощальный обѣдъ драгунамъ, а 20-го—никогда не забуду этого числа—назначено было выступленіе.

Х.

Первый дивизионъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Сборъ передъ выступленіемъ. Сцена на кладбищѣ. Опять на Гойтъ. Крѣпость Воздвиженская. Первая встрѣча съ Сусловымъ. По другой дорогѣ. Вступленіе въ Хасавъ-юртъ. Пророчество дивизионера. Взгляды и понятія будущаго фельдмаршала. Опъ сдержалъ слово. Какъ понималось на Кавказѣ слово «выдвигать». Князь Барятинскій человѣкъ.

Оглядываясь назадъ на всѣ пройденныя нами ступени отношеній къ обществу офицеровъ чеченскаго отряда, для котораго подъ конецъ мы стали такъ дороги, съ которымъ намъ самимъ такъ тяжело было разставаться, я спрашивалъ себя не разъ: какими заслугами завоевали мы себѣ столько мѣста въ привязанности людей, которыхъ встрѣтили въ первый разъ въ жизни только два мѣсяца тому назадъ? что мы сдѣлали для этого? Насъ приняли сухо, почти враждебно; насъ оглядывали съ оскорбительнымъ любопытствомъ, какъ оглядываютъ экземпляры новооткрытаго семейства въ мірѣ насѣкомыхъ, а теперь провожаютъ со слезами на глазахъ. Первенствующая роль въ этихъ теплыхъ отношеніяхъ къ намъ офицеровъ всего чеченскаго отряда принадлежала не оружію, не употребленію, которое мы дѣлали изъ него, какъ долгъ и честь предписывали, но личному составу перваго дивизиона Нижегородскаго драгунскаго полка. Три года спустя я былъ опять въ Чечнѣ, но съ другимъ дивизиономъ; сближенія между драгунами и обществомъ офицеровъ чеченскаго отряда никакого не было и быть не могло: данныхъ къ сближенію не

существовало, а между тѣмъ, оружіе было то же, за подвигами дѣло не стояло. Симпатичный характеръ представителя его, мнѣ кажется, уже частью выяснился. Дмитрій Матвѣевичъ былъ вполне кавказскимъ офицеромъ,—это не послѣдняя добродѣтель, которую высоко цѣнили въ свое время. О здоровьи и удобствахъ своихъ подчиненныхъ онъ заботился больше всего; онъ держалъ себя просто; лицо его отуманивалось грустью всякій разъ, какъ только съ нимъ заговаривали, конечно вначалѣ, по невѣдѣнію, слишкомъ почтительнымъ, заискивающимъ тономъ. „За кого они меня принимаютъ“? спрашивалъ онъ съ удивленіемъ; „я кажется ни примѣра, ни повода не подавалъ къ тому“. Но онъ дѣйствительно держалъ себя съ достоинствомъ передъ сильными міра сего. Его отвагою восхищались всѣ, начиная съ начальника отряда—кромѣ, впрочемъ, казаковъ, которые его не долюбливали. То была отвага беззавѣтная, старокавалерійская, возбуждавшая въ тринадцатомъ году удивленіе въ нашихъ союзникахъ нѣмцахъ. Онъ вполне заслуживалъ медаль съ арабскою перефразированною надписью: „ты храбръ, потому что ты не думаешь о послѣдствіяхъ“. „Господи благослови“! вотъ его девизъ: съ нимъ онъ не боялся ни послѣдствій, ни отвѣтственности, ни даже смерти.

Командиръ перваго эскадрона былъ человекъ тихій, замкнутый, молчаливый и гуманный. Въ полку его считали скрытнымъ и хитрымъ. Осторожность, необщительность были его оружіемъ: онъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Онъ всегда молчалъ; даже о своихъ заслугахъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ; онъ даже пилъ молча, когда всѣ говорили, и никто не слушалъ; когда пилъ, онъ становился еще молчаливѣе, изъ опасенія высказаться. Такъ какъ онъ самъ не отличался общительностью, то и ему никто не повѣрялъ своихъ тайнъ. Къ обязанностямъ

своимъ онъ относился честно: подъ выстрѣлами и вѣхъ выстрѣловъ, при атакахъ, въ перестрѣлкахъ онъ всегда былъ тамъ, гдѣ уставъ предписываетъ быть начальнику части.

2-й эскадронъ былъ лучшимъ эскадрономъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и своею лестною популярностью обязанъ былъ эскадронному командиру. Командиръ 2-го эскадрона восемь лѣтъ оставался на одномъ и томъ же посту и довелъ эскадронъ до совершенства въ боевомъ отношеніи, но только въ боевомъ. Для него, впрочемъ, этого было мало: у него было рыцарское тщеславіе, которымъ онъ не могъ не заразить и своего эскадрона; онъ не понималъ скромности, и въ тѣни оставаться было для него пыткой; онъ всегда заявлялъ о себѣ и словомъ, и дѣломъ, и въ мирное время, и въ походахъ. Не говоря уже о томъ, что во время атаки онъ всегда былъ впереди эскадрона—даже въ перестрѣлкахъ его всегда можно было видѣть въ цѣпи, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. 14 августа и 11 сентября, подъ самымъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, онъ шагомъ проѣзжалъ по фронту и благодарилъ своихъ фланкеровъ, какъ на обыкновенномъ ученьи. Въ противоположность своему собрату, командиру 1-го эскадрона, командиръ 2-го эскадрона никогда не молчалъ. Его языкъ былъ его оружіемъ, но онъ никогда не наносилъ этимъ оружіемъ ударовъ. Ошибки онъ извинялъ, заслуги преувеличивалъ. Пріятелямъ его имя было легіонъ; друга у него никогда не было; съ врагами его сама судьба раздѣлялась: это всѣ знали и боялись имѣть его врагомъ. Языкъ вывелъ его въ люди. Командиръ 2-го эскадрона популяренъ, какъ боевой офицеръ, и какъ товарищъ; но онъ былъ хорошъ, когда на него смотрѣли издали; сближаться съ нимъ остерегались, и оттого въ отрядѣ его любили, въ полку боялись.

Взводные офицеры перваго драгунскаго дивизіона, какъ боевое украшеніе полка, всѣ отличались безотвѣтною ис-

полнительнссстю, къ служебнымъ обязанностямъ своимъ относились честно. Самолюбіемъ и чувствомъ долга, безъ которыхъ такъ трудно сохранить свое доброе имя на боевомъ поприщѣ незапятнаннымъ, они стояли на высотѣ своего положенія офицеровъ славнаго Нижегородскаго драгунскаго полка. Духъ интриги и неразлучныя съ нимъ искательство и пресмыканіе—эта нравственная язва, омрачившая не одно громкое имя въ высшихъ сферахъ кавказской арміи, еще не успѣли коснуться этихъ юныхъ, неиспорченныхъ натуръ. Это былъ народъ молодой, безпечный, не думавшій о завтрашнемъ днѣ и бодро переносившій лишения. Между ними замѣшался одинъ только старый, заслуженный, но такой же, какъ и они, веселый товарищъ. Лѣта давали ему поводъ обращаться съ ними на правахъ дядьки, правахъ, которыхъ никто изъ нихъ не признавалъ. Нерѣдко юные питомцы поднимали на смѣхъ своего дядьку-самозванца. Если дядька собирался отлучиться въ чужой лагерь, гдѣ у него были знакомые, у него непременно что нибудь пропадало: фуражка, сюртукъ или сапоги. Иногда дядька принимался рассказывать про свои старые походы. Его слушали, перебивали, уличали въ противорѣчіяхъ, въ преувеличиваніяхъ; онъ останавливался, хмурилъ брови, принималъ грозный видъ. Слушатели разбѣгались, ветеранъ за ними—и поднимался содомъ: задѣвали за палатки, отрывали кольца, путались, падали, хохотали.

Остаются еще нижніе чины перваго дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка. Но объ нихъ ничего нельзя сказать такого, чего нельзя было бы примѣнить и ко всякой другой части войскъ кавказской арміи. Та же высокая нравственность, тотъ же духъ товарищества, та же выносливость, та же трогательная, безропотная покорность волѣ провидѣнія во всемъ: въ трудахъ и лишенияхъ, въ опас-

ностяхъ и тяжелыхъ утратахъ,—а утраты эти играли далеко не послѣднюю роль въ духовной жизни кавказскаго солдата. Разлучаясь на двадцать пять лѣтъ съ родиной, онъ пріобрѣтаетъ себѣ товарища, друга, который замѣняетъ ему все, къ которому онъ привязывается всею силою своей любящей русской натуры, съ которымъ многіе годы дѣлитъ горе, радости и надежды, которому отдавалъ послѣдній сухарь, послѣдній глотокъ воды,—и въ одну роковую минуту, этотъ другъ падаетъ мертвымъ на его глазахъ. Развѣ онъ не человѣкъ, чтобы равнодушно, безъ тоски, безъ потрясеній переносить подобные удары? Такія арміи, какою была наша кавказская, создаются извѣстными условіями и служатъ извѣстнымъ цѣлямъ. Условій теперь нѣтъ: они снесены потокомъ времени, цѣли достигнуты,—и арміи той нѣтъ; теперь на мѣстѣ ея другая. Такихъ армій было три одновременно на земномъ шарѣ; въ настоящее время не осталось ни одной. Наша была послѣдняя.

Какъ ни много заботъ лежитъ на каждомъ кавалерійскомъ солдатѣ прежде, нежели онъ окончитъ туалетъ своего неразлучнаго товарища—коня, который не уступаетъ ему самому въ боевыхъ доблестяхъ, тѣмъ не менѣе, 20-го сентября, за часъ до выступленія въ обратный походъ въ свою штабъ-квартиру, многіе изъ нашихъ драгунъ отправились на могилы, на тотъ берегъ Урусъ-Мартана, почтить въ послѣдній разъ память своихъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ товарищей, отслужить по нимъ на свои кровныя деньги прощальную панихиду. Этой трогательной черты изъ быта кавказскаго солдата, съумѣвшаго остаться вѣрнымъ лучшимъ сторонамъ русской жизни, въ этой далекой окраинѣ, послѣ многихъ лѣтъ разлуки съ дорогой родиной, я бы, можетъ быть, никогда не узналъ, если бы не былъ посланъ въ то же время съ однимъ спѣш-

нымъ порученіемъ на тотъ берегъ рѣки и не увидѣлъ собственными глазами картины усердно молящихся у могильныхъ камней, обнимающихъ ихъ или задумчиво сидящихъ въ ожиданіи очереди.

Коновязи и палатки сняты; трубачи выстроились на коняхъ и заиграли генераль-маршъ. Лошади осѣдланы по походному; ихъ выводятъ справа по одной за переднюю линейку. Мѣсто, гдѣ почти два мѣсяца раздавались топотъ, фырканье и ржаніе, шорохъ скребицъ, выкрикиванія дневальныхъ; гдѣ послѣ оглушительнаго шума ночныхъ тревогъ и канонадъ изъ всѣхъ палатокъ доносился до нашего уединеннаго квартала беззаботный смѣхъ, веселый говоръ, оклики часовыхъ, какъ будто тревоги и канонады происходили во снѣ,—мѣсто это вдругъ стало пустое, безлюдное, безмолвное, вытоптанное, занесенное соромъ кукурузной соломой.

Опять мы на Гойтѣ. Давно мы не приближались къ ея берегамъ. Какъ тихо кругомъ! Точно духъ примиренія пронесся надъ этими мѣстами и осѣнилъ своимъ крыломъ таинственныя трущобы гойтенскаго лѣса, который также мало по малу началъ освобождаться отъ своихъ лиственныхъ покрововъ и готовится къ зимнему сну. На Гойтѣ всегда бываетъ тихо къ концу экспедицій. Въ послѣднюю зимнюю экспедицію четыре роты безъ выстрѣла проходили разстояніе отъ Воздвиженской до Мартана, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя четырехъ баталіоновъ едва достаточно было, чтобы ковоировать транспорты на томъ же разстояніи. Урусъ-Мартанъ не можетъ препятствовать жителямъ гойтенскаго и другихъ округовъ Чечни собираться и задерживать переправы нашихъ колоннъ черезъ Гойту, какъ не могла препятствовать имъ въ этомъ крѣпость Воздвиженская. Фрейтагъ проектировалъ башню на Гойтѣ, но къ счастью для команды, которой пришлось бы занимать гарнизонъ

въ этой башнѣ, проекту не суждено было осуществиться. Чеченцы въ послѣднее время съ береговъ Мартана и Рошни стали подаваться къ верховьямъ Гойты; гойтенскіе лѣса могли считаться, послѣ Гехи, самую населенную мѣстностью малой Чечни, и утверждать, что повтореніе прежнихъ кровавыхъ сценъ, какія происходили на Гойтѣ со временъ Ермолова, невозможно—было бы тогда преждевременно.

По дорогѣ изъ кр. Воздвиженской показалась колонна. Появленіе ея Дмитрій Матвѣевичъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ: „въ Воздвиженской теперь командующимъ войсками баронъ Меллеръ-Закомельскій; онъ видѣлъ наши отличія: неловко же ему не встрѣтить насъ съ почетомъ. Вотъ онъ и выслалъ колонну въ видѣ почетнаго конвоя“.

Когда мы стали подходить къ Воздвиженской—и люди, и животныя приободрились. Мы съ любопытствомъ оглядывали мостъ на Аргунѣ: въ лагерѣ пронесся слухъ, что его болѣе не существуетъ. Здѣсь, въ Воздвиженской, въ ночь на 20-е августа, случилась тревога, извѣщеніе о которой дошло до нашего отряда, не смотря на близость разстоянія, въ самыхъ преувеличенныхъ размѣрахъ. Вѣрныя своей программѣ уничтожать всѣ переправы, чеченцы зажгли мостъ на Аргунѣ, съ праваго его берега. Природа на этотъ разъ, какъ и всегда, была противъ насъ и въ разговорѣ съ нашимъ непріателемъ, такъ какъ передъ тревогой половодьемъ снесенъ былъ одинъ быкъ, и потому, въ самую ночь происшествія, на правомъ берегу Аргуна не было выставлено караула. Чеченцы измѣнили бы обычаямъ своихъ славныхъ предковъ и своему національному характеру, еслибы просмотрѣли этотъ, нарочно для нихъ созданный, случай и не поспѣшили бы имъ воспользоваться. Такъ какъ кр. Воздвиженская составляла операціонный базисъ военныхъ дѣйствій чеченскаго отряда, то и за ней слѣдили такъ же зорко, какъ за лагеремъ на Урусъ-Мар-

танѣ и всегда знали, что дѣлается въ крѣпости и за крѣпостью; не могло укрыться конечно отъ ихъ бдительнаго надзора и несчастье съ мостомъ, причиненное половодьемъ Аргуна, и его неизбежное послѣдствіе—отсутствіе на правомъ берегу рѣки караула. Они подкрались, набросали фашинникъ, зажгли его и успѣли скрыться прежде, нежели въ Воздвиженской замѣченъ былъ огонь. Выбѣжавшія изъ крѣпости по тревогѣ войска переправились по балкамъ снесеннаго быка и прекратили пожаръ, которымъ былъ мостъ поврежденъ на протяженіи какихъ нибудь двѣнадцати аршинъ. Баронъ Меллеръ-Закомельскій въ ту же ночь сказалъ, когда нарочный привезъ ему извѣстіе на Урусъ-Мартанъ, что это дѣло рукъ Талгика; на другой день догадка его подтвердилась показаніями лазутчиковъ. Въ лагерѣ говорили, что мостъ сгорѣлъ до тла, что по балкамъ снесеннаго быка не было никакой возможности переправиться, такъ какъ онѣ охвачены были пламенемъ прежде, нежели войска успѣли добѣжать до нихъ.

Мы ночевали по отводнымъ квартирамъ въ самой крѣпости Воздвиженской. Товарищъ дѣтства, пріютившій меня на ночь, былъ уже на ногахъ, когда я проснулся. „Не знаешь ли ты“, обратился я къ нему подъ влияніемъ моихъ сновидѣній, „гдѣ въ настоящее время чеченецъ, который служить у васъ въ полку волонтеромъ“? Не дальше, какъ вчера утромъ, товарищъ видѣлъ его въ крѣпости, но вечеромъ онъ долженъ былъ вернуться въ отрядъ съ той самой колонной, которая выслана была намъ на встрѣчу; значитъ, я съ нимъ разошелся. Я хотѣлъ рассказать ему исторію четокъ, но меня что-то удержало.

Заиграли генераль-маршъ; на улицахъ слышался конскій топотъ. Изъ Воздвиженской мы выступили чрезъ ханкальское ущелье въ Грозную и здѣсь еще застали летучій отрядъ полковника Суслова, предпринимавшій 24-го

августа поиски въ раззореннымъ хуторамъ Тепли-Кичу. Назначеніе этого отряда состояло въ охраненіи мирныхъ ауловъ, расположенныхъ по Тереку и Сунжѣ. Здѣсь въ первый разъ я видѣлъ начальника маленькаго летучаго отряда. Впослѣдствіи, когда онъ былъ генераломъ, намъ часто приходилось встрѣчаться. Представьте себѣ штабъ-офицера низенькаго роста, плотнаго, довольно хорошо сложеннаго, съ большой головой, черными, коротко остриженными волосами, окрытымъ лбомъ, маленькими черными глазками, хитрыми и проницательными, съ краснымъ лицомъ, подстриженными черными усами, тоненькимъ голоскомъ, выходившимъ изъ плотной, широкой груди, откуда вы ожидаете по меньшей мѣрѣ баритона; представьте себѣ штабъ-офицера тихаго, скромнаго, скромно одѣтаго,—и вы будете имѣть не фотографически вѣрное, но приблизительное понятіе о наружности Суслова. Если вы взглянете на него въ первый разъ, вы никакъ не подумаете, что это тотъ самый человѣкъ, имя котораго одно время гремѣло по всей Россіи, и портретъ котораго, еслибы кому нибудь пришла въ голову подобная спекуляція, разошелся бы въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Когда Сусловъ былъ раненъ, все еще въ чинѣ полковника, Государь съ особенною заботливостью справлялся о состояніи его здоровья. Отчего же Сусловъ, еще въ чинѣ подполковника заложившій такой прочный фундаментъ для своей карьеры, не далеко ушелъ? У него были слабости, которыя не пустили его далеко идти, но онъ былъ замѣчательный кавказскій генералъ: умный, храбрый, распорядительный, и что всего важнѣе—находчивый.

Изъ Грозной мы не повернули на востокъ, на нашу старую дорогу, вдоль Нефтянки, мимо Горячеводска, Старого и Новаго юртовъ, по которой шли въ малую Чечню подъ команду полковника Веревкина; мы продолжали идти на

сѣверъ, къ переправѣ черезъ Терекъ по николаевскому мосту, у Николаевской станицы, въ которой и расположились на ночлегъ по отводнымъ квартирамъ. Николаевская—первая станица гребенскаго казачьяго полка со стороны Россіи.

Маленькими переходами продолжали мы подвигаться черезъ негостепріимныя станицы гребенскаго казачьяго войска къ кумыкской плоскости, которую орошаетъ родной намъ Сулакъ. Мы обошли кругомъ ту кратчайшую, но не безопасную дорогу, по которой небольшой колонной слѣдовали въ Грозную, начиная отъ первой переправы черезъ быструю извилистую Сунжу въ Умаханъ-юртѣ.

Черезъ девять дней странствованія со дня выступленія нашего изъ лагеря на Мартанѣ, 29-го сентября, подошли мы наконецъ къ Хасавъ-юрту. Теперь мы вступали въ него черезъ сѣверныя ворота и уже не въ томъ числѣ рядовъ, въ какомъ два мѣсяца тому назадъ вступали черезъ южныя. Не сказалъ ли старый сардаръ въ незабвенный день 4-го августа: „гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летятъ“?

Кабардинцы приняли насъ еще радушнѣе, если это возможно, нежели въ первый разъ; или, можетъ быть, намъ показалось такъ послѣ непривѣтливыхъ встрѣчъ по станицамъ, гдѣ пріязнь и гостепріимство составляютъ такое исключительное явленіе, что вы невольно спрашиваете себя: гдѣ вы, въ Россіи или на другомъ полушаріи? особенно, когда вы слышите, какъ не только взрослые, но даже и дѣти не иначе васъ называютъ, какъ русскими. Въ Хасавъ-юртѣ въ наше отсутствіе не произошло никакихъ выдающихся перемѣнъ: взятые въ плѣнъ между Темиръ-Ханъ-Шурой и Чирь-юртомъ кабардинскіе офицеры продолжали оставаться въ плѣну; только молодой командиръ кабардинскаго егерскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ князь Барятинскій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества.

Князь Барятинскій извинился передъ нами, что не выѣхалъ встрѣтить насъ: онъ никакъ не могъ предполагать, чтобы мы такъ рано выступили съ послѣдняго ночлега изъ Ташъ-Кичу. Онъ сказалъ намъ, между прочимъ, что съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ по реляціямъ за всѣми нашими боевыми отличіями. Онъ сказалъ намъ то, чего не рѣшался говорить прежде: что начальникъ лѣваго фланга сначала очень недоброжелательно относился къ мысли главнокомандующаго о прикомандированіи драгунъ къ чеченскому отряду. На чемъ основаны были предубѣжденія генерала Нестерова противъ драгунъ, онъ, Барятинскій, не могъ намъ ничего сообщить, такъ какъ и самъ ничего не зналъ объ этомъ, и нѣкто вѣроятно не знаетъ и не узнаетъ; но что мы нѣсколькими смѣлыми кавалерійскими атаками, а также постоянною готовностью раздѣлять опасности съ другими частями войскъ, заставили его устыдиться своихъ предубѣжденій и даже конфиденціальнымъ письмомъ извиниться въ нихъ передъ главнокомандующимъ. По словамъ князя Барятинскаго, мы открыли путь къ отличіямъ и нашимъ товарищамъ, потому что съ этого времени распоряженіе о прикомандированіи драгунъ ни въ комъ навѣрное не встрѣтитъ противорѣчій.

Будущій фельдмаршалъ, разбирая наши военныя дѣйствія въ отрядѣ, какъ свѣтскій человѣкъ, не скупился на еиміамъ, который оказывалъ успокоительное дѣйствіе на наши нервы, т. е. на нервы моего дивизіонера и мои, потому что теперь, когда мы снова встрѣтились лицомъ къ лицу, въ нашихъ воспоминаніяхъ съ особенною отчетливостью выступили малѣйшія подробности нашего перваго свиданія съ нимъ. „Впрочемъ, онъ давно ужъ и позабылъ“, утѣшалъ я себя, и вполголоса сообщилъ свое предположеніе стоявшему возлѣ меня дивизіонеру. Нѣтъ, онъ не забылъ. Не успѣли мы поздравить его съ Монаршею милостью, не успѣлъ

онъ отвѣтитъ намъ тѣмъ же, какъ быстро повернувшись въ нашу сторону, онъ обратился ко мнѣ съ улыбкой, которую Дмитрій Матвѣевичъ называлъ впоследствии коварною: „теперь, надѣюсь, съ вами можно говорить уже какъ съ настоящимъ офицеромъ“? На словѣ „настоящій“ онъ сдѣлалъ дѣйствительно коварное удареніе. Я ничего не отвѣчалъ; я только почувствовалъ холодъ въ позвоночномъ столбѣ, и дивизіонеръ слегка дернулъ меня за рукавъ.

Князь Барятинскій распространился о томъ, что онъ вообще очень счастливъ на пожеланія. Могъ ли онъ, на примѣръ, предполагать, что мы въ короткій срокъ пребыванія главнокомандующаго въ отрядѣ будемъ имѣть у него на глазахъ блистательное дѣло и удостоимся счастья, которое рѣдко кому дается, получить награды на мѣстѣ; а между тѣмъ, если мы не забыли, онъ почти предсказывалъ намъ это. Въ настоящую минуту болѣе всего ему доставляло удовольствіе видѣть насъ опять у себя, всѣхъ безъ исключенія,—а этого онъ также отъ души желалъ намъ, когда въ послѣдній вечеръ вышелъ провожать насъ. Надежду, что это желаніе могло осуществиться, онъ считалъ слишкомъ смѣлой и рискованной, такъ какъ мы шли въ Чечню, откуда очень часто не всѣ возвращаются, а между тѣмъ это желаніе, сверхъ всякаго ожиданія, исполнилось.

Разговоръ въ тотъ вечеръ, который мы провели у князя Барятинскаго по возвращеніи нашемъ изъ Чечни, вращался преимущественно около событій послѣдняго времени и конечно не могъ не коснуться лицъ, державшихъ главные нити этихъ событій. Мнѣнія свои князь Барятинскій высказывалъ съ тою смѣлою откровенностью, которая такъ поразила меня два мѣсяца тому назадъ, когда мы проводили здѣсь, въ этой самой гостиной, первый вечеръ нашего пребыванія въ Хасавъ-юртѣ. О генералѣ Не-

стеровъ князь Барятинскій отзывался, какъ о человѣкѣ съ замѣчательными военными дарованіями, еще въ чинѣ подполковника обратившемъ на себя вниманіе двухъ главнокомандующихъ—Головина и Нейдгардта. Когда рѣчь зашла о Нестеровѣ, я старался не проронить ни одного слова, въ надеждѣ услышать что нибудь о его частной жизни отъ такого тонкаго наблюдателя и всеобразнаго критика, но аристократъ высказалъ въ этомъ случаѣ много такта и даже близко не подходилъ къ закулиснымъ тайнамъ человека, котораго любили и уважали. Онъ только сказалъ, что нѣтъ такого поста и званія, на которомъ Нестеровъ былъ бы не на мѣстѣ. Говорили въ этотъ вечеръ и о другихъ выдающихся дѣятеляхъ послѣдняго времени: о князѣ Аргутинскомъ, энтузіазмъ къ которому многочисленныхъ его поклонниковъ для него, Барятинскаго, былъ непонятенъ; о Фрейтагѣ, образъ дѣйствій котораго въ даргинскую экспедицію онъ порицалъ и приписывалъ его нерѣшительности. Одинъ изъ присутствующихъ назвалъ фамилію Слѣпцова, желая вѣроятно вызвать на откровенное мнѣніе объ этой симпатичной личности. Князь Барятинскій нахмурилъ брови, взглянулъ въ ту сторону, гдѣ произнесено было имя Слѣпцова, но не сказалъ ни слова. Кто-то заговорилъ о Козловскомъ. Князь Барятинскій сначала разсмѣялся, но потомъ такъ откровенно захохоталъ, что заразилъ своимъ смѣхомъ всѣхъ окружающихъ. „Замѣчательно“, сказалъ онъ, „что не только нашъ намѣстникъ, даже Шамиль, человѣкъ, который почти никогда не смѣется, и тотъ не можетъ слышать безъ смѣха имя Козловскаго, не смотря на то, что уважаетъ его какъ генерала. Я принималъ полкъ отъ него, говорилъ съ нимъ нѣсколько часовъ, иногда цѣлые дни проводилъ вмѣстѣ, и до сихъ поръ не могу опредѣлить, что онъ такое: чудакъ или комикъ?“

Князь Барятинскій поражалъ самостоятельностью сво-

ихъ взглядовъ; молодость его и высокое положение еще увеличивали это впечатлѣніе. По всему замѣтно было, что каждое дѣйствіе, каждый поступокъ, каждый характеръ онъ подвергалъ строгому анализу и находилъ въ этомъ удовольствіе. Зашелъ разговоръ объ общественномъ мнѣніи: онъ не признавалъ за нимъ непогрѣшимости. „Оно годится для тѣхъ“, говорилъ онъ, „кто не имѣетъ своего собственнаго. Кѣмъ создается общественное мнѣніе? кѣмънибудь однимъ, иногда, можетъ быть, и умнымъ человѣкомъ, но непременно заинтересованнымъ, а слѣдовательно пристрастнымъ. Я не могу себя представить“, продолжалъ онъ, „чтобы сто человѣкъ въ одно и то же время объ одномъ и томъ же предметѣ заговорили разомъ въ одномъ и томъ же духѣ. Общественное мнѣніе всегда имѣетъ своего коновода“.

Въ несостоятельности общественнаго мнѣнія, еще не очень давно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ имѣлъ случай убѣдиться: одного офицера, считавшагося всѣми знавшими его за очень храбраго, онъ видѣлъ подъ выстрѣлами; онъ видѣлъ и не могъ дать себя отчета—что такое общественное мнѣніе: иронія или наглая, безстыдная ложь. Онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, когда ему указали на блѣдное лицо и жалкій, растерянный видъ человѣка, о которомъ всѣ отзывались, какъ о храбромъ офицерѣ. „Еслибы когданибудь“, проговорилъ съ особеннымъ одушевленіемъ князь Барятинскій, „еслибы когданибудь онъ осмѣлился явиться ко мнѣ съ просьбой о принятіи его въ полкъ, я бы, конечно, поблагодарилъ его за честь и попросилъ бы его забыть дорогу въ штабъ-квартиру кабардинскаго полка“.

„Лазутчики пришли, ваше сіятельство“, почтительно доложилъ остановившійся въ дверяхъ дворецкій, сѣдой старикъ въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и бѣломъ жилетѣ, и этимъ докладомъ прервалъ разговоръ, ко-

торый могъ и не возобновиться. Брови князя Барятинскаго сдвинулись; онъ всталъ, простеръ свою любезность до того, что извинился передъ нами, и быстрыми, твердыми шагами вышелъ изъ гостиной. Мы переглянулись: мы ожидали набѣга, обѣщаннаго намъ передъ выступленіемъ нашимъ въ Чечню, и полагали, что прибыли вызванные изъ горъ проводники.

Минуть черезъ десять князь Барятинскій вернулся и прямо заговорилъ о цѣли посѣщенія лазутчиковъ: онъ все еще велъ переговоры о выкупѣ трехъ офицеровъ кабардинскаго полка, взятыхъ въ плѣнъ въ іюнѣ мѣсяцѣ при слѣдованіи 3-го и 4-го баталіоновъ дагестанскаго отряда. Лицо его было пасмурно. Онъ самъ первый заговорилъ о плѣнѣ; онъ не понималъ плѣна, безпощадно порицалъ его, считая явленіемъ позорнымъ для арміи героевъ, какою всегда была кавказская армія. Офицеръ не долженъ выходить безъ оружія, а при оружіи онъ долженъ защищаться; его не возьмутъ въ плѣнъ, пока онъ не раненъ, пока оружіе не выпало у него изъ рукъ—это мнѣніе князя Барятинскаго; служба же солдата должна бы считаться недѣйствительной, хотя бы прослужилъ онъ двѣнадцать лѣтъ до своего плѣна. Плѣннаго офицера слѣдуетъ исключать изъ арміи, не смотря ни на какія прежнія заслуги его, и впредь никуда и никогда не принимать: если офицеръ не счумѣлъ избѣжать позора, онъ не долженъ носить военный мундиръ. Князь Барятинскій пожелалъ узнать: раздѣляемъ ли мы его взглядъ. Мы раздѣляли его взглядъ; мы не могли не раздѣлять его: его проводилъ человекъ, въ рыцарскихъ доблестяхъ котораго никто не имѣлъ права сомнѣваться. „Ему бы только въ кавалеріи служить“, шепнулъ мнѣ Дмитрій Матвѣевичъ. „Намъ не учиться умирать“, продолжалъ князь Барятинскій взволнованнымъ голосомъ, воодушевляясь по мѣрѣ того, какъ

развивалъ свою тему. Чтобы показать, какъ, по его мнѣнію, должны умирать настоящіе кавказскіе офицеры, онъ привелъ два случая:

Въ 1843 году, въ концѣ августа мѣсяца, Шамиль вторгнулся въ койсубулинскій округъ и обложилъ Унцукуль. Три дня Унцукуль держался; наконецъ былъ взятъ *). Горцы вырѣзали весь гарнизонъ; артилерійская прислуга также была вся перебита; оставался одинъ только человекъ въ цѣломъ укрѣпленіи, и этотъ человекъ былъ взводный офицеръ, артилерійскій поручикъ Потемкинъ. Онъ не хотѣлъ допустить даже и мысли о плѣнѣ, сдѣлалъ послѣдній картечный выстрѣлъ, легъ на орудіе, обнялъ его и въ такомъ положеніи былъ изрубленъ.

„Почему Потемкину не поставили памятника“, сказалъ въ заключеніе князь Барятинскій—„объ этомъ надо было спросить въ свое время у Александра Ивановича Нейгардта, который ставилъ отдѣльный кавказскій корпусъ ниже всѣхъ остальныхъ корпусовъ, потому что войска эти при движеніяхъ не соблюдаютъ равенія, и солдаты не имѣютъ надлежащей выправки“.

Затѣмъ онъ привелъ другой примѣръ:

14-го іюня 1845 года, когда войска нашего отряда по чрезвычайно трудной дорогѣ вступили въ такъ называемыя андійскія ворота, глазамъ ихъ представилось зрѣлище, котораго ни описать какъ слѣдуетъ, ни забыть нельзя: всѣ богатые селенія этого края были объаты пламенемъ. Князь Барятинскій шелъ въ авангардѣ съ двумя съ половиной ротами кабардинцевъ, численный составъ которыхъ, въ общей сложности, едва превышалъ полный комплектъ одной роты. Онъ бросился къ первому селенію Гагатль, также непощаженому огнемъ, вытѣснилъ шты-

*) Унцукуль взятъ 30-го августа.

ками засѣвшихъ въ немъ мюридовъ, преслѣдовалъ ихъ по отвѣсному почти подъему до андійскихъ высотъ и прямо началъ штурмовать завалы, за которыми, подъ прикрытіемъ четырехъ орудій, подъ личнымъ начальствомъ Шамиля, приготовились встрѣтить ихъ около пяти тысячъ горцевъ. Картечь и бѣглый огонь изъ пяти тысячъ винтовокъ не смутили кабардинцевъ: они продолжали подвигаться къ заваламъ; они близко подошли къ нимъ. Командиръ 4-й роты поручикъ Маевскій первый вскочилъ на завалъ, но былъ смертельно раненъ пулею въ голову и падая закричалъ своимъ солдатамъ: „впередъ, ребята! завалъ нашъ“. То были послѣднія слова его въ этой жизни; на другой день его съ почестями похоронили; самъ старый сардаръ со всѣмъ своимъ штабомъ присутствовалъ при отданіи ему послѣдняго долга. Онъ спитъ теперь въ землѣ, на самой вершинѣ той исполинской стѣны, которая носитъ названіе андійскихъ высотъ и видна изъ Чиръ-юрта *).

Съ благодарной почвы о геройскихъ подвигахъ кавказскихъ офицеровъ разговоръ не сходилъ цѣлый вечеръ, разговоръ не только занимательный, но и знаменательный — какъ оказалось впоследствии, десять лѣтъ спустя — такъ какъ въ немъ проводилъ свои взгляды будущій намѣстникъ и покоритель Кавказа. Еслибы я могъ предвидѣть, что пророческія слова моего дивизіонера сбудутся, я бы записалъ его отъ слова до слова въ тотъ же день, не смотря на поздній часъ вечера, къ концу котораго, за ужиномъ, командующій войсками въ кумыкскомъ владѣніи, онъ же и командиръ кабардинскаго полка князь Барятинскій, пригласилъ насъ принять участіе въ набѣгѣ, который, если мы не забыли, обѣщанъ былъ намъ, драгунамъ, два мѣсяца

*) Князь Барятинскій получилъ за Гагаты георгіевскій крестъ, которымъ онъ очень справедливо гордился.

тому назадъ. Въ набѣгъ выступаемъ передъ разсвѣтомъ. „Этотъ набѣгъ произведетъ на васъ такое впечатлѣніе, какого навѣрное не производилъ никогда ни одинъ набѣгъ; за это я вамъ ручаюсь“. И князь Барятинскій улыбнулся.

Въ тѣ золотыя времена, при одномъ воспоминаніи о которыхъ кровь начинаетъ быстрѣе обращаться, командующіе войсками всѣхъ наименованій, начальники отрядовъ, даже такихъ малосильныхъ, какъ тотъ, которымъ подъ командой Суслова прикрывались мирные аулы на Терекѣ и Сунжѣ, имѣли право предпринимать набѣги, или, какъ ихъ называли въ донесеніяхъ, поиски въ непріятельскія земли. Мотивомъ къ этимъ набѣгамъ выступали обыкновенно „обстоятельства края“. Этимъ стереотипнымъ выраженіемъ, чрезвычайно растяжимымъ, освященнымъ давностью и пользовавшимся широкимъ правомъ гражданства въ военно-офіціальномъ слогѣ, оправдывались иногда такія распоряженія и дѣянія, которыхъ обстоятельства края никогда не думали, да и не могли требовать.

Какъ чутокъ сонъ военнаго человѣка, когда онъ засыпаетъ съ опасеніемъ, проспавъ назначенный для его пробужденія часъ! Почти за три часа до разсвѣта, въ ночь на 30-е сентября, драгунскій дивизіонеръ и его адъютантъ были уже на ногахъ и суетились около давно нечищенного самовара, обязательно принесеннаго имъ самой хозяйкой. Въ штабъ-квартирѣ уже зашевелились. Безъ шума проходили по улицамъ мимо нашихъ оконъ, одна за другою, роты къ западнымъ или герзель-аульскимъ воротамъ, сборному пункту колонны. Тяжело, но по возможности тихо, съ чуть слышнымъ дребезжаніемъ, направлялись въ ту же сторону и орудія съ зарядными ящиками. Люди подлѣ нихъ шли молча; конскій топотъ отдавался глухо по увлажненной осенней сыростью землѣ. Артилерія повернула за уголъ, и опять стало тихо. Ночь кажется такою странною,

когда нѣсколько сотъ или тысячь человѣкъ не спятъ, а между тѣмъ вездѣ такъ тихо! Едва успѣла скрыться артилерія, снова слышался перекатъ колесъ и глухое гудѣнье: то шли повозки къ сборному пункту. За два часа до разсвѣта, въ ночь на 30-е сентября, колонна, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, съ двумя орудіями, двухъ сотенъ донскихъ казаковъ и дивизіона драгунъ, выступила по направленію къ раззоренному аулу Кошкельды или Хошъ-гельды (что значитъ порусски „здравствуй“). Ауль этотъ лежитъ къ западу отъ Хасавъ-юрта, между Герзель-ауломъ и Куринскимъ укрѣпленіемъ, на качкалыковскомъ хребтѣ, у верховья одного изъ лѣвыхъ притоковъ Аксая. Проводникъ указывалъ намъ дорогу, а звѣзды освѣщали путь. Колонна шла такъ тихо, что непріятельскому пикету, еслибы онъ былъ предупрежденъ, нужно было бы приложить ухо къ землѣ, чтобы по глухому гулу шаговъ догадаться о ея движеніи. Только привидѣнія, которыя, по народному повѣрью, скользятъ не касаясь земли, прошли бы тише. Курить при ночныхъ движеніяхъ колоннъ никому и въ голову не можетъ придти; за то, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидается появленіе утренней зари, которая своимъ побѣдоноснымъ свѣтомъ поглощаетъ все, даже свѣтила небесныя; и если ужъ отряду суждено быть открытымъ преждевременно—пусть отвѣтственность падеть на нее. Приказанія отдаются шепотомъ; даже дребезжація части орудій обматываются войлокомъ, тряпками, чѣмъ попало. Еслибы кто нибудь шелъ на встрѣчу нашей колоннѣ, онъ только на близкомъ разстояніи услышалъ бы вдругъ странный шумъ, напоминающій шумъ камышей, перебираемыхъ ночнымъ вѣтеркомъ, и увидѣлъ бы толпу черныхъ тѣней, надвигающуюся на него подобно стѣнѣ. Еслибы изъ глубины этого мрака и среди этой тишины вдругъ раздался бы чей

ни будь громкій голосъ—вся колонна вздрогнула бы, какъ одинъ человѣкъ, отъ нечаянности и, думаю, что безъ команды разомъ остановилась бы. Это потому, что вся эта масса людей, проникнутая однимъ чувствомъ, движимая одною мыслью, однимъ настроеніемъ, находящаяся на одномъ уровнѣ нравственнаго возбужденія и физическаго напряженія, превращается въ одного человѣка. Надо испытать, чтобы вполнѣ понять это тождественное состояніе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый сознаетъ, какой опасности подвергаются всѣ отъ малѣйшей неосторожности одного. Замѣчательно, что и лошади въ подобныхъ обстоятельствахъ точно раздѣляютъ опасенія людей, и ни ржаніемъ, ни фырканьемъ до самаго разсвѣта не нарушаютъ общей тишины.

Мы шли не останавливаясь, не прерывая молчанія. Мы переправились черезъ какой-то оврагъ, по дну котораго бѣжала вода: то былъ Аксай. Направо отъ насъ, въ сторонѣ, чернѣли стѣны Герзель-аула. Послѣ переправы кто-то упалъ въ колоннѣ; къ счастью, ружье дало осѣчку: выстрѣлъ могъ бы открыть наше движеніе. Сквозь влажную атмосферу сентябрьской ночи пронесся предразсвѣтный вѣтерокъ, и въ то же время на черно-синемъ небѣ одна за другой начали гаснуть звѣзды, начиная съ самыхъ маленькихъ. Можно было подумать, что это вѣтерокъ задуетъ ихъ. Венера еще ярко горѣла въ той сторонѣ неба, откуда ожидалась заря, но свѣтъ ея начиналъ уже колебаться. На востокѣ показалась блѣдная, узкая полоска; она становилась все шире и шире, слегка зарумянилась, потомъ вдругъ вспыхнула густымъ багровымъ заревомъ; на штыкахъ, на конской сбруѣ, на тѣлахъ орудій заиграли рубины. Лошади вполголоса заржали. „Это онѣ Богу молятся“, говорили драгуны. Нѣкоторые солдаты сняли шапки и перекрестились.

Мы вступили въ широкую аллею, которая медленно взбирается на гору. Направо и налево разступался передъ нами лѣсъ, весь испещренный палевыми, красными, коричневыми и даже черными листьями; много еще оставалось и зеленыхъ. Такими же листьями, сильно шуршавшими подъ ногами нашихъ лошадей, устлана была и вся дорога. Мѣстами деревья такъ близко наклонялись другъ къ другу черезъ дорогу, что образовали надъ нашими головами листовенный сводъ, значительно уже порѣдѣвшій.

Невдалекѣ отъ хребта, на одну изъ вершинъ котораго мы поднимались, влево, мы увидѣли другую небольшую колонну, быстро подвигавшуюся по направленію къ нашей. Она состояла изъ одного баталіона пѣхоты, при одномъ орудіи, и трехъ сотенъ донскихъ казаковъ. Это была часть такъ называемаго подвижнаго резерва, выступившая изъ своей штабъ-квартиры, укрѣпленія Куринскаго, куда еще наканунѣ было послано распоряженіе князя Барятинскаго. На дворѣ былъ бѣлый день, когда мы достигли вершины горы. Сначала, поднявшись на гору, мы пошли рысью, но потомъ, постепенно ускоряя аллюръ, незамѣтно перешли въ маршъ-маршъ. Пѣхота съ артилеріей не послѣдовала за нами на гору, но повернула вправо, обходнымъ движеніемъ вышла на другую сторону горы и у подошвы ея остановилась ожидать нашего возвращенія; къ ней присоединилась и колонна, прибывшая изъ Куринскаго.

Аллея вывела насъ на широкую поляну, такъ далеко простиравшуюся въ длину, что еслибы посерединѣ ея стоялъ человѣкъ—трудно было бы простымъ глазомъ отличить пѣшкомъ ли онъ, или на конѣ. Пни, разбросанные впереди дальней опушки лѣса, мы сначала приняли за жителей, высыпавшихъ на тревогу; насъ только удивила совершенная неподвижность ихъ. Фигуры нѣкоторыхъ изъ этихъ пней были такъ натуральны, до такой степени походили на

людей совѣщающихся, прицѣливающихся, собирающихся выступить впередъ, присматривающихся, что еслибы разстоянія между ними не оставались все время неизмѣнными, иллюзія была бы полная.

Благодаря довольно часто посѣщающимъ эти горы туманамъ, а также дождямъ, изрѣдка перепадающимъ въ началѣ осени, поляна покрылась прелестной свѣжей зеленью, какъ въ раннюю весну. Сюда-то, на это обширное пастбищное мѣсто, жители окрестныхъ хуторовъ и ауловъ пригоняютъ свои табуны и крупный, и мелкій рогатый скотъ. Поляна такъ обширна, что на ней свободно могли бы пастись табуны нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ. Мы пришли слишкомъ рано, и намъ удалось захватить только полтора-раста штукъ крупнаго рогатаго скота. Пастухи такъ оторопѣли при видѣ Богъ вѣсть откуда появившейся кавалеріи, что, не сдѣлавъ даже ни одного сигнальнаго выстрѣла, скрылись въ чащѣ ближайшаго лѣса. Казакамъ отдано было приказаніе по возможности избѣгать шума и безъ особенной крайности не вынимать ружей изъ чехловъ; драгунамъ ничего не было сказано. Стадо, должно быть, только-что прибыло, потому что не успѣло даже разбредиться по полянѣ; казаки окружили его и погнали вправо, прямо черезъ лѣсъ къ спуску. Поляна была обставлена со всѣхъ сторонъ высокоствольнымъ и довольно частымъ лѣсомъ. Безъ дороги, между деревьями, почти вразсыпную, спускались мы къ подошвѣ горы, гдѣ ожидали насъ внизу всѣ остальные войска. Князь Барятинскій благодарилъ кавалерію: онъ не ожидалъ, чтобы она такъ скоро присоединилась къ отряду. „Надо подальше и поскорѣе убрать-ся отсюда“, прибавилъ онъ съ улыбкой, „чтобы не навлечь на себя большихъ непріятностей“. Онъ былъ хорошъ въ генеральской формѣ и въ эксельбантахъ; черезъ десять лѣтъ его трудно было узнать.

Какъ только послѣдніе ряды нашихъ драгунъ, все время прикрывавшихъ отступленіе казаковъ, поровнялись съ послѣдними уступами горы, на которыхъ лѣсъ, постепенно рѣдѣя, наконецъ прекращался—колонна начала отступать.

Отступленіе было поспѣшное: князю Барятинскому безъ выстрѣла хотѣлось завершить экскурсію; но выстрѣлъ все-таки былъ, хотъ одинъ. Но и одного было достаточно для того, чтобы лишить насъ права утверждать, что мы буквально безъ выстрѣла сдѣлали набѣгъ. Когда мы удалились отъ подошвы качкалыковского хребта на такое разстояніе, что трехфунтовое ядро даже рикошетомъ не могло бы долетѣть до нашей колонны, на полугорѣ показался одинокій всадникъ. Долго кричалъ онъ вслѣдъ удалявшимся гяурамъ своимъ протяжнымъ, пронзительнымъ голосомъ, наконецъ пригнулся къ сѣдлу, съ гикомъ проскакалъ нѣсколько сажень по косогору, остановился, приложился и выстрѣлилъ. Онъ зналъ, конечно, что пуля его не долетитъ до колонны, но ему нужно было на комъ нибудь, на чемъ нибудь сорвать свое сердце. Проводникъ нашъ, за свою вѣрную службу намъ и за измѣну своимъ, получилъ горсть русскаго серебра и, довольный щедростью молодого русскаго наиба, вернулся въ горы.

Не смотря на умѣнье владѣть собою, которое въ князѣ Барятинскомъ воспитаніемъ и навыкомъ доведено было почти до совершенства, онъ не могъ скрыть своего удовольствія, когда въ этотъ день за столомъ зашла рѣчь о набѣгѣ. „Ни одной капли крови, ни одного выпущеннаго патрона“! вотъ что не переставалъ онъ твердить съ непривычнымъ ему одушевленіемъ. Предсказаніе его оправдилось: набѣгъ, дѣйствительно, не имѣлъ ничего общаго съ обыкновенными набѣгами, и о немъ никогда не упоминали ни въ обществѣ, ни въ печати, даже не занесли его въ формулярные списки. Еслибы мы потеряли въ этотъ день

полтора ста или двѣсти человѣкъ— таково было мнѣніе князя Барятинскаго—и ничего бы не сдѣлали, тогда бы только и слышно было: „славное дѣло имѣлъ Барятинскій 30-го сентября“! Замѣчаніе это, къ несчастію, слишкомъ справедливо и одинаково примѣнимо къ кавказской и ко всѣмъ другимъ войнамъ. Заслуга отряднаго начальника въ большинствѣ случаевъ цѣнилась не по результатамъ, достигнутымъ имъ, а по урону, понесенному его войсками; и еслибы онъ, воспользовавшись оплошностью непріятеля, безъ урона взялъ первоклассную крѣпость, то сказали бы, пожалуй, что комендантъ крѣпости былъ подкупленъ. „По моему мнѣнію“, говорилъ князь Барятинскій, „лучше взять одного барана и не потерять ни одного человѣка, нежели отбить нѣсколько тысячъ головъ рогатаго скота и привезти одного убитаго“. Но при томъ порядкѣ вещей, который установился давностью, скорѣе такой взглядъ могъ показаться аномаліей.

Набѣгъ князя Барятинскаго 30-го сентября, какъ ни холодно отнеслось къ нему общественное мнѣніе и начальство, все-таки не кануль въ вѣчность на правахъ безъ вѣсти пропавшаго факта: въ журналѣ военныхъ происшествій начальника лѣваго фланга кавказской линіи, изъ донесенія командующаго войсками въ кумыкскомъ владѣніи, т. е. князя Барятинскаго, сдѣлано краткое извлеченіе, занявшее почетное мѣсто между такими важными событіями, какъ угонъ пары быковъ у темиръ-аульскаго жителя и убитая хищниками лошадь у грозненскаго поселанина; но горсть серебра, выданная проводнику, не пропала даромъ. Когда молодой генералъ сдѣлался начальникомъ лѣваго фланга и впослѣдствіи главнокомандующимъ кавказскою арміею, онъ всегда давалъ чувствовать командующимъ войсками, колоннымъ начальникамъ и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, что умѣренные результаты съ возможно

меньшею потерей людей въ его глазахъ имѣютъ большія цѣны, нежели крупныя результаты съ внушительными цифрами убитыхъ и раненыхъ. Только одинъ разъ, въ началѣ 1852 года, ему самому пришлось нарушить это прекрасное правило по обстоятельствамъ, которыхъ онъ не могъ предвидѣть, еслибы даже былъ двадцатью годами старше.

Мы разошлись отъ князя Барятинскаго послѣ вечерняго чаю. Мы всё слишкомъ поздно легли и слишкомъ рано встали, чтобы не нуждаться въ отдыхѣ, особенно послѣ ночной сорокаверстной прогулки. На другой день утромъ мы выступали въ свою штабъ-квартиру. Князь Барятинскій такъ радушно простился съ нами, какъ будто мы не одинъ и не два, а много дней провели вмѣстѣ. На прощанье, онъ выразилъ надежду, совершенно порусски, что мы его не забудемъ. Я его не забылъ—что доказываю настоящимъ мемуаромъ. Лѣтомъ 1859 года подъ Гунибомъ онъ устроилъ такъ, что его не забудутъ и другіе, никогда не пользовавшіеся его гостепріимствомъ.

Мнѣнія о личности князя Барятинскаго и его характерѣ, какъ частнаго человѣка, общественнаго и государственнаго дѣятеля, до такой степени расходятся, что, слушая ихъ, можно подумать, что рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь одномъ человѣкѣ, а о нѣсколькихъ лицахъ, носившихъ одно и то же имя. Встрѣча наша съ нимъ въ 1848 году была далеко не послѣдняя: мы видѣли его на всѣхъ трехъ самыхъ видныхъ ступеняхъ его служебнаго поприща: командиромъ кабардинскаго егерскаго полка, начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи и главнокомандующимъ. Говорили, что быстрымъ возвышеніемъ своимъ онъ обязанъ не столько заслугамъ и дарованіямъ, сколько высокому происхожденію своему и вниманію Императора Александра II. Нѣтъ. Этимъ двумя обстоятель-

ствамъ онъ обязанъ только тѣмъ, что его заслуги цѣнились и поощрялись. Говорили, что всѣ его начальники, одинъ передъ другимъ наперерывъ, старались выдвигать его. Это правда! Но что значило слово „выдвигать“ на языкѣ кавказской арміи того времени? Это значило представлять человѣку какъ можно больше шансовъ быть убитымъ. Именно такъ выдвигали князя Барятинскаго: виноватъ ли онъ, что не былъ убитъ, и что за каждый шансъ быть убитымъ онъ получалъ или крестъ, или чинъ? Начальникомъ той части отряда, которой угрожала наибольшая опасность, назначали непременно князя Барятинскаго: въ авангардъ при наступленіи, въ арріергардъ при отступленіи, колоннымъ начальникомъ при истребленіи хуторовъ въ самыхъ неприступныхъ тущобахъ, при рубкѣ лѣса въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Еслибы другого такъ выдвигали, по немъ давно служились бы панихиды, а князя Барятинскаго смерть щадила. Онъ былъ героемъ народныхъ сказокъ; феи, присутствовавшія при его рожденіи, предсказали ему, что онъ пройдетъ черезъ всѣ опасности прежде, нежели достигнетъ того высокаго положенія, на которомъ окончитъ свое земное поприще. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно подуматъ, пробѣгая длинный списокъ всѣхъ его отличій. Геркулесу назначено было совершить двѣнадцать подвиговъ. Я думаю, однихъ заваловъ, на которыхъ грудь Барятинскаго служила мишенью, наберется больше двѣнадцати.

Вниманіе Императора Александра II къ князю Барятинскому падало не на бесплодную почву. Въ князѣ Барятинскомъ удивлялъ и очаровывалъ всѣхъ и не могъ не очаровывать Государя его здравый смыслъ, его смѣлыя сужденія; надъ всѣми маніями, заблужденіями и предразсудками современнаго общества онъ откровенно и безбоязненно смѣялся; это былъ свѣжій, самостоятельный смѣхъ, под-

крашенный юморомъ, выработанный обобщеніями и сопоставленіями, которыхъ не могъ дѣлать человѣкъ, не наблюдавшій, подобно князю Барятинскому, всѣхъ слоевъ общества, начиная отъ верхняго, откуда онъ самъ вышелъ. Здравому смыслу князь Барятинскій обязанъ всѣми своими распоряженіями какъ въ мирное, такъ и въ военное время; другихъ совѣтниковъ у него не было, и за него никто не думалъ. Князь Барятинскій былъ однимъ изъ замѣчательныхъ генераловъ второй половины девятнадцатаго вѣка. Въ дѣлахъ чести князь Барятинскій былъ такимъ же рыцаремъ въ благородномъ значеніи этого слова, какимъ мы его видѣли на поляхъ чести.

Князь Барятинскій былъ человѣкъ. Въ сановникѣ, имѣвшемъ обширный кругъ дѣятельности, это великая заслуга передъ человѣчествомъ! Онъ сумѣлъ остаться человѣкомъ на такой высотѣ, на которой у всѣхъ почти голова кружилась. Чего не доставало князю Барятинскому? Природа дала ему наружность, умъ, здоровье; многіе даже подозрѣвали въ немъ сердце; фортуна безъ счета, съ завязанными глазами, сыпала на него свои милости: умъ, почести, богатство, положеніе въ свѣтѣ, вліяніе, успѣхъ, славу, мѣсто въ исторіи—и какое мѣсто!—и наконецъ дружбу Императора. И не смотря на все это, онъ остался. человѣкомъ—чѣмъ, безъ сомнѣнія, обязанъ своему здравому смыслу. Въ первый вечеръ, который мы провели у него въ концѣ іюля мѣсяца, когда шли въ Чечню, былъ разговоръ о великихъ людяхъ. Онъ сказалъ, что Фридриха II считаетъ великимъ не за его побѣды, а за то, что онъ прежде всего былъ человѣкомъ; что знаменитое изрѣченіе его: „последній нищій въ государствѣ такой же человѣкъ, какъ и король“ слѣдуетъ выбить аршинными буквами на его памятникѣ.

И видѣлъ князь Барятинскаго задумчивымъ, озабо-

ченнымъ, видѣлъ его нахмуреннымъ, улыбающимся, смѣющимся отъ души, когда зашла рѣчь о Козловскомъ; даже плачущимъ я его видѣлъ, плачущимъ какъ ребенка, когда былъ убитъ наказный атаманъ Круковскій, блѣдный очеркъ котораго я помѣстилъ выше,—и всегда онъ казался мнѣ человекомъ, отлитымъ въ изящную форму; царедворцемъ я его никогда не видѣлъ. Рѣзко порицали въ свое время князя Барятинскаго за его образъ жизни. Но между его образомъ жизни и заслугами передъ отечествомъ ничего нѣтъ общаго, и если у него были мозоли, и онъ не хромалъ—тѣмъ лучше для него.

XI.

Въ Чечнѣ послѣ роспуска отряда. Сусловъ не забыть. Видъ на штабъ-квартиру Нижегородскаго драгунскаго полка съ лѣваго берега Сулака. Встрѣчное привѣтствіе. Военныя тревоги въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1848 года на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Утро 19-го декабря въ Аухѣ. Результаты набѣга полковника Веревкина. Общая наша убыль въ теченіе года. Они опять встрѣтились. Заключение.

Въ ночь съ 1-го на 2-е октября изъ Урусъ-Мартана сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ по непріятелю, который подходилъ, посмотрѣть поближе на произведеніе нашихъ рукъ. Затѣмъ четыре дня сряду высылались изъ укрѣпленія колонны изъ четырехъ и наконецъ изъ трехъ ротъ пѣхоты для встрѣчи транспортовъ на рѣкѣ Гойтѣ. Всѣ эти дни колонны возвращались безъ выстрѣла. Трево-

ги у новаго укрѣпленія происходили еще 12-го, 13-го, 20-го и 24-го октября. Всѣ онѣ были вызываемы партіями, показывавшимися вблизи Урусъ-Мартана, и разрѣшались однимъ артилерійскимъ огнемъ изъ укрѣпленія. 7-го же, 15-го и 25-го октября маіоръ Ляшенко, съ частью гарнизона, самъ произвелъ поиски въ окрестностяхъ и захватилъ немного непріятельскаго скота. Изъ всѣхъ этихъ тревогъ, въ число которыхъ слѣдуетъ включить столкновеніе нашей попутной колонны съ горцами въ ханкальскомъ ущельи 2-го октября, особеннаго вниманія заслуживаетъ происшедшая въ этотъ же день близъ кр. Грозной. Она важна въ исторіи кавказской войны не блестящимъ боемъ съ непріателемъ, а чувствительнымъ ущербомъ, который онъ причинилъ одному изъ лучшихъ кавказскихъ боевыхъ дѣятелей.

2-го октября партія конныхъ чеченцевъ, до ста пятидесяти человекъ, бросилась на скотъ Старосунженскаго аула. По первымъ пушечнымъ выстрѣламъ изъ крѣпости, командующій нѣкоторыми частями войскъ по прикрытію ауловъ полковникъ Сусловъ, съ командой казаковъ донскаго № 39-го полка и съ мирными чеченцами, бросился на встрѣчу непріятеля и заставилъ его поспѣшно отступить къ лѣсу. Здѣсь партія была усилена и завязала съ казаками перестрѣлку. Въ это время другая партія чеченцевъ, скрывавшаяся въ лѣсу, вышла изъ своей засады, сдѣлала залпъ и намѣревалась уже броситься въ шашки, но полковникъ Сусловъ приказалъ казакамъ спѣшиться и усилить огонь. Между тѣмъ пѣхота наша и двѣ сотни казаковъ, возвращавшіеся изъ чеченскаго отряда домой, услышали перестрѣлку и поспѣшили на помощь донскимъ казакамъ. Непріатель долженъ былъ бѣжать; уронъ, понесенный имъ въ этомъ дѣлѣ, значителенъ. Въ этой перестрѣлкѣ съ нашей стороны тяжело раненъ пулею въ грудь самъ полковникъ Сусловъ; контужены: сотникъ Пономаревъ,

хорунжій Гордѣевъ и одинъ казакъ. Изъ мирныхъ чеченцевъ одинъ всадникъ Старосунженскаго аула раненъ и двое взяты въ плѣнъ; ранены двѣ казачьи лошади. Непріятель оставилъ на мѣстѣ одно тѣло убитаго; по свѣдѣніямъ лазутчиковъ потеря его простиралась до четырехъ человѣкъ убитыми и болѣе двадцати ранеными.

Сусловъ не былъ забытъ въ столицѣ: тревога 2-го октября на Сунжѣ вызвала участіе со стороны такого лица, что онъ, вѣроятно, благословлялъ свою тяжелую рану. Вотъ что писалъ изъ Царскаго Села отъ 22-го октября военный министръ главнокомандующему кавказскою арміею:

«Милостивый государь князь Михаилъ Семеновичъ. Начальникъ лѣваго фланга кавказской линіи, рапортомъ отъ 7-го октября за № 282, донесъ, между прочимъ, о перестрѣлкѣ, бывшей 2-го октября близъ Старосунженскаго аула, въ которой полковникъ Сусловъ тяжело раненъ пулею въ грудь.

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу рапорта генералъ-маіора Нестерова, соизволилъ положить на ономъ слѣдующую резолюцію: «жалъ Суслова». О семъ Всемилостивѣйшемъ отзывѣ Его Императорскаго Величества долгомъ считаю. увѣдомить ваше сіятельство».

Помощникъ начальника главнаго штаба кавказской арміи, отъ 15-го ноября за № 1080, писалъ начальнику лѣваго фланга генералъ-маіору Нестерову:

«Г. военный министръ, въ отзывѣ отъ 22-го октября за № 11927, сообщилъ г. главнокомандующему, что по всеподданнѣйшему докладу Государю Императору рапорта вашего превосходительства отъ 7-го октября за № 282, о перестрѣлкѣ бывшей 2-го числа того же мѣсяца близъ Старосунженскаго аула, въ которой полковникъ Сусловъ тяжело раненъ пулею въ грудь, Его Величество изволилъ положить слѣдующую резолюцію: «жалъ Суслова».

«О Всемилостивѣйшемъ отзывѣ Его Императорскаго Величества сообщая вашему превосходительству для объявленія г. полковнику

Суслову, имѣю честь покорнѣйше просить васъ увѣдомить меня для доклада князю Михаилу Семеновичу—въ какомъ положеніи находится здоровье сего штабъ-офицера».

Вотъ на какой дорогѣ стоялъ штабъ-офицеръ безъ имени, безъ родословной (въ геральдическомъ смыслѣ), безъ связей, безъ протекціи. Въ его собственныхъ рукахъ была его дальнѣйшая карьера. Говорятъ, что фортуна одинъ разъ стучится къ человѣку: отъ него зависитъ впустить ее или не обратить вниманія на ея стукъ. Она три раза стучалась къ Суслову! Къ декабрю мѣсяцу Сусловъ нѣсколько оправился, но жестокія послѣдствія отъ тяжелой раны преслѣдовали его до гроба.

1-го октября, во второмъ часу пополудни, по дорогѣ отъ Хасавъ-юрта къ Сулаку, гарнизонъ чипчаковской башни опять увидѣлъ ту же стройную массу, которую провожалъ взорами 26-го іюля. Разница состояла въ томъ, что тогда было 200 человѣкъ, а теперь всего 150. Незадолго до заката солнца, 1-й дивизіонъ нижегородцевъ подошелъ къ лѣвому берегу Сулака, и только тутъ передъ нимъ открылся и правый высокій его берегъ, съ штабъ-квартирою полка. Она не имѣла въ это время года ни малѣйшаго сходства съ караваномъ верблюдовъ, взрывающимъ глубокіе пески пустыни; она отчетливо вырѣзывалась въ прозрачной атмосферѣ прелестнаго октябрьскаго вечера. Золъ, богъ вѣтровъ, имѣлъ обыкновеніе съ этой стороны запираť своихъ дѣтей на всю зиму, до первыхъ чиселъ мая; за то потомъ давалъ имъ такую волю, какою едва ли пользовались его дѣти въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Печальной и непривлекательной показалась намъ наша штабъ-квартира послѣ двухмѣсячнаго отсутствія. Названіе „Чиръ-юртъ“ слѣдовало бы сдѣлать нарицательнымъ именемъ для всего неуютнаго, унылаго, непригляднаго, еслибы съ нимъ не было связано великое историческое событіе. Въ офи-

ціальныхъ документахъ нашу штабъ-квартиру величали укрѣпленнымъ лагеремъ—лагеремъ, въ которомъ нѣтъ ни одной палатки; укрѣпленіемъ, которое не обнесено даже плетнемъ, какъ нѣкоторые чеченскіе аулы, не говоря уже о земляномъ валѣ или стѣнѣ. Неприступность нашей штабъ-квартиры заключалась вся въ воинственномъ духѣ и бдительности полка, всегда знавшаго о состояніи вѣренной его охранѣ линіи посредствомъ своихъ разъѣздовъ, довольно частыхъ днемъ и постоянныхъ ночью. За штабъ-квартирой, такъ далеко, какъ только глазъ можетъ достать, стлалась необозримая шамхальская равнина. Не будь притягательной силы земли, шаръ, пущенный по ней, такъ бы и докатился до Каспійскаго моря. Горизонтъ въ сторону равнины обширенъ; онъ можетъ, подобно морю, подкупить по-эта своею видимою безпредѣльностью, но эта безпредѣльность мертвая, нѣмая; этого нельзя назвать ландшафтомъ, это только грунтъ для ландшафта.

Все ближе и ближе подходили мы къ берегамъ Сулака; мы уже начинали прислушиваться къ его давно знакомому намъ шуму. Подъ этотъ шумъ, незамѣтно и безслѣдно, будутъ уходить въ вѣчность лучшіе годы нашей жизни. Направо показались горы. Онѣ не расprostерты съ подобострастіемъ на землѣ, какъ эта жалкая шамхальская равнина: онѣ стоятъ, имѣютъ бодрый видъ; глядя на нихъ и человекъ чувствуетъ себя бодрымъ. Мы переправились черезъ Сулакъ на правый родной намъ берегъ. Около нижнихъ уступовъ горъ уже носились сумерки, а на верхнихъ еще игралъ золотистый румянецъ заката, но и онъ, поднимаясь все выше и выше, съ уступа на уступъ, остановился на гребнѣ послѣдняго, самаго высокаго, погорѣлъ нѣсколько мгновеній и погасъ. На хубарскихъ высотахъ и вдоль хребта, который тянется вправо отъ Черкея, все еще бродили облака, отыскивая себѣ по ущельямъ удобнаго

пріюта для ночлега; андійскія высоты до самаго гребня занавѣсились на ночь туманами. Между передними уступами, покрытыми лѣсами, зіяла черная пропасть, только не вертикальная, какъ всѣ пропасти, а горизонтальная, такъ сказать опрокинутая: это сулакское ущелье. Оттуда, долго сдерживаемый горами, съ бѣшеной стремительностью выбѣгалъ Сулакъ и, обрадовавшись наконецъ свободѣ, съ дикимъ хохотомъ мчалъ свои волны къ пустыннымъ берегамъ Каспія. Нашу штабъ-квартиру можно было сравнить съ полуостровомъ, окруженнымъ съ трехъ сторонъ печальною, какъ окаменѣвшее море, равниною, и обращеннымъ съ четвертой къ живописному горному пейзажу.

Мы все ближе подходили къ Чиръ-юрту. Почти всѣмъ стемнѣло. Невѣрный свѣтъ сгустившихся сумерокъ, свѣтъ отъ воды въ Сулакѣ, свѣтъ отъ загоравшихся повсюду на небѣ звѣздъ позволилъ намъ различить по дорогѣ черную движущуюся массу. То была кавалькада: на встрѣчу къ намъ, изъ своей берлоги, какъ онъ самъ называлъ, выѣхалъ нашъ полковой командиръ, угрюмый, какъ всегда, и какъ всегда гуманный, мягкій, симпатичный. Его сопровождали офицеры, но далеко не всѣ: онъ не любилъ комедій, а обязательныя встрѣчи и проводы—тѣ же комедіи. Поровнявшись съ фронтомъ, онъ осадилъ коня. „Здорово, братцы!“ крикнулъ онъ звучнымъ густымъ басомъ. „Спасибо, что не ударили лицомъ въ грязь!“ Коротко и сильно. Дивизіонера онъ обнялъ насколько позволяло обниматься положеніе двухъ всадниковъ. Отъ стараго ли сардаря онъ перенималъ эту манеру благодарить, или самъ сознавалъ, что нѣмое объятіе краснорѣчивѣе всякихъ словъ? Каждому изъ офицеровъ онъ протянулъ свою мохнатую, широкую честную руку и просилъ всѣхъ насъ на другой день раздѣлить съ нимъ хлѣбъ-соль.

Мы въ Чиръ-юртѣ. Темнота ночи скрыла безобразіе

нашей штабъ-квартиры. Въ сѣренъкихъ, невзрачныхъ домикахъ изъ сырцоваго кирпича, съ ошетилившимися крышами, засвѣтились огоньки—и какъ будто привѣтливо; взвились кудреватыя струйки дыма изъ высокихъ, похожихъ на цилиндры карликовъ, трубъ; шумъ Сулажа напоминалъ шумъ Аргуна; отсутствіе деревьевъ напоминало обиліе лѣсовъ въ Чечнѣ. И вступила въ свою будничную колею наша монотонная, отшельническая жизнь, подъ яснымъ сводомъ почти никогда не хмуривагося неба, подъ говоръ волнъ всегда чѣмъ-то недовольной рѣки. И вспомнились невольно слова Батюшкова о суровой Финляндіи: „и здѣсь, какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастье“.

Наши тревоги душевныя унялись—въ особенности при сознаніи, что долгъ исполненъ честно. Но унялись ли онѣ у нашего противника, по отношенію къ которому мы исполняли этотъ долгъ—нельзя сказать утвердительно. Кромѣ исчисленныхъ уже происшествій, случившихся въ октябрѣ мѣсяцѣ на разныхъ пунктахъ лѣваго фланга, было свыше десяти другихъ, въ которыхъ чеченцы какъ бы силились вознаградить, на худой конецъ, хоть свои матеріальные убытки, но вездѣ успѣха не имѣли: въ ночь съ 4-го на 5-е октября, 10-го и 16-го октября ихъ нападенія у брагунскаго лѣса и возлѣ Старога-юрта были отражены; только 17-го числа имъ удалось отбить скотъ у жителей аула Новаго-юрта. Однако и тутъ имъ не вполне посчастливилось, потому что вся добыча была у нихъ отнята обратно. Происшествія на Терекѣ 9-го октября близъ ст. Калиновской, у поста Арнаутскаго, возлѣ хутора Балугева, 19-го октября въ ст. Николаевской, 28-го октября возлѣ поста Монастырскаго и невдали отъ шандруковской пристани и 29-го у Червленной станицы отличались тѣмъ же характеромъ и ничего выдающагося не представляли,

Вся природа отдыхаетъ. Человѣкъ окончилъ свои осеннія полевые работы, собралъ плоды, сложилъ запасы, вспахалъ и засѣялъ поля, уничтожилъ огнемъ старую негодную траву. Почему бы и ему не взять примѣръ съ природы и не отдохнуть до наступленія новаго земледѣльческаго года? Нѣтъ, его все продолжаютъ одолѣвать волненія, жажда сильныхъ ощущеній, добычи; онъ самъ не хочетъ отдохнуть, и сосѣду не даетъ покоя. Свойство его безпокойной натуры и стремленіе выместить свою злобу, горе и всѣ неудачи не даютъ ему сосредоточиться, насладиться радостями семейнаго очага, и гонять его изъ теплаго, уютнаго гнѣзда на дорогу опасностей и приключеній. Оттого-то и тревоги продолжались. 1-го ноября, возлѣ Балужева хутора, партія хищниковъ захватила до пятидесяти лошадей и исчезла, не понеся никакого возмездія; 2-го ноября, конная партія чеченцевъ, человѣкъ въ шестьдесятъ, въ пяти верстахъ отъ станицы Старогладковской взяла въ плѣнъ восемь человѣкъ нижнихъ чиновъ казскаго линейнаго № 9-го баталіона, ѣхавшихъ изъ Дубовской станицы, семь лошадей, пять паръ быковъ и по пути захватила двухъ мирныхъ чеченцевъ. Проѣзжая мимо Щедринской станицы, она услышала выстрѣлы на Терекѣ, бросила быковъ и начала поспѣшно переправляться между постами Растяжнымъ и Антиповскимъ. Вскорѣ на мѣсто переправы прибыли казаки постовъ Ключенскаго и Растяжнаго, съ сотникомъ Семенкинымъ, а вслѣдъ за нимъ и казаки Щедринской станицы. Чеченцы, послѣ сильной перестрѣлки, бѣжали, оставивъ на Терекѣ изъ числа плѣнныхъ четырехъ солдатъ, одного мирнаго чеченца и шесть лошадей. Казаки переправились черезъ Терекъ, опять нагнали партію у подошвы горы праваго берега рѣки и отбили еще трехъ солдатъ и пять лошадей. Чеченцы оставили здѣсь одного убитаго въ полномъ вооруженіи

и разсыпались въ разныя стороны. На терской кордонной линіи, близъ деревни большой Арешевки, 4-го ноября партія хищниковъ захватила табунъ въ триста лошадей, который однако былъ отбитъ назадъ.

Среди этихъ мелочей попадались и случаи довольно крупныя, носившіе характеръ нашихъ обычныхъ военныхъ предпріятій. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ въ половинѣ ноября. Генераль-маіоръ Нестеровъ, узнавъ отъ лазутчиковъ, что на полянахъ, по дорогѣ къ Тепли-Кичу, непокорными намъ чеченцами заготовлены значительныя запасы сѣна, приказалъ командиру кавказскаго линейнаго № 9 баталіона подполковнику Берсеневу взять повозки отъ войскъ, находящихся въ крѣпости Грозной, двинуться туда и забрать какъ можно больше сѣна для продовольствія артельныхъ лошадей тѣхъ частей войскъ, которыя не имѣютъ здѣсь заготовленнаго сѣна. 14-го ноября Берсеневъ выступилъ изъ Грозной съ ввѣреннымъ ему баталіономъ, одною ротою 15-го егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, двумя орудіями грозненскаго артиллерійскаго гарнизона и пятидесятью казаками донскаго № 39 полка, имѣя въ колоннѣ сто десять повозокъ. Съ приближеніемъ войскъ къ закрытымъ мѣстамъ начали показываться конныя и пѣшіе чеченцы, караулившіе сѣно, и встревожили ближайшіе хутора, расположенные на лѣсистыхъ берегахъ Аргуна. Подполковникъ Берсеневъ, продолжая подвигаться впередъ, открылъ наконецъ значительныя запасы сѣна. Не теряя времени, войска заняли лѣсъ, окружающій поляны. Съ непріателемъ завязалась живая перестрѣлка, и въ то же время начата была фуражировка. Набравъ сѣна на всѣ повозки, колонна предприняла обратное движеніе. Не смотря на закрытую мѣстность и на постоянно увеличивавшійся сборъ непріателя, поднятаго тревогой, войска въ совершенномъ порядкѣ продолжали вести съ

чеченцами бойкую перестрѣлку, и отражая нападенія горцевъ, нѣсколько разъ покушавшихся броситься въ пашки, вышли на открытую мѣстность. Непріятель долженъ былъ прекратить преслѣдованіе. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны ранены: кавказскаго линейнаго № 9 баталіона прапорщикъ Челюскинъ пулею въ подбородокъ, нижнихъ чиновъ трое; контужено нижнихъ чиновъ семь; ранена одна казачья лошадь. По показаніямъ лазутчиковъ, непріятель потерялъ трехъ убитыми и семь человекъ ранеными.

17-го ноября командующій войсками въ крѣпости Воздвиженской полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, съ двумя ротами 1-го баталіона егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, однимъ орудіемъ донской конно-артилерійской № 3 батареи и сотнею донскаго № 39 полка, захватилъ у непокорныхъ жителей малой Чечни сто восемь штукъ рогатаго скота. То же самое онъ повторилъ 23-го ноября въ малой Чечнѣ и 24-го числа въ большой Чечнѣ, потерявъ въ перестрѣлкахъ четырехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и нѣсколько убитыхъ лошадей. 17-го ноября, казаками поста Долгинскаго былъ предупрежденъ набѣгъ довольно сильной партіи чеченцевъ и того же числа временно командующій подвижнымъ резервомъ въ укрѣпленіи Куринскомъ войсковой старшина Баклановъ, выступивъ съ колонною за дровами, имѣлъ схватку съ преслѣдовавшимъ его на обратномъ пути непріателемъ. Если прибавить ко всему этому еще съ десятокъ подобнаго рода случаевъ на разныхъ пунктахъ Чечни и нашего кордона, то получится возможное представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ въ ноябрѣ 1848 года двухъ воюющихъ сторонъ.

Подошелъ декабрь. На лѣвомъ флангѣ установилась зима, не суровая, не русская, но все же зима, продолжающаяся недѣли двѣ-три; въ нагорныхъ округахъ Ичкеріи, Ауха и Чечни, а при обиліи снѣга и на плоскости, появ-

ляются сани. Вода въ нѣкоторыхъ маленькихъ рѣчкахъ вымерзаетъ, и черезъ Терекъ переправляются по льду. Секретамъ, ночнымъ карауламъ и даже разъѣздамъ бываетъ иногда жутко. Послѣ ряда происшествій и столкновений нашихъ войскъ съ непріятельскими партіями 6-го, 9-го, 12-го, 16-го, 19-го, 22-го, 25-го, 30-го и др. чиселъ декабря, ничѣмъ особенно не отличавшихся отъ ноябрьскихъ встрѣчъ, конецъ 1848-го года на лѣвомъ флангѣ ознаменовался довольно крупнымъ событіемъ, сохранившимся въ памяти одного лица, появлявшагося въ числѣ прочихъ на страницахъ этой лѣтописи. Воспоминанія о подобныхъ событіяхъ гораздо тяжеле отзываются на всей жизни человѣка, нежели рана, полученная Сусловымъ. У Суслова чувствовалась боль только при перемѣнѣ погоды, а тутъ ни въ какую погоду, ни въ какой часъ дня и ночи, никогда, даже во снѣ, боль не унимается.

Временно командовавшій войсками въ кумыкскомъ владѣніи, генеральнаго штаба полковникъ Веревкинъ, имѣя въ виду, что въ январѣ 1849 года одинъ баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка долженъ будетъ выступить въ Чечню для участія въ предполагавшейся тамъ зимней экспедиціи, испросилъ словесно разрѣшеніе начальника лѣваго фланга—до выступленія означеннаго баталіона сдѣлать поискъ во владѣніяхъ беспокойныхъ сосѣдей кумыкской плоскости и нанести имъ такой ударъ, чтобы въ послѣдствіи, когда уменьшится численность войскъ, которымъ ввѣрена охрана кумыкской плоскости, можно было тревожить непріятеля и удерживать его на своихъ мѣстахъ одними демонстраціями. Для достиженія этой цѣли Веревкинъ избралъ аулы: Махмудъ-юртъ, Бейкъ-Катаръ (правильнѣе Коотаръ) и Перки-Ханъ-Тала, которые расположены одинъ возлѣ другаго, на лѣвомъ берегу Яманъ-су, въ разстояніи болѣе двадцати пяти верстъ отъ Хасавъ-юр-

та, и имѣли въ общей сложности не менѣе четырехсотъ дворовъ.

Въ послѣднее время ауховцы, стараясь какъ можно дальше селиться отъ нашихъ предѣловъ, отъ тѣхъ мѣстностей, которыя слишкомъ доступны вторженіямъ нашихъ отрядовъ, покинули свои прежніе аулы и въ значительномъ числѣ расположились въ скрытныхъ мѣстахъ, хорошо защищенныхъ самою природою, между рѣками Яманъ-су и Аксаемъ, такъ что, для того, чтобы проникнуть къ ауламъ, которые предполагалось раззорить, приходилось оставить въ сторонѣ и позади себя десять ауловъ, которые всѣ вмѣстѣ насчитывали свыше пятисотъ дворовъ: Кану-Коотаръ тридцать дворовъ, Темиръ-Коотаръ тридцать, Бона-юртъ восемьдесятъ, Алхабатъ-Отаръ сорокъ, Ханъ-Коотаръ сто, Ата-Отаръ сорокъ, Бурту-Отаръ двадцать пять, Джантемиръ-Отаръ шестьдесятъ, Аташъ-юртъ восемьдесятъ и Алхасъ-Отаръ восемьдесятъ. Поэтому, овладѣвъ Махмуд-юртомъ съ прилегающими къ нему хуторами, отрядъ нашъ наносилъ ударъ въ самый центръ владѣній ауховцевъ. „Необходимо было доказать этому безпокойному племени, что ни дальность разстоянія, ни трудно доступныя мѣстности не укроютъ его отъ преслѣдованія нашихъ войскъ и отъ заслуженнаго имъ возмездія за безпрестанные набѣги“.

18-го декабря, въ одиннадцать часовъ ночи, въ урочищѣ Кокрекъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Яманъ-су пересѣкаетъ дорогу, ведущую изъ Хасавъ-юрта въ Герзель-аулъ, собранъ былъ отрядъ въ слѣдующемъ составѣ: егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка изъ Ташъ-Кичу, Куринскаго, Хасавъ-юрта и Внезапной тринадцать ротъ и стрѣлковая команда въ ротномъ составѣ; изъ Хасавъ-юрта и Куринскаго четыре орудія батареи № 3-го батареи; изъ Хасавъ-юрта, Герзель-аула, Куринскаго и

Карасу—восемь сотенъ донскихъ казачьихъ. №№ 20 и 40 полковъ.

Всѣ распоряженія по сбору войскъ дѣлались такъ скрытно, что никто изъ мирныхъ жителей не имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія. Въ тайну набѣга посвящены были только два проводника, на скромность которыхъ можно было положиться, потому что молчать было въ ихъ интересѣ. Войска подвигались въ величайшей тишинѣ, выступивъ со сборнаго пункта съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть къ мѣсту назначенія только на разсвѣтѣ. Для осмотра дороги и предупрежденія всякихъ случайностей, равно для снятія непріятельскихъ пикетовъ, въ головѣ колонны шла стрѣлковая команда, благодаря бдительности которой и знанію мѣстности проводниковъ, всѣ непріятельскіе караулы, а также и глубокій ровъ, вырытый верстахъ въ пяти отъ аула, на дорогѣ и безъ того затруднительной, были обойдены.

На разсвѣтѣ, казаки, подъ начальствомъ войскового старшины Бакланова, и стрѣлковая команда, подъ начальствомъ поручика Богдановича, ворвались въ аулъ Махмудъ-юртъ, застигнутый совершенно врасплохъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе жителей, они овладѣли имъ и окружили съ трехъ сторонъ; четвертую же, которая примыкала къ обрывистому и глубокому оврагу рѣки, оцѣнить было невозможно. Туда въ отчаяніи бросились спасавшіеся жители, но большею частью или разбивались при паденіи, или погибали настигнутые казаками. Мужественное сопротивление тѣхъ, которые рѣшились защищаться въ своихъ сакляхъ, также не спасло ихъ: всѣ они гибли подъ ударами нашихъ солдатъ и казаковъ; въ плѣнъ удалось взять только семь человѣкъ и въ числѣ ихъ извѣстнаго своимъ вреднымъ для насъ вліяніемъ абрека изъ казіюртовскихъ жителей Кирима Кабартыева.

По расчету времени и по соображенію обстоятельствъ, войскамъ нельзя было долго оставаться въ занятыхъ ими деревняхъ, такъ какъ всякое промедленіе повело бы къ увеличенію урона при обратномъ движеніи. Поэтому, истребивъ до тла Махмудъ-юртъ, предавъ пламени часть Беикъ-Катара и уничтоживъ все, что попало подъ руку въ Перки-Ханъ-Тала, полковникъ Вережкинъ сдѣлалъ необходимыя предварительныя распоряженія и далъ сигналъ къ отступленію.

При обратномъ движеніи отряда, части его распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ авангардѣ—1-я и 4-я карабинерныя, 3-я егерская и стрѣлковая роты егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, подъ командою капитана Краузе; въ правой цѣпи 2-я карабинерная, 4-я и 5-я егерскія роты, подъ начальствомъ капитана Цитовскаго; въ лѣвой—12-я егерская, 5-я карабинерная и 13-я егерская роты, подъ командою капитана Козенцова, и наконецъ въ арріергардѣ—весь 3-й баталіонъ подъ начальствомъ капитана Дяткова. Всею пѣхотою завѣдывалъ полковникъ Майдель.

При началѣ отступленія кавалеріи велѣно было держаться какъ можно ближе къ пѣхотѣ, съ тѣмъ, чтобы стремительно атаковать непріятеля, если онъ упорно будетъ преслѣдовать войска въ то время, какъ они будутъ проходить по ущелью.

Непріятель сначала значительными силами дѣйствовалъ противъ арріергарда, считая присутствіе въ немъ кавалеріи случайнымъ, временнымъ; но когда увидѣлъ, что она не покидаетъ своего мѣста, то понялъ ея намѣреніе и, опасаясь быть смятымъ съ минуты на минуту, бросилъ арріергардъ и обратился противъ лѣвой цѣпи, которую сильно началъ тѣснить. Полковникъ Майдель, лично распоряжавшійся въ арріергардѣ, и капитанъ Козенцовъ,

командовавший лѣвой цѣпью, усиленной впоследствии 3-ю егерскою ротой, заставили дорого поплатиться непріятеля за всѣ его покушенія разстроить эти части отряда. Бой былъ ожесточенный, какъ и слѣдовало ожидать: жители трехъ разоренныхъ ауловъ, пользовавшіеся репутаціею храбрыхъ между храбрыми ауховцами, считавшіеся кромѣ того лучшими стрѣлками въ цѣломъ обществѣ, оправдали въ этотъ день сложившееся объ нихъ мнѣніе. Они много замедляли своими отчаянными натисками обратное движеніе нашего отряда; къ нимъ присоединились по тревогѣ жители Баланъ-су, Беноя, Зандака и нѣкоторыхъ другихъ урочищъ этой густо населенной мѣстности. Въ числѣ участниковъ боя лазутчики называли также чеченцевъ съ Мичика, но этимъ, вѣроятно, они хотѣли польстить начальнику отряда: между Яманъ-су и р. Мичикомъ пять горныхъ кряжей, покрытыхъ съ трудомъ проходимыми лѣсами, поэтому даже присутствіе среди ауховцевъ жителей Беноя и Зандака представляется весьма мало вѣроятнымъ.

Такъ какъ непріятель не осмѣливался тревожить фронта колонны, и всѣ свои силы сосредоточилъ противъ лѣвой цѣпи, а самую незначительную лишь ихъ часть противъ арріергарда, то полковникъ Веревкинъ выслалъ кавалерію впередъ—занять перелѣсокъ и глубокій ровъ, которые ночью, при наступленіи, были обойдены войсками. Это была счастливая мысль, потому что въ то самое время, какъ казаки занимали указанную имъ позицію, впереди фронта показался ауховскій наибъ Идрисъ, прискакавшій на тревогу съ своей партіей и намѣревавшійся занять ту же позицію, съ тѣмъ, чтобы преградить войскамъ путь къ отступленію. Эта позиція, конечно, была бы взята: на то въ колоннѣ были кабардинцы, для которыхъ нѣтъ неприступныхъ мѣстностей,—но сколько благородной

крови пришлось бы пролить! Идрисъ нѣсколько разъ пытался овладѣть перелѣскомъ и оврагомъ, но безуспѣшно: разъ занявъ ихъ, казаки не хотѣли уступить. Черезъ ровъ немедленно устроена была дорога. Между тѣмъ арріергардъ и лѣвая цѣпь, которые показали себя достойными играть доставшуюся имъ въ этотъ день видную роль, которые дрались съ примѣрнымъ мужествомъ, вступали даже въ рукопашный бой, устраивали засады, гдѣ только позволяла мѣстность—присоединились наконецъ вмѣстѣ съ остальной колонной къ кавалеріи. Съ этого пункта непріятель уже не преслѣдовалъ отряда. Стихая мало по малу, бой прекратился у оврага.

Въ набѣгѣ 19-го декабря кабардинцы, т. е. офицеры и нижніе чины егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, не удивили полковника Веревкина своимъ поведеніемъ: онъ давно ихъ зналъ; о мужествѣ же и расторопности донскихъ казаковъ онъ также даетъ лестный отзывъ.

Въ ряду другихъ боевыхъ качествъ донскихъ казаковъ, нерасторопность изстари была больныхъ ихъ мѣстомъ; она какъ-то не вязалась съ ихъ испытаннымъ мужествомъ, и не разъ доказанною стойкостью и присутствіемъ духа. Особенно рѣзко бросалась въ глаза эта нерасторопность въ средѣ войскъ кавказской арміи, которая привыкла къ линейнымъ казакамъ, къ ихъ ловкости, поворотливости, лихому наѣздничеству, особенно въ одиночномъ бою. Нерасторопность донскихъ казаковъ не укрылась и отъ вниманія наблюдательныхъ горцевъ, которые пользовались ею при случаѣ и не всегда безъ успѣха. Но 20-й и 40-й полки, долго простоявшіе на кумыкской плоскости, успѣли отрѣшиться отъ этого капитальнаго для кавалериста недостатка. Время и безпрестанныя столкновенія съ горцами были хорошей для нихъ школой, и если въ

этомъ отношеніи они далеко еще остались позади линейныхъ казаковъ, за то, въ свою очередь, далеко оставили за собой остальные полки войска донскаго.

Набѣгъ полковника Веревкина, по его словамъ, былъ вполне удаченъ, но къ сожалѣнію стоилъ жертвъ: кабардинскій полкъ лишился капитана Козенцова, „храбраго и испытаннаго въ бояхъ на Кавказѣ“, и „не менѣе его достойнаго и всѣми уважаемаго“ штабсъ-капитана Качинскаго; оба они убиты пулями въ лѣвой цѣпи. Нижнихъ чиновъ убито восемь. Ранены: поручикъ Богдановичъ въ ногу легко; прапорщики—графъ Коскуль и Поздрачевъ довольно тяжело, также въ ноги; донскаго казачьяго № 40-го полка есаулъ Дьяконовъ легко въ руку. Нижнихъ чиновъ ранено сто одиннадцать; изъ нихъ поступило въ лазаретъ семьдесятъ шесть, а прочіе остались при ротахъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ Веревкину лазутчиками, потеря непріятеля весьма ощутительна: въ списокъ одиннадцати наиболѣе вліятельныхъ лицъ, убитыхъ или раненыхъ, стоятъ имена Махмудъ-Мизума, старшины раззоренныхъ деревень, и бѣжавшаго мирнаго кумыка абрега Сулейманъ-муллы. Рогатаго скота взято до трехсотъ штукъ. Жители долины Яманъ-су, по показаніямъ лазутчиковъ, лишились въ этомъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ наѣздниковъ, лучшихъ джигитовъ страны, слава о которыхъ гремѣла по всему Ауху.

Но самый важный результатъ, достигнутый набѣгомъ 19-го декабря, заключался въ томъ, что болѣе двухъ тысячъ дворовъ, считая въ томъ числѣ деревни, разбросанныя между Яманъ-су и Ярыкъ-су, окончательно убѣдились, что имъ ничего не остается теперь, чтобы избѣжать повторенія подобныхъ ужасовъ, какъ откочевать въ дальнія горныя мѣстности, или же спуститься на плоскость и примкнуть къ жителямъ мирныхъ ауловъ, стоящихъ на

сравнительно высокой степени благосостоянія и пользующихся гораздо большею безопасностью подъ защитою русскихъ укрѣпленій. Другой результатъ состоялъ въ томъ, что въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ во время зимней экспедиціи въ Чечнѣ, жителямъ непокорныхъ обществъ, окружавшихъ кумыкское владѣніе, не предстояла возможность увеличить собою контингентъ сборищъ великаго имамы: истребленіе Махмудъ-юрта, расположеннаго въ глубинѣ ауховскихъ владѣній, показало имъ, что русскихъ не останавятъ ни дальность разстоянія, ни неприступность мѣстности. Теперь малѣйшія движенія нашихъ отрядовъ должны будутъ вызывать съ ихъ стороны усиленіе карауловъ, порчу дорогъ, устройство засадъ, вообще такія мѣры, которыя требуютъ ихъ присутствія.

Набѣгъ 19-го декабря былъ послѣднимъ боевымъ актомъ нашихъ отрядовъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи въ 1848 году.

Убыль въ нашихъ рядахъ за весь годъ въ этомъ обширномъ районѣ убитыми, ранеными и контужеными, взятыми въ плѣнъ и безъ вѣсти пропавшими простирается до шести сотъ девяти человекъ. Въ томъ числѣ убитыми: штабъ и оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 54; ранеными и контужеными: штабъ и оберъ-офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 512; плѣнными штабъ и оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 9; безъ вѣсти пропавшимъ—одного нижняго чина. По временамъ года эта убыль распредѣляется слѣдующимъ образомъ: съ 1-го января по 9-е марта 182, съ 9-го марта по 12-е іюня 46, съ 12-го іюня по 10-е сентября 217, съ 10-го сентября по 31-е декабря 164.

Значительная убыль въ нашихъ рядахъ въ началѣ года падаетъ на войска чеченскаго отряда, продолжавшія заниматься вырубкой лѣсовъ въ малой Чечнѣ. Почтенныя же цифры урона лѣтомъ и въ четыре послѣдніе мѣсяца

объясняются двумя набѣгами полковника Веревкина: 24-го іюня на Ахметъ-Тала и 19-го декабря на Махмудъ-юртъ, въ которыхъ, въ общей сложности, было изъ строя двѣсти девяносто семь человѣкъ, — т. е. третья часть годовой убыли на всемъ лѣвомъ флангѣ кавказской линіи.

Два раза въ 1848 году Веревкинъ оставался временно командующимъ войсками въ кумыкскомъ владѣніи за отсутствіемъ настоящаго, и оба раза ауховцы, своимъ безпокойнымъ образомъ жизни, вызывали репрессивныя мѣры съ нашей стороны. Замѣчательно, что Веревкинъ въ своихъ донесеніяхъ старается избѣгать общепринятой, стереотипной фразы „по обстоятельствамъ края“; онъ приводитъ доводы, главное достоинство которыхъ заключается въ ихъ туманности, неопредѣленности. Изъ нихъ можно только понять, что онъ собирается наказать ауховцевъ за ихъ дерзкіе хищническіе набѣги. Спрашивается: кѣмъ производились набѣги въ той сторонѣ? Точно ли ауховцами? Всѣ, сколько нибудь значительныя партіи, появлявшіяся въ нашихъ предѣлахъ, выходили если не изъ Салатавіи, то непременно изъ за качкалыковского хребта, съ береговъ Мичика, Гонсаула, Гудермеса и Хулхулау, т. е. изъ большой Чечни, и въ очень рѣдкихъ случаяхъ изъ Ичкеріи.

Аухъ составлялъ одно изъ подраздѣленій большой чеченской семьи. Жители его отличались крайнею неразвитостью и ограниченностью, но были трудолюбивые, тихіе; на русскихъ они смотрѣли съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ съ радостью, какъ на полубоговъ, и если между ними выискивались такіе отчаянные витязи, которые отваживались заглядывать въ наши владѣнія, то это дѣлалось не иначе, какъ мелкими партіями въ пять шесть—и много въ десять человѣкъ, и непременно подъ предводительствомъ какого нибудь бѣглаго кумыка, который выговаривалъ се-

бѣ за это львиную часть изъ добычи, такъ какъ самихъ себя они не считали способными руководить такимъ страшнымъ дѣломъ, какъ набѣгъ на русское поселеніе. И такъ, не ауховцевъ слѣдуетъ наказывать за хищническіе набѣги на наши владѣнія. Но кого же? Въ Салатавію, Ичкерію, въ большую Чечню проникнуть съ четырнадцатью ротами нельзя: для этого четырнадцать баталіоновъ слишкомъ недостаточно. Остается Аухъ—почти ни въ чемъ неповинный, миролюбивый Аухъ: онъ и долженъ отвѣчать за грѣхи своихъ безпокойныхъ сильныхъ сосѣдей.

Для Веревкина набѣгъ 19-го декабря имѣлъ одно неотвратимое послѣдствіе, такъ что въ душѣ его, можетъ быть, шевельнулось раскаяніе: онъ лишился въ этомъ набѣгѣ того самаго К., который такъ обворожилъ его въ первый вечеръ ихъ встрѣчи своею шаловливою находчивостью, когда вдвоемъ, не говоря другъ другу ни слова, одинъ, прохаживаясь, какъ маятникъ, взадъ и впередъ во всю длину залы, другой, стоя у дверей въ почтительномъ ожиданіи, они знакомились между собой. Этотъ вечеръ былъ началомъ ихъ сближенія. Одинъ полюбилъ другаго, какъ младшаго брата, привязался къ нему всѣмъ существомъ своимъ, такъ какъ не имѣлъ другихъ привязанностей на землѣ. И вотъ, этотъ младшій братъ лежалъ теперь на повозкѣ, съ характеристической улыбкой смерти на лицѣ. Потеря эта пала удручающею тоскою на сердце Веревкина, и божій міръ сталъ пустъ для него. Впрочемъ, черезъ нѣсколько лѣтъ они встрѣтились... Послѣ нихъ прошло еще немного времени—и прекратились навсегда всякіе набѣги, поиски, рекогносцировки и все подобное прочее, характеризовавшее собою шестидесятилѣтнюю войну. Старая кавказская армія, такая же дорогая для Россіи, какъ старая гвардія для Наполеона, сошла со сцены, исполнивъ свое великое назначеніе. Ее смѣнила другая, по-

вая, а съ нею вмѣстѣ и новый, давно желанный мирный періодъ на Кавказѣ.

Какъ ни радостенъ и ни усладителенъ этотъ періодъ, а все жаль прошлаго, потому что среди своей суровости оно имѣло много дорогаго, заманчиваго, поучительнаго, которое два раза повториться не можетъ. И хорошо еще, что это поучительное, полезное, трудами участниковъ и очевидцевъ, или же, на ихъ глазахъ, трудами литературныхъ дѣятелей, своевременно переходитъ въ исторію какъ только-что пережитое, вполне свѣжее. Не было-бы этого, еслибы смѣнились два-три поколѣнія: тогда всему прошлому, драгоценному или привелось бы покоиться въ архивѣ, какъ въ могилѣ, или, при счастливыхъ для него запросахъ науки, хотя и явиться на свѣтъ божій, но въ сухой формѣ официальныхъ выписокъ и простыхъ канцелярскихъ извлеченій изъ журналовъ военныхъ дѣйствій.

Спасибо тебѣ, все наше поучительное прошлое, и миръ праху твоему, доброе старое время!

К.

26-го августа 1884 года.

